Цѣна 1 р. 25 к.

...1.

...льтурно-историческая библіотека
подъ редакціей
Исторической комиссіи
...чебнаго отдѣла О-ва распространенія технич. знаній.

И. М. Соловьевъ.

Русскіе Университеты

въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ.

Выпускъ первый:

Университеты до эпохи шестидесятыхъ годовъ.

1914.

Книгоиздательство типо-литографіи „Энергія".
С.-Петербургъ, Загородный просп., 17.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

И. М. Соловьевъ.

РУССКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

Университеты до эпохи шестидесятыхъ годовъ.

Книгоиздательство типо-литографіи „Энергія".
С.-Петербургъ, Загородный просп., 17.

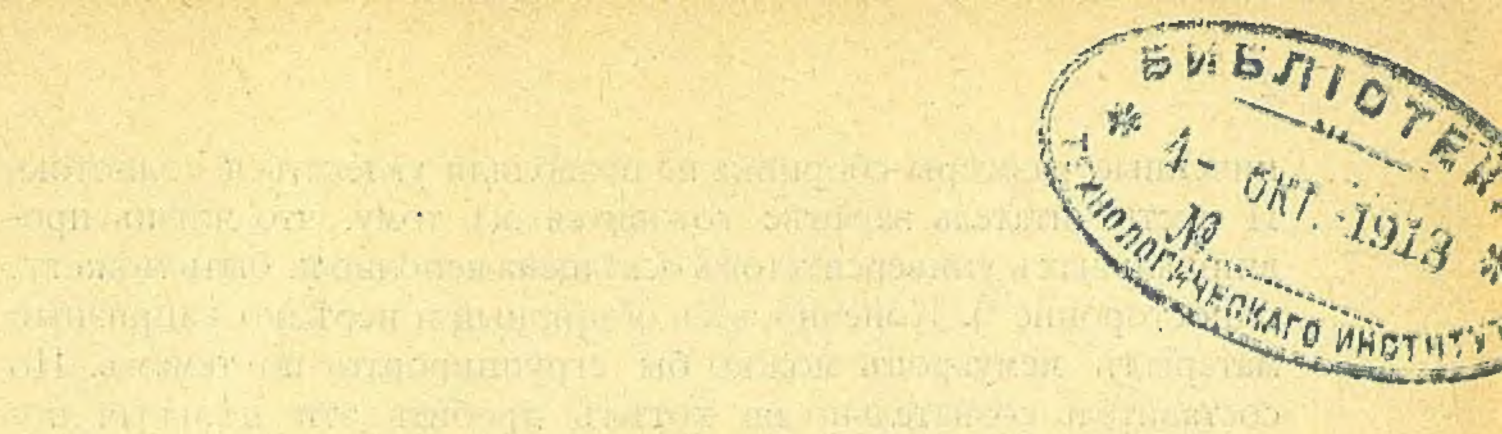

Типо-Литографія „Энергія".
Спб., Загородный просп., 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
стр. 115 и 128	Голохвостовъ	Голохвастовъ
„ 121, строка 6 снизу.	у нихъ	у насъ

Отъ составителя.

Цѣль настоящаго сборника — вскрыть предъ читателемъ строй и внутреннюю жизнь нашихъ университетовъ. Непосредственные документы — офиціальные источники или частные мемуары—всегда ярче освѣщаютъ прошлое, чѣмъ отдаленное, хотя бы и безпристрастное повѣствованіе историка. Университетскіе уставы детально рисуютъ намъ самый status высшей школы, какъ онъ намѣченъ законодателемъ. Но эти уставы отнюдь не предопредѣляли нормальнаго развитія академической жизни. Послѣдняя издавна была опутана и сдавлена всяческими инструкціями и циркулярами, совершенно извращавшими духъ устава. Широко понимаемое «усмотрѣніе», приспособленное къ тѣмъ или инымъ «видамъ правительства», властно царило надъ нашими университетами, грубо посягая какъ на свободу научнаго изслѣдованія, такъ и на свободу преподаванія. Составитель считалъ поэтому себя въ правѣ, наряду съ уставами, привести въ сборникѣ хотя бы наиболѣе характерные инструкціи и циркуляры, а также тѣ рѣчи и записки, которыми представители власти комментировали свою административную дѣятельность.

Воспоминанія современниковъ составляютъ центральную часть сборника. Предъ читателемъ проходитъ смѣна поколѣній, идейно выростающихъ въ нѣдрахъ академіи, отъ нея ведущихъ свою умственную и нравственную генеалогію. Эти непосредственныя признанія, сохранившія много интимныхъ сторонъ университетской среды, наглядно покажутъ читателю, чѣмъ были наши университеты для выдающихся и просто рядовыхъ русскихъ людей, съ какимъ зарядомъ мыслей и настроеній они разставались съ своей alma mater, и какъ могли сохранить душу живу въ гнетущихъ условіяхъ русской дѣйствительности. Такихъ мемуаровъ разбросано не мало на страницахъ старыхъ журналовъ, и собрать ихъ во-едино—задача очень благодарная. Но при этомъ всегда возможно упрекнуть составителя въ томъ или иномъ произвольномъ ихъ подборѣ, тѣмъ болѣе что огра-

ниченные размѣры сборника не позволяли увлекаться полнотою. И пусть читатель заранѣе готовится къ тому, что жизнь провинціальныхъ университетовъ освѣщена неполно и, быть можетъ, односторонне [1]). Конечно, весь обширный и нерѣдко капризный матеріалъ мемуаровъ можно бы сгруппировать по темамъ. Но составитель сознательно не хотѣлъ дробить эти цѣльныя по-своему воспоминанія, чтобы они не утратили своей естественности и непроизвольности: пусть ярче чувствуется личность разсказчика—въ этомъ особая прелесть мемуаровъ... Конечно, неизбѣжны были пропуски, сокращенія...

Еще одно замѣчаніе. Включено не мало воспоминаній лицъ средних, ничѣмъ крупнымъ не заявившихъ о себѣ въ послѣдующей жизни. Да, эти лица не могли оставить намъ яркихъ, художественныхъ страницъ о прошломъ, пережитомъ, какъ сдѣлали это—Герценъ, Тургеневъ, Пироговъ, Буслаевъ,—но зато по ихъ мало претенціознымъ признаніямъ можно легко судить о томъ вліяніи, какое оказывалъ университетъ на рядовыхъ слушателей, на ту массу, которая въ жизни тоже что-то совершаетъ.

Вступительный очеркъ составителя лишь въ сжатыхъ чертахъ намѣчаетъ исторію развитія университетовъ.

Москва.
5-го іюня 1913 г.

---

[1]) Размѣры сборника не позволили включить воспоминанія о дѣятельности дерптскихъ профессоровъ. Для виленскаго университета заранѣе приходится отослать читателя къ богатой по содержанію, хотя и односторонней, статьѣ *С. Бархатцева* „Изъ исторіи виленскаго учебнаго округа“, *Русскій архивъ, 1874 г., т. I* (стр. 1149—1262).

Судьбы русскихъ университетовъ.

Первымъ нашимъ университетомъ великій поэтъ прозорливо назвалъ Ломоносова. Геніальный ученый, труды котораго только недавно получили надлежащую оцѣнку, самъ ясно сознавалъ этотъ свой заслуженный пріоритетъ, и притомъ далеко не только въ исторіи русской науки. „Ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ. Я самъ не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать". Но утверждая это, Ломоносовъ понималъ и то, что его дѣло, у насъ въ Россіи, роковымъ образомъ обречено на гибель, что его ученыя открытія не будутъ поняты и поддержаны его соотечественниками, гдѣ еще совсѣмъ не упрочена научная традиція, въ средѣ которыхъ еще нужно было защищать самое науку. За нѣсколько дней до своей смерти онъ говорилъ своему другу академику Штелину: „Чувствую, что скоро умру. На смерть смотрю совершенно спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить того, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и чести академіи. Къ сожалѣнію, вижу теперь, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною". И эти опасенія пророчески сбылись: научные труды Ломоносова въ области наукъ физическихъ цѣлыхъ полтораста лѣтъ пролежали въ архивахъ Академіи наукъ, не получивъ своего естественнаго развитія въ исторіи науки. Ученому міру они предъявлены только въ наши дни, имѣя цѣну рѣдкой исторической новинки [1]).

Понятно, что Ломоносова не могли не волновать вопросы просвѣщенія въ Россіи, и не случайно его имя органически сплелось съ исторіей нашего перваго университета. Съ неослабѣваемой энергіей распространяя просвѣщеніе въ своей невѣжественной родинѣ, съ пыломъ страстнаго борца сражаясь съ „непрія-

---

[1]) Menschutkin und Speter: „Physikalisch—chemische Abhandlungen M. W. Lomonosows" (178 вып. Ostwalds Klassiker der exacten Wissenschaften). Leipzig, 1910.

телями наукъ россiйскихъ", онъ, конечно, особенно остро сознавалъ нужду въ этомъ разсадникѣ просвѣщенiя.

Несомнѣнно, многiя мысли Ломоносова легли въ основу шуваловскаго проекта и затѣмъ устава московскаго университета, утвержденнаго 12 января 1755 г. По словамъ Тимковскаго, составляя съ Шуваловымъ этотъ проектъ, Ломоносовъ „много упорствовалъ въ своихъ мнѣнiяхъ и хотѣлъ вполнѣ удержать образецъ лейденскаго съ несовмѣстными вольностями".

Изъ приведеннаго ниже письма его къ Шувалову узнаемъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть „планъ, имъ сочиненный", многозначительно добавляя, что въ данномъ случаѣ очень не безполезенъ будетъ совѣтъ тѣхъ, кто „университеты видали и въ нихъ нѣсколько лѣтъ поучались, такъ что ихъ учрежденiя, узаконенiя, обряды и обыкновенiя въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются". И затѣмъ онъ совѣтуетъ своему влiятельному патрону сразу же установить постоянный планъ университета съ опредѣленными штатами профессоровъ, излишекъ же суммъ на первыхъ порахъ употреблять на библiотеку. Проектированные Ломоносовымъ три факультета—юридическiй, медицинскiй и философскiй (послѣднiй съ физикою въ качествѣ основного предмета)—дѣйствительно и вошли въ составъ университета, а при немъ была учреждена гимназiя, какъ проектировалъ и Ломоносовъ, такъ какъ безъ нея „университетъ, какъ пашня безъ сѣмени".

По университетскому вопросу Ломоносовъ высказывался и раньше, когда учреждались гимназiя и университетъ при Академiи наукъ. Когда осенью 1748 г. въ историческомъ собранiи при Академiи наукъ разсматривался составленный ея канцелярiей университетскiй регламентъ, то Ломоносовъ писалъ секретарю этого собранiя Тредьяковскому: „Не худо, чтобы университетъ и академiя имѣли по примѣру иностранныхъ какiя-нибудь вольности, а особливо чтобы они освобождены были отъ полицейскихъ должностей".

А въ „Прибавленiи къ моему мнѣнiю объ университетскомъ регламентѣ" онъ предлагаетъ всѣхъ студентовъ раздѣлить на три класса: „перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекцiи для того, чтобы имѣть понятiе о всѣхъ наукахъ и чтобы всякiй могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ. Второго класса студенты ходить должны на лекцiи только того класса, въ которомъ ихъ наука. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ".

Сдѣлавшись съ 1758 г. завѣдующимъ учеными и учебными учрежденіями Академіи наукъ, Ломоносовъ дѣятельно принимается за ихъ улучшеніе: увеличиваетъ втрое количество учащихся въ гимназіи, гдѣ ихъ было меньше, чѣмъ въ университетѣ, предлагаетъ профессорамъ составлять краткіе конспекты своихъ лекцій, а главное—принимается за выработку опредѣленнаго status'а академическаго университета, находя, что „при академіи наукъ не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно". Онъ настойчиво хлопоталъ, чтобы университету были дарованы опредѣленныя привилегіи или вольности, состоящія въ томъ, чтобы университетъ „имѣлъ власть производить въ градусы", т. е. давать ученыя степени, чтобы съ него были сняты „полицейскія тягости", чтобы „студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ академію" и, наконецъ, чтобы „духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особенно не ругать наукъ въ проповѣдяхъ".

Также и академія, по его убѣжденію, „сама имѣетъ власть давать внутри своего правленія между своими судъ и расправу".

Какъ видимъ, въ сознаніи нашего академика высшая школа представлялась какъ учрежденіе не бюрократическое, а автономное, съ особыми научными и общественными правами.

„Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ,—писалъ онъ Шувалову,—чтобы привести въ вожделѣнное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти безчисленные Ломоносовы".

Университетъ созданъ: 12 января 1755 года навсегда останется культурно-научною гранью въ исторіи русскаго народа. Каковы же были тѣ основы, на которыхъ построенъ первый университетскій уставъ? Какъ поняты законодателемъ его права и привилегіи, и соотвѣтствовалъ ли его духъ культурному развитію русскаго общества половины XVIII вѣка?

Въ новый университетъ его создатели вложили здоровыя традиціи нѣмецкихъ университетовъ, на которые такъ любилъ всегда ссылаться Ломоносовъ. Московскій университетъ сразу же былъ поставленъ внѣ зависимости отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и властей; онъ непосредственно подчиненъ лишь сенату; у него былъ свой привилегированный судъ какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ. Назначаемый верховною властью кураторъ, въ первые годы обыкновенно изъ видныхъ вельможъ, былъ скорѣе заступникомъ и ходатаемъ о нуждахъ университета передъ престоломъ, а не политическимъ опекуномъ, какимъ впослѣдствіи сталъ попечитель учебнаго округа, властно вмѣшивающійся во внутреннюю жизнь университета. Всѣ слу-

жащіе въ университетѣ освобождены отъ всякихъ полицейскихъ повинностей, отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ сборовъ.

Но все же профессорская корпорація имѣла во главѣ назначеннаго директора, который одинъ вѣдаетъ университетскія дѣла, совѣтуясь съ профессорами лишь по устройству учебной части и по суду надъ студентами, причемъ всякія недоразумѣнія въ данныхъ случаяхъ разрѣшались кураторомъ. Самый характеръ лекцій подлежалъ косвенному контролю со стороны „профессорскаго собранія": только съ разрѣшенія послѣдняго могла быть установлена „система" преподаванія или тотъ авторъ, по которому „предлагается наука". Кромѣ своихъ обязательныхъ лекцій собственно для студентовъ, профессоръ могъ объявлять и публичные курсы; тѣмъ самымъ вліяніе университетскаго преподаванія расширялось и могло имѣть значеніе болѣе общественное.

Учреждаемый въ Москвѣ, въ центрѣ служилаго дворянства, университетъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ удовлетворять просвѣтительныя нужды и разночинцевъ и даже, какъ гласятъ §§ 26—27, вольноотпущенныхъ крѣпостныхъ. Причемъ, добровольно обучивъ своего крѣпостного въ гимназіи и университетѣ, помѣщикъ заранѣе уже лишался права снова взять его и превратить въ свою рабочую силу: получивши, по волѣ своего прежняго господина, высшее образованіе, крѣпостной дѣлался свободнымъ, могъ быть опредѣленъ „въ службу Государеву или на вольное пропитаніе" и „никакимъ образомъ никто его въ холопство привести не можетъ".

Такимъ образомъ университетъ былъ признанъ учрежденіемъ безсословнымъ. Но это не мѣшало находящіяся въ вѣдѣніи его двѣ гимназіи рѣзко обособить—одна предназначалась исключительно для дворянъ, другая—для разночинцевъ. Лишь „у вышнихъ наукъ", „чтобъ тѣмъ болѣе дать поощренія къ прилежному ученію"—сословія объединялись въ общую товарищескую среду.

Но нужно было показать обществу, что обученіе въ высшей школѣ даетъ осязательную выгоду. Студенческая шпага являлась символомъ того, что это обученіе уже есть своего рода служба, студенты знали, что по окончаніи получатъ оберъ-офицерскій чинъ, будутъ имѣть преимущество при опредѣленіи на службу. Но и самое обученіе было вдохновляемо принципомъ взаимнаго соревнованія: публичные диспуты, къ которымъ обыкновенно заранѣе подготовлялись, отличія выдающихся студентовъ—служили естественнымъ поощреніемъ.

Въ ближайшіе годы университетъ получилъ новыя права. Указомъ 5-го марта 1756 года, снова подтверждающимъ зависимость университета только отъ Правительствующаго сената, предоставляется университету учредить типографію и книжную лавку для печатанія и продажи сочиненій и переводовъ университетскихъ писателей. Вскорѣ же—26 апрѣля 1756 г.—вышелъ первый нумеръ издававшейся при университетѣ газеты „Московскія Вѣдомости". Такимъ образомъ русское книгоиздательство и наша періодическая печать органически примыкаютъ къ своему просвѣтительному центру и затѣмъ въ энергичныхъ рукахъ новой общественной силы—кружка Новикова и Шварца—заявляютъ о себѣ, какъ независимомъ создающемся русскомъ общественномъ мнѣніи.

Уставъ 12 января 1755 года вплоть до александровыхъ дней остается регулирующимъ университетскую жизнь закономъ. Но прежде чѣмъ перейти къ новому уставу, не лишне остановиться на одномъ историческомъ документѣ, направленномъ въ сенатъ и, повидимому, тамъ и похороненномъ. Мы имѣемъ въ виду „Мнѣніе объ учрежденіи и содержаніи Императорскаго Университета и Гимназіи въ Москвѣ", подписанное семью профессорами—Керштенсомъ, Барсовымъ, Ростомъ, Рейхелемъ, Шаденомъ, Лангеромъ и Еразмусомъ [1]).

Вызванное указомъ 29 ноября 1765 года, чтобы профессора написали свое „мнѣніе о учрежденіи и содержаніи Московскаго Университета", оно вскрываетъ намъ характерные взгляды современной профессорской среды, ея недовольство и пожеланія. Прежде всего они отклоняютъ отъ себя упреки въ томъ, будто университетъ не принесъ государству ожидаемой пользы. Самая постановка учебнаго дѣла въ немъ должна быть такова, чтобы науки были больше сближены съ потребностями жизни. Въ ихъ планѣ и подчеркивается связь четырехъ проектируемыхъ факультетовъ съ будущей профессіей студентовъ. Напримѣръ, на „философическомъ" факультетѣ, „самомъ обширнѣйшемъ" — „должно показывать основанія камерныхъ, коммерческихъ, полицейскихъ, горныхъ и мануфактурныхъ дѣлъ и студентовъ теоретически и практически руководствовать, какимъ образомъ они... силы государства сохранять, умножать и оными пользоваться... и богатства по всѣмъ состояніямъ государства распространять должны". Авторы настаиваютъ, чтобы вмѣсто директора былъ проректоръ изъ профессоровъ, а почетнымъ ректоромъ—

---

[1]) См. „Чтенія въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ" 1875 г., кн. II.

наслѣдникъ престола. Директоръ же, „не будучи собственно изъ ученаго состоянія... будетъ оному больше препятствовать, нежели спѣшествовать: человѣкъ мало смыслящій смотритъ чужими глазами, принимаетъ отъ всякаго совѣты, и еще можетъ быть самые худшіе изъ оныхъ производитъ въ дѣйство". Только конференція изъ ординарныхъ профессоровъ приглашаетъ новыхъ лицъ на „порожнія мѣста", такъ какъ только послѣдніе могутъ хорошо знать „заслуженныхъ мужей въ ученой республикѣ". Но больше всего составителей этого мнѣнія занимаетъ вопросъ экономическій — наилучшее обезпеченіе университета.

„Припадая къ стопамъ" Ея Имп. Вел., профессора „дерзаютъ представить, что деревни, по близости отъ Москвы состоящія, были бы для университета наиполезнѣе на нынѣшнія и будущія времена". Причемъ не канцелярія, а сами профессора непосредственно могли бы завѣдывать новымъ университетскимъ хозяйствомъ, улучшая его, производя соотвѣтствующіе опыты и вѣрнѣе эксплоатируя натуральное хозяйство (тканье и бѣленіе холста, бумажная мельница для типографіи и пр.). Очевидно, духъ времени, проникнутый крѣпостническими тенденціями, не могъ не коснуться и академическихъ сферъ.

Александровская эпоха, ознаменованная либеральными вѣяніями и духомъ гуманности, созданіемъ министерствъ приведя въ систему центральные административные органы — создала новый уставъ, утвержденный 5 ноября 1804 года. Многими чертами напоминаетъ онъ академическую организацію германскихъ университетовъ, такъ какъ его создатели считались съ мнѣніями иностранныхъ авторитетовъ—Брандесомъ и Мейнерсомъ. Каждый изъ университетовъ, какъ московскій, такъ и вновь учрежденные—харьковскій, казанскій, дерптскій и виленскій—является центромъ управленія цѣлаго учебнаго округа; онъ получаетъ право назначать и увольнять учителей, представлять къ назначенію министромъ директоровъ гимназіи, дѣлать черезъ посредство профессоровъ ревизіи подвѣдомственныхъ ему школъ. Для завѣдыванія послѣдними учреждается особый училищный совѣтъ, въ составѣ ректора и выбранныхъ совѣтомъ ординарныхъ профессоровъ. Такимъ образомъ для цѣлаго края университетъ является просвѣтительно-административнымъ центромъ, отъ котораго зависитъ процвѣтаніе народнаго образованія. Жившій въ Петербургѣ попечитель, какъ членъ „главнаго правленія училищъ", утверждая главнѣйшія постановленія совѣта, не могъ входить въ детали внутренней академической жизни, которая и была предоставлена широко

понятой самостоятельности. Строй университетовъ основывается на коллегіальной формѣ управленія, на широкой автономіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся университетскаго быта. Совѣты изъ заслуженныхъ и ординарныхъ профессоровъ съ выборнымъ ректоромъ во главѣ—вотъ та своя внутренняя сила, направляющая академическую жизнь: онъ—„высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ" (§ 48), онъ избираетъ профессоровъ и почетныхъ членовъ, улучшаетъ университетское преподаваніе, вводя новые или дополнительные курсы. Уставъ не забываетъ того, что самъ университетъ есть прежде всего „вышнее ученое сословіе", почему и рекомендуетъ устраивать ежемѣсячныя собранія профессоровъ, гдѣ спеціально „разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ" (§ 55). Университетская коллегія сама избираетъ новыхъ достойныхъ членовъ, и уставъ гарантируетъ свободу выборовъ (§§ 60—61). Цензура книгъ, выходящихъ въ округѣ, лежитъ на отвѣтственности профессоровъ, но сами профессора пользуются правомъ безцензурнаго полученія заграничныхъ изданій.

Открывая свои двери всѣмъ сословіямъ, всѣмъ желающимъ учиться, университетъ учреждаетъ свои вступительные экзамены или основывается на гимназическихъ аттестатахъ.

„Университетъ снабженъ былъ весьма обширною гражданскою и уголовною юрисдикціей надъ студентами и чинами, принадлежащими къ университетскому управленію. Въ дѣлахъ гражданскихъ университетъ разбиралъ всѣ тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ; въ уголовныхъ дѣлахъ самъ производилъ слѣдствія и посылалъ своего синдика засѣдать въ судѣ, въ качествѣ депутата. Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, т.-е. о преступленіяхъ противъ университетскаго благочинія и порядка, университетъ самъ налагалъ на виновнаго разныя взысканія, причемъ ректоръ имѣлъ право приговаривать студента къ трехдневному заключенію въ карцерѣ, правленіе—къ 14-дневному, а совѣтъ составлялъ высшую и послѣднюю инстанцію, присуждавшую виновнаго даже къ исключенію изъ университета. Жалобы на университетскій судъ подлежали въ аппеляціонномъ порядкѣ внесенію въ сенатъ". [1]).

Читатель видитъ, что уставъ 1804 года взялъ подъ свою защиту развитіе русской науки, бережно довѣривъ ее не чинов-

---

[1]) Б. Глинскій. Университетскіе уставы (*Историческій Вѣстникъ* *1900 г., январь*).

никамъ, а самимъ русскимъ ученымъ, объединеннымъ въ самоуправляющуюся коллегію. Онъ умѣло сочеталъ интересы самой науки и ея служителей и самъ по себѣ могъ гарантировать странѣ успѣхи высшаго преподаванія.

Но нужно сказать, что замыслы передовыхъ людей александровской эпохи шли дальше, рисовали настолько заманчивые планы, что не вѣрится, что они могли зародиться въ началѣ минувшаго вѣка. Скорѣе это перспективы будущаго, для Россіи едва ли даже близкаго. Таково знаменитое „Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ“, принадлежащее основателю послѣдняго В. Н. Каразину. Находя, что въ Россіи удобнѣе создавать нѣчто новое, а не только исправлять старое, уже усвоенное Европой, онъ мечталъ о новомъ грандіозномъ университетѣ, о всеучилищѣ, которое могло бы вмѣстить въ себѣ различныя спеціальныя академіи (наукъ, искусствъ, военную, инженерную, духовную), университеты и низшія провинціальныя школы. По его проекту, вмѣсто 4 факультетовъ, университетъ долженъ состоять изъ девяти отдѣленій: 1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености; 9) изящныхъ художествъ; кромѣ того, для низшихъ классовъ — училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій [1]). Представители различныхъ знаній, совмѣстно разрабатывая науки и искусства, — граждане единаго университетскаго городка—это новое общество стояло бы въ центрѣ русской культуры, русскаго творчества, внося кругомъ свѣтъ и истину.

Понятно, что крѣпостная Россія александровской поры, Россія, которой предстояло еще пережить всѣ ужасы николаевскаго режима,—не только не могла вмѣстить эти мечты пламеннаго гражданина, она не могла просто опереться на свои уже утвержденные законы. Университетскій уставъ 1804 г. фактически оставался мертвой буквой.

Тотъ же Каразинъ, вызвавшій своимъ героическимъ энтузіазмомъ обширный потокъ пожертвованій въ средѣ жителей слободской Украйны, долженъ былъ, потерявъ довѣріе у императора Александра, писать отчаянныя письма Кочубею и самому императору, чтобы разрѣшили, наконецъ, открыть университетъ, съ которымъ онъ связалъ свое имя. Какой мстительной волокитѣ и униженію подвергнуты были его просьбы и настоянія! Вотъ одно изъ его писемъ къ Кочубею: „Я пишу, какъ отчаянный

---

[1]) *Д. Багалѣй.* Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I, стр. 61.

человѣкъ; простите меня, ради Бога! Посрамленіе навѣки предъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще больше прежняго, укоризны и клятвы оскорбленной чести многихъ сотенъ дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобы быть предметомъ всеобщаго посмѣянія,— все это ожидаетъ меня! Унылое мое состояніе умножается еще мыслью, что надолго будетъ упущенъ случай оживить дѣятельность въ странѣ—плодородной и способнѣйшей къ заведеніямъ всякаго рода, но понынѣ, со всѣмъ изобиліемъ своимъ, мало полезной для Россіи. Скажу болѣе: навѣки, можетъ быть, потерянъ будетъ случай, самый рѣдкій, произвести въ россійскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія; и—увы!—самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ людей, къ сему клонящіяся, суть не что иное, какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобы быть осмѣяннымъ и угнетеннымъ“ [1]).

Чрезвычайно характерна для противорѣчій русской дѣйствительности и исторія открытія казанскаго университета. Учрежденный въ 1804 г., онъ цѣлыхъ десять лѣтъ не могъ пользоваться своимъ уставомъ, а когда профессора, подчиненные власти директора гимназіи Яковкина, вступались за свои права, ссылаясь на уставъ, это разсматривалось, какъ бунтъ противъ властей, и трое изъ профессоровъ были уволены. „Въ Казани вошла въ силу неслыханная комбинація учебныхъ учрежденій: не гимназія должна была состоять при университетѣ, а университетъ—при гимназіи и въ полной подчиненной зависимости отъ гимназическаго начальства! Такъ, первый же шагъ при образованіи университета въ Казани ознаменовался произвольнымъ нарушеніемъ закона... Келейно, съ комическимъ опасеніемъ огласки, точно какой-то незаконный плодъ получилъ казанскій университетъ свое офиціальное крещеніе“ [2]).

Несомнѣнно, все же, вплоть до двѣнадцатаго года, въ эпоху созданія новыхъ университетовъ и провозглашенія либеральнаго устава, мы замѣчаемъ подъемъ и оживленіе въ академической жизни, чему много способствовало приглашеніе иностранныхъ профессоровъ. Они принесли съ собою научную традицію культурныхъ странъ и воспитанное вѣками академическое сознаніе ученыхъ работниковъ. Таковы, напримѣръ, изъ харьковскихъ профессоровъ—послѣдователь Винкельмана и Гейне проф. Марбургскаго университета Роммель, философъ Шадъ, Гизе,

---

[1]) *Русская Старина 1875 г., сентябрь.*

[2]) *Кизеветтеръ.* Историческіе очерки, стр. 160.

Пильгеръ, Дрейсигъ; таковы казанскіе—Германъ, Цеплинъ, Фуксъ.

Но уже двѣнадцатый годъ, вызвавъ національный подъемъ, гибельно отозвался на этихъ иностранныхъ профессорахъ: имъ не довѣряла офиціальная власть, противъ нихъ были настроены иные общественные элементы. Съ этой поры правительство беретъ новый опредѣленный курсъ по отношенію къ наукѣ и западному просвѣщенію вообще. Наступаетъ эпоха мистическихъ увлеченій и реакціоннаго разгула, направленнаго на искорененіе нѣжныхъ ростковъ зарожденной самостоятельной научной мысли.

Вѣра и знаніе, религія и наука вступили въ конфликтъ, и поддержанная чиновными обскурантами, извращенная въ своихъ здоровыхъ началахъ религія готовилась торжествовать надъ наукой. Эта борьба лишена была средневѣковой искренности и простоты, не было здѣсь и наивнаго фанатизма, чѣмъ сильны были средневѣковые обскуранты. Религіей прикрывался страхъ предъ просвѣщеніемъ, какъ великой освободительной силой, фанатизмъ подмѣнялся лицемѣріемъ и опредѣленнымъ политическимъ расчетомъ. Это была властная реакція противъ политическаго либерализма и религіознаго вольнодумства, какъ они опредѣлились на Западѣ къ концу XVIII вѣка, а отраженнымъ образомъ и у насъ.

Вартбургскія событія и строгія мѣры, примѣненныя къ германскимъ университетамъ послѣ убійства Коцебу карлсбадской конференціей, откликнулись у насъ въ видѣ грубаго разгрома „очаговъ невѣрія и революцій".

Почва къ самобытнымъ методамъ воздѣйствія на высшую школу была уже достаточно подготовлена, оставалось дѣйствовать—и чѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ лучше. И эту задачу взяло на себя объединенное министерство—Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія—министерство кн. Голицына, нашедшее въ Руничѣ и Магницкомъ ловкихъ и рьяныхъ исполнителей. Носились слухи, что университеты въ Россіи доживаютъ послѣдніе дни, что эксперименты Магницкаго и Рунича надъ казанскимъ и только что открытымъ 8 февр. 1819 года петербургскимъ университетомъ—лишь начало конца. Увольненіе проф. Куницына и изъятіе его книги „Право естественное", какъ содержащей въ себѣ „сборъ пагубныхъ лжеумствованій" и „святотатственное нападеніе на божественность Св. Откровенія, тѣмъ болѣе опасное, что оно покрыто широкимъ плащомъ философіи", преслѣдованіе профессоровъ Германа, Арсеньева, Раупаха, Галича въ петербургскомъ университетѣ, увольненіе харьковскихъ профессоровъ Шада и

Осиповскаго и дерптскихъ—Хетцеля, Зегельбаха и Бёлендорфа, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, возмутительный походъ Магницкаго противъ казанскаго университета—всѣ эти факты достаточно убѣждали русское общество, какой роковой моментъ насталъ для нашихъ университетовъ. Не пострадалъ лишь московскій университетъ, который сумѣлъ отстоять попечитель князь Оболенскій.

Помѣщенная ниже „Инструкція директору казанскаго университета", Высочайше утвержденная 17 января 1820 года, сама говоритъ за себя и въ комментаріяхъ не нуждается. Легко понять, во что могли быть превращены храмы науки, если бы обученіе въ нихъ совершалось по намѣченнымъ реакціоннымъ планамъ.

Этого не случилось, университеты не погибли, но дальнѣйшее ихъ существованіе вплоть до освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ есть не что иное, какъ фиксированная трагедія всей русской жизни этой эпохи. Николаевская эра взяла ихъ властно подъ свою полицейскую опеку, всячески усиливая вмѣшательство попечителя округа во внутреннюю ихъ жизнь.

Уставъ 26-го іюля 1835 г. по-своему регламентируетъ строй высшей школы. Университеты еще раньше утратили свое значеніе, какъ административно-просвѣтительные центры для своего округа,—эти полномочія перешли къ учебному округу непосредственно. Власть попечителя надъ университетами неопредѣленно расширена, § 48 устава даетъ ему такія полномочія: „Попечитель употребляетъ всѣ средства къ приведенію въ цвѣтущее состояніе университета, строго наблюдая, чтобы принадлежащія къ нему мѣста и лица исполняли неупустительно свои обязанности. Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ". Предсѣдательствуя по своему усмотрѣнію въ Совѣтѣ и Правленіи, принимая въ важныхъ случаяхъ и свои единоличныя мѣры,—попечитель, вооруженный такими полномочіями, фактически превращался въ хозяина университета, а хотя и избранный Совѣтомъ ректоръ—терялъ свой авторитетъ; онъ могъ быть лишь исполнителемъ воли властнаго попечителя.

Соотвѣтствующимъ образомъ усиливается и власть инспектора. По уставу 1804 г. (§ 115), онъ избирался общимъ собраніемъ, и при томъ имъ могъ быть лишь ординарный профессоръ. Теперь же онъ избирается (по § 69) самимъ попечителемъ, причемъ предусматривается, что „онъ можетъ быть изъ воен-

ныхъ или гражданскихъ чиновниковъ". Особое „наставленіе", спеціальныя инструкціи придаютъ дѣятельности инспектора, его „управленію", какъ говорится въ § 75 устава, новое значеніе. Инспектору предоставлена теперь дисциплинарная власть надъ учащимися, изъятая изъ вѣдѣнія университета.

Новый уставъ на прежнихъ основаніяхъ сохраняетъ организацію совѣта и факультетскаго собранія. Но дѣятельность совѣта ограничивается преимущественно технически-учебными дѣлами, выборомъ ректора и профессоровъ. Синдикъ, а также и секретарь совѣта, теперь назначаются изъ стороннихъ лицъ. Теряетъ свою силу и прежній университетскій судъ.

Дѣйствіе этого устава фактически было прекращено въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, когда съ 1848 г. жизнь въ странѣ какъ бы замираетъ, и просвѣтительная дѣятельность университетовъ парализуется. Рѣшительныя мѣры правительства въ эту пору нашли свое яркое выраженіе въ своеобразныхъ циркулярахъ по всѣмъ вѣдомствамъ, нѣкоторые изъ нихъ, имѣющіе непосредственное отношеніе къ университетамъ, читатель найдетъ въ настоящемъ сборникѣ. Заключительная статья сборника, взятая изъ „Записокъ" историка Соловьева, отчетливо подводитъ итоги всей эпохѣ.

Воспоминанія современниковъ, приведенныя въ нашемъ сборникѣ, съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія рисуютъ намъ жизнь университетовъ. Но рѣзко бросается въ глаза то общее, главное, что объединяетъ авторовъ, принадлежащихъ къ разнымъ поколѣніямъ и сословнымъ группамъ. Это—чувство искренней любви и уваженія къ своей alma mater. Подводя итоги своей жизни, они невольно останавливаются на студенческой порѣ, какъ на чемъ-то свѣтломъ, въ высшей степени благотворномъ, оставившемъ слѣдъ на всю жизнь. Это не мѣшаетъ имъ иногда въ рѣзко-ироническомъ тонѣ подчеркивать курьезные типы профессоровъ и многія уродливыя стороны университетской жизни.

Но тѣмъ отчетливѣе вырисовываются, тѣмъ теплѣе и благодарнѣе вспоминаются личность и дѣло истинныхъ и искреннихъ служителей просвѣщенія.

Гуманное слово правды, раздававшееся съ университетской каѳедры, — было великимъ, спасающимъ словомъ, имѣющимъ особую силу въ гнетущихъ условіяхъ русской жизни.

I.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ УСТАВЫ.

Офиціальные документы:

инструкціи, циркуляры, рѣчи, записки.

I. 1755 Генваря 12 Высочайше утвержденный проэктъ объ учрежденіи Московскаго Университета.

Докладъ. Вашего Императорскаго Величества Дѣйствительный Камергеръ и кавалеръ Шуваловъ, сего іюня 19 дня въ Правительствующій Сенатъ подалъ съ пріобщеніемъ проэкта и штата доношеніе слѣдующаго содержанія:

Какъ наука вездѣ нужна и полезна и какъ способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми довольно извѣстно.

Свидѣтельство видимаго Нашего вѣка, отъ Бога дарованнаго въ благополучіи Нашей Имперіи Государя Императора Петра Великаго, премудрый сей Государь, Божественнымъ своимъ предпріятіемъ исполненіе имѣлъ черезъ науки, безсмертная Его слава оставила въ вѣчныя времена, разумъ превосходящія дѣла, въ толь короткое время перемѣна нашихъ нравовъ и обычаевъ, невѣжествомъ и долгимъ временемъ утвержденныхъ, строеніе градовъ и крѣпостей, учрежденіе арміи, заведеніе флота, исправленіе необитаемыхъ земель, установленіе водяныхъ путей, все къ пользѣ общаго Нашего житія, наконецъ все блаженство Нашей жизни, въ которой безчисленные плоды всякаго добра всечасно чувствамъ Нашимъ представляются...

Установленная здѣсь Государемъ Петромъ Великимъ С.-Петербургская Академія, которую Наша Всемилостивѣйшая Государыня, Божіею милостію нами царствующая, между многими къ благополучію своихъ подданныхъ милосердіями немалою суммою противъ прежняго къ вящшей пользѣ и къ размноженію и одобренію наукъ и художествъ пожаловать изволила. Сія Академія со славою у иностранныхъ и съ пользою здѣшнею свои плоды производитъ.

Но пространная Ея Императорскаго Величества Имперія не можетъ довольствоваться однимъ онымъ ученымъ корпусомъ, ибо за дальностію, какъ Дворяне, такъ и разночинцы къ пріѣзду въ С.-Петербургъ многія имѣютъ препятствія, хотя первые къ надлежащему воспитанію и полученію къ службѣ Ея Императорскаго Величества, кромѣ Академіи, въ Сухопутномъ и Морскомъ Кадетскихъ корпусахъ, въ Инженерствѣ и Артиллеріи открытый путь имѣютъ; но для ученія вышнимъ наукамъ желающимъ Дворянамъ, или тѣмъ, которые въ вышереченныя мѣста для какихъ либо причинъ не записаны и для генеральнаго ученія разночинцамъ, за нужно нахожу покорно представить Правительствующему Сенату мое мнѣніе о учрежденіи въ Москвѣ Университета для Дворянъ и разночинцевъ по примѣру Европейскихъ Университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются, и двѣ Гимназіи, одну для Дворянъ, другую для разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ людей. Установленіе онаго Университета въ Москвѣ тѣмъ способнѣе быть кажется: 1) великое число въ ней живущихъ Дворянъ и разночинцевъ; 2) положеніе онаго среди Россійскаго Государства, куда изъ округъ лежащихъ мѣстахъ способно пріѣхать можно; 3) содержаніе всякаго не стоитъ многаго иждивенія; 4) почти всякой имѣетъ у себя родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать

можетъ; 5) великое число у помѣщиковъ въ Москвѣ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами тому никакого начала не имѣютъ, и только младыя лѣта учениковъ лучшее время къ ученію пропадаетъ, умалчивая о великой платѣ, которыя безполезно имъ дается.

Всѣ почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу Ея Императорскаго Величества, а иные не имѣя званія въ наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали.

Такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ, и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, паче когда довольно будетъ національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная Ея И. В. Имперіи къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и по исполненію начатыхъ предпріятій и по учрежденію впредь по знатнымъ Россійскимъ городамъ Россійскими Профессорами училищъ, отъ которыхъ, думаю, во отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся...

Я весьма счастливымъ себя почту, если моимъ представленіемъ подамъ причину къ разсужденію и установленію того нужнаго и полезнаго дѣла, которое несомнѣнно къ общему нашему благополучію и славѣ служить будетъ.

Оный проэктъ Правительствующій Сенатъ, разсматривая, весьма полезнымъ нашелъ и предписанной отъ сего важнаго дѣла плодъ къ пользѣ Государственной безъ сомнѣнія ожидать надлежитъ; а Кураторами кому быть, о томъ на Высочайшее Вашего И. В. соизволеніе предаетъ. Что жъ принадлежитъ для содержанія онаго Университета и Гимназіи, то хотя онъ Господинъ Камергеръ и полагаетъ до 10.000 рублей, но дабы оный Университетъ и Гимназіи пріумноженіемъ достойныхъ Профессоровъ и учителей наиболѣе въ лучшее состояніе приходили, по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената, ежегодно слѣдуетъ отпускать до 15.000 рублей, нынѣ жъ на первый случай для покупки книгъ и прочаго сверхъ годовой опредѣленной суммы, дать единожды до 5.000 рублей.

Притомъ Сенатъ не можетъ безъ похвалы труда его Господина Камергера и кавалера въ сочиненіи сего Государственнаго и полезнаго дѣла оставить, который, предавъ на Высочайшее Вашего И. В. соизволеніе, всеподданнѣйше проситъ у Вашего И. В. Всемилостивѣйшей конфирмаціи.

Резолюція. Быть по сему. Кураторами быть Камергеру Шувалову и Лаврентію Блюментросту, Директору Алексѣю Аргамакову, а въ дополненіе штата дается воля Кураторова.

ПРОЭКТЪ.

1. На содержаніе сего Университета и при ономъ Гимназіи довольно 10.000 рублей въ годъ.

2. 1) Весьма за нужно ко ободренію наукъ почитается, чтобъ Е. И. В. новоучреждаемый Университетъ въ собственную свою Высочайшую протекцію принять и одну или двухъ изъ знатнѣйшихъ особъ, какъ въ другихъ Государствахъ обычай есть, Кураторами Университета опредѣлить соизволила, которые бы весь корпусъ въ своемъ смотрѣніи имѣли и о случающихся его нуждахъ докладывали Е. И. В.

2) Чтобъ сей корпусъ, кромѣ Правительствующаго Сената, неподчиненъ былъ никакому иному присутственному мѣсту, и ни отъ кого бы инаго повелѣнія принимать не былъ обязанъ.

3) Чтобъ какъ Профессоры и Учители, такъ и прочіе подъ Университетскою протекціею состоящіе безъ вѣдома и позволенія Университетскихъ Кураторовъ и Директора неповинны были ни передъ какимъ инымъ Судомъ стать, кромѣ Университетскаго.

4) Чтобъ всѣ принадлежащіе къ Университету Чины въ собственныхъ ихъ домахъ свободны были отъ постовъ и всякихъ полицейскихъ тягостей, также и отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ другихъ сборовъ.

3. При томъ надлежитъ быть особому Директору, который бы по предписуемой ему инструкціи о благосостояніи Университета старался и его доходами правилъ, съ Профессорами науки въ Университетѣ и ученіе въ Гимназіи учреждалъ, со всѣми присутственными мѣстами по дѣламъ, касающимся до Университета, переписку имѣлъ и о всемъ вышеписанномъ Кураторамъ представлялъ и ихъ апробаціи требовалъ.

4. Хотя во всякомъ Университетѣ, кромѣ Философскихъ наукъ и Юриспруденціи, должны такожде предлагаемы быть Богословскія знанія, однако попеченіе о Богословіи справедливо оставляется Святѣйшему Синоду.

5. Профессоровъ въ Университетѣ будетъ въ трехъ факультетахъ десять.

Въ Юридическомъ:

1. Профессоръ всей Юриспруденціи, который учить долженъ Натуральныя и Народныя права и узаконенія Римской древней и новой Имперіи.

2. Профессоръ Юриспруденціи Россійской сверхъ вышеписанныхъ долженъ знать и обучать особливо внутреннія Государственныя Права.

3. Профессоръ Политики, которой долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки Государствъ и Государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣки и какъ состоятъ въ нынѣшнее время.

Въ Медицинскомъ:

1. Докторъ и Профессоръ Химіи долженъ обучать Химіи Физической особливо и Аптекарьской.

2. Докторъ и профессоръ Натуральной Исторіи долженъ на лекціяхъ показывать разные роды минераловъ, травъ и животныхъ.

3. Докторъ и Профессоръ Анатоміи обучать долженъ и показывать практикою строеніе тѣла человѣческаго на Анатомическомъ театрѣ, и пріучать студентовъ въ Медицинской практикѣ.

Въ Философскомъ:

1. Профессоръ Философіи обучать долженъ Логикѣ, Метафизикѣ и Нравоученію.

2. Профессоръ Физики обучать долженъ Физикѣ Эксперментальной и Теоретической.

3. Профессоръ Краснорѣчія для обученія Ораторіи и Стихотворства.

4. Профессоръ Исторіи для показанія Исторіи Универсальной и Россійской, также древности и Геральдики.

6. Каждый Профессоръ долженъ по крайней мѣрѣ два часа въ день, выключая воскресенье и въ табели предписанные праздничные дни, также

и Субботу, въ Университетскомъ домѣ публично и, не требуя за то отъ слушателей особливой платы, о своей наукѣ лекціи давать, кромѣ того вольно ему за умѣренную плату кого хочетъ приватно обучать, только чтобы отъ того въ публичныхъ его лекціяхъ никакой остановки и препятствія не происходило.

7. Всѣмъ Профессорамъ имѣть по однажды въ недѣлю, а именно по Субботамъ до полудня при присутствіи Директора собранія, въ которыхъ совѣтовать и разсуждать о всякихъ распорядкахъ и учрежденіяхъ, касающихъ до наукъ и до лучшаго оныхъ производженія, и тогда каждому Профессору представлять Директору обо всемъ, что онъ по своей профессіи усмотритъ за необходимо нужное и требующее поправленія; въ тѣхъ же общихъ собраніяхъ рѣшать всѣ дѣла, касающіяся до студентовъ, и опредѣлять имъ штрафы, ежели кто приличится въ какихъ-либо продерзостяхъ и непорядкахъ.

8. Никто изъ Профессоровъ не долженъ по своей волѣ выбрать себѣ систему или Автора и по оной науку своимъ слушателямъ предлагать, но каждый повиненъ послѣдовать тому порядку и тѣмъ Авторамъ, которые ему Профессорскимъ собраніемъ и отъ Кураторовъ предписаны будутъ.

9. Всѣ публичныя лекціи должны предлагаемы быть либо на Латинскомъ, либо на Русскомъ языкѣ, смотря какъ по приличеству матерій, такъ и по тому, иностранный ли будетъ Профессоръ или природной Русской.

§§ 10—12. Профессорскіе курсы располагаются по полугодіямъ, о новыхъ лекціяхъ выставляются особые листы или „каталоги“, зимнія „ваканціи“ съ 18 дек. по 6 янв., лѣтнія съ 10 іюня по 1-ое іюля.

13. При окончаніи каждаго мѣсяца выбрать день Субботный, въ которой Профессорамъ, согласясь между собою, заставлять студентовъ приватно диспутоваться и задавать имъ для того тезисы, которые за три дня напередъ прибивать къ дверямъ большой Аудиторіи, дабы желающіе то предпріять заблаговременно приготовить могли.

14. Предъ наступленіемъ каждой ваканціи имѣть публичные диспуты, приглася ко онымъ всѣхъ любителей наукъ; притомъ одному изъ студентовъ, до начатія диспутовъ, говорить краткую Латинскую, а другому по окончаніи оныхъ на Русскомъ языкѣ рѣчь, выбравъ къ тому удобную матерію.

§§ 15—21. Лучшимъ изъ студентовъ, представившимъ особыя сочиненія въ спеціальномъ торжественномъ собраніи, выдается четыре золотыхъ и четыре серебряныхъ медалей. Сочиненія эти и прочитываются ими публично въ присутствіи „пребывающихъ въ Москвѣ знатныхъ персонъ и охотниковъ до наукъ“. Успѣшно окончившимъ занятія даются аттестаты, „по которымъ опредѣлять желающихъ въ гражданскую службу по приличеству ихъ природы и занятія, и дѣлать имъ протекцію ко ободренію прочихъ учащихся“.

22. Каждый студентъ долженъ три года учиться въ Университетѣ, въ которое время всѣ предлагаемыя въ ономъ науки или по крайней мѣрѣ тѣ, которыя могутъ ему служить къ будущимъ его намѣреніямъ, способно окончать можетъ, и прежде того сроку никого противъ его воли и желанію отъ наукъ не отлучать и къ службѣ не принуждать; сверхъ того не соизволено ль будетъ содержать студентовъ 20 человѣкъ записныхъ на жалованьѣ, чтобы изъ нихъ въ Гимназію опредѣлять и въ нижніе классы учителями.

23. Всякъ, желающій въ Университетѣ вышнимъ наукамъ учиться, долженъ явиться у Директора, который прикажетъ Профессорамъ его экзаменовать, и ежели явится способенъ къ слушанію Профессорскихъ лекцій, то записавъ его въ число Университетскихъ студентовъ, и показавъ ему порядокъ ученія, приличный его склонности и будущему состоянію отослать при письменномъ видѣ къ тѣмъ Профессорамъ, у кого какія лекціи слушать имѣетъ; и во ободреніе позволено ль будетъ имѣть шпагу, какъ и въ прочихъ мѣстахъ водится.

24. Учащіеся въ Университетѣ студенты не должны ни въ какомъ другомъ судѣ вѣдомы быть, кромѣ Университетскаго, и ежели приключатся въ какихъ-либо непорядочныхъ поступкахъ, то не касаясь до нихъ никакимъ образомъ, приводить ихъ немедленно въ Университетскій домъ, и Директоръ, который смотря по винѣ, учинитъ имъ надлежащій штрафъ, или отошлетъ къ тому суду, до котораго такія дѣла принадлежатъ.

25. Какимъ образомъ студенты, будучи въ Университетѣ и подъ дирекціею онаго, поступать должны, о томъ предписать имъ такъ, какъ во всѣхъ прочихъ Университетахъ нарочные законы, которые напечатать, и при принятіи въ Университетъ давъ каждому студенту по одному экземпляру тѣхъ законовъ, велѣть ему подъ тѣми жъ законами въ Университетской книгѣ имя свое и послушное по онымъ исполненіе своеручно подписать; ежели кто послѣ противно онымъ законамъ поступитъ, тотъ не взирая ни на какое лицо и кто бъ онъ ни былъ, по данной Университетскому Корпусу власти штрафованъ быть имѣетъ.

26. Понеже науки не терпятъ принужденія, и между благороднѣйшими упражненіями человѣческими справедливо считаются; того ради какъ въ Университетъ, такъ и въ Гимназію не принимать никакихъ крѣпостныхъ и помѣщиковыхъ людей; однако, ежели который дворянинъ, имѣя у себя крѣпостного человѣка сына, въ которомъ усмотритъ особливую остроту, пожелаетъ его обучить свободнымъ наукамъ, оный долженъ напередъ того молодого человѣка объявить вольнымъ и отказавшись отъ всего права и власти, которую онъ прежде надъ нимъ имѣлъ, дать ему уволительное письмо за своею рукою и за приписаніемъ свидѣтелей, при томъ же повиненъ онъ за себя и за наслѣдниковъ своихъ обязаться давать оному ученику пристойное содержаніе, доколѣ онъ при Университетѣ считаться будетъ, и до совершеннаго окончанія наукъ ни подъ какимъ видомъ ея не отлучать.

27. При допущеніи въ Университетъ и въ Гимназію такого студента или ученика, принять отъ него и хранить въ Университетѣ данное ему отъ бывшаго его господина письменное увольненіе, и когда онъ науки свои порядочно окончаетъ и отъ Университета съ аттестатомъ отпущенъ будетъ для опредѣленія въ службу Государеву, или на вольное пропитаніе, тогда вручить ему паки помянутое письмо прежняго его господина и дать волю, чтобъ никакимъ образомъ никто его въ холопство привести не могъ; ежели жъ имѣвъ волю и пользуясь однимъ тѣмъ, будетъ въ худыхъ поступкахъ, то такого выписать вонъ, и отдать какъ его, такъ и увольнительное письмо его помѣщику.

§§ 28—38. При университетѣ учреждаются двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, „кромѣ крѣпостныхъ людей“. „Въ обѣихъ Гимназіяхъ учредить по четыре школы, въ каждой по три класса. Первая школа Россійская: въ ней обучать въ нижнемъ классѣ Грамматикѣ и чистотѣ стиля, въ среднемъ Стихотворству, въ вышнемъ Ораторіи. Вторая

школа Латинская: въ ней обучать въ нижнемъ классѣ первыя основанія Латинскаго языка, вокабулы и разговоры, въ среднемъ толковать нетрудныхъ Латинскихъ Авторовъ и обучать переводамъ, въ верхнемъ толковать высокихъ Авторовъ и обучать сочиненіямъ въ прозѣ и стихахъ. Третья школа первыхъ основаній наукъ: въ нижнемъ классѣ обучать Ариѳметикѣ, въ среднемъ Геометріи и Географіи, въ вышнемъ сокращенную философію. Четвертая школа знатнѣйшихъ Европейскихъ языковъ".

Инспекторомъ гимназій состоитъ одинъ изъ профессоровъ. На публичныхъ экзаменахъ въ концѣ года присутствуетъ Директоръ и Профессора; лучшіе ученики награждаются книгами.

§ 39. Для различенія дворянъ отъ разночинцовъ, учиться имъ въ разныхъ Гимназіяхъ; а какъ уже выдутъ изъ Гимназіи и будутъ студентами, у вышнихъ наукъ такимъ быть вмѣстѣ какъ дворянамъ и разночинцамъ, чтобъ тѣмъ болѣе дать поощренія къ прилежному ученію.

§ 41. Быть при Университетѣ Приставу, котораго должность состоитъ въ томъ: 1) чтобъ съ приданными ему сторожами содержать Университетскій домъ и Аудиторію въ надлежащей чистотѣ; 2) имѣть ему роспись всѣмъ студентамъ и гдѣ кто жительство имѣетъ, дабы въ потребномъ случаѣ каждаго сыскать могъ; 3) рапортовать по всякое утро Директора о томъ, что за день передъ тѣмъ въ Университетѣ происходило.

42. Всѣмъ Профессорамъ, Учителямъ и прочимъ Университетскимъ служителямъ имѣть жительство свое въ близости отъ Университетскаго дому и Гимназіи, дабы въ прохаживаніи туда и назадъ напрасно время не теряли.

45. Современемъ, какъ Университетъ размножится, то не сомнѣваюсь, что Правительствующій Сенатъ соблаговолитъ установить другія полезныя учрежденія, отъ которыхъ доходы казну Ея Величества замѣнить могутъ.

Тако жъ за нужное почитается, чтобъ обучать Греческому языку. Оріентальскіе языки могутъ тако жъ быть учены современемъ, когда будутъ довольны Университетскіе доходы и сысканы достойные къ тому Учители.

II. Письмо Ломоносова къ Шувалову по поводу учрежденія въ Москвѣ Университета.

Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношеніемъ правительствующему сенату къ великой моей радости я увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣйство произвести намѣрились къ приращенію наукъ, слѣдовательно, къ истинной пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно вѣдаю, сколь много природное ваше несравненное дарованіе служить можетъ и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ совѣтъ вашему превосходительству не безполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не токмо видали, но и въ тѣхъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденія, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются. Того ради ежели московскій университетъ по примѣру иностранныхъ учредить намѣряетесь, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради другихъ какихъ причинъ того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мнѣ милость и великодушіе, при-

нимаю смѣлость предложить мое мнѣніе о учрежденіи московскаго университета кратко вообще.

1) Главное мое основаніе, сообщенное вашему превосходительству. весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради не смотря на то, что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей ученыхъ, положить въ планѣ профессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольное число. Сначала можно приняться тѣми, сколько найдутся. Современемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, оный снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы.

2) Профессоровъ въ полномъ университетѣ меньше двѣнадцати быть не можетъ въ трехъ факультетахъ. Въ юридическомъ три: I. Профессоръ всей юриспруденціи вообще, который учить долженъ натуральныя и народныя права, также и узаконенія римской древней и новой имперіи. II. Профессоръ юриспруденціи россійской, который, кромѣ вышеписанныхъ, долженъ знать и преподавать внутреннія государственныя права. III. Профессоръ политики, который долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣка и какъ стоятъ въ нынѣшнее время.

Въ медицинскомъ три же: I. Докторъ и профессоръ химіи. II. Докторъ и профессоръ натуральной исторіи. III. Докторъ и профессоръ анатоміи.

Въ философскомъ шесть: I. Профессоръ философіи. II — физики. III — ораторіи. IV — поэзіи. V — исторіи. VI — древностей и критики.

3) При университетѣ необходимо должна быть гимназія, безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ. О ея учрежденіи хотѣлъ бы я кратко здѣсь вообще предложить, но времени краткость возбраняетъ.

Не въ указъ вашему превосходительству совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлой полной планъ предложить могу"... [1]).

III. Университетскій уставъ 5 ноября 1804 года.

Глава I.—**Объ Университетѣ вообще.**

§ 1. Императорскій Московскій [2]) Университетъ есть вышнее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія Государственной службы.

---

[1]) Приводя это письмо въ своей „Исторіи Императорской Академіи Наукъ" (I. 566-7), Пекарскій замѣчаетъ: „Изъ этого письма очевидно, что доношеніе въ сенатъ отъ имени Шувалова о необходимости основанія университета въ Москвѣ было написано безъ участія Ломоносова и послано къ нему только на обсужденіе. Потомъ это доношеніе, 19 іюля 1754 года, было представлено Шуваловымъ сенату вмѣстѣ съ проектомъ университетскаго устава. При сравненіи сейчасъ приведеннаго письма съ тѣмъ мѣстомъ проекта, гдѣ идетъ рѣчь о числѣ и занятіяхъ каждаго изъ профессоровъ трехъ факультетовъ, оказывается, что въ послѣдній вошли цѣликомъ слова Ломоносова изъ его письма поправками, которыя сдѣланы притомъ рукою Шувалова. Это обстоятельство, а также и обѣщанія Ломоносова дней черезъ пять доставить Шувалову полный планъ—даютъ поводъ предполагать не безъ основанія, что именно этотъ планъ и приложенъ къ доношенію подъ названіемъ „проекта".

[2]) Съ незначительными мѣстными измѣненіями этотъ уставъ долженъ быть примѣненъ къ университетамъ харьковскому и казанскому. Еще ранѣе утверждены аналогичные уставы—дерптскаго (12 декабря 1802 г.) и виленскаго (18 мая 1803 г.) университетовъ.

§ 2. Университетъ, пользуясь Высочайшимъ покровительствомъ, состоитъ подъ главнымъ Начальствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія, и въ особомъ вѣдѣніи того изъ Членовъ Главнаго училищъ Правленія, на котораго о немъ попеченіе возложено.

§ 3. Университетъ составляютъ: 1) преподающіе въ наукахъ наставленія Ординарные и Экстраординарные Профессоры, которые по различію наукъ раздѣляются на Факультеты или отдѣленія; 2) Адъюнкты; 3) Магистры; 4) Студенты, пользующіеся Университетскими наставленіями; и 5) Учители языковъ, пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій.

§ 4. Профессора всѣхъ отдѣленій и Адъюнкты подъ предсѣдательствомъ Ректора составляютъ Совѣтъ, или общее собраніе Университета. Оно располагаетъ учебною частію Университета и его Округа.

§ 5. Университетъ имѣетъ собственное Правленіе; Предсѣдатель онаго есть Ректоръ, а Члены—Деканы Факультетовъ. Къ нимъ присоединяется назначаемый Попечителемъ изъ Ординарныхъ Профессоровъ непремѣнный Засѣдатель. Правленію ввѣряется вся хозяйственная часть Университета.

§ 6. Правленію препоручается судъ и расправа между чинами, къ Университету принадлежащими, и при рѣшеніи тяжебъ присутствуетъ еще Чиновникъ, избираемый Университетомъ изъ своего сословія, съ названіемъ Синдика.

§ 7. При Университетѣ должны быть: 1) Учебныя пособія; 2) Учительскій или Педагогическій Институтъ; 3) Медицинскій Клиническій Институтъ; 4) Хирургическій Клиническій Институтъ; 5) Институтъ Повивальнаго искусства.

§ 8. Университетъ имѣетъ Типографію и собственную Цензуру для всѣхъ издаваемыхъ Членами его и въ Округѣ его печатаемыхъ сочиненій, также для книгъ, выписываемыхъ имъ для своего употребленія изъ чужихъ краевъ.

§ 9. Сверхъ сего Университету не воспрещается содержать изъ хозяйственной суммы Академическую Гимназію, въ первомъ основаніи Университета къ нему присоединенную, такъ какъ и благородный пенсіонъ, впослѣдствіи учрежденный, въ которомъ воспитываются благородные юноши на иждивеніи родителей.

§ 10. Ярославское высшихъ наукъ Училище, основанное по желанію и на иждивеніи Статскаго Совѣтника и Кавалера Демидова, состоитъ безпосредственно подъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ Совѣта или общаго собранія Московскаго Университета.

§ 11. Къ особливому достоинству Университета отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности Россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ (exactes). Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніи хозяйственной суммы.

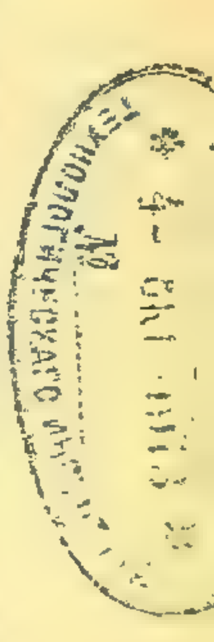
§ 12. Университетъ не откажетъ способствовать желанію благотворителей просвѣщенія, которые назначили или впредь назначить могутъ содержаніе для неимущихъ Студентовъ. Таковые воспитанники отличаются именемъ ихъ благотворителей, доколѣ на содержаніи ихъ пребываютъ, и Университетъ употребитъ всѣ способы, отъ него зависящіе, для изъявленія должной благотворителямъ признательности предъ лицемъ общества.

Глава II.—**О Ректорѣ.**

§ 13. Ректоръ Университета избирается ежегодно общимъ собраніемъ изъ Ординарныхъ Профессоровъ и представляется Главнымъ Училищъ Правленіемъ чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее утвержденіе.

§ 14. Онъ избирается за два мѣсяца до окончанія курсовъ; и со дня утвержденія позволяется ему присутствовать въ Правленіи не съ тѣмъ, чтобы подавалъ свой голосъ, но чтобы могъ познавать предварительно настоящее дѣлъ состояніе.

§ 15. Ректоръ, какъ Глава Университета и блюститель благоустройства, имѣетъ право предсѣдательствовать во всѣхъ собраніяхъ и Комитетахъ и отвѣчаетъ за благочиніе во всѣхъ частяхъ, за внутренній порядокъ Университета, за сохраненіе и исполненіе Уставовъ и предписаній Министра и Попечителя, равнымъ образомъ за исправленіе должностей всѣми и каждымъ изъ находящихся при Университетѣ и подлежащихъ его управленію.

§ 16. Ректоръ въ Университетскомъ Совѣтѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предсѣдательствуетъ, имѣетъ одинъ голосъ, который, однако, рѣшитъ въ случаѣ равенства голосовъ. Изъ сего исключаются случаи, въ которыхъ самъ подлежать будетъ отвѣту.

§ 17. Онъ распечатываетъ всѣ пакеты, на имя Университета, Правленія и Совѣта присылаемые, получаетъ донесенія отъ Гимназій обо всѣхъ предметахъ, касающихся до учебнаго и хозяйственнаго распоряженія Училищъ, въ Округѣ Университета находящихся, и доноситъ о состояніи Университета и Училищъ ежемѣсячно Попечителю.

§ 18. Въ случаяхъ важныхъ, касающихся до блага всего Университета и времени нетерпящихъ, Ректоръ самъ собою предпринимаетъ нужныя мѣры, о которыхъ, однако, въ первое обыкновенное, или судя по важности въ чрезвычайное Собраніе увѣдомляетъ Членовъ Университетскаго Правленія, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій.

§ 19. Поелику Ректоръ наипаче обязанъ пещися о соблюденіи порядка и благочинія во всемъ къ Университету принадлежащемъ, то въ чрезвычайныхъ случаяхъ имѣетъ право требовать помощи отъ военнаго или гражданскаго Начальства.

§ 20. Ректоръ хранитъ большую Университетскую печать.

§ 21. Ректоръ имѣетъ право дать позволеніе и невнесеннымъ въ списокъ Студентамъ слушать лекціи, но не иначе, какъ по предварительномъ извѣщеніи того Профессора, котораго лекціями слушатель желаетъ пользоваться.

§ 22. Ректоръ, при сложеніи съ себя сего званія, произноситъ въ торжественномъ собраніи приличную рѣчь, равно и новый, принимая на себя сіе званіе, такъ же произноситъ рѣчь.

§ 23. Въ случаѣ болѣзни Ректора или его отлучки его замѣняетъ проректоръ или одинъ изъ профессоровъ, по избранію Совѣта.

Глава III.—**О Профессорахъ и ихъ должностяхъ.**

§ 24. Ученое сословіе Московскаго Университета заключаетъ въ себѣ четыре Отдѣленія или Факультета.

I. Отдѣленіе Нравственныхъ и Политическихъ наукъ составляютъ:

1) Профессоръ Богословіи догматической и нравоучительной.
2) „ Толкованія Священнаго Писанія и Церковной Исторіи.
3) „ Умозрительной и Практической Философіи.
4) „ Правъ: Естественнаго, Политическаго и Народнаго.
5) „ Правъ Гражданскаго и Уголовнаго судопроизводства по Россійской Имперіи.
6) „ Правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ.
7) „ Дипломатики и Политической Экономіи.

II. Отдѣленіе Физическихъ и Математическихъ наукъ составляютъ:

1) Профессоръ теоретической и опытной Физики.
2) „ Чистой Математики.
3) „ Прикладной Математики.
4) „ Астрономъ-наблюдатель.
5) „ Химіи.
6) „ Ботаники.
7) „ Минералогіи и сельскаго домоводства.
8) „ Технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ.

III. Отдѣленіе врачебныхъ или Медицинскихъ наукъ:

1) Профессоръ Анатоміи. Физіологіи и Судебной Врачебной науки.
2) „ Патологіи, Терапіи и Клиники.
3) „ Врачебнаго Веществословія, Фармаціи и врачебной словесности.
4) „ Хирургіи.
5) „ Повивальнаго искусства.
6) „ Скотолѣченія.

IV. Отдѣленіе словесныхъ наукъ:

1) Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго.
2) „ Греческаго языка и словесности Греческой.
3) „ Древностей и языка Латинскаго.
4) „ Всемірной Исторіи, Статистики и Географіи.
5) „ Исторіи, Статистики и Географіи Россійскаго Государства.
6) „ Восточныхъ языковъ.
7) „ Теоріи изящныхъ искусствъ и Археологіи.

Сверхъ того: 12 Адъюнктовъ, 3 Лектора или Учителя языковъ Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго, 3 Учителя пріятныхъ искусствъ и Гимнастическихъ упражненій.

§ 25. Въ отдѣленіи Физическихъ и Математическихъ наукъ, Университетъ будетъ имѣть особенную каѳедру Натуральной Исторіи, подъ названіемъ Демидовской, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе оной употребляема была часть доходовъ съ капитала, принесеннаго въ пользу Московскаго Университета благотворителемъ наукъ Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ.

§ 26. Хотя такимъ образомъ число Профессоровъ и Адъюнктовъ ограничивается, однако ежели Совѣтъ Университета будетъ имѣть случай пріобрѣсть славнаго и отличнаго ученіемъ мужа, или, ежели между при-

родными Россіянами найдутся молодые люди въ какой-либо наукѣ толико успѣвшіе, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣряетъ, что съ пользою Университета могутъ занять мѣсто Адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить къ Университету дозволяется, и о принятіи каждаго Совѣтъ чрезъ Попечителя представляетъ Министру Народнаго Просвѣщенія и ожидаетъ рѣшенія.

§ 27. Каждое Отдѣленіе имѣетъ своего Старѣйшину или Декана, ежегодно избираемаго общимъ Университета собраніемъ, изъ числа заслуженныхъ или Ординарныхъ Профессоровъ, и избраннаго представляетъ чрезъ Попечителя на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія. Избраніе Декановъ дѣлается въ то же время, когда избирается Ректоръ.

§ 28. Главная должность Профессоровъ состоитъ въ томъ, чтобы: 1) Преподавать курсы лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ, и соединять теорію съ практикою во всѣхъ наукахъ, въ которыхъ сіе нужно; 2) Преподавая наставленія, пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы; 3) Присутствовать въ засѣданіяхъ и при испытаніяхъ; 4) Руководствуя Адъюнктовъ, подавать имъ способъ достигать высшаго степени совершенства.

§ 29. Каждый Профессоръ для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія, или другого извѣстнаго ученаго мужа; и въ томъ и другомъ случаѣ избранное сочиненіе должно быть представлено на разсмотрѣніе Совѣта и ежели Совѣтъ нужнымъ найдетъ сдѣлать въ немъ какія перемѣны, то Профессоръ, сдѣлавъ оныя, долженъ представить Совѣту на утвержденіе.

§ 30. Каждый Профессоръ долженъ расположить ученіе свое такъ, чтобъ курсъ его конченъ былъ въ срокъ, какой Совѣтомъ будетъ предписанъ, и чтобъ могъ онъ начать другой въ назначенное время.

§ 31. Кромѣ главныхъ курсовъ, выше сего упомянутыхъ, во всякомъ Отдѣленіи общее Собраніе Университета можетъ назначить дополнительные, смотря по обстоятельствамъ, и возлагать преподаваніе оныхъ на Екстраординарныхъ Профессоровъ и Адъюнктовъ, или Магистровъ.

§ 32. Всѣ Профессора, преподающіе наставленія, къ предметамъ Педагогическаго Института относящіяся, обязаны посвятить одинъ часъ въ недѣлю наставленію Кандидатовъ.

§ 33. Профессора, за неимѣніемъ учащихся или по какому либо обстоятельству не могущіе продолжать своихъ курсовъ, должны объявить Ректору въ общемъ засѣданіи, какимъ намѣрены они заняться полезнымъ трудомъ; или общее Собраніе, смотря по нуждамъ, само возлагаетъ на нихъ соотвѣтствующій трудъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ даютъ они отчетъ общему Собранію. Къ числу таковыхъ упражненій преимущественно принадлежатъ путешествія по Астрономической и Физической части, и для обозрѣнія Училищъ, въ Округѣ Университета находящихся.

Гл. IV.—**Объ Адъюнктахъ и ихъ должностяхъ.**

§ 34. Адъюнкты суть помощники Профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большаго степени совершенства, и во всѣхъ практическихъ трудахъ Профессоровъ обязаны имѣть участіе.

§ 35. Адъюнкты имѣютъ право присутствовать въ общихъ Собраніяхъ и подавать голоса по учебнымъ предметамъ, но не имѣютъ участія въ выборахъ.

§ 36. Въ случаѣ болѣзни Профессора или законнаго отсутствія Совѣтъ назначаетъ одного изъ Адъюнктовъ для продолженія лекцій.

§ 37. Преподаваніе наставленій въ Педагогическомъ Институтѣ вмѣнится Адъюнктамъ за особливый трудъ, а съ дозволенія Совѣта могутъ они также обучать своимъ наукамъ въ Университетскихъ аудиторіяхъ.

§ 38. Адъюнкты въ частныхъ Собраніяхъ исправляютъ должность Секретарскую и имѣютъ право подавать свое мнѣніе.

§ 39. Четырехъ изъ двѣнадцати Адъюнктовъ трудолюбіемъ предъ прочими отличившихся и знаніе свое преподаваніемъ курсовъ и сочиненіями доказавшихъ, Совѣтъ по предложенію Ректора, балотированіемъ удостоиваетъ въ Екстраординарные Профессора; и когда они по представленію Попечителя въ званіи семъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія утверждены будутъ, тогда по разсмотрѣнію Попечителя получаютъ прибавку въ жалованьѣ, какую дозволитъ сдѣлать экономическая сумма.

Гл. V.—**О Почетныхъ Членахъ.**

§ 40. Университетъ удостоиваетъ званія Почетныхъ Членовъ мужей, прославившихся ученіемъ и дарованіями, какъ изъ природныхъ Россіянъ, такъ и изъ иностранцевъ.

§ 41. Польза Университета требуетъ быть въ сношеніи съ учеными обществами, и для того Совѣтъ въ иностранныхъ Государствахъ изъ Почетныхъ Членовъ своихъ пріобщаетъ къ себѣ въ семъ званіи дѣятельнѣйшихъ четырехъ, чтобы къ каждому Факультету принадлежалъ одинъ изъ оныхъ. Совѣтъ избранныхъ представляетъ начальству на утвержденіе.

§ 42. Сіи четыре Почетные Члены, пользуясь пенсіею отъ Университета по 200 рублей въ годъ, ведутъ съ нимъ переписку, доставляютъ ему свѣдѣнія о новыхъ наукахъ, изобрѣтеніяхъ, и исправляютъ препорученія Университета, касающіяся до выписыванія предметовъ, къ наукамъ относящихся.

§ 44—46. Почетные Члены присутствуютъ въ общихъ собраніяхъ съ правомъ голоса.

Гл. VI.—**Объ Университетскомъ Совѣтѣ и Собраніяхъ.**

§ 47. Ординарные и заслуженные Профессора составляютъ Университетскій Совѣтъ или общее Собраніе, котораго Предсѣдатель есть Ректоръ.

§ 48. Совѣтъ Университета есть высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ.

§ 49—53. Обыкновенныя собранія должны происходить каждый мѣсяцъ. Опредѣленія Совѣта недѣйствительны: если они сдѣланы въ отсутствіе ректора или, за его болѣзнію, проректора и если отсутствовало болѣе половины ординарныхъ профессоровъ. Не явившіеся въ Совѣтъ члены должны представить секретарю извѣщеніе о причинѣ отсутствія, что и заносится въ особую книгу. Каждое полугодіе Совѣтъ посылаетъ Попечителю „общій рапортъ обо всѣхъ предметахъ, относящихся къ образованію Университета и Училищъ его Округа“, а по прошествіи года представляетъ „полную вѣдомость“. Разъ въ годъ Совѣтъ разсматриваетъ счета кассира и бухгалтера и представляетъ ихъ Попечителю.

§ 54. Предметы общихъ собраній суть:

1. Избраніе Профессоровъ, Почетныхъ Членовъ, Адъюнктовъ и опредѣленіе способныхъ людей къ преподаванію наставленій въ Университетѣ, Гимназіяхъ и уѣздныхъ Училищахъ его Округа.

2. Изысканіе способовъ къ усовершенствованію преподаванію наукъ въ Университетѣ и въ Училищахъ его Округа.

3. Учрежденіе порядка времени и распоряженіе курсовъ въ Университетѣ такъ, чтобы науки слѣдовали въ естественной ихъ связи, и Студенты въ продолженіе оныхъ могли бъ пользоваться всѣми наставленіями, кои нужны для будущаго ихъ званія. Расположеніе сіе возобновляется ежегодно.

4. Ежегодное испытаніе успѣховъ и способностей воспитанниковъ.

5. Слушаніе предложеній начальства и всего, что Ректоръ на общее разсужденіе предлагаетъ.

6. Разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ, перенесенныхъ изъ Правленія.

§ 55. Сверхъ вышеупомянутыхъ засѣданій всякій мѣсяцъ имѣетъ быть особенное Собраніе, въ которомъ Профессора и Почетные Члены, подъ предсѣдательствомъ Ректора, разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, Ректоромъ или кѣмъ изъ Членовъ предлагаемыхъ.

§ 56. Совѣтъ ежегодно предлагаетъ задачу, служащую къ распространенію наукъ, съ обѣщаніемъ за удовлетворительное рѣшеніе награжденія, соразмѣрнаго важности задачи, слѣдуя обряду въ иностранныхъ Университетахъ и Академіяхъ принятому, и наблюдая очередь между Факультетами; но предлагаемыя задачи и обѣщаваемое награжденіе предварительно представляетъ на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія.

§ 57. Университетъ послѣ испытанія воспитанниковъ ежегодно имѣетъ торжественное Собраніе, въ которомъ должны читаны быть сочиненія, до наукъ и словесности относящіяся, и предварительно разсмотрѣнныя и одобренныя Факультетами, до которыхъ касаются. Въ сихъ Собраніяхъ предлагаема бываетъ задача на рѣшеніе и объявляемо мнѣніе Совѣта о полученныхъ отвѣтахъ на вопросъ, за два года предложенный; провозглашаемы бываютъ имена удостоившихся получить степени. Ректоръ вручаетъ имъ дипломы, Студентамъ награжденія, Совѣтомъ назначенныя, съ приличными объ успѣхахъ и нравственности каждаго извѣщеніемъ.

§§ 58—59. Регламентируется подробно самый порядокъ засѣданій.

§§ 60. Когда мѣсто Профессора сдѣлается праздно, то каждый Профессоръ того Отдѣленія, къ которому онъ принадлежалъ, не ранѣе, какъ спустя мѣсяцъ, представляетъ Ректору имя кандидата, коего почитаетъ достойнымъ занять оное, сочиненія его, ежели кандидатъ внѣ Россіи или не въ Москвѣ находится, и причины служащія основаніемъ къ представленію. Поданныя Членами представленія читаются на Общемъ Собраніи и хранятся въ Совѣтѣ. Ежели Кандидатъ находится въ Москвѣ, то обязанъ самъ представить Совѣту свои сочиненія, общее разсужденіе о наукѣ, о которой идетъ дѣло, о предметахъ оной, о ея пространствѣ, успѣхахъ, о настоящемъ ея состояніи, удобнѣйшемъ способѣ преподавать оную и разныхъ Писателяхъ, лучшимъ образомъ объяснившихъ относящіеся къ ней предметы.

§ 61. Совѣтъ на разсмотрѣніе сочиненій и на собраніе свѣдѣній о нравственности Кандидата опредѣляетъ довольное время; по прошествіи онаго, Ректоръ назначаетъ чрезвычайное Собраніе для выбора Совѣта о избранномъ, предварительно представляетъ Попечителю и ожидаетъ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія.

§ 62. Тотъ же порядокъ наблюдается при избраніи Адъюнктовъ. Природные Россіяне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ.

§ 63. Факультеты имѣютъ свои частныя Собранія подъ предсѣдательствомъ Ректора или Декана: обыкновенныя, единожды въ мѣсяцъ, а чрезвычайныя по приглашенію Ректора или Декана, сколь часто нужда потребуется.

§ 64. Частныя Собранія въ засѣданіяхъ, наблюдая тотъ же порядокъ, какой для общихъ предписанъ, имѣютъ предметомъ: 1) ежегодное расположеніе системы, порядка и часовъ преподаванія наукъ, къ Факультетамъ относящихся; 2) испытаніе ищущихъ пріобрѣсть достоинства, въ какія Университеты возводить имѣютъ право; 3) разсматриваніе Рѣчей, приготовленныхъ для чтенія въ торжественныхъ Собраніяхъ, и достоинства сочиненій, которыя представлены будутъ для напечатанія иждивеніемъ Университета; 4) избраніе задачъ съ обѣщаніемъ за рѣшеніе награжденія и сужденіе о присланныхъ отвѣтахъ; 5) разсматриваніе употребленія суммъ, опредѣленныхъ на заведенія, къ Факультетамъ относящіяся; 6) все, что Деканъ, по назначенію Ректора или самъ собою, до Факультета касающееся, предлагаетъ.

§ 65. Опредѣленія или постановленія каждаго Факультета вносятся на разсмотрѣніе общаго Собранія, которое можетъ утвердить оныя, или сдѣлать въ нихъ перемѣны, какія заблагоразсудитъ.

§ 66. Росписанія лекцій каждаго Факультета, чрезъ Декана Ректору представленныя, Совѣтъ соображаетъ между собою, и составляетъ на слѣдующій годъ общее росписаніе Университетскаго ученія, которое заблаговременно и до начала лекцій представляетъ Попечителю для утвержденія.

§ 67. Время отдохновенія отъ трудовъ университетскихъ бываетъ дважды: первое отъ 30 Іюня до 17 Августа, а второе съ 24 Декабря продолжается по 8 Генваря.

§ 68. Всѣ просьбы объ увольненіи Профессоровъ и другихъ чиновниковъ, общимъ Собраніемъ избираемыхъ, должны быть подаваемы Ректору и вносимы въ Совѣтъ, который по истребованіи отъ просителей въ должности ихъ надлежащаго отчета, представляетъ объ нихъ начальству. Отпускъ, не превышающій двадцати-осьмидневнаго срока (который позволенъ только по самымъ необходимымъ обстоятельствамъ просителя), даетъ Совѣтъ самъ собою, а видомъ на таковую отлучку снабжаетъ Правленіе.

§ 69. Совѣтъ имѣетъ обязанность удалять отъ должности всѣхъ чиновниковъ, отъ выбора его зависящихъ, кои окажутся въ должности нерадивы, неповиновеніемъ начальству нарушаютъ порядокъ, или приличатся въ какихъ-либо непростительныхъ проступкахъ; но къ сему долженъ онъ приступать не иначе, какъ по предварительномъ Университетскаго Правленія изслѣдованіи и по приговорѣ, который былъ бы утвержденъ двумя третями голосовъ. Сдѣланный, такимъ образомъ, приговоръ представляется начальству на разсмотрѣніе.

§ 70. Университетскій Совѣтъ относится въ Правительствующій Сенатъ, къ Министру и къ своему Попечителю донесеніями или представленіями. Особамъ и сословіямъ къ нему принадлежащимъ посылаетъ выписки изъ журналовъ засѣданій за скрѣпою Секретаря Совѣта; къ особамъ и мѣстамъ подчиненнымъ предписанія, подписанныя Ректоромъ или однимъ изъ членовъ и Секретаремъ.

Изъ VIII-й главы.—**Объ Университетской Библіотекѣ.**

§ 77. Библіотекарь избирается общимъ Собраніемъ изъ Ординарныхъ Профессоровъ, а помощникъ его изъ Адъюнктовъ или Магистровъ. Онъ имѣетъ писца изъ воспитанниковъ.

§ 82. Въ Университетской Библіотекѣ могутъ храниться всѣ печатныя и рукописныя сочиненія, кои по мнѣнію Факультетовъ и Библіотекаря имѣть нужно. Но какъ сею Библіотекою не только Профессора, но и вся публика можетъ пользоваться, то неограниченное на то позволеніе оставляется только Профессорамъ и Адъюнктамъ, а для другихъ Цензура тѣ книги, кои считаетъ соблазнительными и вредными, должна отмѣтить въ каталогахъ и на заглавныхъ листахъ, и никому, кромѣ Профессоровъ и Адъюнктовъ, читать ихъ не позволяется.

Гл. IX. — **Объ испытаніяхъ и производствѣ въ Университетскія должности.**

§ 96. Возводимые въ какое-нибудь Университетское достоинство должны подвергнуться испытанію.

§ 97. Испытаніе дѣлается подъ предсѣдательствомъ Декана изъ того Отдѣленія, къ которому по роду Наукъ принадлежитъ ищущій Университетскаго достоинства, и бываетъ различно, смотря по степени, которой онъ требуетъ.

§ 98. При Магистерскомъ и Докторскомъ испытаніи должны присутствовать въ лицѣ депутатовъ другихъ Отдѣленій два Члена Университетскаго Совѣта, по жребію избранные.

§ 99. Студентъ, требующій степени Кандидата, является къ Декану, который, извѣстивъ Отдѣленіе, назначаетъ день, въ который долженъ онъ предстать Собранію. Отдѣленіе чрезъ своего Декана предлагаетъ испытуемому задачи, касающіяся до Наукъ, къ отдѣленію принадлежащихъ, которыя онъ долженъ объяснить письменно. Потомъ производится изустное испытаніе, состоящее въ двухъ вопросахъ, относящихся до главной Науки, въ которой студентъ упражнялся, и выбранныхъ по жребію. Сіи вопросы рѣшитъ онъ словесно, послѣ чего присутствующіе дѣлаютъ произвольное словесное испытаніе, не исключая и Наукъ вспомогательныхъ.

§ 100. Ищущему Магистерскаго или Докторскаго достоинства, Деканъ прежде публичнаго испытанія, пригласивъ двухъ Профессоровъ, преподающихъ вспомогательныя Науки, дѣлаетъ обще съ ними предварительный искусъ, и объ успѣхѣ онаго относится къ своему Отдѣленію, которое неспособнымъ, утверждаясь на донесеніи Декана, въ публичномъ испытаніи отказать можетъ.

§ 101. Публичныя испытанія для полученія двухъ высшихъ Университетскихъ достоинствъ производится слѣдующимъ образомъ: изъ опредѣленнаго числа написанныхъ и хранимыхъ въ тайнѣ вопросовъ, относящихся до каждой особенно Науки, къ Отдѣленію принадлежащей, выбираются по жребію два вопроса для Магистра и четыре для Доктора, кои они должны рѣшить основательно и подробно. За симъ слѣдуетъ произвольное словесное испытаніе въ другихъ предметахъ, назначаемыхъ экзаменаторами. Потомъ должны они рѣшить письменно такое же число и также по жребію выбранныхъ вопросовъ и въ присутствіи Члена Отдѣленія въ удобномъ мѣстѣ. Съ сими испытаніями Отдѣленіе соединяетъ.

по роду Науки практическіе опыты, какъ-то: испытуемый Медицинскимъ Факультетомъ опредѣляетъ болѣзнь представленнаго ему въ Клиническомъ Институтѣ, или въ градской больницѣ недужнаго, предписываетъ лѣкарства и предсказываетъ ихъ дѣйствія. Химикъ изслѣдываетъ и опредѣляетъ составныя части даннаго ему тѣла и тому подобное.

§ 102. Послѣ сихъ испытаній, ищущій Магистерскаго достоинства читаетъ одну, а докторскаго три сряду публичныя лекціи о предметахъ отъ Отдѣленія назначаемыхъ, и представляетъ оному диссертацію для защищенія въ публичномъ Собраніи.

§ 103. Если представленное сочиненіе по большинству голосовъ не удостоится уваженія, или когда въ продолженіе испытанія по большинству-же голосовъ знанія испытуемаго окажутся недостаточными, то Факультетъ, отказавъ ему, не прежде какъ чрезъ годъ можетъ позволить предстать для вторичнаго испытанія.

§ 104. Врачебной наипаче Факультетъ обязанъ наблюдать величайшую строгость и крайнюю осторожность при испытаніи желающихъ получить достоинство Магистра или Доктора въ Отдѣленіи Врачебной Науки.

§ 106. Слѣдуя общему правилу, Магистерскіе и Докторскіе диспуты должны происходить на Латинскомъ языкѣ; но Отдѣленіе по причинамъ, до учености касающимся, можетъ дозволить оные на Россійскомъ по прошенію испытуемаго.

§ 107. При публичныхъ защищеніяхъ диссертацій послѣ постороннихъ состязателей, противоположенія дѣлаютъ три Профессора того-же Факультета по старшинству, и объ успѣхѣ сего испытанія доносятъ Совѣту Университета.

§ 108. Желающіе удостоены быть званія Лѣкаря и аптекаря, также и повивальныхъ бабокъ, могутъ требовать экзамена отъ Медицинскаго Отдѣленія, и по удостоенію Университета получаютъ право производить вольную практику. Лѣкарь и аптекарь, выдержавшіе предписаніе кандидатовъ испытаніе, считаются въ 12 классѣ, а повивальныя бабки получаютъ свидѣтельство съ позволеніемъ учить въ деревняхъ своему искусству и право заступить должность уѣздной повивальной бабки.

Гл. X.—**О студентахъ вообще.**

§ 109 Никто не можетъ быть принятъ въ Университетъ Студентомъ, не имѣя нужныхъ познаній для слушанія курсовъ, въ Университетѣ преподаваемыхъ.

§ 110. Желающій оными пользоваться долженъ представить Правленію Университета свидѣтельство о своемъ состояніи, и свидѣтельство Директора Гимназіи о поведеніи, прилежаніи и успѣхахъ въ преподаваемыхъ тамъ наукахъ; прочіе внѣ Гимназіи обучавшіеся испытываемы быть должны въ Комитетѣ, отъ Ректора назначаемомъ, въ языкахъ и начальныхъ основаніяхъ нужныхъ наукъ, и со свидѣтельствомъ, какое получатъ о знаніяхъ, являются въ Правленіе.

§ 111. Правленіе, разсмотря свидѣтельства, если не найдетъ никакого препятствія, вноситъ просящаго въ списокъ студентовъ тѣхъ Отдѣленій, которыхъ курсъ проходить долженъ, и даетъ экземпляръ Университетскихъ постановленій, обязанности его показывающихъ.

§ 112. Между науками, въ Университетѣ преподаваемыми, находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и Отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу не избрали, и

для того тотъ только можетъ перейти въ главное Отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки пріуготовительныя.

§ 113. Студентъ, выслушавшій курсы для всѣхъ наукъ нужные, и желающій оставить Университетъ, получаетъ въ торжественномъ Собраніи аттестатъ за подписаніемъ Правленія, съ приложеніемъ печати Университета. Въ аттестатѣ должно быть показано, коликое время пользовался онъ Университетскими постановленіями, внесены свидѣтельства Профессоровъ, у коихъ слушалъ лекціи, и свидѣтельство о его поведеніи.

§ 114. Если кто изъ студентовъ, по выслушаніи пріуготовительныхъ курсовъ, въ которой нибудь изъ наукъ, къ Отдѣленіямъ принадлежащихъ, до того достигнетъ, что въ состояніи будетъ предстать на испытаніе и доказать въ оной знанія, соотвѣтствующія степенямъ, на которыя Университетъ возводить имѣетъ право: тотъ можетъ требовать испытанія и получить степень, какую заслужилъ своими успѣхами. Равнымъ образомъ и тѣ, кои не обучаясь въ Университетѣ пріобрѣли знанія въ другомъ мѣстѣ, могутъ представлять себя къ испытанію и получить степень, соотвѣтствующую ихъ знаніямъ.

Гл. XI.—О инспекторѣ и казенныхъ студентахъ.

§ 115. Инспекторъ казенныхъ студентовъ избирается изъ Ординарныхъ Профессоровъ общимъ Собраніемъ.

§ 116. Онъ есть блюститель порядка и благочинія сего общества; онъ, посѣщая покои воспитанниковъ, нерадивыхъ увѣщаніями привлекаетъ къ должности, и старается возбудить прилежаніе къ ученію.

§ 117. Студентамъ, иждивеніемъ Университета содержимымъ, пріемъ дѣлается единожды въ годъ предъ начатіемъ курсовъ; въ выборѣ ихъ преимущество дается неимущимъ, когда они имѣютъ всѣ нужныя знанія къ слушанію Профессорскихъ наставленій.

§ 118. По окончаніи курсовъ, ежегодно бываетъ испытаніе въ общихъ собраніяхъ, и отличившіеся добронравіемъ и успѣхами награждаемы бываютъ медалями, какія Совѣтомъ по мѣрѣ успѣховъ будутъ назначены.

§ 119. Ежели кто изъ студентовъ, проучась годъ, не окажетъ при испытаніи такихъ успѣховъ, чтобы можно было перевести его выше, то долженъ онъ слушать снова тѣ-же наставленія; и ежели при слѣдующемъ испытаніи успѣхи его найдутся еще недостаточными, то Правленіе отпускаетъ его изъ Университета съ однимъ только аттестатомъ о его поведеніи.

§ 120. Студенты, окончившіе трехлѣтнее ученіе и выслушавшіе нужные курсы для продолженія ученія въ которомъ нибудь Отдѣленіи (ежели пожелаютъ остаться въ Университетѣ), могутъ продолжать ученіе въ званіи Кандидатовъ и отправляютъ должность повторителей по надлежащемъ испытаніи.

§ 121. Изъ числа Кандидатовъ или Магистровъ, Совѣтъ избираетъ Инспектору двухъ помощниковъ, живущихъ вмѣстѣ со студентами и столъ съ ними общій имѣющихъ. Они, имѣя смотрѣніе за поведеніемъ студентовъ, за употребленіемъ времени внѣ классовъ и за всѣмъ, что относится къ порядку и устройству въ комнатахъ, подаютъ Инспектору ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи ввѣренныхъ каждому воспитанниковъ; о дерзостяхъ же и соблазнительныхъ поступкахъ немедленно доносятъ Инспектору, который удостовѣряетъ на мѣстѣ, принимаетъ надлежащія мѣры, или относится къ Ректору, а самое дѣяніе или поступокъ вноситъ въ

особую книгу, и при годовомъ испытаніи представляя оную Совѣту свидѣтельствуетъ о поведеніи каждаго.

§ 122. Желательно, чтобы Профессоры нѣкоторыхъ наукъ, особливо Словесныхъ, Философическихъ и Юридическихъ, учредили бесѣды со студентами, въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія, и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли, и для удержанія при Университетѣ Латинской литературы желательно, чтобы въ бесѣдахъ сихъ употребляемъ былъ преимущественно Латинскій языкъ.

§ 123. Учители языковъ, пріятныхъ Искуствъ и гимнастическихъ упражненій казенныхъ воспитанниковъ обучаютъ безъ платы, а отъ своекоштныхъ получаютъ умѣренную плату, Совѣтомъ Университета назначаемую.

§ 124. Студенты въ разсужденіи нравственности и поведенія сообразуются съ правилами благочинія, сочиненными Университетскимъ Совѣтомъ и на утвержденіе начальства внесенными.

Гл. XIII.—**О Правленіи Университета.**

§ 134. Правленіе Университета, подъ предсѣдательствомъ Ректора, составляютъ Деканы Факультетовъ. Къ нимъ присоединяется назначаемый Попечителемъ изъ Ординарныхъ Профессоровъ непремѣнный Засѣдатель.

§ 135. Непремѣнный Засѣдатель есть ближайшій помощникъ Ректору въ дѣлахъ, къ Правленію и Университетскому Суду принадлежащихъ. Онъ наипаче печется, чтобъ въ отправленіи текущихъ дѣлъ соблюдаемъ былъ порядокъ, сохранены были законы и непоколебимы были полезныя и опытомъ утвержденныя постановленія, въ противномъ случаѣ, учиня Ректору благопристойное представленіе, доноситъ Попечителю.

§ 136. Правленіе собирается, по приглашенію Ректора, сколь часто потребуютъ сего обстоятельства; а въ разсужденіи текущихъ дѣлъ имѣетъ засѣданіе по два раза въ недѣлю, въ дни и часы, которые должны быть опредѣлены послѣ избранія Ректора и Декановъ.

§ 137. Правленіе заключаетъ въ себѣ исполнительную власть Университета, занимается внутреннимъ устройствомъ Университета и благочиніемъ, сносится съ другими Государственными мѣстами по дѣламъ до Университета касающимся.

§ 138. Правленіе Университета въ вѣдомствѣ своемъ имѣетъ сумму, на содержаніе Университета отпускаемую; отвѣчаетъ за ея цѣлость, распоряжается оною согласно Высочайше утвержденному штату, дѣлаетъ подряды, договоры и выдачи, наблюдая порядокъ, общими законами предписанный, и разсматриваетъ счеты всѣхъ чиновниковъ, коимъ ввѣряются частные расходы.

Гл. XIV.—**О судѣ Университетскомъ.**

§ 146. Ректоръ, какъ Предсѣдатель Университетскаго Правленія, имѣетъ обязанность неудовольствія и ссоры между Чиновниками Университетскими прекращать миромъ; но если въ томъ не успѣетъ, то пріемлетъ на себя должность судіи, и составляетъ первую инстанцію Университета.

§ 147. Всѣ жалобы и слѣдственныя дѣла, относящіяся къ студентамъ, производятся отъ Ректора словесно. Но въ прочихъ случаяхъ ведетъ онъ въ производство дѣлъ законами предписанный порядокъ употребляя для

совѣтовъ непремѣннаго Засѣдателя, какъ ближайшаго во всѣхъ дѣлахъ помощника его, Синдика, и для письменнаго производства Секретаря и Чиновниковъ Правленія.

§ 148. Ректоръ даетъ рѣшительныя опредѣленія, которыя не подлежатъ никакой апелляціи и исполняются въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) По жалобамъ въ денежной ссумѣ, не превышающей 15 рублей.

2) По проступкамъ и оскорбленіямъ, за которые университетскіе законы подвергаютъ только выговору или заключенію подъ стражу не болѣе какъ на три дня.

§ 149. Въ случаяхъ, важнѣе предъидущихъ, Ректоръ можетъ брать мѣры къ примиренію тяжущихся, если законы позволяютъ. Но ежели стараніе его будетъ безуспѣшно, тогда проситель подаетъ прошеніе въ Правленіе и дѣло производится законнымъ порядкомъ.

§ 150. Дѣла и жалобы, касающіяся до Профессоровъ, Адъюнктовъ и другихъ Чиновниковъ Университета, поступаютъ въ Правленіе.

§ 151. Въ сомнительныхъ и важныхъ дѣлахъ Правленіе приглашаетъ одного или двухъ Профессоровъ Правъ, и вмѣстѣ съ ними дѣлаетъ по большинству голосовъ рѣшеніе.

§ 152. Синдикъ, при разбирательствѣ въ Правленіи тяжебныхъ дѣлъ, соображаетъ оныя съ Государственными законами и пріуготовляетъ къ рѣшенію. Онъ имѣетъ совѣтовательный голосъ.

§ 153. Въ Правленіе могутъ быть приносимы жалобы и на Ректора; но для соблюденія къ Ректору должнаго уваженія, Правленіе, ежели найдетъ жалобу несправедливою, имѣетъ право на просителя наложить денежную пеню въ пользу неимущихъ до 25 рублей; а въ случаѣ справедливой жалобы, представляетъ заключеніе свое на разсмотрѣніе Попечителя и ожидаетъ его рѣшенія.

§ 154. Приговоры Правленія немедленно исполняются и на оные апелляціи не бываетъ:

1) По жалобамъ, коихъ искъ не превышаетъ 50 рублей.

2) По проступкамъ Студентовъ, за которые Университетскими правилами установленное наказаніе не превышаетъ четырнадцатидневнаго заключенія подъ стражу.

3) По жалобамъ на Университетскихъ Чиновниковъ, которыхъ изслѣдованіе кончится выговоромъ или наложеніемъ пени не свыше 24 рублей.

4) По жалобамъ на Университетскихъ или Университетскимъ особамъ принадлежащихъ служителей, относительно наказанія, которое приговорено будетъ для соблюденія благочинія.

§ 155. Дерзости Студентовъ, причиняющія явный соблазнъ, подвергаются изслѣдованію Правленія, хотя бы по онымъ послѣдовало мягкое удовлетвореніе миромъ.

§ 156. По всѣмъ прочимъ дѣламъ тяжущіеся, получивъ по своему желанію копію съ объявленнаго Правленіемъ опредѣленія, ежели не довольны рѣшеніемъ, имѣютъ право вносить апелляцію въ Университетскій Совѣтъ, не позже осьми дней, считая со дня объявленія сего рѣшенія, и въ такомъ случаѣ исполненіе по опредѣленію Правленія отлагается до рѣшенія Совѣта.

Гл. XV.—**Объ управленіи и надзираніи Училищъ.**

§ 163. Университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во Губерніяхъ, Округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неуто-

мимое попеченіе, дабы Гимназіи, уѣздныя и приходскія Училища, вездѣ гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными Учителями и учебными пособіями, и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно.

§ 164. Университетъ для каждой Губерніи своего Округа, избирая Губернскаго Директора Училищъ, представляетъ онаго, чрезъ Главное Училищъ Правленіе на утвержденіе Министру; Смотрителей-же для уѣздныхъ или окружныхъ Училищъ, такъ какъ и Учителей въ Гимназіи и прочія Училища Университетъ избираетъ и опредѣляетъ непосредственно, или по представленію Губернскихъ Директоровъ Училищъ.

§ 165. Для удобнѣйшаго производства дѣлъ, къ Училищамъ относящихся, учреждается Училищный Комитетъ, ежегодно по опредѣленію Совѣта составляемый, подъ предсѣдательствомъ Ректора, изъ шести Ординарныхъ Профессоровъ.

§ 166. Училищный Комитетъ получаетъ всѣ донесенія Директоровъ Гимназій, снабжаетъ ихъ просимыми разрѣшеніями и постановленіями, отбираетъ отъ нихъ въ случаѣ какого-либо безпорядка нужныя объясненія, и ежели не въ состояніи будутъ принять рѣшительныя мѣры, вноситъ мнѣніе свое въ общее собраніе Профессоровъ.

§ 168. Комитетъ представляетъ ежегодно Совѣту подробное изображеніе испытаній, состоянія, въ какомъ ученіи находится приращеніе способовъ народнаго просвѣщенія и недостатковъ, остановляющихъ оное. Университетскій Совѣтъ, разсмотрѣвъ донесеніе сіе, препровождаетъ къ Попечителю для таковаго же представленія Министру Народнаго Просвѣщенія.

§ 169. Совѣтъ посылаетъ ежегодно Визитаторовъ изъ Членовъ Комитета или другихъ Профессоровъ, поручая каждому одну или двѣ губерніи по мѣстному положенію для осмотра, и снабжаетъ путевыми деньгами изъ положенной штатомъ суммы. Визитаторы, исполнивъ всѣ статьи наставленія своего и присоединивъ собственныя замѣчанія, представляютъ описаніе осмотра Училищному Комитету, который, по сочиненіи изъ нихъ общаго систематическаго извлеченія, вноситъ съ мнѣніемъ своимъ въ общее собраніе, а оное доводитъ надлежащимъ образомъ до свѣдѣнія Начальства.

Гл. XVI.—**О типографіи и Ценсурѣ книгъ.**

§ 178. Университетъ имѣетъ собственную типографію, которою располагаетъ Правленіе, поручая оную въ смотрѣніе или отдавая въ содержаніе людямъ надежнымъ.

§ 179. Въ Университетской типографіи печатаемы быть должны преимущественно книги, относящіяся къ наукамъ, преподаваемымъ въ Университетѣ и въ Училищахъ его Округа, и все, что Правленіе или Совѣтъ Университета найдетъ нужнымъ къ распространенію наукъ.

§ 182. Ценсурѣ не подлежитъ только то, что печатается по опредѣленію Университетскаго Совѣта или Правленія, и книги, предоставленныя разсмотрѣнію Духовнаго Начальства.

§ 187. Университетъ и Профессора порознь выписываютъ безпрепятственно всѣ сочиненія какого бы они содержанія ни были; но Ценсурный Комитетъ обязанъ просмотрѣть тѣ изъ нихъ, кои для Университетской Библіотеки назначены, и сообщаетъ Библіотекарю на замѣчаніе, если которыя признаетъ соблазнительными или вредными.

IV. Іюля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный Общій Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ.

Именный, данный Сенату. Утвердивъ въ 25 день Іюня сего года положеніе объ Учебныхъ Округахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Мы обратили дѣятельность Университетовъ Нашихъ на существенную пользу наукъ и публичнаго воспитанія.

Желая довершить устройство высшихъ учебныхъ заведеній и поставить ихъ на степень, имъ слѣдующую, Мы признали за благо даровать имъ новое учрежденіе, болѣе приспособленное къ дальнѣйшему ихъ усовершенствованію. На сей конецъ, подъ собственнымъ руководствомъ Нашимъ, составленъ въ Комитетѣ устройства Учебныхъ Заведеній проектъ Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ съ принадлежащими къ нему штатами.

Находя сей проектъ соотвѣтствующимъ предначертаніямъ и намѣреніямъ Нашимъ, Мы утвердили оный вмѣстѣ со штатами Университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, повелѣвая привести сіи узаконенія въ дѣйствіе по предварительному соглашенію Министерства Народнаго Просвѣщенія съ Министерствомъ Финансовъ.

УСТАВЪ.

Гл. I.—Общія Положенія.

1. Университетъ составляется: 1) изъ опредѣленнаго числа Факультетовъ, 2) изъ Совѣта, 3) изъ Правленія.

2. Въ полномъ составѣ Университета полагаются три Факультета: Философскій, Юридическій, Медицинскій.

3. Каждый Факультетъ состоитъ изъ учащихъ и учащихся. Число первыхъ опредѣляется штатомъ, но можетъ быть увеличено по мѣрѣ надобности. Они раздѣляются на Профессоровъ, Адъюнктовъ и Лекторовъ.

4. Каждый Факультетъ имѣетъ своего Декана, а Философскій двухъ по числу его Отдѣленій. Всѣ Факультеты въ совокупности подчиняются Ректору.

5. Въ Совѣтѣ Университета, подъ предсѣдательствомъ Ректора, присутствуютъ Ординарные и Экстраординарные Профессоры.

6. Правленіе Университета составляютъ, подъ предсѣдательствомъ Ректора, Деканы и Синдикъ.

7. Всѣ Россійскіе Университеты состоятъ подъ особеннымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, и потому носятъ имя Императорскихъ.

8. Каждый Университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, ввѣряется особенному начальству Попечителя.

10. Статьи настоящаго Устава имѣютъ силу и дѣйствіе во всѣхъ вообще Россійскихъ Университетахъ, кромѣ тѣхъ изъятій, кои постановлены для Университета Дерптскаго въ особенномъ его Уставѣ, и для Университета Св. Владимира—въ проектѣ правилъ, предначертанныхъ для него на время.

Гл. II.—Составъ и предметы Факультетовъ.

11. Въ составъ Философскаго Факультета, состоящаго изъ двухъ отдѣленій, входятъ слѣдующія науки:

1 Отдѣленіе: 1) Философія. 2) Греческая Словесность и Древности. 3) Римская Словесность и Древности. 4) Россійская Словесность и Исторія Россійской Литературы. 5) Исторія и Литература славянскихъ нарѣчій. 6) Всеобщая Исторія. 7) Россійская Исторія. 8) Политическая Экономія и Статистика. 9) Восточная Словесность: а) Языки Арабскій, Турецкій и Персидскій; в) Языки Монгольскій и Татарскій.

2 Отдѣленіе: 1) Чистая и Прикладная Математика. 2) Астрономія. 3) Физика и Физическая Географія. 4) Химія. 5) Минералогія и Геогнозія. 6) Ботаника. 7) Зоологія. 8) Технологія, Сельское Хозяйство, Лѣсоводство и Архитектура.

Прим. Преподающій Архитектуру исполняетъ и должность Архитектора въ Университетѣ.

12. Въ Факультетѣ Юридическомъ преподаются: 1) Энциклопедія или общее обозрѣніе системы Законовѣденія, Россійскіе Государственные Законы, то есть Законы Основные, Законы о Состояніяхъ и Государственныя Учрежденія. 2) Римское Законодательство и Исторія онаго. 3) Гражданскіе Законы, общіе, особенные и мѣстные. 4) Законы Благоустройства и Благочинія. 5) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ. 6) Законы Полицейскіе и Уголовные. 7) Начала Общенароднаго Правовѣденія (Jus gentium).

13. Въ Медицинскіе Факультеты, состоящіе при Университетахъ: Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, входятъ слѣдующіе предметы: 1) Анатомія: а) Анатомія человѣческаго тѣла, съ присовокупленіемъ Спеціальной Физіологіи и важнѣйшихъ статей изъ Сравнительной Анатоміи; б) Анатомія Патологическая; в) разсѣченіе труповъ. 1) Физіологія: а) физіологія общая и б) Общая Патологія. 3) Врачебное Веществословіе: а) Общая Терапія; б) Врачебное Веществословіе, Токсикологія и изъясненіе минеральныхъ водъ; в) Фармація; г) Рецептура, и д) Діететика или Гигіена. 4) Клиника: а) Частная Патологія и Терапія; б) Клиника въ больницѣ. 5) Семіотика. 6) Хирургія Умозрительная. 7) Хирургія Операціонная, глазныхъ болѣзней и Хирургическая Клиника. 8) Повивальное искусство: а) повивальное искусство; б) о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ; в) способъ прививанія оспы; г) помощь родильницамъ и леченіе ихъ и новорожденныхъ. 9) Судебная Медицина: а) Судебная Медицина, Медицинская Полиція, способъ лечить смертные обмороки, утопшихъ и пр.; б) Исторія и Литература Медицины, в) Энциклопедія и Методологія. 10) Скотолеченіе: а) Ветеринарная Анатомія и Физіологія; б) Искусство познавать и лечить болѣзни домашнихъ животныхъ, также разсѣченіе труповъ ихъ.

14. Для Догматической и Нравоучительной Богословіи, Церковной Исторіи и Церковнаго Законовѣденія опредѣляется особая, непринадлежащая ни къ какому Факультету, кафедра для всѣхъ вообще студентовъ Грекороссійскаго исповѣданія.

15. Въ Университетѣ полагаются Лекторы языковъ: 1) Нѣмецкаго, 2) Французскаго, 3) Англійскаго и 4) Итальянскаго.

16. Сверхъ учителя рисованія, могутъ быть опредѣляемы учители искуствъ: 1) фехтованія, 2) музыки и 3) танцованія, а въ Харьковскомъ и Казанскомъ Университетахъ 4) учители верховой ѣзды.

17. Ординарные и Экстраординарные Профессоры Факультета, подъ предсѣдательствомъ Декана, составляютъ факультетское собраніе. Одинъ изъ Адъюнктовъ исправляетъ въ немъ должность Секретаря.

18. Во время болѣзни или отсутствія Декана, мѣсто его заступаетъ старшій изъ Членовъ Факультета.

19. Каждому Члену Факультета предоставляется право дѣлать въ собраніяхъ онаго предложенія касательно ученыхъ и учебныхъ предметовъ, но не иначе какъ письменно.

20. Предметы занятій въ Факультетскихъ собраніяхъ суть: полугодичное распредѣленіе курсовъ и времени преподаванія наукъ, принадлежащихъ къ Факультетамъ.—Разсмотрѣніе методъ преподаванія и руководствъ, избираемыхъ Профессорами.—Испытаніе Студентовъ и всѣхъ желающихъ получить ученыя степени или право на вступленіе въ первый разрядъ Чиновниковъ по Гражданской службѣ.—Испытаніе Кандидатовъ, на учительскія мѣста въ Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ Округа, если они не снабжены надлежащими для того учеными аттестатами и свидѣтельствами. Разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія Университета и его иждивеніемъ.—Ценсура сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ Профессорами и Адъюнктами.—Избраніе ежегодныхъ задачъ и сужденіе о присылаемыхъ на оныя рѣшеніяхъ.—Распоряженія по предписаніямъ Совѣта и разсужденіе о томъ, что предлагаютъ Деканъ или члены Факультета.

21. Все, что сказано въ сей главѣ о Факультетахъ, относится и къ каждому изъ Отдѣленій Философскаго Факультета.

Примѣчаніе. Предметы преподаванія для каждаго Факультета, выше сего означенные, могутъ, по усмотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія, быть умножены или до времени сокращены, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по удобности пріисканія способныхъ преподавателей.

Гл. III.—**Предметы и обязанности Совѣта.**

22. Засѣданія Совѣта, назначаемыя въ опредѣленные дни, происходятъ въ свободные часы отъ преподаванія.

23. Всѣ Члены Совѣта обязаны присутствовать въ Собраніяхъ онаго. Въ случаѣ невозможности исполнить сіе, они извѣщаютъ Ректора о причинахъ своего отсутствія, которыя вносятся въ журналъ засѣданія.

24. Совѣтъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится, по крайней мѣрѣ, двухъ третей наличныхъ Членовъ. Во время вакацій, Совѣтъ можетъ имѣть лишь чрезвычайныя Собранія и только по дѣламъ, нетерпящимъ отсрочки.

25. Въ Собраніяхъ Совѣта первыя мѣста послѣ Ректора занимаютъ Деканы; прочіе присутствующіе засѣдаютъ по Факультетамъ, наблюдая старшинство въ Профессорскомъ званіи.

26. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ; при равенствѣ ихъ, перевѣсъ имѣетъ голосъ Ректора.

27. Баллотированіе употребляется: 1) при избраніи Профессоровъ и вообще Преподавателей Университета, 2) при назначеніи Профессоровъ къ разнымъ Университетскимъ должностямъ и 3) при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненія, назначаемаго къ печатанію съ одобренія и иждивеніемъ Университета.

28. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ засѣданія; онъ же собираетъ голоса, начиная съ младшаго изъ Членовъ.

29. Синдикъ имѣетъ надзоръ за Канцеляріей Совѣта, присутствуетъ въ засѣданіяхъ онаго и наблюдаетъ, чтобы производство и рѣшеніе дѣла было согласно съ законами. Въ случаѣ замѣченной имъ въ семъ отношеніи неправильности или отступленія отъ порядка, онъ подаетъ письменное мнѣніе. Если за симъ Совѣтъ останется при прежнемъ своемъ заключеніи, то къ исполненію онаго можетъ приступить не иначе, какъ съ разрѣшенія Попечителя, который въ то же время объ обстоятельствахъ дѣла и данномъ или предписаніи доводитъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія.

30. Предметы занятій Совѣта суть: 1) Избраніе Ректора, Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ. 2) Избраніе Профессоровъ и Адъюнктовъ; назначеніе ихъ къ разнымъ по Университету должностямъ. 3) Опредѣленіе и увольненіе Лекторовъ и Учителей Университета. 4) Общее соображеніе о распредѣленіи курсовъ и времени преподаванія въ Университетѣ. 5) Разсмотрѣніе представленій Факультетовъ, и въ особенности протоколовъ испытаній на полученіе ученыхъ степеней. 6) Изслѣдованіе упущеній Профессоровъ въ исправленіи порученныхъ имъ должностей. 7) Главное распоряженіе учебными и вспомогательными при Университетѣ пособіями и заведеніями. 8) Окончательное сужденіе о сочиненіяхъ и переводахъ, предполагаемыхъ къ чтенію въ торжественныхъ собраніяхъ или къ печатанію иждивеніемъ Университета. 9) Разсужденіе по предложеніямъ Попечителя о дѣлахъ училищныхъ, требующихъ ученыхъ соображеній, какъ-то: объ усовершенствованіи преподаванія наукъ, объ учрежденіи дополнительныхъ курсовъ, о принятіи въ руководство книгъ и другихъ учебныхъ пособій, согласно съ 12 статьею Высочайше утвержденнаго въ 25 день Іюня 1835 года Положенія объ Учебныхъ Округахъ.

31. По прошествіи каждаго мѣсяца, Совѣтъ представляетъ Попечителю выписку изъ протоколовъ засѣданій, а по истеченіи года полный отчетъ о главнѣйшихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ, который представляется Министру.

32. Совѣтъ, съ утвержденія Попечителя, назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія Университета. Въ сихъ собраніяхъ произносятся Профессорами рѣчи, читаются отчеты, провозглашаются имена выпускаемыхъ съ аттестатами Студентовъ, раздаются имъ шпаги и дипломы на ученыя степени.

Гл. IV.—**Предметы и обязанности Правленія.**

33. Время засѣданія Правленія назначается по мѣрѣ надобности, съ наблюденіемъ, чтобъ оныя происходили въ свободные часы отъ преподаванія.

34. Синдикъ, завѣдывая Канцеляріею Правленія, присутствуетъ въ ономъ наравнѣ съ прочими Членами.

35. Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи: 1) часть хозяйственную и 2) часть полицейскую.

Отд. I.—О части хозяйственной.

37. Правленіе получаетъ опредѣленную на содержаніе Университета сумму въ назначенные по ежегоднымъ росписаніямъ сроки, отвѣтствуетъ за ея цѣлость, распоряжаетъ оною согласно съ штатомъ, дѣлаетъ договоры, подряды и выдачи, наблюдая какъ въ отношеніи расхода суммъ, такъ и отчетности въ оныхъ, порядокъ, общими законами и особыми распоряженіями Министерства Народнаго Просвѣщенія предписанный.

Отд. II.—О полиціи.

42. Университетская Полиція имѣетъ цѣлію соблюденіе благочинія и порядка между принадлежащими къ Университету лицами, содержаніе въ чистотѣ зданій и предохраненіе ихъ отъ опасности огня.

43. Ректоръ, какъ Предсѣдатель Правленія, обязанъ всѣ неудовольствія и ссоры между лицами Университетскаго вѣдомства прекращать миролюбно, или употреблять предоставленныя ему мѣры строгости; въ случаяхъ же, превышающихъ власть его, по приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ дѣла, представлять объ ономъ съ своимъ заключеніемъ Попечителю. Уголовныя преступленія, по изслѣдованіи въ Правленіи, подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ, въ которыя также поступаютъ и всѣ дѣла объ имуществѣ отъ тяжущихся между собою лицъ, безъ всякаго въ томъ участія Университета.

44. Ближайшій блюститель по части Университетской Полиціи есть Экзекуторъ.

45. Въ вѣдѣніи Экзекутора состоятъ всѣ нижніе служители Университета. Онъ же наблюдаетъ, чтобъ безъ позволенія Правленія въ домахъ Университета не имѣли пребыванія посторонніе, не принадлежащіе къ вѣдомству онаго люди, и чтобъ принимаемые Университетомъ и чиновниками онаго наемные служители имѣли законные виды.

46. Учрежденіе въ подробности внутренняго полицейскаго управленія возлагается на Правленіе съ утвержденія Попечителя.

Гл. V. — **Порядокъ опредѣленія и увольненія лицъ, принадлежащихъ къ Университету, и главныя ихъ обязанности.**

Отд. I.—О лицахъ начальствующихъ.

I. О попечителѣ и его помощникѣ.

47. Попечитель Университета опредѣляется Именнымъ Высочайшимъ Указомъ.

48. Попечитель употребляетъ всѣ средства къ приведенію въ цвѣтущее состояніе Университета, строго наблюдая, чтобъ принадлежащія къ нему мѣста и лица исполняли неупустительно свои обязанности. Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе Профессоровъ, Адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ Университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ.

49. Выключая особенные случаи, Попечитель имѣетъ постоянное пребываніе въ одномъ городѣ съ Университетомъ, отлучаясь только для осмотра округа.

50. Въ бытность въ Санктпетербургѣ Попечителя, онъ присутствуетъ въ Главномъ Правленіи Училищъ, коего онъ Членъ по сему званію.

51. Въ важныхъ, нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, Попечитель самъ собою принимаетъ надлежащія мѣры и доводитъ о нихъ немедленно до свѣдѣнія Министра.

52. Попечитель, по своему усмотрѣнію, можетъ предсѣдательствовать въ Совѣтѣ и Правленіи.

II. О ректорѣ.

61. Ректоръ избирается на четыре года, изъ Ординарныхъ Профессоровъ, по большинству голосовъ въ Совѣтѣ, и утверждается въ семъ званіи Высочайшею властію.

62. Ректоръ, имѣя ближайшее попеченіе о благоустройствѣ Университета, наблюдаетъ:

1) чтобы принадлежащія къ оному мѣста и лица исполняли въ точности свои обязанности, и 2) чтобы Университетскія преподаванія шли съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности.

63. Ректоръ имѣетъ право дѣлать выговоры и замѣчанія Профессорамъ и зависящимъ отъ него чиновникамъ, въ случаѣ замѣченныхъ съ ихъ стороны упущеній и неисправностей.

64. Ректоръ, по усмотрѣнію надобности, можетъ предсѣдательствовать въ каждомъ изъ Факультетовъ, какъ и въ отдѣленіяхъ Совѣта.

67. Въ случаѣ болѣзни или отлучки Ректора, мѣсто его заступаетъ Проректоръ, избираемый на четыре года Совѣтомъ изъ Ординарныхъ Профессоровъ и утверждаемый Министромъ.

III. О Деканахъ.

68. Деканы избираются Факультетами на четыре года изъ Профессоровъ Ординарныхъ и утверждаются въ сихъ званіяхъ Министромъ.

Отд. II.—Порядокъ опредѣленія чиновниковъ по нравственной и учебной части.

69. Инспекторъ, по выбору Попечителя, утверждается въ семъ званіи Министромъ. Онъ можетъ быть изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ.

70. Помощники Инспектора избираются симъ послѣднимъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, не занятыхъ другими обязанностями, и утверждаются Попечителемъ.

71. Особенный и ближайшій надзоръ за нравственностію всѣхъ учащихся въ Университетѣ поручается Инспектору.

72. Инспекторъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Попечителя.

73. Инспекторъ и его Помощники имѣютъ помѣщеніе въ зданіяхъ Университета.

74. Инспектору дозволяется присутствовать при испытаніи Студентовъ. Онъ приглашается въ потребныхъ случаяхъ въ засѣданія Правленія, и имѣетъ въ ономъ голосъ наравнѣ съ прочими Членами.

75. Управленіе Инспектора и надзоръ его надъ учащимися въ Университетѣ излагаются подробно въ особенномъ наставленіи, которое имѣетъ быть составлено, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, Попечителемъ и утверждено Министромъ.

76. Никто не можетъ быть Ординарнымъ или Экстраординарнымъ Профессоромъ, не имѣя степени Доктора того Факультета, къ которому принадлежитъ кафедра. Для полученія званія Адъюнкта, надлежитъ по крайней мѣрѣ имѣть степень Магистра.

77. При избраніи въ Ординарные и Экстраординарные Профессоры и Адъюнкты, каждый Профессоръ въ правѣ предложить въ кандидаты одного изъ извѣстныхъ ему ученыхъ, съ объясненіемъ побуждающихъ его къ тому причинъ. Кандидаты вносятся въ книгу, нарочно для того опредѣленную, и баллотируются порознь.

78. Если Совѣтъ не находитъ кандидатовъ, достойныхъ занять упразднившееся мѣсто Профессора, то можетъ, съ разрѣшенія Попечителя, объявить конкурсъ. Желающій занять такимъ образомъ кафедру, сверхъ представленія сочиненій, могущихъ служить доказательствомъ его способ-

ностей и свѣдѣній, долженъ дать при одномъ изъ Университетовъ три пробныя лекціи въ присутствіи Ректора и Факультета.

79. Кафедры, сообразно съ штатами Университетовъ, поручаются Профессорамъ Экстраординарнымъ въ двухъ случаяхъ: 1) когда во время избранія Совѣтъ не имѣетъ въ виду извѣстнаго по той части преподавателя, достойнаго въ полной мѣрѣ званія Ординарнаго Профессора, и 2) когда есть ученый, который хотя по возрасту и не можетъ быть Ординарнымъ Профессоромъ, но отличными дарованіями вознаграждаетъ незрѣлость лѣтъ.

80. Профессоры, Адъюнкты и Почетные Члены Университета утверждаются въ сихъ званіяхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, которому впрочемъ предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать въ Профессоры и Адъюнкты на вакантныя кафедры людей отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія, съ требуемыми для сихъ званій учеными степенями.

81. Корреспонденты, Прозекторы, Лекторы и Учители Искусствъ, по избраніи Совѣтомъ, утверждаются Попечителемъ.

83. Профессоръ, по выслугѣ въ сей должности 25 лѣтъ, удостоенный званія заслуженнаго, увольняется изъ Университета, и кафедра его почитается вакантною. Совѣтъ принимаетъ мѣры къ замѣщенію оной, при чемъ и заслуженный Профессоръ можетъ подвергнуться узаконеннымъ порядкомъ избранію. Таковое вторичное избраніе имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ, по прошествіи коихъ Министръ, принимая въ уваженіе мнѣніе Попечителя и свидѣтельство Совѣта, опредѣляетъ: имѣетъ ли заслуженный, вторично избранный, Профессоръ продолжать еще преподаваніе и на сколько лѣтъ, или слѣдуетъ, по преклонности лѣтъ и другимъ обстоятельствамъ, освободить его отъ сего занятія и приступить къ новому выбору.

84. Совѣтъ, въ случаѣ нерадѣнія преподавателей и чиновниковъ, зависящихъ отъ его выбора, и при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ о томъ отъ Ректора подтвержденій, обязанъ представлять объ удаленіи ихъ отъ должностей, не иначе однако же какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ двумя третями голосовъ въ Совѣтѣ. Для исполненія таковыхъ приговоровъ испрашивается разрѣшеніе Министра.

85. Должность Профессора заключается: 1) въ полномъ, правильномъ и благонамѣренномъ преподаваніи своего предмета, 2) въ точномъ и достовѣрномъ свѣдѣніи о ходѣ и успѣхахъ наукъ, имъ преподаваемыхъ, въ ученомъ мірѣ и 3) въ засѣданіяхъ въ Совѣтѣ, Факультетскихъ Собраніяхъ и Правленіи, смотря по назначенію каждаго.

86. Профессоръ обязанъ преподавать предметъ свой не менѣе 8 часовъ въ недѣлю. Отъ Ректора, по причинѣ другихъ, съ званіемъ его сопряженныхъ занятій, требуется чтеніе только половиннаго числа лекцій. При семъ, дабы возложенные на него курсы преподавались вполнѣ, отдѣляется какой либо изъ его предметовъ Адъюнкту, съ испрошеніемъ на сіе утвержденія Попечителя.

87. Профессоры прилагаютъ равное стараніе къ обученію каждаго изъ Студентовъ, посѣщающихъ ихъ лекціи, и въ концѣ семестра удостовѣряются посредствомъ словесныхъ вопросовъ, съ успѣхомъ ли слушатели ихъ слѣдуютъ за преподаваніемъ.

88. За лекціи, на которыя Профессоръ или Адъюнктъ не явится, безъ представленія начальству законныхъ причинъ отсутствія, удерживается

слѣдующая ему по расчету часть жалованія, съ обращеніемъ оной въ Экономическую Университетскую сумму.

90. Адъюнкты суть Помощники Профессоровъ, раздѣляющіе съ ними, по назначенію Совѣта, преподаваніе, и занимающіе, за болѣзнію или отсутствіемъ Профессоровъ, временно ихъ кафедры.

Отд. III.—Порядокъ опредѣленія учащихся.

91. Всѣ желающіе вступить въ число студентовъ Университета должны выдержать предварительныя испытанія, по правиламъ, изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. При семъ принимаются въ уваженіе одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи полнаго Гимназическаго курса, и даютъ право предстать прежде прочихъ на испытаніе, или быть и вовсе освобожденнымъ отъ онаго.

92. Лица, обучавшіяся Медицинѣ въ общественномъ, Русскомъ или Иностранномъ заведеніи, при вступленіи ихъ въ Университетъ, принимаются въ тотъ же разрядъ слушателей, куда будутъ принадлежать по познаніямъ.

93. Пріемъ студентовъ бываетъ разъ въ году предъ начатіемъ перваго полугодичнаго курса. Удостоенные принятія вносятся Ректоромъ въ списокъ студентовъ.

94. Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ Русскихъ Университетовъ, можетъ окончить оныя въ другомъ, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ въ число лѣтъ, опредѣленныхъ для окончанія полнаго курса, если только причины, побудившія его оставить Университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены Попечителемъ, и если представитъ одобрительное свидѣтельство изъ того Университета.

Отд. IV.—Порядокъ опредѣленія чиновниковъ для письмоводства.

95. Синдикъ, избираемый Попечителемъ изъ чиновниковъ, имѣющихъ ученыя степени по Юридическому Факультету, утверждается въ семъ званіи Министромъ. Должность Синдика не соединяется ни съ какою другою должностью.

96. Экзекутора опредѣляетъ, изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, Попечитель.

97. Секретарей избираетъ по принадлежности Совѣтъ или Правленіе, а Казначея, Бухгалтера и Эконома Правленіе, и объ утвержденіи ихъ представляетъ Попечителю.

Гл. VI.—**Порядокъ курсовъ лекцій, задачъ и испытаній.**

100. Университетское преподаваніе вообще раздѣляется на полугодіе. Полный курсъ, по Факультетамъ Философскому и Юридическому продолжается четыре года, а по Медицинскому пять лѣтъ.

101. Университетскія вакаціи назначаются два раза въ годъ: съ 10 Іюня по 22 Іюля и съ 20 Декабря по 12 Января.

102. Полугодичныя лекціи должны непремѣнно оканчиваться съ истеченіемъ полугодія, на сей конецъ оныя распредѣляются такимъ образомъ, чтобъ не было надобности усиливать часы преподаванія съ приближеніемъ къ новому полугодію.

105. Медали раздаются въ торжественномъ собраніи, по прочтеніи составленныхъ въ Факультетахъ обозрѣній содержанія присланныхъ на задачи отвѣтовъ.

106. Разсужденія, доставившія награды сочинителямъ, дозволяется, по усмотрѣнію Совѣта, печатать на счетъ Университета.

Испытаніе во время курсовъ и по окончаніи оныхъ.

112. Ищущіе ученыхъ степеней подвергаются испытанію по порядку, въ какомъ слѣдуетъ одна степень за другою, и въ установленные сроки. Студенты, окончившіе съ отличнымъ успѣхомъ курсъ наукъ въ Университетахъ, могутъ быть прямо удостоиваемы степени Кандидата; прочіе ихъ товарищи и студенты Лицеевъ, получившіе одобрительные аттестаты и право на классные чины, допускаются немедленно къ испытанію въ кандидаты, чрезъ годъ по пріобрѣтеніи сего званія, въ Докторы. Если желающій получить ученую степень не слушалъ лекцій въ Университетѣ или Лицеѣ, то долженъ выдержать прежде студентское испытаніе.

113. Чиновники, находящіеся на службѣ, могутъ, съ согласія своего начальства и съ дозволенія Попечителя, посѣщать Университетскія лекціи и пріобрѣтать ученыя степени на общихъ правилахъ. Неслужащимъ чиновникамъ разрѣшается пользоваться Университетскимъ преподаваніемъ на томъ же основаніи.

114. Иностранцы, получившіе степень Доктора въ другихъ Государствахъ, допускаются къ испытанію въ Россійскихъ Университетахъ на степень Магистра, а чрезъ годъ по пріобрѣтеніи оной, на степень Доктора.

Гл. VII.—Права и преимущества Университетовъ.

Отд. I.—Права, собственно Университетамъ принадлежащія.

120. Университеты имѣютъ свою собственную Цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ ученаго содержанія сочиненій, ими или ихъ Профессорами издаваемыхъ. Цензура сія руководствуется правилами общаго Цензурнаго Устава.

121. Университетамъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ-за границы всякаго рода учебныя пособія. Кипы и ящики съ сими вещами, адресованные въ Университеты, въ пограничныхъ таможняхъ не вскрываются, а только пломбируются. Они свидѣтельствуются въ Университетахъ въ присутствіи таможеннаго или губернскаго чиновника.

122. Книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя Университетами изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію Комитетовъ Цензуры иностранной.

123. Университетскія зданія освобождаются отъ квартирной повинности какъ постоемъ, такъ и деньгами.

124. Университеты могутъ имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки.

125. Университетамъ, при коихъ состоятъ Медицинскіе Факультеты, позволяется содержать аптеки.

134. Выписываемые Профессорами для своего собственнаго употребленія книги, рукописи и повременныя изданія пропускаются изъ-за границъ безпошлинно и не подлежатъ Цензурному разсмотрѣнію, съ возло-

женіемъ отвѣтственности въ случаѣ доставленія таковыхъ произведеній непозволительнаго содержанія для чтенія посторонним лицамъ на тѣхъ, кои выписали оныя. Вещи сіи доставляются въ Университеты на основаніи сказаннаго въ стат. 121.

III. Ученыя общества.

164. Университеты могутъ учреждать особыя Ученыя Общества для усовершенія совокупными изысканіями какой-либо опредѣленной части наукъ, каковы суть: Общество Россійскихъ Древностей, Общества Минералогическія и тому подобныя.

166. Уставы Ученыхъ Обществъ не могутъ имѣть дѣйствія безъ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія.

Гл. IX.—**Учебныя и вспомогательныя пособія и заведенія.**

168. Библіотекарь, изъ стороннихъ чиновниковъ, избираемый Попечителемъ и утверждаемый Министромъ, имѣетъ Помощника, опредѣляемаго Попечителемъ.

V. Изъ «Инструкціи директору Казанскаго Университета», Высочайше утвержденной 17 января 1820 г. [1]).

Директоръ Университета есть довѣренный гражданскій чиновникъ, которому Правительство поручаетъ хозяйственное и полицейское управленіе Университета, въ качествѣ Предсѣдателя Правленія, и лично важную часть нравственнаго образованія воспитанниковъ.

Директоръ Университета есть непосредственный начальникъ Университетской полиціи. Инспекторъ студентовъ и его Помощники, Надзиратели, Экзекуторъ и команда, ему подвѣдомственная, состоятъ въ его начальствѣ (II отд. §§ 1—2).

III Отдѣлъ. § 1. Цѣль правительства въ образованіи студентовъ состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православной церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству.—Слѣдовательно, нравственному воспитанію предлежитъ объять и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть, нравы и наружное обращеніе.

§ 2. Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть—покорность. Посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юности: въ молодости только, упражненіемъ покорности, получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостоянія общественнаго столь необходима. Посему обязанность директора есть непремѣнно наблюдать, что бы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ; что бы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей и что бы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказуемо, не взирая на званія лицъ.

§ 3. Но какъ одна религія связываетъ обязанности съ волею... то директоръ обязанъ главнѣйше наблюдать, подъ строжайшею личною отвѣтственностью и всѣми способами власти, ему даруемой, что бы воспитан-

[1]) Сборн. пост. по мин. нар. пр. I, 374.

никамъ университета внушено было почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію. Для сего обязанъ онъ наблюдать:

а) Что бы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрыто не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ или литературы. Директоръ обязанъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей, часто присутствовать на ихъ лекціяхъ, по временамъ разсматривать тетради студентовъ, наблюдать, что бы не прошло что-нибудь вредное въ цензурѣ и блюсти внимательно, что бы всѣ чиновники университета, каждый по вѣроисповѣданію своему, исполняли свои обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ.

б) Что бы ни подъ какимъ видомъ не были распространяемы въ университетѣ вредныя либо соблазнительныя чтенія или бесѣды.

в) Что бы студенты ежедневно отправляли въ положенное время должныя молитвы, вмѣстѣ и въ присутствіи инспектора, что бы въ дни воскресные и важнѣйшихъ праздниковъ ходили они съ инспекторами къ божественной литургіи и занимались, между забавъ и отдохновенія, какимъ-либо полезнымъ и приличнымъ празднику чтеніемъ, хотя одинъ часъ безъ принужденія.

г) Что бы, мало по малу, инспекторъ пріучилъ ихъ къ дѣламъ милосердія небольшими, по состоянію каждаго, милостынями, посѣщеніемъ больныхъ товарищей въ праздничные дни и т. п.

д) Что бы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ. Начальство университета пріемлетъ ихъ подъ особенное покровительство по службѣ и доставитъ имъ всѣ возможныя по оной преимущества.

е) Впрочемъ, какіе бы успѣхи ни оказывали воспитанники въ наукахъ, медали, отличившимся назначаемыя, не могутъ быть даны, ежели директоръ университета не одобритъ ихъ поведенія.

§ 4. Выборъ честныхъ и богобоязливыхъ надзирателей, которые бы жили и непрестанно находились въ комнатахъ студентовъ; недопускъ къ нимъ постороннихъ посѣтителей и гостей; надзоръ за увольненіемъ ихъ къ людямъ надежнымъ; сообщеніе съ полиціею, для узнанія поведенія ихъ внѣ университета; запрещеніе вредныхъ чтеній и разговоровъ—суть способы къ ограниченію нравственной ихъ чистоты.

§ 7—8. Обезпечивъ всѣми возможными средствами чистоту нравственную, директоръ обязанъ стараться, что бы нравы воспитанниковъ были, вмѣстѣ, кротки и любезны въ общежительствѣ. Для сего долженъ онъ наблюсти, что бы не были терпимы между ними ни ложь, ни злословіе, ни распри и ссоры, ни же слова нарицательныя и грубыя... дабы доброе и благородное обращеніе студентовъ украшало ихъ благонравіе, что бы они во всякомъ положеніи были скромны и учтивы, что бы самая наружность и выраженіе ихъ были пріятны и благоприличны.

§ 9—11. Само собою разумѣется, что все сказанное о нравственности студентовъ, относится въ строжайшемъ обширнѣйшемъ смыслѣ ко всѣмъ наставникамъ и преподавателямъ ихъ: что требуется отъ воспитанниковъ, то предполагается въ воспитателяхъ. Надзоръ директора на всѣхъ ихъ равно по сему предмету простирается... Ежели бы замѣтилъ онъ въ управленіи, ему ввѣренномъ, людей съ сей стороны неблагонадежныхъ, равно какъ и студентовъ, то можетъ представить о ихъ удаленіи.

Относительно къ учебному образованію студентовъ.

III. О предметахъ ученія въ Факультетѣ Нравственно-Философскихъ наукъ.

... Для избѣжанія того смѣшенія идей, которое столь часто замѣчается въ воспитаніи, отъ несоображенія въ совокупности разныхъ Философскихъ системъ, Профессоръ обязанъ привести ихъ одному началу и показать, что условная истина, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнять истину Христіанства до пришествія Спасителя міра; нынѣ же въ воспитаніи допускается, какъ полезное токмо упражненіе разума, для изощренія силъ его къ принятію прочихъ наукъ человѣческихъ, на философскихъ началахъ основанныхъ... Слушатели удостовѣрятся, что все то, что не согласно съ разумомъ Священнаго Писанія, есть заблужденіе и ложь, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо; что тѣ только теоріи философскія основательны и справедливы, кои могутъ быть соглашаемы съ ученіемъ Евангельскимъ: ибо истина едина, а безчисленны заблужденія.

IV. Объ отдѣленіи Политическихъ наукъ.

... Благоразумное преподаваніе Политическаго права покажетъ, что правленіе Монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, что священная власть Монарховъ въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны, низходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое, есть выраженіе воли Вышняго. Почему одинъ изъ древнихъ Христіанскихъ Мудрецовъ, почтеніе и покорность, Государямъ принадлежащія, называетъ Религіей втораго Величества. Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязанъ съ отвращеніемъ указать на правила Махіавеля и Гобса. Онъ долженъ изъяснить, что цѣль Гражданства не есть пожертвовать счастіемъ всѣхъ одному, или возвысить только одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ; но что согласно съ мыслями Платона и Аристотеля, предметъ онаго есть сдѣлать людей, въ обществѣ живущихъ, сколько можно счастливѣе, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладаніе имуществомъ, здравіе, свободу мысли, прямоту сердца и справедливость; что для полученія сихъ благъ необходимы взаимныя жертвы. Потомъ, восходя выше Платона и Аристотеля, преподаватель покажетъ источникъ сихъ началъ въ Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ Пророкахъ и Апостолахъ, или, лучше, въ самомъ верховномъ Законодателѣ нашемъ, и сею священною печатію запечатлѣть истину своихъ уроковъ.

V. О Факультетѣ Физико-Математическомъ.

1) Профессоръ Теоретической и опытной Физики, во все продолженіе курса своего, укажетъ на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. 2) Профессоръ естественной исторіи покажетъ, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, которому, послѣ кратковременной жизни, мы предопредѣлены. 3) Профессоръ Астрономъ-Наблюдатель укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца, и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому и отдаленнѣйшей древности.

VI. О Факультетѣ врачебныхъ наукъ.

Профессоры сего Факультета должны принять всѣ возможныя мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ Медиковъ подверглись, отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ. Студенты должны быть предостережены на счетъ сего ужаснаго заблужденія указаніемъ тѣхъ знатнѣйшихъ авторовъ, кои ему не подвержены. Имъ должно внушено быть, что Святое Писаніе нераздѣльно полагаетъ искуство врачеванія съ благочестіемъ; что вольнодумствующій врачъ никогда не выйдетъ изъ предѣла физическихъ явленій; что искуство врачеванія, безъ духа Христіянской любви и милосердія, есть ремесло, само по себѣ, особливо, когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна Медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная.

VII. О Факультетѣ Словесныхъ наукъ.

а) Профессоръ Россійской Словесности долженъ сколько можно менѣе останавливаться на мертвыхъ правилахъ Риторики, но обязанъ болѣе научать упражненіемъ Красотѣ языка Славянскаго и критическій разборъ священныхъ писателей долженъ быть главнымъ его занятіемъ. Величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія покажетъ онъ въ Библіи, и докажетъ сравненіемъ съ нею лучшихъ авторовъ древнихъ ея надъ всѣми ими превосходство... Изъ книгъ Священныхъ покажетъ онъ, какъ проста истинная высокость и удалена отъ всякаго школьнаго риторства... Онъ разберетъ образцовыя творенія Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера, и укажетъ превосходство ихъ надъ прочими въ подражаніи древнему вкусу, покажетъ также и легкій родъ современныхъ стихотворцевъ, превосходныхъ выработанностью языка, но не сравнившихся еще съ первыми въ выборѣ предметовъ и изяществѣ вкуса. Онъ предостережетъ особенно своихъ слушателей отъ увлеченія въ новизны моднаго слога, и потому все то, что введено въ языкъ произволомъ и смѣлостію, отвергнетъ, какъ неклассическое и недостойное подражанія.

b) Профессоръ древнихъ языковъ не обязанъ изучить оными своихъ слушателей до такого совершенства, чтобы они могли сочинять трудныя ораторскія рѣчи, или стихи... Показывая красоты языческихъ писателей, обязанъ онъ въ то же время показать и превосходства тѣхъ Святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не взирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образцовыхъ потому только, что они Христіяне и Святые, какъ напримѣръ: Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Святыхъ Василія и Аѳанасія. Онъ обязанъ, показывая нужную часть Археологіи для разбора древнихъ языческихъ авторовъ, преподать гораздо обширнѣе древности Христіанскія, кои для чтенія писаній Святыхъ мужей необходимы.

d) Въ преподаваніи Исторіи не долженъ Профессоръ вдаваться въ излишнія подробности баснословія отдаленнѣйшихъ временъ, всегда ложнаго и безполезнаго. Все, что въ преподаваніи о семъ предметѣ можетъ быть допущено, есть токмо примѣненіе къ истинной Исторіи, изъ которой то заимствовано. Послѣ Исторіи Священной, займется онъ чтеніемъ, древ-

нѣйшей всѣхъ прочихъ, —Геродота, и въ писателяхъ Греческихъ и Римскихъ, до Рождества Спасителя писавшихъ, покажетъ, что древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего положительно достовѣрнаго. Отъ Рождества Христова займетъ онъ слушателей своихъ преимущественно древностями Христіянскими, и дабы показать, что Христіяне имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя... Онъ покажетъ все то, что въ языческой Исторіи называется великостію и добродѣтелью, есть токмо высочайшій степень гордости человѣческой, и ничто предъ величіемъ Христіянскимъ... Онъ укажетъ, какъ дикіе народы, орудіе руки Божіей, наказали гордый Римъ за неистовство и ужасы, имъ содѣянные. Покажетъ вѣки тьмы и варварства, послѣ коихъ Христіяне возстановили науки и просвѣщеніе, спасенныя въ ихъ скромныхъ убѣжищахъ. Пройдя кратко Исторію новѣйшихъ временъ, заключитъ Профессоръ курсъ всеобщей, философскимъ взглядомъ на важнѣйшія ея эпохи, по руководству извѣстной рѣчи Боссюэта и духа Исторіи Фернанда.

Профессоръ Исторіи Россійской преподастъ ее во всей нужной подробности. Онъ покажетъ, что Отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя Государства, и докажетъ сіе распоряженіями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показавъ въ то же время положеніе другихъ Европейскихъ Государствъ въ семъ отношеніи.

Онъ распространится о славѣ, которою Отечество наше обязано Августѣйшему дому Романовыхъ, о добродѣтеляхъ и патріотизмѣ его родоначальника и достопримѣчательныхъ происшествіяхъ настоящаго царствованія.

Такимъ образомъ, Университетъ, устремивъ всѣ науки къ единой цѣли и связавъ ихъ единымъ духомъ, во всеобщности непротиворѣчащихъ познаній, будетъ почтеннымъ сословіемъ истиннаго образованія, и подавъ примѣръ полезнѣйшаго учебнаго заведенія, пріобрѣтетъ отличное покровительство Правительства, благодарность Отечества, уваженіе иноземныхъ народовъ и славу въ Исторіи...

Наконецъ, для удобности всегдашняго удостовѣренія, что Университетъ идетъ успѣшно по правиламъ, ему даннымъ, Совѣтъ ежемѣсячно требовать будетъ отъ каждаго Профессора отчета въ преподанныхъ имъ свѣдѣніяхъ, съ представленіемъ отличнѣйшихъ студентовъ, для соображенія при годовыхъ испытаніяхъ. Совѣтъ будетъ ежемѣсячно представлять, на томъ же основаніи, Попечителю общій отчетъ по всѣмъ Факультетамъ, съ своими замѣчаніями о его предположеніяхъ въ разсужденіи успѣшнаго преподаванія наукъ и съ означеніемъ отличнѣйшихъ Профессоровъ трудолюбіемъ и успѣхомъ преподаванія...

VI. Изъ рѣчи Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова 11 Сентября 1824 года.

„По случаю собранія членовъ Главнаго Правленія Училищъ къ предварительному совѣщанію по дѣламъ Министерства“.

...Есть ли воспитываемое во множествѣ училищъ юношество отъ нерадѣнія нашего возрастетъ и возмужаетъ съ нѣкоторыми недостатками и пороками; есть ли, не утвержденное въ благовѣніи къ Богу, въ преданности Государю и Отечеству, въ любви къ правдѣ, въ чувствованіи чести и че-

ловѣколюбія, заразится оно лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею; есть ли, говорю, подобныя небреженія допустятся быть существующими въ училищахъ, или не возмутся къ отвращенію ихъ всѣ возможныя мѣры, то сколько въ послѣдствіи времени произойдетъ отъ того зла и въ воинскихъ ополченіяхъ, и въ судебныхъ засѣданіяхъ, и въ исполненіи всякихъ должностей, и въ семействахъ, и вообще въ пользахъ общежитія. Науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго. Онѣ сколько полезны въ благонравномъ человѣкѣ, столько-же вредны въ злонравномъ: ибо служатъ ему способомъ къ изобрѣтенію и удобнѣйшему исполненію внушаемыхъ въ него страстями побужденій и къ развращенію тѣхъ, кои безъ коварныхъ его совѣтовъ остались бы, въ простотѣ ума и сердца своего, добродушными.

Сверхъ того, науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей, и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію. Обучать грамотѣ весь народъ, или несоразмѣрное число онаго количества людей, принесло бы болѣе вреда, нежели пользы.

Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ, или еще вреднымъ гражданиномъ. Но правила и наставленія въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ доброй нравственности нужны всякому, не выводятъ никого изъ опредѣленнаго ему судьбою мѣста и во всѣхъ состояніяхъ и случаяхъ дѣлаютъ его и почтеннымъ, и кроткимъ, и довольнымъ, и благополучнымъ.

Благочестивый поселянинъ, прилежный въ дѣлѣ своемъ, добрый мужъ, чадолюбивый отецъ, мирный сосѣдъ, умѣренный въ своихъ желаніяхъ, не скучающій въ потѣ лица доставать себѣ насущный хлѣбъ, несравненно просвященнѣе для меня, нежели хитрый мудрецъ, знающій всѣ науки, но который, послѣдуя движенія безнравственныхъ страстей своихъ, мучитъ самъ себя безпрестанными мечтаніями и совращаетъ другихъ съ истиннаго пути спокойной и благоденственной жизни. Я увѣренъ, милостивые государи, что сіи понятія мои объ истинномъ просвѣщеніи не различествуютъ съ вашими, и надѣюсь, что, на семъ основаніи, творя волю пославшаго насъ, можемъ мы усердіемъ и попеченіемъ своимъ призвать на себя благодать Божію, удостоиться Монаршаго благоволенія и принесть посильныя услуги Отечеству [1]).

VII. Изъ «Предложенія Генералъ-Маіору Писареву по поводу назначенія его Попечителемъ Московскаго Округа». (28 іюня 1825 г.)[2]).

...При столь ощутительной важности назначенія вашего и великости предлежащей вамъ цѣли, Ваше Превосходительство, конечно, почтете не неумѣстнымъ, есть ли я войду въ нѣкоторыя подробности о томъ, на что,

[1]) „Сборникъ распоряженій по Мин. Нар. Просвѣщенія“ Т. I. 1802—1834 г. № 251. Спб. 1866 г.

[2]) Такое же наставленіе Мин. Нар. Просв. А. С. Шишкова предложено и. д. Попечителя Харьковскаго Учебн. Округа. („Сборн. распоряж. по Мин. Нар. Просв.“. Т. I № 260).

по мнѣнію моему, слѣдуетъ обратить вамъ преимущественное вниманіе при вступленіи въ управленіи Московскимъ Учебнымъ Округомъ.

1. По части нравственной.

„Науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго". Вотъ истина, которую принялъ я за основаніе всѣхъ моихъ распоряженій по части народнаго просвѣщенія, и которую обязуюсь никогда не упускать изъ виду. Ваше Превосходительство, конечно, согласитесь со мною, что нельзя положить начала болѣе твердаго для прочнаго и полезнаго образованія юношества. А потому я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, обратить особенное вниманіе свое:

1. На нравственное направленіе преподаваній, наблюдая строго, чтобы въ урокахъ Профессоровъ и учителей ничего колеблющаго или ослабляющаго ученіе нашей вѣры не укрывалось. Чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ учили Закону Божію съ тою внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, отнюдь не вдаваясь въ лжемистику и не увлекаясь безсмысленною филантропіею, поставляющею всѣ ереси на ряду съ истинною христіанскою вѣрою; чтобы учащіеся не устранялись отъ наблюденія правилъ церковныхъ; чтобы они посѣщали въ праздничные дни храмъ Божій, а въ будни собирались бы на общественную молитву; чтобы между ними установлено было чтеніе Священнаго Писанія по Славянскому тексту съ толкованіемъ Святыхъ Отцевъ и учителей церкви...

4. Чтобы наблюдались всѣ нужныя мѣры осторожности къ предохраненію воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства; чтобы въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія учениковъ, не было книгъ противныхъ вѣрѣ, правительству и нравственности, и чтобы отнюдь подобныя сочиненія не обращались въ рукахъ ихъ...

...Обращаясь въ особенности къ Московскому Университету, сему разсаднику просвѣщенія, въ которомъ, для окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ постоянно находится болѣе 800 юношей, посвящающихъ себя разнымъ гражданскимъ званіямъ на пользу общественную, я обязанностію почитаю изложить здѣсь къ наблюденію Вашего Превосходительства, что заведеніе сіе требуетъ со стороны вашей непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора, дабы, достигнувъ возможнаго совершенства, могло оно прійти въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ долженствуетъ быть, чтобы оправдать Высочайшее о немъ попеченіе и показать на дѣлѣ, что не втунѣ изливались на оное въ продолженіе болѣе нежели семидесяти лѣтъ щедроты Монарховъ нашихъ.

Безпристрастное испытаніе студентовъ и другихъ лицъ, желающихъ получить ученыя степени, равно какъ чиновниковъ, требующихъ назначенныхъ Указомъ 6 Августа 1809 года аттестатовъ, есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ къ поощренію ученья. Недостатокъ справедливости въ семъ дѣлѣ не только не доставитъ чести Университетамъ, но и сдѣлаетъ безполезными мудрыя мѣры правительства къ распространенію просвѣщенія въ Отечествѣ нашемъ. Я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство имѣть за симъ самое строгое наблюденіе.

Остается сказать мнѣ нѣчто о цензурѣ книгъ, предоставленной Университету по всему Московскому Учебному Округу. Нельзя довольно обращать вниманія на всѣ хитрыя увертки и извороты разума, подъ которыми въ наше время развратъ и невѣріе распространяютъ нечестивыя

мудрованія, ко вреду религіи, правительствъ и гражданскаго общества. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя, вкравшись единожды во всеобщее употребленіе, могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства...

VIII. Записка гр. С. С. Уварова, представленная Государю Императору въ 1843 году [1]).

При истеченіи десятилѣтія моихъ занятій по завѣдыванію министерствомъ народнаго просвѣщенія, я считаю себя обязаннымъ и чувствую необходимость пройти внимательнымъ взглядомъ все, что въ продолженіе этого періода сдѣлано по учебному вѣдомству, волею Вашего Величества мнѣ ввѣренному.

Въ образованіи народномъ, въ этой многосложной вѣтви государственнаго управленія, гдѣ цѣль, къ которой стремиться должно, поставлена такъ высоко и отдаленно, гдѣ всѣ начинанія и дѣйствія, по самому свойству вещей, созрѣваютъ медленно и требуютъ терпѣливости неизмѣнной, было-бы неосторожно стремиться впередъ, не обращая взора назадъ и не соображая прошедшаго съ будущимъ. Чѣмъ позднѣе достигаются послѣдніе и окончательные результаты, тѣмъ необходимѣе безпристрастнымъ изслѣдованіемъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, равно какъ и встрѣченныхъ неудачъ, убѣждаться въ правильности избраннаго пути и подкрѣплять надежды на приближеніе къ метѣ далекой, почти невидимой...

Углубляясь въ разсмотрѣніе задачи, которую предлежало рѣшить безъ отлагательства, задачи, тѣсно связанной съ самою судьбою отечества,—независимо отъ внутреннихъ и мѣстныхъ трудностей этого дѣла,—разумъ невольно почти предавался унынію и колебался въ своихъ заключеніяхъ при видѣ общественной бури, и въ то время потрясавшей Европу и которой отголосокъ, слабѣе или сильнѣе, достигалъ и до насъ, угрожая опасностью. По среди быстраго паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, въ виду печальныхъ явленій, окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ, на коихъ зиждется благоденствіе, сила и жизнь народная; найти начала, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные останки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастію, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить.

Искренно и глубоко привязанный къ церкви отцовъ своихъ, русскій искони взиралъ на нее какъ на залогъ счастія общественнаго и семейственнаго.

Безъ любви къ вѣрѣ предковъ, народъ, какъ и частный человѣкъ, долженъ погибнуть. Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова.

[1]) „Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія. 1833—1843". Вступленіе. Спб. 1864 г.

Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Русскій колоссъ упирается на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ своего величія. Эту истину чувствуетъ неисчислимое большинство подданныхъ Вашего Величества: они чувствуютъ ее въ полной мѣрѣ, хотя и поставлены на разныхъ степеняхъ гражданской жизни и различествуютъ въ просвѣщеніи и въ отношеніяхъ къ правительству.

Спасительное убѣжденіе, что Россія живетъ и охраняется духомъ самодержавія сильнаго, человѣколюбиваго, просвѣщеннаго, должно проникать народное воспитаніе и съ нимъ развиваться. Наряду съ сими двумя національными началами находится и третье, не менѣе важное, не менѣе сильное: народность. Вопросъ о народности не имѣетъ того единства, какъ предъидущій; но тотъ и другой проистекаютъ изъ одного источника и связуются на каждой страницѣ исторіи Русскаго Царства. Относительно къ народности все затрудненіе заключалось въ соглашеніи древнихъ и новыхъ понятій; но народность не заставляетъ идти назадъ или останавливаться; она не требуетъ неподвижности въ идеяхъ. Государственный составъ, подобно человѣческому тѣлу, перемѣняетъ наружный видъ свой по мѣрѣ возраста: черты измѣняются съ лѣтами, но физіономія измѣняться не должна.

Неумѣстно было бы противиться этому періодическому ходу вещей; довольно, если сохранимъ неприкосновеннымъ святилище нашихъ народныхъ понятій; если примемъ ихъ за основную мысль правительства, особенно въ отношеніи къ отечественному воспитанію.

Вотъ тѣ главныя начала, которыя надлежало включить въ систему общественнаго образованія, чтобы она соединяла выгоды нашего времени съ преданіями прошедшаго и съ надеждами будущаго, чтобы народное воспитаніе соотвѣтствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейскаго духа. Просвѣщеніе настоящаго и будущаго поколѣній, въ соединенномъ духѣ этихъ трехъ началъ, составляетъ безсомнѣнно одну изъ лучшихъ надеждъ и главнѣйшихъ потребностей времени и тотъ священный трудъ, который довѣренность Вашего Величества возложила на мое усердіе и рвеніе.

Естественно, что направленіе, данное Вашимъ Величествомъ министерству и его тройственная формула,—должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей: либеральныхъ—ибо министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое намѣреніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу, во всемъ его объемѣ; мистическихъ потому, что выраженіе—православіе—довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ и слово народность возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство неприязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною идти не позади, а по крайней мѣрѣ рядомъ съ прочими европейскими національностями. Еслибъ нужно было еще ближе увѣриться въ справедливости избранныхъ началъ, то это удостовѣреніе можно было бы найти и въ порицаніи ихъ противниками величія Россіи; и въ общемъ, радостномъ сочувствіи, съ коимъ эти завѣтныя слова были

приняты въ отечествѣ всѣми приверженцами существующаго порядка. Въ царствованіе Вашего Величества главная задача по министерству народнаго просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы собрать и соединить въ рукахъ правительства всѣ умственныя силы, дотолѣ раздробленныя, всѣ средства общаго и частнаго образованія, оставшіяся безъ уваженія и частію безъ надзора, всѣ элементы, принявшіе направленіе неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитіе умовъ потребностямъ государства, обезпечить, сколько дано человѣческому размышленію, будущее въ настоящемъ. Послѣ девятилѣтняго періода можно безошибочно сказать, что начала, избранныя Вашимъ Величествомъ, и управлявшіе безпрерывно подъ моимъ руководствомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, выдержали опытъ времени и обстоятельствъ, явили въ себѣ залогъ безопасности, оплотъ порядка и вѣрное врачеваніе случайныхъ недуговъ.

IX. Марта 19-го 1848 года. Циркулярное предложеніе объ усугубленіи надзора по воспитанію въ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Новѣйшія событія на западѣ Европы ознаменовались возстаніемъ противъ законныхъ властей и посягательствъ на государственный порядокъ. Мятежъ, вспыхнувшій во Франціи, поспѣшно отозвался въ Германіи, угрожая гибельнымъ своимъ вліяніемъ всякому благоустроенному гражданскому обществу. Чтобы пагубныя мудрованія преступныхъ нововводителей не могли проникнуть въ многочисленныя учебныя заведенія наши, считаю священною обязанностью обратить вниманіе Вашего Превосходительства: 1) на духъ преподаванія вообще въ училищахъ и въ особенности въ Университетѣ ввѣреннаго вамъ Округа; 2) на поведеніе и образъ мыслей студентовъ Университета, Лицея и воспитанниковъ Гимназій; 3) на благонадежность начальниковъ, наставниковъ и воспитателей, употребленныхъ къ образованію юношества, и 4) на частныя учебныя заведенія и пансіоны, особенно на содержимые иностранцами. Конечно, надежнѣйшее средство сохранить юношество отъ заразы вольнодумства есть: во 1-хъ, отчетливое преподаваніе закона Божія, съ ближайшимъ указаніемъ на прямыя обязанности вѣрноподданныхъ; во 2-хъ, въ недопущеніи, при преподаваніи прочихъ учебныхъ предметовъ, ничего такого, что бы могло въ незрѣломъ еще умѣ юношей поколебать вѣру или уменьшить убѣжденіе въ необходимости и пользѣ основныхъ учрежденій нашего правительства, и въ 3-хъ, въ бдительномъ и строгомъ наблюденіи за нравственностью учащихся. Чтобы достигнуть вполнѣ этой, весьма важной, но по настоящимъ обстоятельствамъ еще важнѣйшей цѣли, необходимо и Вашему Превосходительству и подчиненнымъ вамъ начальствамъ учебныхъ заведеній усугубить за ними надзоръ и не упускать изъ виду ни одного обстоятельства, которое можетъ благопріятствовать къ сохраненію между учащимися добраго духа, покорности властямъ и преданности къ правительству. Извѣстное мнѣ усердіе Вашего Превосходительства служитъ ручательствомъ въ добросовѣстномъ исполненіи этого предписанія, а о мѣрахъ, которыя вы признаете за нужное употребить къ тому, я буду ожидать вашего донесенія.

---

[1]) Сборникъ распоряж. по Мин. Нар. Пр. II, № 865.

X. Объ ограниченіи числа студентовъ въ университетахъ.

(30 апрѣля 1849 г.).

Статсъ-Секретарь Танѣевъ сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ, чтобы штатъ студентамъ въ университетахъ ограниченъ былъ числомъ 300 въ каждомъ, съ воспрещеніемъ пріема студентовъ доколѣ наличное число не войдетъ въ сей узаконенный размѣръ. Съ симъ вмѣстѣ Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобъ при будущихъ пріемахъ въ студенты избрать изъ кандидатовъ однихъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію[1]).

XI. О принятіи въ университеты преимущественно молодыхъ людей, имѣющихъ право на вступленіе въ гражданскую службу.

(26 января 1850 г.).

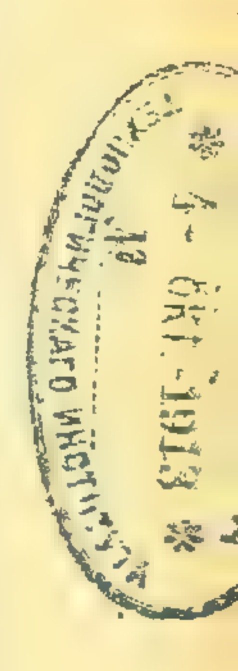
Докладъ. При открытіи, въ началѣ текущаго столѣтія, всѣхъ нашихъ университетовъ, кромѣ Московскаго, и съ преобразованіемъ тогда же послѣдняго, правительство справедливо желало увидѣть какъ можно скорѣе плоды этихъ учрежденій и наполнить всѣ части государственнаго управленія людьми, спеціально для того приготовленными. Оканчивавшихъ курсъ въ немногихъ открытыхъ въ то время гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было еще слишкомъ мало, чтобы доставить достаточное число студентовъ для всѣхъ факультетовъ; еще менѣе было приготовленныхъ домашнимъ воспитаніемъ къ поступленію въ это званіе. Надлежало по необходимости, для успѣха дѣла, брать въ казенные университетскіе воспитанники семинаристовъ и допускать въ своекоштные студенты всѣхъ безъ различія молодыхъ людей, способныхъ выдержать вступительное испытаніе. Вотъ начало допущенія податныхъ состояній къ высшему образованію въ университетахъ и къ открытію имъ чрезъ то средствъ ко вступленію въ военную и гражданскую службу, наравнѣ съ дворянами. Съ открытіемъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Ярославлѣ, Нѣжинѣ и Одессѣ, уже не столько по необходимости, сколько по уваженію къ значительнымъ приношеніямъ частныхъ лицъ, положившимъ основаніе симъ заведеніямъ, даровано имъ то же право принимать для образованія лица всѣхъ свободныхъ состояній.

Въ послѣдствіи, когда Ваше Императорское Величество изволили признать справедливымъ отдалить слишкомъ легкую возможность пріобрѣтенія личнаго и потомственнаго дворянства службою, всѣмъ сословіямъ по прежнему остались открытыми двери университетовъ и лицеевъ, и люди податного состоянія, по успѣшномъ окончаніи преподаваемыхъ въ нимъ курсовъ, пользуются и доселѣ еще одинакими съ дворянами преимуществами при вступленіи на военное и гражданское поприще. Между тѣмъ общимъ коореннымъ закономъ (Свода Зак. т. 3, Уст. о службѣ гражд. ст. 4) запрещается принимать въ гражданскую службу: 1) иностранцевъ; 2) купцовъ и дѣтей ихъ, за исключеніемъ только купечества первой гильдіи; 3) личныхъ почетныхъ гражданъ и дѣтей ихъ, равно какъ и почетныхъ гражданъ изъ бывшей Польской шляхты; 4) вольноотпущенныхъ и ихъ дѣтей; 5) мѣщанъ и вообще людей, принадлежащихъ къ податнымъ

[1]) Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр. II т. № 1094.

состояніямъ; 6) отставныхъ отъ военной службы нижними чинами не дворянъ и ихъ дѣтей; 8) дѣтей придворнослужителей, недостигшихъ классныхъ чиновъ, и 9) Евреевъ, кромѣ тѣхъ, кои, по выслугѣ въ военной службѣ опредѣленныхъ лѣтъ, получатъ законное на то право.

По воспослѣдовавшей въ прошломъ году Высочайшей волѣ, число своекоштныхъ студентовъ, кромѣ медицинскаго, а въ Дерптѣ и богословскаго факультета, ограничено тремя стами въ каждомъ университетѣ, съ воспрещеніемъ новаго пріема, доколѣ наличное число студентовъ не войдетъ въ этотъ размѣръ; при будущихъ же пріемахъ выбирать однихъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію. Мѣра сія съ видимымъ успѣхомъ приводится въ исполненіе, такъ что число своекоштныхъ студентовъ въ философскомъ и юридическомъ факультетахъ вошло уже въ нормальное положеніе въ университетахъ Дерптскомъ, Св. Владиміра, Харьковскомъ и Казанскомъ. Только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ оно превышаетъ еще нормальное назначеніе, простираясь въ первомъ до 420, а въ послѣднемъ до 450; но съ предстоящими въ будущемъ августѣ выпусками, безъ сомнѣнія, и здѣсь всякое излишество исчезнетъ.

Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ вакансіи для пріема въ число 300 своекоштныхъ студентовъ сдѣлаются рѣже и стѣснится возможность получать желающимъ высшее образованіе, то изъ сего естественно возникаютъ вопросы: а) не слѣдуетъ ли эти вакансіи предоставлять преимущественно тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ, по происхожденіи ихъ и по кореннымъ государственнымъ законамъ, даровано право вступленія въ гражданскую службу? или б) надлежитъ, по прежнему, допускать къ тому безъ различія всѣ свободныя и даже податныя состоянія, хотя въ томъ не представляется уже никакой особенной надобности? Осмѣливаюсь думать, что и самая справедливость, и польза общественная, и согласіе съ мѣрами, принятыми уже правительствомъ къ затрудненію пріобрѣтенія личнаго и потомственнаго дворянства, требуютъ утвердительнаго разрѣшенія перваго изъ сихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей, особливо, если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію, или на пути къ возвышенію встрѣчаютъ неожиданныя преграды.

Имѣя счастіе все сіе представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго повелѣнія: 1) Въ пріемѣ въ университетъ С.-Петербургскій, Московскій, Св. Владиміра, Харьковскій и Казанскій своекоштныхъ студентовъ въ числѣ 300, назначенныхъ въ каждомъ изъ нихъ, независимо отъ медицинскаго факультета, при удовлетворительности приготовительныхъ свѣдѣній и при равномъ удостовѣреніи въ отличной нравственности кандидатовъ, отдавать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые, на основаніи 3 ст. Свода Зак. т. 3, Уст. о службѣ гражд., имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу. 2) О примѣненіи сего правила къ Дерптскому университету, имѣющему отдѣльный Уставъ, дозволить мнѣ, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ края, войти съ особымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ.

Осмѣливаюсь присовокупить, что если эти предположенія будутъ удостоены Высочайшаго утвержденія, все еще молодымъ людямъ изъ

состояній, неимѣющихъ права на поступленіе въ гражданскую службу, открытъ будетъ путь къ высшему образованію: имъ можно будетъ поступать въ студенты медицинскихъ факультетовъ, въ богословской факультетъ Дерптскаго университета и даже въ прочіе за тѣмъ факультеты, если нормальное число 300 студентовъ не пополнится кандидатами изъ состояній, пользующихся особыми преимуществами. Сверхъ того, они по прежнему могутъ слушать курсы въ Лицеяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Резолюція: „Исполнить" [1]).

XII. Циркулярное предложеніе относительно диссертацій на ученыя степени.

(13 декабря 1850 г.).

По случаю Высочайшихъ замѣчаній на нѣкоторыя изъ печатныхъ диссертацій, написанныхъ для пріобрѣтенія ученыхъ степеней, прошу покорнѣйше сдѣлать распоряженіе: 1) чтобы не только самыя диссертаціи были благонамѣреннаго содержанія, но чтобъ и извлеченные изъ нихъ тезисы или предложенія, которыя испытуемый защищать долженъ, при такомъ же направленіи, надлежащую полноту, опредѣлительность и ясность, не допускающія возможности понимать разнымъ образомъ одно и то же предложеніе. 2) При разсмотрѣніи диссертацій и при наблюденіи за защищеніемъ ихъ не допускать въ смыслѣ одобрительномъ обсужденія началъ, противныхъ нашему государственному устройству [2]).

XIII. О возложеніи наблюденія за преподаваніемъ логики и психологіи въ Университетахъ и Ришельевскомъ Лицеѣ на Главныхъ Наблюдателей за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

(23 апрѣля 1852 г.).

Наблюденіе за преподаваніемъ логики и психологіи, также какъ и богословія, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, которымъ занимаются Профессоры богословія, возложено Святѣйшимъ Синодомъ на Главнаго Наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга и его окрестностей. Вслѣдствіи сего, я просилъ Святѣйшій Синодъ о распространеніи сей мѣры и на Университеты: Московскій, Харьковскій, Казанскій, Св. Владиміра и Ришельевскій Лицей... Нынѣ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода увѣдомилъ меня, что, согласно предположенію моему, наблюденіе за преподаваніемъ логики и психологіи въ сказанныхъ Университетахъ и Лицеѣ возложено Святѣйшимъ Синодомъ на Главныхъ Наблюдателей за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ городовъ, гдѣ означенные Университеты и Лицеи находятся.

---

[1]) Сборникъ пост. по Мин. Нар. Просв. т. II № 1129.
[2]) Сборн. распоряж. по Мин. Нар. Пр. III, ст. 42—3.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

1. Изъ автобіографіи Фонвизина: «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ».

Отецъ мой, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ [1]).

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ [2]) уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ,—продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: второго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища; въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкото-

---

[1]) Фонвизинъ (1744—1792) поступилъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ въ самый годъ его основанія, въ 1755 г. Университетъ закончилъ въ 1762 году.

[2]) Исповѣдь написана въ послѣдніе годы жизни.

рымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ, и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста...

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ россійскій языкъ зналъ очень хорошо [1].

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ [2]) вздумалъ ѣхать въ Петербугъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета [3]) плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтнихъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими; и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ родного дяди нашего.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ меня: чему я учился? „По-латыни“, отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ, огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно...

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, Генрихъ и Пернилла [4]). Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьеви-

---

[1]) Вѣроятно, имѣется въ виду магистръ Яремскій.
[2]) И. И. Мелиссино.
[3]) И. И. Шуваловъ.
[4]) Комедія Гольберга, переводъ Нартова.

чемъ Волковымъ... и съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ... Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять... Тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а, между тѣмъ, продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ „Жизнь Сиѳа“, царя египетскаго, но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его Альзиру. Сей переводъ есть ни что иное, какъ грѣхъ юности моея, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Въ 1762 году былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить на караулы на съѣзжую, то уклонялся я сколько могъ отъ дѣйствительной службы. По счастію моему, дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній вицеканцлеръ [1]) взялъ меня въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина, чѣмъ я былъ доволенъ. А какъ переводилъ я хорошо, то покойный тогдашній канцлеръ [2]) важнѣйшія бумаги отдавалъ именно для перевода мнѣ.

2. Дневникъ московскаго студента съ 1805 по 1807 годъ.

С. П. Жихаревъ. „Записки современника“. Ч. I. Дневникъ студента [3]).

2-го января, понедѣльникъ (1805 г.).

Не безпокойся, любезный братъ, я не перестану быть твоимъ неизмѣннымъ гримомъ. Писать къ тебѣ обратилось мнѣ въ привычку. Благодарю за присылку денегъ; теперь, вѣроятно, не одна красненькая запечатывается въ пакетъ для подарка новому студенту. Званіе мое не бездѣлица и порадуетъ моихъ домашнихъ. Ожидаю непремѣнно экстраординарной благостыни. Правду сказать, еслибъ кто шесть мѣсяцевъ назадъ вздумалъ предрекать мнѣ, что въ нынѣшній новый годъ я поѣду поздравлять родныхъ и знакомыхъ моихъ въ синемъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и при шпагѣ, я бы принялъ это за обидную насмѣшку.

---

[1]) Кн. А. М. Голицынъ.

[2]) Гр. М. Л. Воронцовъ.

[3]) Близкій Жуковскому и семьѣ Тургеневыхъ, Жихаревъ въ молодости былъ членомъ „Арзамаса“, гдѣ получилъ названіе „Громобоя“. Службу началъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, потомъ былъ оберъ-прокуроромъ московскаго сената и, наконецъ, сенаторомъ. Въ его живыхъ непосредственныхъ письмахъ ярко сказывается веселый, беззаботный студентъ, богатый, съ аристократическими связями, увлекающійся театромъ, балами. Университетъ его мало интересуетъ, но все же и о немъ даетъ онъ любопытныя въ бытовомъ отношеніи свѣдѣнія.

Однако жь, это сбылось. Конечно, прилежанія, трудовъ и хлопотъ было не мало, но что значило бы все это безъ помощи и содѣйствія добраго моего Петра Ивановича? [1]) Онъ объ успѣхахъ моихъ заботился болѣе меня самого. Математика мнѣ не очень далась; но на нее не обратили вниманія, и Алексѣй Өедоровичъ [2])—дай Богъ ему здоровья—сильно поддерживалъ меня. Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу [3]), Ивану Петровичу Архарову, къ теткѣ Вишневской, къ брату Ивану Петровичу [4]), къ Аксеновымъ и къ Кудрявцевымъ; разумѣется заѣзжалъ и къ Лобковымъ,—какъ хорошѣетъ Арина Петровна!..

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ только 16 лѣтъ. Не совѣтовалъ служить въ архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ коллегію, сперва на черную работу; обѣщалъ дать къ кому-то письмо; обласкалъ, однако жь не посадилъ. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ, или угрюмъ по природѣ. За-то какъ обнималъ меня Иванъ Петровичъ Архаровъ! Созвалъ все семейство смотрѣть па мой мундиръ, и чего-чего не наговорилъ: называлъ милымъ, умницею, роднымъ и проч... Между тѣмъ, я сегодня попалъ туда, куда бы ѣздить и не слѣдовало. Кудрявцевъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Өедоровичу Каменскому, Богъ вѣсть зачѣмъ! развѣ только для того, чтобъ похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ кадетскомъ корпусѣ преподавалъ графу нѣмецкій языкъ. Графъ, безспорно, знаменитый полководецъ и недаромъ фельдмаршалъ, но могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ: „Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ: скорѣе бы повытерли“. И только. Не посадилъ; простоялъ больше часу, покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ житьѣ-бытьѣ: видишь, въ ихъ время будто бы все было лучше.

Таскался по профессорамъ: я началъ съ Страхова и кончилъ Снѣгиревымъ. Добрые, благонамѣренные, почтенные люди! все время жизни своей посвящаютъ другимъ, въ безпрерывныхъ трудахъ, а съ нашей стороны признательности немного. Вотъ, напр., хотя бы взять Никифора Евтроповича [5]). До сихъ поръ, какъ только появится на каѳедрѣ, такъ тотчасъ наши шалуны и давай повторять третьегоднишную его фразу: „Оное Гарнерово воздухоплаваніе не столь общеполезно, сколько оное финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть“. Разумѣется, конструкція фразы смѣшна, да за-то въ ней глубокій смыслъ.

Обнимался съ Алексѣемъ Өедоровичемъ и Буринскимъ, который написалъ превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирновъ переводитъ „Cabale und Liebe“, которую разыгрывать будутъ на пансіонскомъ театрѣ. Хотятъ мнѣ назначить роль Вурма, потому что я смуглъ и тощъ, и главное, потому, что ее никто не беретъ. Благодаренъ; будетъ съ меня и Франца Моора, котораго отхлесталъ я, къ полному неудовольствію переводчика [6]).

---

[1]) Магистръ Богдановъ.
[2]) Профессоръ Мерзляковъ.
[3]) Государственный канцлеръ Остерманъ.
[4]) Поливановъ, впослѣдствіи сенаторъ.
[5]) Профессоръ Черепановъ.
[6]) Ник. Ник. Сандуновъ.

8-го марта, среда.

Физическія лекціи П. И. Страхова часъ-отъ-часу болѣе привлекаютъ публику: Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Я не пропускаю и не пропущу ни одной, сколько бы ни было другого дѣла. Страховъ говоритъ просто, ясно и увлекательно. Изъ дамъ обыкновенныя посѣтительницы—княжна Урусова и Полунина. Прекрасно также говоритъ и Павелъ Аѳанасьевичъ: онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ и потому не могу опредѣлить достоинства нашего профессора сравнительно съ прочими, но, признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ. Однако-жь вотъ и онъ, скромный и благородный человѣкъ, попалъ на зубокъ какому-то зоилу, который сострилъ эпиграмму на журналъ его:

Каковъ журналъ? — не хватской.
Издатель кто? — Сахацкой.
Читатель кто-жъ?—Посадской.

28-го іюня, среда.

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣдѣніе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что недолго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12-му классу, торопитъ службою.

Физику . . . . Пр. Страховъ.
Натур. Исторію . . . . „ Антонскій.
Философію . . . . „ Брянцовъ.
Статистику . . . . „ Геймъ.
Эстетику . . . . „ Сахацкій.
Чистую математику . . . . „ Аршеневскій.
Исторію . . . . „ Черепановъ.
Россійское право . . . . „ Горюшкинъ.
Теорію законовъ . . . . „ Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи . . . . „ Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи . . . „ Загорскій.

На французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію . . . . „ Фишеръ.
Естественное и народное право . . . „ Шлёцеръ.
Химію . . . . „ Рейсъ.
Нравственную философію . . . . . „ Рейнгардъ.
Астрономію . . . . „ Гольдбахъ.

На нѣмецкомъ:

Высокую геометрію . . . . „ Иде.
Ботанику . . . . „ Гофманъ.
Нѣмецкую литературу . . . . „ Сангленъ.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннѣйшіе, privatissimae, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

20-го декабря, среда.

Завтра экзаменъ, послѣзавтра актъ, и затѣмъ прощайте навсегда пансіонъ и университетъ! Около трехъ лѣтъ назадъ я только и бредилъ,

что объ университетѣ и еще въ началѣ нынѣшняго года думалъ не оставить его иначе, какъ съ званіемъ кандидата, а, можетъ быть, и магистра, а теперь бѣгу изъ него безъ оглядки простымъ недоучившимся студентомъ, бѣгу, не зная самъ куда. Видно, по выраженію Жуковскаго, таковъ человѣкъ:

Игралище суетъ, волнуемый страстями,
Какъ ярымъ вихремъ листъ: ужасный жребій твой:
Бороться съ горестьми, болѣзньми и собой!

Не безъ сердечнаго, однако-жь, сожалѣнія оставлю многихъ моихъ доброхотовъ и пособниковъ и никогда не забуду ихъ заботъ и попеченій обо мнѣ. Да и какъ забыть умнаго, положительнаго Страхова, ученаго, краснорѣчиваго и добродушнаго Сахацкаго, геніальнаго Мерзлякова и даже кропотуна Антонскаго, превосходнаго наставника и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ добраго человѣка, хотя и плохого профессора! Не говорю уже о Петрѣ Ивановичѣ, съ которымъ еще не такъ скоро разстанусь и который былъ мнѣ другомъ и братомъ и, несмотря на свое педантство, одинъ изъ превосходнѣйшихъ людей на свѣтѣ по качествамъ сердца и образу мыслей.

Не забуду и тебя, милый, безпечный мой Буринскій, будущее свѣтило нашей литературы, поэтъ чувствомъ, поэтъ взглядомъ на предметы поэтъ оборотами мыслей и выраженій и образомъ жизни—словомъ, поэтъ по призванію! Не забуду тебя, скромный обитатель бѣдной кельи незабвеннаго нашего поэта Кострова, котораго наслѣдовалъ ты таланты, но не наслѣдовалъ его слабости [1]).

23-го декабря, суббота.

Экзамены кончились благополучно и актъ прошелъ какъ слѣдуетъ, т. е. какъ проходилъ онъ двадцать лѣтъ назадъ и проходить будетъ опять черезъ двадцать лѣтъ. Спрашивали извѣстное, отвѣчали заученое, представляли судебное дѣйствіе Горюшкина, въ которомъ нѣтъ никакого дѣйствія; любовались рисунками, рисованными учителемъ Синявскимъ, подъ видомъ поправокъ; играли на клавикордахъ тѣ же пьесы, которыя играли прошлаго года и будутъ играть въ будущемъ году все тѣ же братья Лизогубы; танцовали тотъ же балетъ съ гирляндами, которыми старикъ Морелли угощаетъ посѣтителей ежегодно впродолженіи почти четверти вѣка; читали Благость Мерзлякова, Генія Петра Ивановича, Гимнъ Истинѣ Грамматика съ поправками Жуковскаго, очень несчастное Счастіе Соковнина, Французскій діалогъ въ родѣ разговора: comment vous portez-vous?—très bien, monsieur.

Провозгласилъ и я нѣмецкую рѣчь Hochzuverehrende Versammlung, которую подсказывалъ мнѣ пріѣхавшій въ отпускъ Тургеневъ и которой никто не слушалъ—словомъ, все прошло какъ нельзя лучше. Столичное начальство дѣлало комплименты Антонскому, а онъ передавалъ ихъ учителямъ и нѣкоторымъ воспитанникамъ. Всѣ довольны, но болѣе всѣхъ доволенъ я, потому что все это кончилось.

---

[1]) Умершій въ 1808 г. З. А. Буринскій принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ кружкѣ, группировавшемся около Мерзлякова. Переводилъ изъ Горація, Геродота, издалъ сборникъ стиховъ „Поэзія" (1802 г.). Степень магистра словесныхъ наукъ получилъ за „Разсужденіе о томъ, какую пользу принесла Россіи война съ турками въ 1736 г.". Щедрый на похвалу, благодушный Жихаревъ былъ о немъ преувеличеннаго мнѣнія.

Однако-жь, какъ теперь, на свободѣ, пораздумаешь: что это значитъ: мы, дѣйствительные студенты, ѣздимъ на лекціи въ университетъ, а принадлежимъ еще начальству пенсіонскому? Согласенъ, что тѣ, которые живутъ въ пенсіонѣ, обязаны считаться отъ него зависящими; но я и нѣкоторые другіе вступили въ пенсіонъ полупенсіонерами и никогда въ немъ не жили: почему же мы принадлежимъ пенсіону? Вотъ этого никто не хотѣлъ, или не умѣлъ мнѣ растолковать? А что-то неладно.

22-го января, воскресеніе (1807 г.).

Добродушный хитрецъ Антонъ Антоновичъ [1]) въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что я ничѣмъ не занимаюсь кромѣ театра. Я пришелъ просить его о выдачѣ мнѣ студенческаго аттестата, а онъ свое: „А больше учиться-та не хочешь?"—„Не хочу, Антонъ Антонычъ". „Какъ Митрофанушка-та: не хочу учиться, хочу жениться?"—„Хочу, Антонъ Антонычъ".—„Не бось, туда же въ дармоѣды-та, въ иностранную коллегію?"—„Туда и отправляюсь, Антонъ Антонычъ".—„Ректора-то попроси, а я изготовить аттестатъ велю. А новые стихи-та Жуковскаго знаешь?"—„Знаю, Антонъ Антонычъ".—„Ну-ка, прочитай-ка".

. . . . Поэзія, съ тобой
И скорбь и нищета теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубровы, надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душой
Въ укромной хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ
Поетъ, мечтаетъ—и блаженъ!
и т. д.

„Полно-та, полно-та!"—вскричалъ мой Антонскій развеселившись,—„ужъ вижу, что знаешь. Когда успѣваешь выучивать-та? все съ актёрками танцуешь-та!"—„Я стиховъ не учу, Антонъ Антонычъ, сами въ память врѣзываются". — „Ну, а прозу также помнишь-та". — „Помню, Антонъ Антонычъ".—„Ну-ка, прочитай что-нибудь, хоть изъ Мароы Посадницы, или изъ Вадима-та"!

„Раздался звукъ вѣчеваго колокола—и вздохнули сердца въ Новгородѣ!"

„Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи! Къ вамъ стремлюсь душою, пѣвецъ природы, незнаемый словно: сокройте меня, сокройте!.."

Я отхваталъ ему „Полпосадницы" и чуть не треть „Вадима", и мой Антонскій давай цѣловать меня! „Слышалъ, слышалъ, что у тебя память-та хороша, а этого не ожидалъ. Говорятъ, что и „Пророковъ" знаешь, и „Притчи" и „Іисуса Спраха". — „Знаю, Антонъ Антонычъ". — „Ну, жаль, жаль, что я прежде-та не зналъ, а теперь Христосъ съ тобой. Да съѣзди въ Донской и молебенъ отслужи".

Антонскій полагаетъ, что молебны дѣйствительнѣе въ Донскомъ монастырѣ, потому что братъ его тамъ архимандритомъ.

8-го февраля, четвергъ.

Ѣздилъ къ ректору просить о выдачѣ аттестата. Онъ сердечно радъ отпустить меня скорѣе и совѣтовалъ похлопотать у Антонскаго. Засталъ у

[1]) А. А. Антонскій-Прокоповичъ — ректоръ университета (1818—1826). Раньше онъ читалъ естественную исторію въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

него шестичувственнаго Брянцева, котораго наши забавники прозвали такъ потому, что добрый профессоръ какъ-то однажды на лекціи объяснялъ, что нѣкоторые извѣстные ученые не безъ основанія признаютъ въ человѣкѣ, вмѣсто пяти чувствъ, шесть, и это шестое чувство называютъ вожделѣніемъ. Насмѣшникамъ только попадись на зубки, а между тѣмъ лучше быть шестичувственнымъ, нежели совсѣмъ безчувственнымъ, какъ бо́льшая часть всѣхъ зубоскаловъ.

15-го февраля, четвергъ.

Наконецъ, получилъ я сегодня аттестатъ свой, подписанный вчера Страховымъ, и окончательно распростился какъ съ нимъ, такъ съ Антонскимъ и со всѣми профессорами, кромѣ Мерзлякова, съ которымъ прощусь 18 числа въ день моего рожденія, у насъ на пирушкѣ. Не думалъ я такъ скоро оставить университетъ и оставить его такимъ олухомъ, въ какомъ-то нравственномъ разслабленіи; а какимъ молодцомъ, съ какими энергическими надеждами, съ какой самоувѣренностью въ непремѣнныхъ успѣхахъ я вступалъ въ него! Вотъ тебѣ и успѣхи!..

13-го апрѣля, воскресенье.

Обѣдалъ у Антонскаго съ Страховымъ, протоіереемъ Малиновскимъ, Мерзляковымъ, Буле, Двигубскимъ, Буринскимъ и Петромъ Ивановичемъ, которому онъ поручилъ непремѣнно привезти меня. „Своего-та привезите“, сказалъ онъ Петру Ивановичу: „мы съ нимъ жили-та не въ большомъ ладу, надобно помириться-та“. Сверхъ чаянія моего, обѣдъ былъ очень веселый и очень сытный. Говорили, большею частью, о новыхъ университетахъ: харьковскомъ и казанскомъ, открытыхъ въ прошедшемъ году; хвалили очень выборъ кураторовъ: графа Потоцкаго и Румовскаго. Страховъ утверждалъ, что они отлично знаютъ свое дѣло. Превозносили государя, который такъ печется о распространеніи просвѣщенія, и удивлялись, какъ въ такое безпокойное военное время онъ успѣваетъ всѣмъ заниматься. Страховъ спрашивалъ Буле и Двигубскаго, готовятъ ли они что-нибудь къ торжественному акту. Буле отвѣчалъ, что онъ намѣренъ написать диссертацію о лучшемъ способѣ сочинить исторію народовъ, населявшихъ Россію прежде IX вѣка; а Двигубскій объявилъ, что будетъ говорить о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности. Слава Богу! это ужь не прежнія сухія разсужденія, никого неинтересующія; слѣдовательно, на актѣ будутъ говорить и слушать дѣльное. Отецъ Ѳеодоръ сказывалъ, что и онъ, на старости лѣтъ, хочетъ произнести, можетъ быть, въ послѣдній разъ, написанное уже имъ слово о томъ, что милость есть главная обязанность, достойная человѣка, и вмѣстѣ собственное его благополучіе. Пили за здоровье государя, министра просвѣщенія, куратора и Страхова, какъ ректора университета, а при концѣ обѣда хозяинъ предложилъ выпить и заупокойную чашу въ воспоминаніе почтеннаго Харитона Андреевича, скончавшагося въ началѣ прошлаго года. Между прочимъ, Страховъ объявилъ, что мы, наконецъ, будемъ имѣть краткую исторію университета, которою занимается Павелъ Аѳанасьевичъ Сахацкій, по давнему желанію куратора, М. Н. Муравьева.

---

3. Московскій университетъ въ 1806—1810 г.

Изъ „Воспоминаній Ег. Ѳед. Тимковскаго“ [1]).

На другой годъ по моемъ вступленіи въ университетъ, праздновали юбилей, т.-е. 50 лѣтъ его существованія. Торжество великолѣпное, при многолюдномъ стеченіи знаменитостей московскихъ, украшенное стройными хорами Данилы Кашина, кои превосходно пѣли университетскіе пѣвчіе съ аккомпанировкою прекрасной музыки Ал. Кир. Разумовскаго,— все это восхитило меня до небесъ.

Потомъ еще черезъ годъ, т.-е. въ 1806 г. послѣ строгаго экзамена, я произведенъ въ дѣйствительные студенты университета.

Взгляните на этого 16-лѣтняго юношу въ день университетскаго годичнаго собранія. Съ какимъ радостнымъ трепетомъ принимаетъ онъ изъ рукъ своего ученаго начальника маленькую шпагу. Онъ уже офицеръ— важный человѣкъ въ нашей географической долготѣ и широтѣ. Онъ близокъ къ совершеннолѣтію, и какъ сильно бьется его сердце, какой румянецъ играетъ на его полныхъ щекахъ. Словомъ сказать: это молодой студентъ!—Онъ во цвѣтѣ лѣтъ, во цвѣтѣ радостей и надеждъ своихъ...

...Я доселѣ съ признательностью почитаю профессора физики П. И. Страхова, получившаго превосходное образованіе въ заграничныхъ университетахъ и особенно въ Парижѣ, потомъ профессора русской словесности А. Ф. Мерзлякова, любимаго поэта тѣхъ временъ, а равно профессора латинской и греческой словесности П. А. Сахацкаго. Къ нимъ, по всѣмъ правамъ, долженъ быть причисленъ профессоръ статистики И. А. Геймъ, читавшій лекціи свои хотя и неправильнымъ русскимъ языкомъ, какъ иностранецъ, но всегда умно и привлекательно. Между Нѣмцами я уважалъ болѣе всѣхъ ученаго и отмѣнно добраго профессора практической или нравственной философіи Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, исторіи, философіи и проч.

Не берусь произнести оцѣнку моимъ наставникамъ въ частности. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою мѣру знаній, свои достоинства и заслуги; но съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очевидно, отражался духъ келіи и лампады, какъ на языкѣ, такъ на одеждѣ и самомъ образѣ жизни. При томъ, къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ обладали даромъ слова — необходимымъ условіемъ для хорошаго преподавателя публичныхъ уроковъ. Профессоръ, по моему мнѣнію, непремѣнно долженъ быть основательно ученый, благообразный, скромный и краснорѣчивый ораторъ, даже нѣсколько свѣтскій человѣкъ, какъ, напримѣръ, блаженной памяти Страховъ, Шлецеръ (сынъ знаменитаго историка), и даже мой незабвенный Рейнгардъ, бывшій прежде, какъ говорятъ, пасторомъ въ Ростокѣ, — мудрецъ, который привлекалъ пламенною бесѣдою своей, украшалъ прелестными очарованіями всѣ правила нравственности, и которому внимая, въ восторгѣ не разъ готовъ я былъ сказать, подобно древнему Эсхилу: „Сократъ, я бѣденъ, отдаю тебѣ себя; вотъ все, что я могу принести тебѣ!“.

Долженъ я однако сознаться, что уроки нашихъ почтенныхъ наставниковъ могли бы принести гораздо обильнѣйшіе и лучшіе плоды, если бы

---

[1]) *Кіевская Старина, 1894 г. апрѣль.* Тимковскій—извѣстный авторъ „Путешествія въ Китай черезъ Монголію“, предпринятаго имъ въ 1820—21 г. Впослѣдствіи былъ управл. С.-Петерб. главн. архивомъ мин. иностр. дѣлъ и членомъ совѣта этого министерства.

они принимали на себя трудъ лично, или черезъ репетиторовъ, отъ времени до времени заглядывать въ духовную сокровищницу своихъ молодыхъ слушателей и, такимъ образомъ, повѣрять ихъ успѣхи, степень ихъ прочнаго обогащенія нужными познаніями, или же отвращать какую-либо пагубную растрату талантовъ, ниспосланныхъ имъ отъ Бога и раскрытыхъ благонамѣренными учителями.

Къ означеннымъ неудобствамъ нерѣдко присоединялось и развлеченіе, производимое въ студентахъ свѣтскими посѣтителями, и особенно прекрасными посѣтительницами нѣкоторыхъ лекцій, какъ напримѣръ— опытной физики, русской словесности и проч... Нехороша, очень нехороша была эта мода, занятая изъ Парижа, подобно другимъ такимъ же, нашими неразсчетливыми подражателями. Сами профессоры стѣснялись такою модою. Для угожденія дамамъ, они, по учтивости, должны были выбирать изъ преподаваемой науки предметы, доступные ихъ хорошенькимъ головкамъ, предметы легкіе, забавные...

Не взирая на разныя лишенія и самыя неудобства, мое университетское ученіе шло общимъ путемъ. И тутъ природныя дарованія выкупали то, что теряла безпечность; и тутъ я удостоился получить серебряную медаль за мою диссертацію—разсужденіе на латинскомъ языкѣ на задачу изъ уголовнаго права...

Патріархальная простота господствовала тогда въ университетѣ, особливо между студентами казенными, т.-е. получающими жалованье и живущими въ университетскомъ зданіи. Многіе изъ нихъ остались вѣрными ей и на высшихъ степеняхъ государственной службы, такъ что на нѣкоторыхъ можно бы смѣло указать: вотъ студентъ въ чинѣ статскаго или даже тайнаго совѣтника!.. — Тѣмъ большее различіе примѣтно было между дѣйствительными студентами и горделивыми претендентами на чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, которыхъ принудили Указомъ для выдержанія экзамена на тѣ чины посѣщать университетскія лекціи...

Не могу безъ умиленія вспомнить о сладкихъ часахъ того упоенія, въ которые приводила меня игра хорошихъ актеровъ. На Московской сценѣ отличались тогда: престарѣлый Померанцевъ, какъ увѣряли, портретъ славнаго Парижскаго актера Моле, Плавильщиковъ, Зловъ, Мочаловъ, а равно искусный комикъ Сила Сандуновъ, жена его г-жа Сандунова, плѣнявшая всѣхъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, подобно какъ восхищала игрою актриса Воробьева и проч. Бывало, послѣ спектакля, удачно разыграннаго, съ хорошими декораціями, я долго чувствовалъ въ душѣ тоску, сгонявшую и самый сонъ съ очей моихъ...

4. Ранніе годы Казанскаго университета по воспоминаніямъ С. Т. Аксакова.

Я благополучно возвратился въ Казань и очень обрадовался, увидѣвъ Григорія Ивановича [1]). Онъ встрѣтилъ меня ласково. Первымъ моимъ дѣломъ было достать мою студенческую шпагу, которая до моего прибытія хранилась въ кладовой, у дежурнаго надзирателя. Мы съ Александромъ Панаевымъ, прицѣпивъ свои шпаги, цѣлое воскресенье бѣгали по всѣмъ

[1]) Адъюнктъ университета Карташевскій, также и преподаватель университетской гимназіи.

городскимъ улицамъ, и какъ тогда это была новость, то имѣли удовольствіе обращать на себя общее вниманіе и любопытство...

Въ исходѣ августа все было улажено и лекціи открылись въ слѣдующемъ порядкѣ: Григорій Ивановичъ читалъ чистую, высшую математику; Иванъ Ипатычъ—прикладную математику и опытную физику; Левицкій — логику и философію; Яковкинъ—русскую исторію, географію и статистику; профессоръ Цеплинъ—всеобщую исторію; профессоръ Фуксъ—натуральную исторію; профессоръ Германъ—латинскую литературу и древности; Эрихъ—латинскую и греческую словесность, и пріѣхавшій адъюнктъ Эвестъ—химію и анатомію. Былъ еще какой-то толстый профессоръ, Бюнеманъ, который читалъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языкѣ; лекцій Бюнемана я рѣшительно не помню, хотя и слушалъ его. Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ открылся нашъ университетъ. Яковкинъ, какъ инспекторъ студентовъ и директоръ гимназіи, соединялъ въ своемъ лицѣ званіе и власть ректора; подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ Казанской гимназіи, въ которомъ присутствовали всѣ профессоры и адъюнкты, управлялъ университетомъ и гимназіей по части учебной и образовательной. Хозяйственною же частью завѣдывала контора гимназіи, также подъ предсѣдательствомъ Яковкина; одинъ изъ университетскихъ преподавателей находился въ ней постояннымъ членомъ. Яковкинъ, для соблюденія благочинія, съ позволенія попечителя, назначалъ камерныхъ студентовъ и дѣлалъ другія необходимыя распоряженія. Многіе воспитанники, въ томъ числѣ и я, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ то же время университетскія лекціи...

Настоящая зима исключительно обратила насъ къ театру, потому что неожиданно на публичной сценѣ явился московскій актеръ Плавильщиковъ. Его пріѣздъ имѣлъ важное для меня значеніе... Ходить часто въ партеръ или кресла студенты были не въ состояніи: мѣсто въ партерѣ стоило рубль, а кресло 2 р. 50 к. ассигнаціями, а потому мы постоянно ходили въ раекъ, платя за входъ 25 коп. мѣдью. Но раекъ представлялъ для насъ важное неудобство: спектакли начинались въ $6^1/_2$ часовъ, а классъ и лекціи оканчивались въ 6; слѣдовательно, оставалось только время добѣжать до театра и помѣститься уже на заднихъ лавкахъ въ райкѣ, съ которыхъ ничего не было видно, ибо переднія занимались зрителями задолго до представленія. Для отвращенія такого неудобства употреблялись слѣдующія мѣры: двое изъ студентовъ, а иногда и трое, покрупнѣе и посильнѣе, часовъ въ пять и ранѣе, отправлялись въ театръ, занимали по краямъ порожнюю лавку и не пускали на нее никого. Сначала это не обходилось безъ ссоръ, но потомъ посѣтители райка привыкли къ такому порядку и дѣло обходилось мирно. Мы приходили обыкновенно передъ самымъ поднятіемъ занавѣса и садились на приготовленныя мѣста. Сначала передовые студенты уходили изъ классовъ потихоньку, но впослѣдствіи многіе профессора и учителя, зная причину, смотрѣли сквозь пальцы на исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, а достолюбезный Ибрагимовъ нерѣдко говаривалъ: „а что, господа, не пора ли въ театръ", даже оканчивалъ иногда ранѣе получасомъ свой классъ...

Игра Плавильщикова открыла мнѣ новый міръ въ театральномъ искусствѣ. Я не могъ тогда, особенно сначала, видѣть недостатковъ Плавильщикова и равно восхищался имъ въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ драмахъ; но какъ онъ прожилъ въ Казани довольно долго, поставилъ на

сцену много новыхъ пьесъ, между прочимъ комедію свою „Бобыль", имѣвшую большой успѣхъ, и даже свою трагедію „Ермакъ"...

Плавильщиковъ же поставилъ въ Казани „Эдипа въ Аѳинахъ". Стихи Озерова были тогда плѣнительной новостью; они увлекали всѣхъ, и игра Плавильщикова въ роли Эдипа произвела общій восторгъ.

Яркій свѣтъ сценической истины, простоты, естественности, тогда впервые озарилъ мою голову. Я почувствовалъ всѣ пороки моей декламаціи и съ жаромъ принялся за переработку моего чтенія.

Разрѣшенія устроить театръ съ авансценою и декораціями, въ одной изъ университетскихъ залъ, долго не приходило отъ попечителя, который жилъ въ Петербургѣ, а потому мы выпросили позволеніе у директора Яковкина составить домашній спектакль, безъ устройства возвышенной сцены и безъ декорацій, въ одной изъ спальныхъ комнатъ казенныхъ студентовъ. Сколько пріятной суматохи и возни было по этому случаю! Сшили занавѣсъ изъ простынь и перегородили имъ большую и длинную комнату, кроватями отдѣлили мѣсто для сцены, и классными подсвѣчниками освѣтили ее. Мы сыграли комедію: „Такъ и должно" Веревкина и маленькую піесу: „Приданое обманомъ" Сумарокова...

Впрочемъ, не дождавшись окончательной постановки театра, мы сыграли въ вышеупомянутой мною залѣ комедію Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе". Я отличался въ роли Неизвѣстнаго, и слава моя установилась прочно. По общему согласію, сочинили театральный уставъ, который утвердили подписями всѣхъ участвующихъ въ театральныхъ представленіяхъ, и выбрали меня, несмотря на мою молодость, директоромъ труппы, но, увы, не надолго...

Оторванный отъ театра стеченіемъ обстоятельствъ, я бросился въ другую сторону—въ литературу, въ натуральную исторію, которую читалъ намъ на французскомъ языкѣ профессоръ Фуксъ, а всего болѣе пристрастился къ собиранію бабочекъ, которымъ увлекался я до чрезвычайности. Александръ Панаевъ былъ вѣрнымъ товарищемъ и сотрудникомъ моимъ во всемъ. Все свободное время мы бродили съ рампетками по садамъ, лугамъ и рощамъ, гоняясь за попадающимися намъ денными и сумеречными бабочками, а ночныхъ отыскивали подъ древесными сучьями и листьями, въ дуплахъ, въ трещинахъ заборовъ и каменныхъ стѣнъ.

Слушаніе нѣкоторыхъ университетскихъ лекцій и продолженіе ученья въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи шло довольно удовлетворительно, но не отлично. Я началъ было слушать съ большимъ участіемъ анатомію, и покуда рѣзали живыхъ и мертвыхъ животныхъ, ходилъ на лекціи очень охотно. Я даже считался очень хорошимъ ученикомъ. Но когда дѣло дошло до человѣческихъ труповъ, то я рѣшительно бросилъ анатомію, потому что боялся мертвецовъ; но не такъ думали мои товарищи, горячо хлопотавшіе по всему городу объ отысканіи трупа, и когда онъ нашелся и былъ принесенъ въ анатомическую залу — они встрѣтили его съ радостнымъ торжествомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ я долго потомъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

Я пріѣхалъ въ Казань прямо къ Левицкому. Не задолго до моего возвращенія Григорій Иванычъ уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ его отъѣзда классъ высшей математики, впредь до поступленія новаго профессора, былъ порученъ студенту А. Княжевичу, котораго отличныя способности

обѣщали славнаго ученаго по этой части. Я не могъ долго оставаться у Левицкаго; пагубная страсть къ вину совершенно имъ овладѣла, и онъ уже предавался ей каждый вечеръ въ одиночку; воспитанники его избаловались до послѣдней крайности и ничему не учились. Мнѣ скоро надоѣло возиться съ этими шалунами, и я чрезъ два мѣсяца, съ разрѣшенія моего отца и матери, разставшись съ Левицкимъ, нанялъ себѣ квартиру: особый флигерекъ, близехонько отъ театра, у какого-то нѣмца Германа, поселился въ немъ, и въ первый разъ началъ вести жизнь независимую и самобытную. Мы были почти неразлучны съ Александромъ Панаевымъ и приняли въ свое литературное товарищество студента Д. Перевощикова. Переводили повѣсти Мармонтеля, не переведенныя Карамзинымъ, сочиняли стихами и прозою, и втроемъ читали другъ другу свои переводы и сочиненія...

Григорій Иванычъ просрочилъ свой отпускъ (потому что промѣшкалъ долго въ Казани) и опоздалъ слишкомъ мѣсяцъ. Онъ воротился безъ всякаго свидѣтельства о болѣзни и не представилъ никакихъ уважительныхъ причинъ, если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ извиненію своей просрочки. Университетское начальство встрѣтило его непріязненно: Григорію Иванычу былъ сдѣланъ въ совѣтѣ выговоръ. Его подвергли какому-то денежному штрафу и записали просрочку въ формуляръ. Григорій Иванычъ обидѣлся и подалъ въ отставку. Отставку ему дали, хотя не скоро; но въ аттестатѣ хотѣли прописать его просрочку, денежный штрафъ и выговоръ. Григорій Иванычъ не захотѣлъ получить такого аттестата, уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Комиссію Составленія Законовъ безъ аттестата. Уже по прошествіи долгаго времени выхлопоталъ онъ приказаніе у министра просвѣщенія выдать ему аттестатъ изъ университета безъ упоминанія о просрочкѣ и прочемъ. Я видался часто съ моимъ бывшимъ наставникомъ до его отъѣзда и потомъ простился съ нимъ, какъ съ добрымъ старшимъ другомъ, которому я былъ обязанъ чистотою моихъ нравственныхъ убѣжденій и стремленій; предсказаніе матери моей начинало сбываться...

Мы съ Александромъ Панаевымъ продолжали усердно заниматься своими литературными упражненіями и посѣщеніями театра, а какъ наступила весна — собираніемъ бабочекъ. Къ стыду моему долженъ я признаться, что, кромѣ любимыхъ предметовъ, мое ученье шло довольно слабо, и что я сильно и много развлекался.

Къ числу такихъ развлеченій я причисляю и то, что мы составили маленькое литературное общество, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Ибрагимова. Основателями и первыми членами его были: Ибрагимовъ, студенты: В. Перевощиковъ, Д. Перевощиковъ, П. Кондыревъ (онъ же секретарь), И. Панаевъ, А. Панаевъ, я и гимназическій учитель Богдановъ. Мы собирались каждую недѣлю по субботамъ и читали свои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ. Всякій имѣлъ право дѣлать замѣчанія, и статьи нерѣдко тутъ же исправлялись, если сочинитель соглашался въ справедливости замѣчаній; споровъ никогда не было. Принятое сочиненіе или переводъ вписывался въ заведенную для того книгу. Впослѣдствіи, уже безъ меня, число членовъ умножилось, сочинили уставъ и съ Высочайшаго утвержденія было открыто: „Общество любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ“. Оно и теперь не уничтожено, но пребываетъ въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ и всѣ литературныя общества. Я до сихъ поръ имѣю честь считаться его почетнымъ членомъ.

Университетская жизнь текла прежнимъ порядкомъ; прибавилось еще два профессора нѣмца, одинъ русскій адъюнктъ по медицинской части, Каменскій, съ замѣчательнымъ даромъ слова, и новый адъюнктъ профессоръ россійской словесности, Городчаниновъ, человѣкъ бездарный и отсталый. На первой лекціи онъ сказалъ намъ пошлое, надутое привѣтствіе и, для лучшаго ознакомленія съ студентами, предложилъ намъ, чтобъ всякій изъ насъ объявилъ, какого русскаго писателя онъ предпочитаетъ другимъ, и ка́кое именно мѣсто въ этомъ писателѣ нравится ему болѣе прочихъ. На такой вопросъ вдругъ отвѣчать очень мудрено, и потому всякій отвѣчалъ то, что на ту пору приходило ему въ голову. Многіе называли Карамзина, но Городчаниновъ морщился и изъявлялъ сожалѣніе, что университетское юношество заражено этимъ опаснымъ писателемъ. Студентъ Ѳоминъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: „посмотри, Аксаковъ, какъ я потѣшу этого господина". Въ самомъ дѣлѣ, когда дошла до него очередь, Ѳоминъ всталъ и громко сказалъ: „Я предпочитаю всѣмъ писателямъ — Сумарокова, и считаю самыми лучшими его стихами послѣднія слова Дмитрія Самозванца, въ извѣстной пьесѣ того же имени:

„Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна".

Ѳоминъ сдѣлалъ движеніе рукою съ свернутой тетрадью, какъ будто закололся кинжаломъ, и произнесъ:

„Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!" Студенты едва удерживались отъ смѣха, но профессоръ пришелъ въ такое восхищеніе, что сбѣжалъ съ каѳедры, вызвалъ Ѳомина къ себѣ, протянулъ ему руку и сказалъ, что желаетъ познакомиться съ нимъ покороче. Тутъ сдѣлалъ онъ намъ объясненіе, что сильнѣе этого послѣдняго стиха нѣтъ ни въ одной литературѣ...

Между тѣмъ, составился у насъ спектакль, давно затѣянный мною, въ которомъ я надѣялся окончательно торжествовать надъ Дмитріевымъ.

Надежды мои блистательно оправдались: комедія „Бѣдность и благородство души" была сыграна и не осталось ни одного почитателя Дмитріева, который бы не признался, что роль Генриха Блума я сыгралъ несравненно лучше его. Содержатель публичнаго театра, П. П. Есиповъ, подарилъ мнѣ кресло на всегдашній свободный входъ въ театръ. Это былъ послѣдній университетскій спектакль, въ которомъ я игралъ, послѣднее мое сценическое торжество въ Казани. Откровенно признаюсь, что воспоминаніе о немъ и теперь пріятно отзывается въ моемъ сердцѣ. Много есть неизъяснимо обаятельнаго въ возбужденіи общаго восторга!..

Наступилъ 1807 годъ.

Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по Россіи; молодежь бросилась на военную службу, и нѣкоторые изъ пансіонеровъ, особенно изъ своекоштныхъ студентовъ, подали просьбу объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію; старшіе казенные студенты, всѣ черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности, на которое они охотно себя обрекли, вдругъ имъ опротивѣло; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части вдругъ показалась имъ несноснымъ бременемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе: казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только нѣкоторые остались вѣрны своему призванію. Не одинъ

Перевощиковъ, Симоновъ и Лобачевскій попали въ артиллерійскіе офицеры и почти всѣ погибли рановременною смертью.

Въ январѣ 1807 года подалъ я просьбу объ увольненіи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Подавъ просьбу, я пересталъ ходить на лекціи, но всякій день бывалъ въ университетѣ и проводилъ все свободное время въ задушевныхъ, живыхъ бесѣдахъ съ товарищами. Иногда мы даже разыгрывали сцены изъ „Разбойниковъ" Шиллера: привязывалъ себя Карлъ Мооръ (Васильевъ) къ колоннѣ, вмѣсто дерева: говорилъ онъ кипучую рѣчь молодого Шиллера; отвязывалъ Карла отъ дерева Швейцаръ (Балясниковъ), и громко клялись разбойники умереть со своимъ атаманомъ.

Въ мартѣ получилъ я аттестатъ, поистинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ.

Накануне дня, назначеннаго къ отъѣзду, пришелъ я проститься въ послѣдній разъ съ университетомъ и товарищами. Обнявшись, длинною вереницей, исходили мы всѣ комнаты, аудиторіи и залы. Потомъ крѣпко, долго обнимались и цѣловались. Прощаясь навсегда, толпа студентовъ и даже гимназистовъ высыпала проводить меня на крыльцо; медленно сходилъ я съ его ступеней; тяжело, грустно было у меня на душѣ; я обернулся, еще разъ взглянулъ на товарищей, на зданіе университета—и пустился почти бѣгомъ... За мною неслись знакомые голоса: „прощай, Аксаковъ, прощай!"

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые невозвратные годы юности и пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всѣми ихъ дрянностями еще не помрачили вашей ясности! Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ былъ судъ, осужденіе оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному... Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда.

... „Счастливое было это время пребыванія моего [1]) въ университетѣ. Занятія науками, особливо, исторіею и словесностью, и дружба самая нѣжная, самая возвышенная услаждали юные дни мои. Оставшіеся отъ перваго набора старшіе студенты: А. М. Княжевичъ, Д. М. Перевощиковъ, В. И. Тимьянскій, А. В. Кайсаровъ оказывали мнѣ внимательное покровительство и почтили пріязнью; а ближайшіе по времени вступленія въ университетъ товарищи мои: Д. П. Самсоновъ, П. Трофимовъ, Н. М. Поповъ, Н. М. Алехинъ, Е. П. Манассеинъ, С. Н. Гроздовскій, Н. Л. Филиповскій—были моими друзьями, болѣе или менѣе ми-

---

[1]) Поступившій въ казанскій университетъ двумя годами позднѣе Аксакова (въ 1807 г.) В. И. Панаевъ—и тоже очень юнымъ—сохранилъ объ университетѣ такія же восторженныя воспоминанія.

лыми. Въ свободное время отъ классовъ и забавъ посвящали мы, особливо съ двумя первыми, сужденіямъ о предметахъ высокихъ, или изящныхъ; подвиги героевъ, черты самоотверженія, торжество добродѣтели, творенія великихъ писателей и поэтовъ,—вотъ что̀ составляло преимущественно предметъ нашихъ разговоровъ, нашихъ помышленій, наполняло сердца наши и души; мы были самыми благородными, самыми честными молодыми людьми, и вдобавокъ—жаркіе патріоты, готовые положить жизнь на алтарь отечества... Не могу также безъ особеннаго удовольствія вспомнить о нашихъ экскурсіяхъ за растеніями, бабочками, букашками. Въ праздничное утро, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ, вставъ еще до восхода солнечнаго, отправлялись мы подъ предводительствомъ Василія Ильича Тимьянскаго, посвятившаго себя натуральной исторіи, верстъ за шесть, за семь отъ города...

Прелесть утра, красота мѣстности, успѣхъ добычи заставляли забывать все. Какое-нибудь еще незнакомое намъ растеніе, какая-нибудь рѣдкая, красивая бабочка, узорочный жучекъ, приводили насъ въ восторгъ. Такъ, однажды, въ рощѣ Кизическаго монастыря удалось мнѣ найти прекрасный цвѣтокъ, котораго и профессоръ Фуксъ не полагалъ свойственнымъ казанскому климату... Съ восхищеніемъ представилъ я его профессору, который самъ очень тому обрадовался, записавъ въ своемъ гербаріумѣ мѣсто и день находки и мое имя...

Когда-жъ приблизилась осень и наступили тихія лунныя ночи августа, мы любили послѣ ужина собираться на большомъ университетскомъ крыльцѣ, обращенномъ во дворъ, и, усѣвшись на ступенькахъ, пѣть подъ кларнетъ Гроздовскаго русскія пѣсни. Мы пѣли ихъ съ чувствомъ, съ увлеченіемъ, и стройные голоса наши разносились по обширному двору. Жившій въ университетскомъ домѣ, Яковкинъ не только не запрещалъ намъ этого удовольствія, но растворялъ у себя окна, чтобы слушать насъ съ своимъ семействомъ... („Воспоминанія В. И. Панаева“. *Вѣстн. Европы, 1867 г. сентябрь*).

5. Изъ «Записки» Ф. В. Каразина объ его отцѣ В. Н. Каразинѣ, основателѣ Харьковскаго университета [1]).

Чего стоило отцу собрать деньги отъ людей, большая часть которыхъ коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія! За то надобно было видѣть, какъ онъ принялся за это дѣло, какъ воспользовался даромъ своимъ говорить и убѣждать людей! Надобно было слышать произнесенную имъ рѣчь въ дворянскомъ собраніи! 25 лѣтъ спустя одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ-то объ этой рѣчи при мнѣ, и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ... Просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства, все было имъ употреблено! Другой, на мѣстѣ его, поѣхалъ бы послѣ этого съ торжествомъ въ столицу, выставилъ бы себя, прокричалъ бы о подвигѣ своемъ во всѣхъ концахъ вселенной, и на него посыпались бы почести, награды! Но онъ скрылъ себя совершенно; выставилъ только другихъ... А участія съ его стороны было столько, что оно положило начало разоренію его имѣнія, которое теперь почти все распродано по частямъ за долги!..

Дворянство и купечество поддержали отца моего. Дѣло было сдѣлано по его мыслямъ и мольбамъ. Щедро наградивши дворянъ и купцовъ, Государь захотѣлъ наградить и главнаго виновника всего дѣла. Нахо-

---

[1]) *Г. П. Данилевскій.* Украинская старина. Харьковъ, 1866 г., стр. 124—128.

дился тогда отецъ мой въ Харьковѣ, въ отпуску. Вдругъ его призываетъ губернаторъ и спрашиваетъ: „Какой награды онъ желаетъ?“ „Позвольте подумать!“—отвѣчаетъ мой отецъ и вслѣдъ затѣмъ беретъ тройку, скачетъ въ Петербургъ, тамъ бросается къ ногамъ Государя и умоляетъ—не давать ему никакой награды; „да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все изъ желанія получить награду!“ Государь его обнялъ...

Подробности эти отецъ передавалъ однажды самъ, тридцать пять лѣтъ спустя въ минуту особенной откровенностти... Лгать ему было не для чего, особливо передъ сыномъ и въ то время!

6. Рѣчь В. Н. Каразина въ собраніи харьковскаго дворянства 11 августа 1802 г. [1]).

Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе! Она наполняетъ мое сердце!—Таковы мои чувствованія бываютъ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены они обстоятельствами нашего времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ... Мнѣ позволено сказать, Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему! Что Онъ—ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ Ему, обѣтовъ... Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшіе меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, въ первое собраніе, когда представилъ я вамъ предначертаніе того учрежденія, какимъ вы хотите украсить свою страну, отличить ее въ пространной Россіи...

Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ! Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности! Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность дѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ! Такъ я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщенія. Она можетъ быть для Россіи то, что древнія Аѳины для Греціи. Благотворенъ нашъ воздухъ удобенъ прельстить иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ...

Я полагалъ, что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы прійдутъ почерпать у насъ познанія; отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы; что мы умножимъ число врачей... Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ...

Простите дерзновеніе мое! Самыя сіи мысли обнаружилъ я предъ августѣйшимъ монархомъ! Исполнители его велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украйну средоточіемъ просвѣщенія... Высокопочтенное собраніе! Неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей?.. Предстояло ли вамъ, что не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобы питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ, при вступленіи моемъ въ общество?.. Отъ васъ зависитъ теперь—оправдать меня, или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами, въ лицѣ вашего друга или преступника!

---

[1]) *Г. Данилевскій,* ibid.

7. Изъ «Воспоминаній профессора Роммеля о Харьковскомъ университетѣ» [1]) (1811—1815).

Я прибылъ въ Харьковъ 17 января 1811 г. поздно вечеромъ и, проѣздомъ, я увидѣлъ большой освѣщенный домъ. Это былъ университетъ, въ которомъ ректоръ Рижскій, извѣстный авторъ Риторики, собралъ своихъ товарищей съ женами на вечеринку. Стоявшіе на часахъ казаки доложили о моемъ пріѣздѣ. Ректоръ пригласилъ меня, обнялъ и поцѣловалъ, по русскому обычаю; со всѣхъ сторонъ посыпались на меня поздравленія; всѣ удивлялись неожиданно-быстрому окончанію моего путешествія, труднаго и предпринятаго безъ провожатыхъ... Черезъ нѣсколько дней ректоръ отвелъ мнѣ просторное помѣщеніе въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ; съ большою щедростью выдали мнѣ жалованье за цѣлый годъ; теперь я могъ запастись необходимою мебелью, парою курляндскихъ коней и отличными санями. Тотчасъ-же я принялъ намѣреніе заняться русскимъ языкомъ и взялъ въ услуженіе русскаго солдата, — изъ университетскихъ служителей, украшеннаго нѣсколькими медалями и знавшаго только свой языкъ. Отборная библіотека пришла скоро вслѣдъ за мною; въ нѣсколько дней я устроился очень удобно, могъ принимать визиты товарищей и начать чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ...

Въ Харьковѣ было тогда только три факультета: этико-политическій, обнимавшій и юриспруденцію, медицинско-химическій и словесный, въ Германіи называемый философскимъ. Къ послѣднему принадлежали преподаватели не только филологическихъ и историческихъ, но такъ-же математическихъ и физическихъ наукъ. Учрежденіе особаго богословскаго факультета не состоялось, какъ извѣстно, по несогласію высшаго духовенства, которому хотѣлось удержать семинаріи въ своей зависимости. Студенты, къ которымъ причислялись дворяне изъ окрестностей, уже немолодые и поступившіе съ тѣмъ, чтобъ выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ, особенно такъ называемые казеннокоштные студенты, состоявшіе подъ надзоромъ профессора изъ русскихъ. Всѣ лекціи слушались безплатно. Между студентами, молодые и красивые донскіе казаки отличались расторопностью и скромностью, иногда даже поэтическими талантами. Но почти вся молодежь смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; потому что всякій студентъ, счастливо выдержавшій экзаменъ на кандидата, пользовался правами на 12-й классъ, а магистры и доктора на 9-й и 8-ой; эти классы прокладывали дорогу къ высшимъ офицерскимъ мѣстамъ, особенно въ военное время. Ординарные профессора, кромѣ обыкновенныхъ дворянскихъ преимуществъ, считались въ 7 классѣ, т. е. въ чинѣ надворныхъ совѣтниковъ, или подполковниковъ и по правилу получали повышеніе черезъ пять лѣтъ. Можно составить себѣ понятіе о зависти и не-

---

[1]) Приглашенный на каѳедру древнихъ литературъ профессоръ магбургскаго университета Роммель пробылъ въ Харьковѣ около пяти лѣтъ (1811—1815). Его воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ являются цѣннымъ документомъ, рисующимъ жизнь этого университета въ раннюю пору. Сухія и краткія—они зато безпристрастны и объективны... Записки Роммеля, извлеченныя изъ историческаго сборника Бюлау: Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen (Leipzig. 1854), были напечатаны въ 1859 г. въ „Южномъ Сборникѣ", а затѣмъ въ 1868 году съ сокращеніями изданы Я. Баляснымъ отдѣльной брошюрой: „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета" (Харьковъ 1868 г).

доброжелательствѣ, съ какими чинолюбивое и нетерпѣвшее ученья туземное дворянство преслѣдовало профессоровъ, особенно иностранныхъ наперекоръ благимъ намѣреніямъ правительства. Эти непріязненныя чувства закоснѣлыхъ русскихъ, не умѣвшихъ отличить тѣхъ искателей приключеній и неучей, которые наплывали во времена Екатерины и величались самозваннымъ титуломъ профессоровъ, отъ новыхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграничныхъ университетовъ, подбавили пищи ко всеобщей ненависти противъ иностранцевъ, дошедшей до опаснаго раздраженія при нападеніи французовъ. Для приготовленія учителей гимназій учрежденъ былъ при университетѣ педагогическій институтъ, управленіе которымъ предоставлено было мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ.

Не зная еще русскаго языка на столько, чтобъ имѣть практическое вліяніе на будущихъ кандидатовъ въ учители, я ограничился письменною обработкою дидактики и методики, которая впослѣдствіи была переведена по русски и заслужила одобреніе министра Разумовскаго. Тогда же бросилось мнѣ въ глаза, что въ гимназическомъ курсѣ преподаванія греческіе и римскіе классики занимали незначительное мѣсто, а реальнымъ наукамъ: математикѣ, физикѣ, технологіи и даже политической экономіи дано было слишкомъ много простора. Я сообщилъ свои замѣчанія графу Разумовскому.

Графъ въ своемъ отвѣтѣ такъ объяснилъ мнѣ идею, которой держалось правительство при введеніи настоящаго плана преподаванія: гимназіи предназначались для дѣтей всѣхъ сословій (дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ и др.); но далеко не всѣ поступали въ университетъ; многіе оканчивали ученіе въ гимназіяхъ, или по своему званію не имѣли надобностей въ обширномъ, спеціальномъ образованіи и въ гимназіяхъ могли пріобрѣсть о политическихъ наукахъ, коммерціи и технологіи основныя понятія, пригодныя для всякаго состоянія. Вообще вездѣ высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, въ которой они оказывали изумительные успѣхи. Зато пониманіе высшей философіи и филологіи было почти недоступно имъ. Всѣ иностранные профессора, за исключеніемъ французовъ, читали на латинскомъ языкѣ, и мнѣ пришлось очень кстати, что каждый студентъ обязанъ былъ знать достаточно этотъ языкъ. Но на лекціяхъ о греческихъ и латинскихъ классикахъ, которые посѣщались въ довольно большомъ числѣ, сравнительно съ другими, я на первыхъ-же порахъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе: не оказалось классиковъ въ достаточномъ числѣ печатныхъ экземпляровъ. Диктовать оригиналы было бы слишкомъ тяжело; помочь-же этому недостатку, при жалкомъ состояніи русской книжной торговли, возможно было только немедленнымъ изданіемъ необходимѣйшихъ авторовъ.

Университетская типографія принялась печатать ихъ подъ моимъ руководствомъ, несмотря на недостатокъ хорошей печатной бумаги. Изготовленныя мною и дополненныя объяснительными примѣчаніями изданія рѣчей и философскихъ сочиненій Цицерона, Саллюстія и Корнелія Непота тотчасъ-же приняты были для гимназій; изъ болѣе трудныхъ авторовъ я принужденъ былъ, по временамъ, диктовать слушателямъ отдѣльные отрывки.

Мало-по-малу я устроилъ также филологическій семинарій, въ которомъ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герменевтики и археологіи. Смѣю думать, что эти сѣмена классической древности

брошены на почву, не совсѣмъ безплодную; потому что и теперь еще я помню порядочное число русскихъ (между прочими Адамовича, Гевлича, Камлишинскаго, Громова и впослѣдствіи Кеппена), которымъ филологія открыла путь къ дальнѣйшему непрерывному образованію.

На меня возложено было также произнесеніе рѣчей при торжественственныхъ случаяхъ, какъ напр.: въ день тезоименитства Государя.

Въ одной изъ нихъ, сказанной въ 1812 году, представлена была въ широкихъ очеркахъ исторія ученыхъ заведеній и академій древняго и новаго міра. Она понравилась русскимъ, которые, не зная мелкихъ историческихъ подробностей, естественно любятъ колоссальныя туманныя картины. Деканъ въ филологическомъ факультетѣ смѣнялся ежегодно, и жалованье, соединенное съ этой должностью (300 рублей), было яблокомъ раздора для моихъ товарищей. Одинъ разъ выборъ палъ на меня.

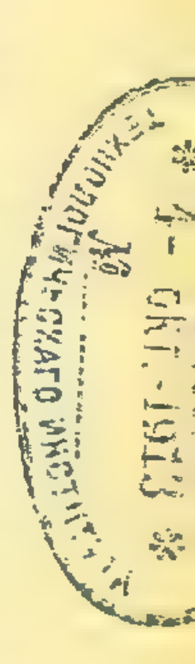
Декану принадлежали такъ-же надзоръ и ревизія нумизматическаго кабинета. Я взялся за это дѣло съ обыкновенною своею ревностью и, указавъ на недостатокъ каталога, навлекъ на себя непримиримую ненависть завѣдывавшаго минцъ-кабинетомъ француза; новый ректоръ, сербъ, потакалъ ему; русскіе, съ канцлеромъ университета (assessor perpetuus), во главѣ, приняли мою сторону. Съ того времени осталась за мною репутація иностранца, соблюдавшаго, по выраженію русскихъ, интересъ казны, тогда какъ другіе обкрадывали ее съ безстыдствомъ. Понемногу расширялся кругъ моей дѣятельности.

Въ качествѣ члена училищнаго комитета меня отрядили для обзора гимназій, при чемъ я открылъ два главные недостатка: нравственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназій, большею частью выслужившихся и полуграмотныхъ офицеровъ изъ гражданской, военной и даже морской службы. Они позволяли себѣ перемѣщать, по произволу, учителей, особенно иностранцевъ, жаловали своихъ любимцевъ и устраняли тѣхъ, кто былъ имъ не по сердцу. Въ это число попалъ однажды нѣкто Кнейперъ, родомъ изъ Вальдека, котораго съ женою и дѣтьми хотѣли перемѣстить изъ Нѣжина въ Крымъ. Я всегда возставалъ противъ несправедливостей. Трудно составить понятіе о разнообразіи партій и характеровъ нашего университетскаго общества. Русскіе и иностранцы стояли вообще враждебно другъ противъ друга; съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда шло дѣло объ интересахъ казны; со вторыми — во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ. Перевѣсъ большинства былъ на сторонѣ нѣмцевъ; французы, сербы, венгры примыкали къ нимъ небольшими партіями. Между русскими не осталось ни одного замѣчательнаго дарованія послѣ Рижскаго и профессора Тимковскаго, когда-то пользовавшагося большимъ вліяніемъ, а теперь жившаго на пенсіи; ректора Стойковича, о которомъ скажу послѣ, смѣнилъ Осиповскій, хорошій математикъ и хорошій человѣкъ, но бывшій подъ башмакомъ у своей властолюбивой и кокетливой супруги.

Къ нему присоединились три профессора медицинскаго факультета: Шумлянскій, здоровый весельчакъ, напоминающій польскихъ старостъ, который въ Страсбургѣ изучилъ анатомію и хирургію и былъ большой приверженецъ Наполеоновской системы; Книгичъ, получившій образованіе въ Берлинѣ, но до того небрежный въ своей практикѣ, что пропускалъ почти каждый кризисъ трехдневной лихорадки, когда я заболѣлъ;

Каменскій, точный, ловкій практикъ, преподаватель повивальнаго искусства. Какъ секретарь и составитель протоколовъ нашего совѣта, гдѣ обыкновенно все обсуживалось по латыни, онъ задавалъ намъ не мало работы своими русскими рапортами въ Петербургъ. Въ томъ-же ряду стоялъ Успенскій, русскій крючекъ; по должности синдикъ, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось, и подъ маскою большой угодливости скрывалъ огромное честолюбіе. Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, невсегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ. безразсчетнымъ выраженіемъ своего мнѣнія.

Такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ подьячихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: „въ протоколъ записать!“, „довести до свѣдѣнія начальства!“. Всегдашнею ихъ тактикою было—представить неосторожнаго — вольнодумцемъ, врагомъ порядка и правительства. И это называли они: служить вѣрою и правдою.

Всѣ мои русскіе товарищи, такъ глубоко понимавшіе науку интриги, были почти незнакомы съ нѣмецкою литературою. Исключеніе можно сдѣлать въ пользу одного русскаго адъюнкта медицинскаго факультета, Калькау. Онъ воспитывался въ Германіи и отличался тонкимъ пониманіемъ лучшихъ писателей нѣмецкой литературы. Жанъ-Поль былъ любимымъ его авторомъ. Въ числѣ профессоровъ было четыре француза: Делавинь, профессоръ ботаники, прежній аббатъ; старикъ простой, безъ претензій, чуждый всѣхъ интригъ. Баленъ-де-Баллю и Дюгуръ, оба изъ Парижа, и Совиньи, мой адъюнктъ по филологіи. Баллю пріобрѣлъ извѣстность своею исторіею греческаго краснорѣчія и стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Забавный говорунъ, онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ Петербургъ, въ педагогическій институтъ, гдѣ читалъ по-французски лекціи греческой литературы и имѣлъ успѣхъ, благодаря необыкновенному декламаторскому таланту. Дюгуръ, перекрещенный при переходѣ въ русское подданство Дегуровымъ, въ прежнее время былъ, какъ разсказывали, книгопродавцемъ и издателемъ въ Парижѣ; потомъ, отпечатавъ при обвиненіи Людовика XVI рѣчи въ его защиту, бѣжалъ въ Британію, женился на англичанкѣ и оттуда вывезенъ какимъ-то русскимъ княземъ. По званію онъ былъ профессоръ исторіи, а въ сущности имѣлъ у насъ особенное значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновеніе университета съ герцогомъ Ришелье. Знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свою выгоду дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими. Назначенный впослѣдствіи ректоромъ петербургскаго университета, онъ вышелъ на болѣе просторную арену, объѣздилъ Германію и Францію и доказалъ свою страсть къ космополитическимъ проектамъ сочиненіемъ о воспитательныхъ домахъ въ Европѣ. Несравненно ниже его стоялъ мой адъюнктъ, Николай Паки-де-Совиньи, когда-то аббатъ. Лекціи де-Совиньи были образцомъ увядшаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ ученическихъ лекціяхъ онъ оставался ограниченнымъ приверженцемъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться цензорскою указкою. Докторскій дипломъ его, отпечатанный огромными буквами, висѣлъ подъ зеркаломъ.

Безпрестанно рылся онъ въ старыхъ и новыхъ газетахъ и, какъ почти всѣ наши французы, былъ большой почитатель Наполеона. Замѣчательнѣйшимъ изъ нѣмцевъ былъ Романъ Шадъ, прежній бенедиктинскій монахъ въ Банцѣ, во Франконіи, заслужившій извѣстность своимъ столкновеніемъ съ тамошними обскурантами и тайнымъ бѣгствомъ. Яростный, ненавистный русскимъ поборникъ просвѣщенія, литературы и филологіи, Шадъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью (что-то вродѣ философской пропедевтики); въ школѣ іезуитовъ онъ усвоилъ латинскую рѣчь въ совершенствѣ и уже поэтому игралъ большую роль въ совѣтѣ и на всѣхъ диспутахъ. На него впослѣдствіи сдѣланъ былъ доносъ; лекціи метафизики, отзывавшіяся философіей Шеллинга, выданы за атеизмъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, его препроводили изъ Харькова до границы, и онъ окончилъ несчастную свою жизнь въ Іенѣ, тамъ, гдѣ послѣ бѣгства изъ Банца Гете и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Кромѣ того были еще слѣдующіе профессора изъ нѣмцевъ: Гутъ, превосходный математикъ и астрономъ, всегда веселый собесѣдникъ, который скоро разстался съ нами; Гизе, очень дѣльный фармацевтъ; сочиненія его переведены по-русски и были очень полезны для практическихъ химиковъ; Шнаубертъ, также химикъ, скоро переселился въ Москву съ своею молодою и умною женою и тамъ, послѣ нашествія французовъ, дошелъ почти до нищенства, какъ самъ писалъ, обращаясь къ помощи харьковскихъ своихъ товарищей; Дрейссигъ, котораго популярныя медицинскія сочиненія уважались въ Германіи, но приносили ему мало пользы, какъ практику, въ Россіи; особенно потому, что послѣ десятилѣтней практики онъ не говорилъ ни слова по-русски, и Пильгеръ, геніальный ветеринаръ и медикъ. Хотя практика была ему запрещена, но онъ своимъ счастливымъ простымъ и нѣсколько лошадинымъ лѣченіемъ возбуждалъ зависть всѣхъ учениковъ Эскулапа, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ помѣщиками и другими окрестными паціентами и получалъ отъ нихъ щедрые подарки разными деревенскими продуктами. Къ сожалѣнію, большую часть времени онъ проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультетскихъ враговъ; увольненіе его было уже рѣшено, и намъ съ трудомъ удалось спасти его. Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета былъ мой другъ, благородный философъ Швейкартъ. Занимаясь въ Германіи воспитаніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, онъ усвоилъ себѣ изящное свѣтское образованіе; въ памяти своей онъ хранилъ множество анекдотовъ и отличался увлекательнымъ даромъ разсказа. Швейкартъ въ началѣ своего пребыванія увлекался разными проектами и преобразованіями; потомъ, всмотрѣвшись поближе въ тогдашнее состояніе русскаго общества, разочаровался, не имѣя силъ управиться со свѣтомъ, который съ нимъ управлялся по своему, онъ сталъ подозрителенъ, бѣгалъ общества и впослѣдствіи, подъ вліяніемъ высшаго своего философскаго настроенія, едва не впалъ въ мистицизмъ. Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ. Нашимъ геніемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ Стойковичъ. Его высокая, худощавая фигура, строгое, съ орлиннымъ носомъ лицо вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенѣ и, какъ профессоръ физики и писатель, по общему мнѣнію, былъ не столько самостоятельный ученый, сколь искусный компиляторъ. Составленный имъ учебникъ физики

былъ принятъ, или, правдивѣе, навязанъ въ руководство гимназіямъ, и доставилъ ему значительную сумму денегъ. Но скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ, и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ ректоры: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ вполнѣ развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою дѣятельность.

Вмѣстѣ съ Стойковичемъ основали мы при университетѣ ученое общество и приняли въ члены его губернатора, архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ почетныхъ лицъ въ окрестностяхъ. Русскимъ очень льстили почетные дипломы; мнѣ предложено предсѣдательство. Но тутъ вмѣшалось нашествіе французовъ, раздувшее ненависти ко всѣмъ иностранцамъ; вслѣдъ затѣмъ общій взрывъ патріотизма выдвинулъ на первый планъ національное чувство русскихъ и, заглушивъ всѣ другіе интересы, побилъ въ зародышѣ почти всѣ наши ученые планы.

8. Воспоминанія Д. Н. Свербеева [1]).

За годъ до французовъ отецъ мой имѣлъ намѣреніе помѣстить меня въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, но послѣ московскаго разоренія это модное воспитательное заведеніе не было еще въ сентябрѣ 1813 года открыто, и меня на четырнадцатомъ году помѣстили на полупансіонъ къ профессору Мерзлякову вмѣстѣ съ двумя Глазуновыми. Я являлся туда ежедневно въ 8 часовъ утра и въ 7 часовъ вечера возвращался. За меня платили 500 рублей. Мерзляковъ жилъ на Б. Никитской противъ Никитскаго монастыря. Передъ самымъ вступленіемъ всѣхъ насъ троихъ къ Мерзлякову, отецъ моихъ новыхъ товарищей, Глазуновыхъ, задалъ ему обѣдъ на славу, въ Троицкомъ трактирѣ, на который были приглашены мой отецъ, мой наставникъ Никольскій и мы, будущіе питомцы профессора. Нашего будущаго воспитателя, упитаннаго и упоеннаго, вынесли изъ трактира на рукахъ. Кажется, можно было предвидѣть, какъ пойдетъ наше образованіе; кромѣ насъ у Мерзлякова было еще трое пансіонеровъ, оканчивавшихъ въ университетѣ курсъ словесности... Когда я въ первый разъ предсталъ передъ грознымъ ректоромъ, профессоромъ статистики, Иваномъ Андреевичемъ Геймомъ, извѣстнымъ впрочемъ не статистикой, а своимъ Россійско-Нѣмецкимъ Словаремъ, беззубый нѣмецъ удивился нѣжной моей юности и покачалъ головой. Тогда на право слушанія лекцій выдавалась каждому на латинскомъ языкѣ табель, въ которой по каждому факультету выставлены были съ именами профессоровъ всѣ предметы университетскаго ученія; ректоръ отмѣчалъ на нихъ, по собственному своему усмотрѣнію, всѣ предметы, слушаніе которыхъ дѣлалось для снабженнаго табелью обязательнымъ. Мнѣ на первый годъ предписано было постоянное посѣщеніе слѣдующихъ лекцій: статистики у Гейма, славянской словесности у Гаврилова, Россійской словесности у Мерзлякова, таковой же исторіи у Каченовскаго, всеобщей исторіи у Черепанова чего-то въ родѣ риторики у Побѣдоносцева, логики у Брянцова, латинскаго языка и римскихъ древностей у Тимковскаго, нѣмецкаго и французскаго языка у какихъ-то басурмановъ, и, наконецъ, по собственной охотѣ, учился я танцованію у Морелли. Въ наше время мы не имѣли счастія слушать ни Пространнаго Катихизиса, ни Богословія. Лекціи начинались зи-

---

[1]) Эти воспоминанія диктовались мнѣ отцомъ въ послѣдніе годы его жизни, и, несмотря на разстояніе полувѣка, живо переносился онъ въ первую четверть столѣтія. С. Свербеева.

мой при свѣчахъ желтыхъ, сальныхъ, вонючихъ; утреннія кончались въ 12 часовъ, возобновлялись тотчасъ послѣ обѣда казенныхъ студентовъ въ 2 и продолжались до 6, и это всякій день къ неописанному нашему удовольствію...

... Я былъ слишкомъ молодъ и даже, по отношенію къ самой моей молодости, слишкомъ мало приготовленъ къ серьезному слушанію университетскихъ лекцій. По-русски умѣлъ я кое-какъ составить правильный періодъ, но не зналъ правописанія.

Русскую исторію до-петровскаго времени я зналъ въ главныхъ чертахъ, о новѣйшей не имѣлъ я никакого понятія, тоже и съ всеобщей. Греки и римляне были еще мнѣ свѣдомы; дошли до моего слуха и варвары и переселеніе народовъ и средніе вѣка; но что касается Реформаціи и особливо Французской революціи, такой близкой къ моему отрочеству, то я всегда боялся, когда меня о нихъ что-нибудь спрашивали. Благодаря Никольскому мнѣ далась латынь. Корнелій Непотъ, Цицеронъ, Титъ Ливій были мнѣ, судя по годамъ, довольно доступны. По-французски я могъ читать, по-нѣмецки долбилъ неправильные глаголы и приходилъ въ отчаяніе отъ длинныхъ періодовъ этого языка съ отсѣченною отъ глагола частичкою въ концѣ періода. Въ бытность мою на полупансіонѣ у Мерзлякова подготовленіе къ лекціямъ шло изъ рукъ вонъ дурно, а потому и самое преподаваніе профессоровъ, какъ оно ни было поверхностно, не могло итти въ прокъ ни одному изъ моихъ сверстниковъ-студентовъ. Въ наше время можно было раздѣлить студентовъ на два поколѣнія: на гимназистовъ и особенно семинаристовъ, уже брившихъ бороды, и на насъ аристократовъ, у которыхъ не было еще и пушка на губахъ. Первые учились дѣйствительно, мы баловались и проказничали. Впрочемъ, и самый университетъ въ 1813 году въ составѣ своемъ былъ гораздо плоше, чѣмъ за годъ или за два передъ французами. Онъ лишился къ этому времени лучшихъ представителей науки: изъ русскихъ—краснорѣчиваго профессора Страхова, а изъ германскихъ своихъ ученыхъ—Маттеи, Рейнгардта, Бунге, Буле и др...

У Мерзлякова было болѣе таланта, чѣмъ постоянства и прилежанія въ трудѣ. Въ его преподаваніи особенно хромалъ методъ. Къ своимъ импровизированнымъ лекціямъ онъ, кажется, никогда не готовился; сколько разъ случалось мнѣ, почему-то его любимцу, прерывать его крѣпкій послѣобѣденный сонъ заполчаса до лекціи; тогда второпяхъ начиналъ онъ пить изъ огромной чашки ромъ съ чаемъ и предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ пить чай съ ромомъ. „Дай мнѣ книгу взять на лекцію“, приказывалъ онъ мнѣ, указывая на полки.—„Какую?“—„Какую хочешь“. И вотъ, бывало, возьмешь любую, какая попадется подъ руку, и мы оба вмѣстѣ, онъ—восторженный отъ рома, я—навеселѣ отъ чая, грядемъ въ университетъ, и что же? развертывается книга и начинается превосходное изложеніе. Какого бы автора я ему ни сунулъ, авторъ этотъ втѣсняется во всякую рамку послѣдовательнаго его преподаванія; и басня Крылова, если она подвернется, не мѣшала Мерзлякову говорить о лиризмѣ, когда въ порядкѣ, имъ задуманномъ, нужно было говорить о лирикахъ. Студенты его любили и уважали, онъ былъ съ ними добръ и не заносчивъ. Учтивости отъ профессоровъ мы и не требовали.

Второй изъ любимыхъ моихъ профессоровъ былъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, желчный, писклявый, подозрительный, завидливый, человѣконенавистный скептикъ, разбиравшій по всѣмъ косточкамъ и суставчикамъ начатки россійской исторіи, которую онъ преподавалъ, ничего не принимавшій на одну вѣру, отвергавшій всякое преданіе, однимъ

словомъ — сомнѣвавшійся во всемъ. Вѣрилъ онъ одному только Нестору, не вѣрилъ ни „Русской Правдѣ“ Ярослава Великаго, ни духовному завѣщанію Владиміра Мономаха, ни подлинности „Слова о полку Игоревѣ“, ни тому, что куньи мордки замѣняли монету. Въ изложеніи всякаго рода историческихъ сомнѣній и въ опроверженіи достовѣрности источниковъ проходилъ цѣлый годъ курса. Бывало, начнетъ перечислять славянскія и другія племена по Нестору, бьется съ ними цѣлый мѣсяцъ и никакъ не сладитъ съ Корсами, что это былъ за народъ или народецъ. Дойдетъ до нихъ дѣло, и мы, бывало, спрашиваемъ: „Что-же, Михаилъ Трофимовичъ, Корсы?“—„Очень ужъ ты любопытенъ! Корсы пусть будутъ Корсы; будетъ съ васъ. Мнѣ и Варяговъ опредѣлить мудрено“.

Ученикъ Вольфа, соученикъ Канта, философъ Андрей Михайловичъ Брянцовъ, чуть ли не 80-лѣтній старикъ, въ голубомъ своемъ кафтанѣ съ стоячимъ воротникомъ и перламутровыми большими пуговицами, съ сѣдыми волосами à la vergette, при косѣ, восходилъ на свою каѳедру ровно въ 8 часовъ утра, слѣдовательно, зимой при свѣчахъ и преподавалъ намъ неудобоизслѣдимую пучину логики и метафизики. Онъ всецѣло принадлежалъ какому-то допотопному времени, объяснялъ намъ свои премудрости въ сухихъ выраженіяхъ, недоступныхъ нашему пониманію. Его ученая терминологія была латино-германская; его наука была нещадно сухая и схоластическая; даже русскій языкъ испещренъ былъ какими-то старинными словами, оскорблявшими нашъ слухъ. Онъ употреблялъ скоряе вмѣсто скорѣе, чего для вмѣсто для чего и т. д. Тѣшилъ онъ юныхъ студентовъ, самъ того, конечно, не желая, презабавными примѣрами, избираемыми имъ для своихъ силлогизмовъ и логическихъ доказательствъ. Ему особенно любезенъ былъ Кай; напр., въ простомъ силлогизмѣ, что всѣ люди смертны, второю посылкой всегда было: „Кай человѣкъ, слѣд. Кай смертенъ“.

Жизни онъ былъ самой строгой и аскетически суровой; глубоко религіозный онъ чуждался всякаго общества. Сказываютъ, что кончивъ свою лекцію и побывавъ иногда въ конференціи университетскаго совѣта, все свободное время проводилъ онъ съ любимымъ своимъ котомъ... Онъ, какъ увѣряли меня впослѣдствіи мои товарищи, продолжавшіе изучать философію, былъ замѣчательный мыслитель своего времени, немногими понятый и оцѣненный. Покойный Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, занимавшійся цѣлую жизнь философіей, говорилъ о Брянцевѣ, что самъ всеразрушающій Кантъ не отрекся бы признать въ своемъ соученикѣ брата о философіи.

Профессоръ всеобщей исторіи Никифоръ Евтропіевичъ Черепановъ былъ бичемъ студенческаго рода. Онъ умерщвлялъ въ насъ всякое умственное стремленіе къ исторической любознательности, будучи самъ воплощенною скукою и бездарностію. И такого-то профессора въ коротко обстриженномъ рыжемъ парикѣ, въ коричневомъ полиняломъ фракѣ, въ пестромъ жилетѣ, въ желтыхъ панталонахъ съ пятнами, немытаго и съ небритой бородой, обязаны мы были слушать въ послѣобѣденное время съ 2-хъ часовъ до 4-хъ безъ перерыва. Такую пытку пришлось мнѣ выдерживать цѣлые два года и прослушать безсвязныя его сказанія объ Ассирійской, Вавилонской, Мидійской и Персидской монархіяхъ съ самыми сухими подробностями и въ непонятномъ переводѣ древнихъ историковъ. Какъ же мы его и слушали всѣ безъ исключенія! Не успѣетъ пройти и четверть часа, и уже начинаетъ слышаться сопѣнье, а потомъ и храпѣнье то въ томъ, то въ другомъ углу обширной аудиторіи, наполненной до тѣсноты студентами. (Всеобщая исторія была обязательна для всѣхъ сту-

дентовъ). Не засыпали у него только тѣ, которые запасались какой-нибудь книгою; читалъ онъ вяло, длинно, монотонно и какимъ-то гробовымъ голосомъ. Разъ какъ-то неумышленно разыгралась въ этомъ классѣ презабавная исторійка. Ему, входящему въ этотъ классъ съ поклонами слушателямъ, мы отвѣчали шарканьемъ и продолжали этотъ шумъ и скрипъ отъ нашихъ ногъ гораздо дольше, чѣмъ было нужно для поклона. Онъ догадался, что вмѣсто оваціи кроется насмѣшка, и заговорилъ обычнымъ своимъ учительскимъ голосомъ:

„Съ вашего позволенія, государи мои, такое учтивство, такъ сказать, хуже всякаго невѣжества", и тѣмъ же тономъ безъ перерыва, шагая по ступенямъ на каѳедру, продолжалъ: „Семирамида была хотя и легкомысленная женщина, но монархиня наизамѣчательнѣйшая". Такой даровитый профессоръ у всѣхъ, у кого только могъ, отбилъ надолго охоту изучать всякую человѣческую исторію...

Профессоръ славянской словесности Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ обучалъ насъ, собственно говоря, церковному нашему языку посредствомъ одного упражненія въ чтеніи нашихъ божественныхъ книгъ и преимущественно Чети-Минеи. Едва ли и самъ зналъ онъ во всемъ объемѣ языкъ, имъ преподаваемый... Славянскій языкъ Чети-Минеи Ростовскаго святителя былъ доступенъ, ибо сближался уже съ простонароднымъ. У Гаврилова я, издѣтства начетчикъ священныхъ книгъ по милости моего дядьки Варѳоломеевича, отличался передъ всѣми. Въ борзомъ чтеніи и даже въ разумѣніи читаемаго мнѣ уступали и иные семинаристы, и часто передъ классомъ забавлялъ я моихъ товарищей передразниваніемъ Гаврилова, такого же допотопнаго во всемъ старика, какъ и нашъ Всеобщій Историкъ, подбирая, подобно ему, забавные синонимы славянскихъ словъ и изобрѣтая, тоже подобно ему, самыя затѣйливыя объясненія. Разскажу кстати, чтобы показать, какія были отношенія студентовъ къ профессору и профессоровъ къ попечителю, что разъ случилось со мной на лекціи Гаврилова.

У него былъ обычай передъ приходомъ своимъ на лекцію посылать со сторожемъ тѣ, тяжело переплетенныя, съ мѣдными задвижками книги, изъ которыхъ онъ располагалъ читать для перевода, примѣра или объясненія; кто-то изъ преподавателей передъ нимъ почему-то не пришелъ, мы же не расходились въ ожиданіи Гаврилова.

И вотъ младшіе изъ насъ вздумали предложить мнѣ его передразнивать. Я усѣлся на каѳедру, старательно принялъ на себя образъ и подобіе Матвѣя Гавриловича, вынулъ изъ кармана свои очки, спустилъ на самый кончикъ носа, по его обыкновенію, разложилъ увѣсистую Чети-Минею и началъ публичное свое чтеніе разсѣвшимся по лавкамъ студентамъ. Начало было весьма торжественное, объясненія были подходящія къ профессорскимъ со всѣми его синонимами, какъ напр. Богъ (Творецъ,— Вседержитель) и т. д., какъ вдругъ, поднявъ глаза сверхъ очковъ, увидѣлъ я смиренно прислонившуюся къ двери фигуру профессора. Это видѣніе поразило меня благоговѣйномъ ужасомъ, я обомлѣлъ и онѣмѣлъ, ноги мои подо мною подкосились, я даже не могъ встать, а Гавриловъ просилъ продолжать. Все благополучно кончилось приличными извиненіями одного и увѣщаніями другого.

Самъ учитель возсѣлъ на каѳедру и съ какимъ-то необыкновеннымъ одушевленіемъ на этотъ разъ довольно увлекательно началъ читать Житіе св. мученицъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры. И что-же? Тихо отворилась дверь, и къ ней прислонился внезапно вошедшій новый попе-

читель университета, князь Андрей Петровичъ Оболенскій; чтеніе продолжалось въ тишинѣ, не нарушимой даже скрипомъ студенческихъ перьевъ. Въ свою очередь мой профессоръ взглянулъ сверхъ очковъ, узрѣлъ вновь назначеннаго университету попечителя и вострепеталъ, подобно мнѣ несчастному, благоговѣйнымъ ужасомъ, едва могъ встать и сойти дрожащими ногами съ каѳедры, чтобы преклониться передъ величіемъ начальника. Напрасно кроткій князь Оболенскій, человѣкъ весьма набожный, радушно просилъ продолжать; продолженіе обѣщано было впредь, а посѣщеніе ограничилось любезностями. Гавриловъ, конечно, не могъ основательно выучить никого славянскому языку, но все-таки выучилъ иныхъ славянской грамотѣ и цифири, сколько-нибудь пріучилъ ихъ слухъ къ церковной рѣчи, объяснялъ ея обороты и такимъ образомъ былъ небезполезнымъ въ своемъ преподаваніи...

Мудрено бы подумать, а оно на самомъ дѣлѣ было такъ, что самымъ потѣшнымъ преподавателемъ и самыми веселыми предметами были профессоръ Михаилъ Матвѣевичъ Снѣгиревъ и его каѳедра—исторія философіи и Церковная исторія. Въ той и другой разсказывалось множество всякаго рода анекдотовъ и заманчиво любопытныхъ повѣствованій; приведу изъ нихъ два, мнѣ особенно памятныя. Желая дать понятія слушателямъ о древней философіи индѣйцевъ, либо аравитянъ и объ опредѣленіи ихъ философами божественныхъ свойствъ Творца вселенной, Снѣгиревъ выразился однажды такъ: „по созерцанію такого-то древняго философа, перешедшему въ сознаніе его народа, Богъ такъ всевидящъ, что Онъ въ самую черную ночь, на самомъ черномъ камнѣ, самаго чернаго жука видитъ“. Я, любя всегда посмѣяться, конечно, изподтишка, обыкновенно садился на Снѣгиревскихъ лекціяхъ на первой лавкѣ, прямо у него подъ носомъ, и выслушавъ такое древнее восточное ученіе о всевидѣніи Божіемъ, имѣлъ неосторожность довольно громко засмѣяться Благочестивый профессоръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ не дерзать глумиться надъ священными предметами. Какъ нарочно мнѣ на бѣду слѣдующая Снѣгиревская лекція была изъ преподаваемой имъ же церковной исторіи. Повѣствуя о различныхъ ересяхъ, онъ дошелъ до одной изъ нихъ, въ которой (не упомню ея названія) христіанство нисходило съ высоты своего великаго значенія и обращало послѣдователей этой ереси къ самому невѣжественному суевѣрію. Преподаватель перешелъ тутъ къ различнымъ грубымъ видамъ послѣдняго и въ нашемъ народѣ. „Вотъ, напримѣръ, разскажу я вамъ, какъ прошлымъ лѣтомъ, будучи визитаторомъ народныхъ школъ нашего учебнаго округа, зашелъ я въ небольшомъ городкѣ Владимірской губерніи въ одну церковь и вдругъ, теперичка (любимое его слово), вижу я огромнѣйшую икону. Подхожу, теперичка, къ ней, горитъ лампадка, да и безъ того это было днемъ, смотрю: образъ человѣческій, волосы взъерошены, борода всклокочена, глазища страшнѣйшія, руки, ноги длиннѣйшія, сумрачный, дикій, ужасающій, и вижу надпись: Великъ Господь и страшенъ зѣло! Видите, господа, теперичка, какой-то суздальскій богомазъ“... Тутъ я, сидѣвшій напротивъ, уронилъ платокъ, которымъ во все время этого разсказа заглушалъ мой смѣхъ, и разразился такимъ хохотомъ, а за мной и всѣ безъ исключенія слушатели, что профессоръ сперва покраснѣлъ, а потомъ страшно поблѣднѣлъ отъ негодованія; встали ли дыбомъ у него волосы, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, но глаза страшно вытаращились, и въ видѣ описываемой имъ иконы сбѣжалъ онъ съ каѳедры, дернулъ меня за руку, велѣлъ сейчасъ выйти изъ класса и ждать его въ канцеляріи... Классъ кончился скорѣе обыкновеннаго: про-

фессоръ настоятельно приказывалъ мнѣ просить прощенія, я отвѣчалъ: „я не виноватъ“. „Какъ ты смѣешь смѣяться?“—„Воля ваша, смѣшно разсказываете“.—„Я непремѣнно отведу тебя сейчасъ къ ректору“ — „Пойдемте“.—Мы оба съ нимъ надѣли наши теплыя платья и пошли. Онъ меня взялъ за воротъ и всю дорогу торговался, чтобы я просилъ прощенія,—я упорствовалъ; наконецъ, мы пришли къ самой двери ректорской квартиры, и тутъ только выпустилъ онъ меня изъ рукъ, впрочемъ, нисколько не убѣжденнаго въ моей виновности, но съ надеждой, какъ онъ заключилъ, что я исправлюсь въ моемъ неприличномъ поведеніи. Студенты встрѣтили меня, освобожденнаго, рукоплесканіемъ.

Послѣдніе два года моего университетскаго образованія съ живѣйшимъ участіемъ, любовію и великою для себя на всю жизнь пользою слушалъ я лекціи профессора практическаго законоискусства, Николая Николаевича Сандунова. Приготовленіемъ студентовъ къ этому предмету была каѳедра Россійскаго законодательства, которую занималъ бездарный адъюнктъ Смирновъ. Его и университетское начальство терпѣло по снисхожденію, слушатели имѣли къ нему отвращеніе. Потерявъ всякое терпѣніе, я бросилъ эти лекціи послѣ двухъ мѣсяцевъ, не дослушавъ ихъ и до Судебника царя Ивана Васильевича; все читаемое имъ было сбивчиво и безтолково до нелѣпости. У Сандунова, напротивъ, все было заманчиво, живо, весело, даже для нашего младшаго поколѣнія студентовъ. Самъ профессоръ не имѣлъ никакого научнаго образованія, и вѣроятно, вслѣдствіе крайняго незнанія науки права вообще отвергалъ самую науку и при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ къ ней свое презрѣніе. Онъ былъ человѣкъ необыкновенной остроты ума, рѣзкій, энергичный, не подчиняющійся никакимъ приличіямъ, безцеремонный и иногда бранчивый съ студентами, которые однако всѣ его любили и уважали. Самъ онъ не читалъ намъ ничего, и порядокъ его лекцій весь заключался въ слѣдующемъ.

Для слушателей своихъ онъ составилъ возможно правильную систему изъ громаднаго количества всѣхъ Россійскихъ законовъ, начиная отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и той массы уставовъ, наказовъ, инструкцій и общихъ и сепаратныхъ, указовъ, разбросанныхъ всюду и нигдѣ въ одно цѣлое не собранныхъ, которыми управлялось до изданія Сводовъ законовъ Русское государство и которые представляли всѣ вообще самую труднѣйшую задачу для исполненія суда и расправы на самомъ дѣлѣ и для защиты своего права, какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, такъ и въ дѣлахъ гражданскихъ... Изъ всего этого хаоса, повторяю, Сандуновъ сотворилъ свою систему. Основаніемъ служила книга подъ названіемъ: „Памятникъ Россійскихъ Законовъ“, т.-е. собраніе ихъ по годамъ изданія, не оффиціальное и, какъ утверждали, далеко не полное, ибо въ то время многіе указы затеривались.

Первые полчаса двухчасовой своей лекціи назначалъ онъ для чтенія этихъ Законовъ; студенты читали, онъ объяснялъ читанное, слѣдующій часъ посвящался чтенію подробной Записки какого-нибудь дѣла изъ Сената, которое производилось потомъ практически въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ, низшей, т.-е. въ уѣздномъ судѣ, и средней, т.-е. въ гражданской палатѣ. Членами этихъ судовъ были избранные профессоромъ студенты; секретари и повѣренные тяжущихся были также по его выбору. Дѣла производились гражданскія; была сдѣлана попытка Сандуновымъ ввести и судъ по формѣ, узаконенной Петромъ Великимъ, но судоговореніе столь же мало удавалось студентамъ, какъ и всей нашей судебной практикѣ, и потому и тамъ и здѣсь было брошено... Трудно представить себѣ теперь,

съ какой охотой, съ какимъ возбужденіемъ, скажу, съ какой юной запальчивостью происходили въ классахъ Сандунова наши судебныя представленія, въ которыхъ главныя роли разыгривались бойкими студентами и страстными повѣренными тяжущихся сторонъ. Подумаешь, что каждый боялся проиграть въ своемъ процессѣ цѣлое состояніе... Въ классѣ своемъ Сандуновъ обращалъ особенное вниманіе на отчетливое чтеніе студентовъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они умѣли разбирать скоропись Сенатскихъ Записокъ, не всегда разборчивую...

Хореографическое искусство было также въ числѣ образовательныхъ предметовъ университетскаго юношества. Мы учились танцовать у сухопараго, небольшого ростомъ, старца Морелли и при вступленіи его въ классъ шагами на третьей позиціи всегда привѣтствовали его восклицаніемъ: „У Морелли ноги подгорѣли!“ По временамъ въ танцовальную залу, для большаго эффекта, приносились ему хлопушки, производившія на насъ пріятное, а на него ужасающее впечатлѣніе.

Перебравъ по именамъ профессоровъ, я долженъ помянуть и товарищей. Во главѣ ихъ были такъ называемые Patres conscripti, слава и краса студенчества, если не изящностію формъ и облаченія, то духомъ премудрости и разума и глубиною познаній (разумѣется, относительно насъ)... Являясь на лекціи особнякомъ отъ насъ юношей, почти отроковъ, эта фаланга патриціевъ отличалась особенно на диспутахъ въ нашемъ факультетѣ и часто отчаянно боролась и побѣждала стоящаго на каѳедрѣ для защиты своей диссертаціи какого-либо товарища магистранта, защищающаго свою магистерскую или докторскую диссертацію.

Кромѣ студентовъ патриціевъ были еще моими товарищами другого закала студенты, казеннокоштные. Они, числомъ около сотни, тѣсными кучами жили въ нижнемъ этажѣ нашего небольшого университетскаго дома, человѣкъ по пяти въ одной комнатѣ, и жили грязно, бѣдно и голодно. Я сближался со всѣми кружками, стараясь всѣмъ быть пріятнымъ, а равно какъ и для утоленія голода, ходилъ къ нимъ между классами напиться у сбитенщика горячаго сбитню, поѣсть съ грязнаго лотка гороховаго киселя съ коноплянымъ масломъ, либо гречневиковъ, и за такое сближеніе съ казенными нашими товарищами, коихъ я почиталъ своими однокашниками, получалъ упреки отъ товарищей моихъ высшаго полета, но этихъ я предпочиталъ послѣднимъ, какъ болѣе полезныхъ моему желудку и головѣ. Отъ нихъ можно было попользоваться и книжкой и записками лекцій; многіе изъ нихъ работали серьезно и приготовлялись къ полезной себѣ и обществу жизни; нѣкоторые имѣли драматическіе таланты и обыкновенно два раза въ годъ разыгрывали на своемъ домашнемъ театрѣ лучшія комедіи того времени. Мой любимый профессоръ Сандуновъ, ихъ строгій, но чрезвычайно добрый инспекторъ, дирижировалъ ихъ театромъ, который смотрѣть собирались родные и пріятели студентовъ. „Недоросль“, „Бригадиръ“ Фонвизина, „Ябеда“ Капниста, „Модная лавка“ Крылова давались превосходно.

Остается сказать немного словъ о слушателяхъ университетскихъ лекцій, аристократикахъ; отцы ли ихъ гнушались для нихъ студенчествомъ или сами они опасались срѣзаться на экзаменахъ, но большая часть этихъ полубаричей, не дѣлаясь студентами, пользовались слушаніемъ лекцій въ виду того, чтобы выдержать такъ называемый „Комитетскій экзаменъ“ на право производства въ чинъ VIII класса, испрошенное Сперанскимъ, въ 1809 г.

9. Студенческія воспоминанія Ф. Л. Ляликова [1]).

1818—1822.

(Посвящается М. П. Погодину).

Исчерпавъ всю Рязанскую мудрость, простѣе сказать, окончивъ ученье и въ приходскомъ и въ уѣдномъ училищахъ, и въ гимназіи — я готовъ былъ къ давно желанной цѣли — университету, на 18-мъ году отъ рожденія. На послѣднемъ гимназическомъ актѣ я произнесъ къ публикѣ благодарственную рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ и получилъ двѣ награды: рисунокъ и Святое Евангеліе. Въ аттестатѣ моемъ были означены успѣхи по всѣмъ предметамъ очень хорошіе, поведеніе названо отличнымъ.

Въ жаркіе іюльскіе дни 1818 года родители мои сами повезли меня въ Москву, единственно изъ нѣжной ко мнѣ привязанности: случаевъ, съ кѣмъ бы съѣхать, было довольно. Остановились мы въ Зарядьи. На другой же день батюшка въ парадномъ (красномъ) Екатерининскомъ мундирѣ повелъ меня въ университетъ, который временно помѣщался въ д. Яковлева, въ Дологоруковскомъ переулкѣ. Сердце сильно билось у меня, когда мы поднимались по небольшой лѣстницѣ. Батюшка просилъ написать прошеніе... Черезъ какихъ нибудь пять—десять минутъ быстро входитъ ректоръ, этотъ незабвенный vir divinus, Иванъ Андреевичъ Геймъ. Благосклонно принявъ изъ рукъ батюшки прошеніе и взглянувъ на аттестатъ онъ сказалъ: „сына вашего, по испытаніи, примемъ и замѣстимъ, какъ только будетъ вакантное мѣсто, на казенное содержаніе“...

Ужъ не знаю почему, по слуху ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ или такъ изъ уваженія, родители рѣшились сдѣлать визитъ со мною Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву. Припомните, то было время сюрпризовъ и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами. Пошла сначала къ Н. Н. Сандунову. Онъ принялъ насъ оригинально и по-своему ласково. Матушка поднесла полдюжины полотенцъ. Благодаритъ. Понравился ли ему оригинальный костюмъ батюшки, или эти полотенцы, только Сандуновъ разъ пять писалъ обо мнѣ въ Рязань къ батюшкѣ, а когда онъ (батюшка) скончался, и я уже былъ на службѣ въ Ревелѣ, онъ нѣсколько писемъ писалъ ко мнѣ и въ одномъ письмѣ, въ концѣ прибавляетъ: а васъ, матушка Матрена Алексѣевна, я каждый день вспоминаю; вашими полотенцами утромъ глаза себѣ утираю... Другая полдюжина полотенецъ вручена была супругѣ М. М. Снегирева, которая насъ очень обласкала, какъ и онъ самъ.

Съ помѣщеніемъ моимъ въ домѣ Яковлева родители мои упокоились и, простившись со мной, приняли обратный путь. Въ довольно просторной комнатѣ насъ было только четвёро. Надзоръ за нами имѣлъ (тутъ же помѣщавшійся) Петръ Иларіоновичъ Страховъ, послѣ, кажется, докторъ медицины. Недолго мы пожили тутъ: въ концѣ сентября объявленъ былъ походъ въ отдѣланный главный корпусъ. Сначала помѣстили меня въ номеръ окнами на дворъ, гдѣ только еще начинали разсаживать деревья, что нынѣ уже прекрасный садъ. Theatrum anatomicum отдѣлывался, и мы,

[1]) *Русскій Архивъ 1875 г., кн. 11.* Ляликовъ — авторъ книги „Галлерея Монтіоновскихъ премій“; Ф. Л. Ляликовъ былъ инспекторомъ рязанской гимназіи, а потомъ инспекторомъ Одесскаго учебнаго округа.

бывало, смотримъ изъ окна, какъ знаменитый Лодеръ [1]) (пріѣзжавшій четверкою въ каретѣ, со звѣздою на груди) лазилъ по лѣстницѣ, чтобы осмотрѣть поближе и исправить латинскую на фронтонѣ надпись. Изъ любопытства мы нѣсколько разъ ходили на его лекціи. Помню надпись внутри по полукругу залы или аудиторіи: „Руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя, научи мя заповѣдемъ Твоимъ". А надъ каминомъ, за каѳедрой, тоже надпись: „Искупуйте время, яко дніе лукави суть". При входѣ же, въ сѣняхъ, по-гречески. „Познай самого себя". Въ больничномъ корпусѣ, гдѣ жили медицинскіе студенты. по особому религіозному настроенію инспектора Матвѣя Яковлевича Мудрова, во всѣхъ коридорахъ на стѣнахъ были вылѣплены изъ алебастра кресты. Вотъ еще два случая своеобразной набожности Мудрова. Разъ мнѣ захотѣлось сходить ко всенощной къ Николѣ Явленному, лѣтомъ. Входитъ Матвѣй Яковлевичъ, у свѣчного ящика покупаетъ большую свѣчу (такъ въ рубль или и болѣе) и самъ, протискиваясь между народомъ, ставитъ эту свѣчу предъ иконою на главномъ иконостасѣ, дѣлаетъ два—три поклона въ землю и уѣзжаетъ. Другой случай. Я сдѣлался нездоровъ, впрочемъ легкою простудою, но К. М. Романовскій (субъинспекторъ) всетаки совѣтовалъ мнѣ сходить къ Мудрову. Прихожу. Жилъ онъ въ своемъ домѣ за Пречистенскимъ бульваромъ. Прописалъ питье. Но что̀ меня особенно поразило, это—въ пріемной на стѣнѣ вывѣшенная таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было напечатано или написано киноварью) и затѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой.

Мы обыкновенно говѣли на первой недѣлѣ поста. Всенощную слушали въ большой столовой, во всегдашнемъ присутствіи Сандунова и обоихъ субъ-инспекторовъ. Хоръ былъ изъ своихъ. Пріобщались мы Св. Тайнъ въ Георгіевской церкви на Моховой. Представьте же себѣ: во все время, довольно продолжительное, причащенія студентовъ (насъ было человѣкъ 40, да медицинскихъ втрое больше) пелену предъ подходящими къ потиру держали Сандуновъ и Мудровъ, какъ инспектора...

Мнѣ ближе были профессора отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, по которому я и окончилъ курсъ, и аттестатъ получилъ за подписью ректора Антонскаго и декановъ Цвѣтаева, Мерзлякова, Мухина и Двигубскаго. По словесному же отдѣленію я слушалъ: Мерзлякова, Тимковскаго и проч., даже Ал. Вас. Болдырева (Еврейскія древности и Арабскій языкъ), также физику у Двигубскаго.

Сандуновъ. Памятна его гороховая съ большимъ воротникомъ шуба, въ которой онъ зимою, сопровождаемый Болтинымъ, Юдинымъ и еще полдюжиною студентовъ, медленно двигался чрезъ подземелье къ круглой аудиторіи. Мы встрѣчали его съ трепетомъ, а мнѣ доставалось больше всѣхъ: мнѣ поручена была имъ прилегавшая къ круглой аудиторіи комнатка, въ которой хранились всѣ бумаги, относившіяся къ практическому судопроизводству, какъ-то: протоколы лекцій, сенатскія записки по рѣшеннымъ дѣламъ, которыя мы перерѣшали, ящикъ съ билетиками для выборовъ на разныя должности (разумѣется, титулярныя), списки студентовъ съ отмѣткою бывшихъ и небывшихъ на лекціяхъ, книги законовъ и тотъ знаменитый налой, который я заблаговременно ставилъ передъ его каѳедрой и

---

[1]) Профессоръ анатоміи и хирургъ.

къ которому не безъ страха подходили читать свои мнѣнія по дѣламъ кандидаты и студенты. Тутъ была и немалая потѣха. Пословицы сыпались одна за другой. „Что это, батенька: „перёдъ объяринный, а задъ крашенинный“? Или: „борода выросла (у кого были замѣтны усики), а ума не вынесла“; или: „да дыши же, точно замшинное горло“; или: „гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало“, и проч. и проч.; или: „толкуй Фоку да Якова, а всё одинаково“. Но никогда не было замѣчено какого-нибудь видимаго неудовольствія со стороны тѣхъ, къ кому обращались эти нравоучительныя тенденціи; и мы, за эту остроту и удивительную въ его лѣта живость, любили его, а одобреніе высоко цѣнили и о каждомъ ласковомъ словѣ его цѣлыя недѣли толковали...

Въ родѣ помощника субъ-инспекторамъ, Щедритскому и Романовскому, былъ урядникъ Карпъ Ѳедулычъ (фамилія его никому была невѣдома). Онъ вечеромъ, въ 9 часовъ съ фонаремъ и утромъ въ 8 ежедневно, какъ нѣкій Діогенъ, обходилъ всѣ студенческія комнаты и если кто еще не вставалъ или вечеромъ уже спалъ, приподнималъ съ головы одѣяло. Бывали шалости: вмѣсто отсутствующихъ дѣлали изъ шинели подобіе фигуры человѣка и покрывали одѣяломъ. Послѣ каждаго такого осмотра онъ доносилъ лично Сандунову. Кого не было, тѣ требовались къ инспектору для объясненій... Тотъ же урядникъ, на недѣлѣ разъ, а иногда два, приходилъ за мною съ позывомъ къ инспектору. Иногда я читалъ ему; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ требовалъ мнѣнія; иногда диктовалъ мнѣ разныя дѣловыя бумаги. Было извѣстно, что Сандуновъ принималъ ходатайство по частнымъ дѣламъ...

Круглая аудиторія была обсерваціоннымъ пунктомъ для зѣвакъ по вечерамъ. Дѣло идетъ о театрѣ. Тамъ, гдѣ теперь алтарь университетской церкви, была театральная гардеробная, и когда начинался съѣздъ артистокъ, артистовъ и кордебалета (въ огромныхъ каретахъ, какихъ теперь уже не видать), можно было изъ оконъ (гдѣ теперь часы) видѣть всю эту разукрашенную суматоху: окна или вовсе не занавѣшивались, или занавѣшивались плохо. Въ бенефисы какой-то невѣдомый театральный посланецъ раздавалъ намъ нѣсколько даровыхъ билетовъ, разумѣется, въ раёкъ, съ словами: „хлопайте, господа, больше“. Близость театра подавала возможность, у кого были деньги, посѣщать лучшіе спектакли. Все помнится: и Эдипъ въ Аѳинахъ (Семенова), и Дмитрій Донской, и Поликсена, и Русалка, Коварство и Любовь (Молчановъ) etc. Въ антрактахъ мы успѣвали сбѣгать поужинать. Въ нумеръ къ намъ обыкновенно подавали два экземпляра Московскихъ Вѣдомостей, которыя мы передавали изъ комнаты въ комнату. Черезъ какой-нибудь часъ газеты дѣлались пестрыми: просторъ критическому взгляду на вчерашній спектакль, разнымъ прибауткамъ и шуткамъ; есть гдѣ было разгуляться карандашу. Разумѣется, номеровъ и слѣда не осталось: они обречены были на уничтоженіе...

Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣевичъ, — противуположность Сандунову, тихій, кроткій. Мы всѣ его любили. Лекціи его были вечеромъ и бывало придетъ онъ пѣшкомъ отъ Сухаревой башни, лѣтомъ въ пыли, съ простою вязовою палкой. Сторожа были, но мы сами бросались къ нему помочь раздѣться, или, провожая, пособить надѣть верхнее платье. Теперь бы сказали, что это неприлично. Но гдѣ любовь связываетъ учителя съ ученикомъ, тамъ всякая услуга и вниманіе приличны...

Иванъ Андреевичъ Геймъ. Святая память! Знаніе, доброта, простота, доступность. Я хорошо помню, какъ онъ, за недѣлю, много за

двѣ до кончины, медленно, переступая съ палкою, пришелъ на лекцію, какъ положилъ палочку у подножія каѳедры и, превозмогая себя, съ трудомъ, взволнованнымъ голосомъ, прочелъ лекцію. Это была лебединая пѣснь. — Я былъ въ восторгѣ, получивъ отъ него только что изданную Всеобщую Географію. Къ этому присоединю смѣшное. Студентъ Непышневскій какъ-то выучился подражать кашлю его и, бывало, проходя по коридорамъ, волновалъ этою шуткою мирный бытъ студенческій. Всѣ бывало встревожатся: ректоръ, ректоръ, а иной догонитъ Непышневскаго и даетъ ему колотушку: значитъ не пугай по пустому; говорили тогда, будто Иванъ Андреевичъ узналъ объ этомъ и, позвавъ Непышневскаго, сказалъ; „ну, г. Непышневскій, какъ вы меня представляете?“ и такъ далѣе...

Мерзляковъ. Лицо знаменитое, симпатичное, доброе. Бывало, не увидишь, какъ пролетитъ лекція. Но непостижимо, такой человѣкъ не могъ побѣдить въ себѣ страсти къ вину... Бывало, придешь въ аудиторію, дежурный кандидатъ говоритъ, что лекціи по болѣзни Алексѣя Федоровича не будетъ. Мы знали, какая это болѣзнь; но такова сила таланта и богомъ даннаго дара слова: послѣ этого всѣмъ извѣстнаго пробѣла, является на каѳедрѣ Мерзляковъ, какъ будто ничего не бывало, тишина невозмутимая, и запѣлъ соловей! Все забыто, и всѣ говорятъ, что Мерзляковъ краса университета. Кто теперь прочтетъ такую вдохновенную лекцію и такимъ языкомъ, съ такимъ чувствомъ, о родномъ словѣ? Я помню, раза два или болѣе бывалъ у него на лекціяхъ Ив. Ив. Дмитріевъ и однажды съ какимъ-то пріѣзжимъ архіереемъ... Разъ при входѣ Мерзлякова въ аудиторію раздались хлопушки. Мы съ изумленіемъ переглядываемся. Замѣтно, Алексѣй Федоровичъ разгорячился, покраснѣлъ и крикнулъ: „Господа, кто это?.. въ солдаты“! Черезъ минуту все утихло. Ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго этой кѣмъ-то сдѣланной глупости не случалось...

Въ 1820 году мы задумали въ средѣ своей основать общество литературное, т.-е. читать заготовляемыя сочиненія и разбирать ихъ критически. Нашлось съ десятокъ охотниковъ, въ томъ числѣ и я.

Для нашихъ засѣданій предложилъ просторную свою квартиру И. В. Титовъ близъ церкви Николы въ Голутвинѣ, за Москвой-рѣкой. Мы сходились раза три; потомъ слышимъ, что квартальный съ буточниками за нами наблюдаетъ, а дальше, и хозяинъ дома объявляетъ Титову, что онъ держать его въ своемъ домѣ, если не прекратятся сборища, не можетъ. Нечего дѣлать, надо было бросить. Такимъ образомъ, самое невинное, чистое дѣло погасло не отъ бѣса полуденнаго, а отъ неотёсаннаго алгвазилы...

Большое удовольствіе доставляли намъ засѣданія, бывшія близко отъ насъ въ залѣ Благороднаго Пансіона. Библейскія бывали рѣдко, но по словесности довольно часто. Тутъ имѣли мы случай слушать Мерзлякова, Давыдова, и часто читалъ басни и мелкія стихотворенія В. Л. Пушкинъ, уже въ лѣтахъ, но съ жаромъ и пылкостію юноши; кажется, также и Шатровъ.

Разъ, объ масляницѣ, въ той же большой залѣ воспитанники пансіона и частію университетскіе съиграли нѣсколько піесъ и весьма удачно. Публики было множество. Затѣвали было и у насъ (Сандуновъ былъ любитель театра, и съ его стороны помѣхи бы не было), но не сладилось, и мѣстомъ дѣйствія избрали Воспитательный Домъ, въ которомъ и разыграно было нѣсколько комедій и водевилей въ разное время. Участіе въ этомъ принимали и питомцы Воспитательнаго Дома и наши...

Семья казенныхъ студентовъ и бывшихъ на благотворительныхъ коштахъ была небольшая, всего около 40 человѣкъ, принадлежавшихъ тремъ факультетамъ: юридическому, словесному и математическому. Студенты медицинскаго съ нами не имѣли ничего общаго и помѣщались, подъ ближайшимъ наблюденіемъ В. М. Котельницкаго, въ особомъ корпусѣ, ближайшемъ къ Никитскому монастырю.

Мы помѣщены были очень просторно, четверо въ комнатѣ, и снабжены были желѣзными кроватями и кажется одѣялами—и только. Все остальное, что относится къ постели, также одежа, бѣлье, обувь—запасали сами. Также купили сами маленькіе столики и комоды. Жалованья мы получали по 10 рубл. ассигн. въ мѣсяцъ и пять или шесть свѣчей въ недѣлю, что было весьма достаточно; ихъ разносилъ тотъ же посланникъ Юпитера (Сандунова) Карпъ Ѳедулычъ и клалъ каждому на столикъ. По извѣстному въ то время, грозному изреченію Сандунова: „самоваръ—инструментъ трактирный и въ школѣ не годится", на этотъ инструментъ наложено было veto, и потому нѣкоторые имѣли мѣдные чайники и такимъ образомъ утѣшались чаепитіемъ. Другіе убѣгали для этого дѣла въ трактиры Цареградскій (въ Охотномъ ряду) и Знаменскій (недалеко отъ нынѣшней Казенной Палаты). Въ этихъ свѣтлыхъ заведеніяхъ нѣкоторые изъ студентовъ были постоянными завсегдатаями. Бывало такъ: половой подалъ чай, чрезъ нѣсколько секундъ ложечка стучитъ, половой вбѣгаетъ. Ему говорятъ: „подай еще горячей воды"; онъ схватываетъ чайникъ, въ которомъ еще много воды (и не вода нужна) и приноситъ тотъ же чайникъ будто съ водою, но въ немъ aqua vitae.

Въ праздничные дни нѣкоторые ходили въ дальніе монастыри: Донской, Симоновъ, Новодѣвичій, и по церквамъ: къ Клименту, Всѣхъ Скорбящихъ, Мартыну Исповѣднику, Никитѣ мученику въ Басманной и друг.; особенно, когда узнавали, что будутъ пѣть хорошіе пѣвчіе. Не пропускали и такъ называемыхъ монастырскихъ гуляній по ихъ храмовымъ праздникамъ. Разъ, помню, втроемъ наняли мы лодку у Москворѣцкаго моста (6 Авг.) и поплыли къ Новоспасскому монастырю. Плавали также къ Воробьевымъ горамъ, лакомились молокомъ и малиной въ Марьиной рощѣ и въ Останкинѣ, гдѣ осматривали богатый дворецъ знатнаго боярина... Такъ разнообразили мы тихую студенческую жизнь. Но надо сказать слова два и о пѣніи, которое доставляло немалое удовольствіе. Были любители и съ хорошими голосами: Знаменскій, Ивановъ, Персіаниновъ и проч. и проч. Хоръ составлялся большой. Приходили и медики, и всегда Гульковскій. Бывало, въ лѣтніе жары, всѣ окна открыты, и гулъ несется далеко. Кто-нибудь скажетъ: „господа, надо закрыть окна, очень громко; услышитъ ректоръ". Кромѣ торжественной Gaudeamus igitur распѣвалась любимая въ то время пѣсня:

„Сей конь, кого и вихрь въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ, на зыбкій одръ песковъ пустыныхъ палъ".

Съ припѣвомъ:

Ахъ, Зара, какъ серна, стыдлива была,
Какъ юная пальма долины цвѣла, etc.

Или Мерзлякова: „Среди долины ровныя".

Москва, 14 Октября 1875.

10. Изъ жизни московскаго студенчества 20-хъ годовъ по дневнику Н. И. Пирогова.

Это было въ сентябрѣ 1824 г. Съ этого дня началась новая эра моей жизни... Началось посѣщеніе лекцій. Выдали матрикулъ безъ всякихъ церемоній. Приходъ Троицы въ Сыромятникахъ не близокъ къ университету, - будетъ съ часъ ходьбы; положено было оставаться въ обѣденное время у Ѳеоктистова, и только въ 4—5 часовъ вечера возвращаться на извозчикѣ.

Ѳеоктистовъ былъ казенно-коштный студентъ и жилъ вмѣстѣ съ пятью другими студентами въ 10-мъ нумерѣ корпуса квартиръ для казенно-коштныхъ.

Надо остановиться на воспоминаніи о 10-мъ нумерѣ.

Немудрено, что воспоминанія эти сохранились. 10-й нумеръ я посѣщалъ ежедневно, нѣсколько лѣтъ сряду...

Вхожу въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ пустыми кроватями со столиками: на каждомъ столикѣ наложены кучи зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ, синихъ книгъ и пачки тотрадей; вижу лежитъ на одной кровати чья-то фуражка, дномъ наружу; на днѣ—надпись; читаю „Hunc pil...—тутъ стерто, не разберу—Fur rapidis manibus tangere noli: possessor cuius fuit semperque erit Tschistof, qui est studiosus quam maxime generosus.“ Понимаю. Гдѣ же этотъ г. Чистовъ? А вотъ, онъ входитъ въ дверь; испитой, съ густыми, темными волосами, свинцоваго цвѣта лицомъ, темносинею, выбритою гладко, бородою; за нимъ приходитъ съ лекціи и мой Ѳеоктистовъ; дверь начинаетъ безпрестанно отворяться и затворяться; являются одно за другимъ все новыя и новыя лица, рекомендуются, привѣтливо обращаются ко мнѣ; вотъ г. Лейченко, самый старшій,—дѣйствительно,—на видъ лѣтъ много за 30; вотъ Лобачевскій, длинный, рыжій, усѣянный, должно быть, веснушками по всему тѣлу, судя по лицу и рукамѣ, и еще человѣкъ шесть нумерныхъ и постороннихъ.

Начинаются бесѣды, закуриваніе трубокъ; говорятъ всѣ разомъ,—ничего не разберешь; дымъ поднимается столбомъ; слышится по временамъ и брань неприличными словами.

Мой бывшій наставникъ, Ѳеоктистовъ, представляется мнѣ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, не тѣмъ, какимъ я его зналъ до сихъ поръ: онъ тутъ передъ нѣкоторыми просто пассъ,—тише воды, ниже травы.

Вотъ хоть бы Чистовъ, обладатель фуражки съ латинскими стихами,—тотъ беретъ со стола книгу, ложится на кровать, и, обращаясь ко мнѣ (я стою вблизи его кровати), спрашиваетъ: „съ какими римскими авторами вы знакомы?“ Я краснѣю. „Что же? Ѳеоктистовъ, вѣрно, вамъ немногое сообщилъ; гдѣ же ему: онъ и самъ ничего не понимаетъ въ латыни. Садитесь-ка вотъ здѣсь,—я вамъ кое что прочту изъ Овидія; слыхали о „Метаморфозахъ“ Овидія? А? слыхали?“—„Да, немного слыхалъ.“—„Ну, слушайте-же!“—И Чистовъ началъ скандировать плавно и съ увлеченіемъ, и тутъ же я научился у него больше, чѣмъ во все время моего приготовленія къ университету отъ Ѳеоктистова. Оказалось потомъ, что Чистовъ былъ, дѣйствительно, знатокъ римскихъ классиковъ; я рѣдко видалъ его за медицинскими книгами; всегда, бывало, лежитъ и читаетъ своего любимаго Овидія Назона или Горація. Родомъ изъ духовныхъ, воспитанникъ семинаріи, Чистовъ отличался, однако-же, рѣзко отъ другихъ сотоварищей, по большей части тоже семинаристовъ; это была мебель изъ еловаго, а онъ изъ краснаго дерева и, должно быть, поэтъ въ душѣ.

Чего я не насмотрѣлся и не наслышался въ 10-мъ нумерѣ!

Представляю себѣ теперь, какъ все это видѣнное и слышанное тамъ дѣйствовало на мой 14—15-лѣтній умъ! является, напримѣръ, какой-то гость Чистова, хромой, блѣдный, съ растрепанными волосами, вообще страннаго вида на мой взглядъ,—теперь его можно было бы, по наружности, причислить къ нигилистамъ,—по тогдашнему это былъ только вольнодумецъ.

Говорилъ онъ какъ-то захлебываясь отъ волненія и обдавая своихъ собесѣдниковъ брызгами слюны.

Въ разговорахъ быстро, скачками переходитъ отъ одного предмета къ другому, не слушая или не дослушивая никакихъ возраженій. „Да что̀ Александръ I,—куда ему,—онъ въ сравненіе Наполеону не годится. Вотъ геній, такъ геній!.. А читали вы Пушкина „Оду на вольность"? А? Это, впрочемъ, винигретъ какой-то. По нашему не такъ; révolution, такъ révolution, какъ французская—съ гильотиною!" И услыхавъ, что кто-то изъ присутствующихъ говорилъ другому что-то о бракѣ, либералъ 1824—1825 гг. вдругъ обращается къ разговаривающимъ: „Да что̀ тамъ толковать о женитьбѣ! что̀ за бракъ! на что его вамъ? кто вамъ сказалъ, что нельзя попросту спать съ любою женщиною?.. Вѣдь это все ваши проклятые предразсудки: натолковали вамъ съ дѣтства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и вѣрите. Стыдно, господа, право стыдно!"—А я-то, я—стою и слушаю, ни одного слова не проронивъ.

Вдругъ соскакиваетъ съ своей кровати Катоновъ, хватаетъ стулъ и—бацъ его по срединѣ комнаты! „Слушайте, подлецы!", кричитъ Катоновъ: „кто тамъ изъ васъ смѣетъ толковать о Пушкинѣ? слушайте, говорю!"—вопитъ онъ во все горло, потрясая стуломъ, закатывая глаза, скрежеща зубами:

„Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостію вижу,
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ"...

Катоновъ, восторженный обожатель Мочалова, декламируя, выходитъ изъ себя,—не кричитъ уже, а вопитъ, реветъ, шипитъ, размахиваетъ во всѣ стороны поднятымъ вверхъ стуломъ, у рта пѣна, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горятъ. Изступленіе полное. А я стою, слушаю съ замираніемъ сердца, съ нервною дрожью; не то восхищаюсь, не то совѣщусь.

Ревъ и изступленіе Катонова, наконецъ, надоѣдаютъ; на него наскакиваетъ рослый и дюжій Лобачевскій. „Замолчишь ли ты, наконецъ, скотина!"—кричитъ Лобачевскій, стараясь своимъ крикомъ заглушить ревъ Катонова. Начинается схватка; у Лобачевскаго ломается высокій каблукъ. Паденіе, хохотъ и аплодисменты. Бросаются разнимать борющихся на полу.

Не проходило дня, въ который я не услыхалъ бы или не увидѣлъ чего-нибудь новенькаго, въ родѣ описанной сцены, особенно полезной для меня потому только, что она была для меня первою невидалью; потомъ все вольнодумное сдѣлалось уже дѣломъ привычнымъ. За исключеніемъ одного или двухъ, обитатели 10-го нумера были всѣ изъ духовнаго званія, и отъ нихъ-же, именно, я наслышался такихъ вещей о попахъ, богослуженіи, обрядахъ, таинствахъ и вообще о религіи, что меня на первыхъ

порахъ, съ непривычки, морозъ по кожѣ подиралъ... Всѣ запрещенные стихи, вродѣ „Оды на вольность“, „Къ временщику“ Рылѣева, „Гдѣ тѣ братцы, острова“, и т. п., ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ.

Читалась и барковщина, но весьма рѣдко, а замѣняла въ то время болѣе современная поэзія, подобнаго же рода, студента Полежаева. О Богѣ и церкви сыны церкви изъ 10-го нумера знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ полнымъ пренебреженіемъ.

Понятій о нравственности 10-го нумера, несмотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ, полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль 10-го нумера, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи.

Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Нумеръ наполняется.

Дверь то и дѣло хлопаетъ. Солдатъ, старикъ Яковъ, ветеранъ, служитель нумера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ.

Входятъ разомъ человѣка четыре, двое нумерныхъ студентовъ, одинъ чужой и высокій, здоровенный протодьяконъ. Шумъ, крикъ и гамъ. Протодьяконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ подъ черною печатью за пазухою, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается съ восклицаніемъ: „Ну-ка, отецъ дьяконъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ!“—„Весьма охотно“, глухимъ басомъ и съ разстановкою отвѣчаетъ протодьяконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще,—такъ до положенія ризъ.

— Знаете-ли вы,—говоритъ мнѣ кто-то изъ жильцовъ 10-го нумера,—что у насъ есть тайное общество? Я членъ его, я и масонъ.

— Что же это такое?

— Да такъ, надо же положить конецъ.

— Чему?

— Да правительству, ну его къ чорту!

И я, послѣ этого открытія, смотрю на господина, сообщившаго мнѣ такую любопытную вещь, съ какимъ-то подобострастіемъ.

Масонъ! Членъ тайнаго общества? То-то у него книги все въ зеленомъ переплетѣ. А я уже прежде гдѣ-то слыхалъ, что у масоновъ есть книги въ зеленомъ переплетѣ.

— А! слышали, господа: наши съ Полежаевымъ и хирургами (студентами московской медико-хирургической академіи) разбили вчера ночью б...ъ на Трубѣ? Вотъ молодцы-то!

Начинаются разсказы со всѣми сальными подробностями. И это откровеніе я выслушиваю съ тѣмъ же наивнымъ любопытствомъ, какъ и сообщенную мнѣ тайну объ обществѣ и масонствѣ.

— Ну, братцы, угостилъ сегодня Матвѣй Яковлевичъ!

— А что?

— Да надо ручки и ножки расцѣловать за сегодняшнюю лекцію. Недаромъ сказалъ: „Запишите себѣ отъ слова до слова, что я вамъ говорилъ; этого вы нигдѣ не услышите. Я и самъ недавно узналъ это изъ Бруссе“. И пошелъ, и пошелъ...

— Теперь уже, братцы, Франковъ, и Петра, и Іосифа, по-боку; теперь подавай Пинеля, Биша, Бруссе!

— А въ клиникѣ-то, въ клиникѣ какъ Мудровъ отдѣлалъ старье! Про тифознаго-то что сказалъ! „Вотъ,—говоритъ,—смотрите, онъ уже почти

на ногахъ послѣ того, какъ мы поставили слишкомъ 80 піявицъ къ животу; а пропиши я ему, по прежнему, валеріану да арнику, онъ бы уже давно былъ на столѣ."

— Да, Матвѣй Яковлевичъ молодецъ, геній! Чудо, не профессоръ! Читаетъ божественно!

— Говорятъ, въ академіи хорошъ также Дядковскій. Наши ходили его слушать. Да гдѣ ему противъ Мудрова! Онъ недосягаемъ.

— Ну, ну! а Лодеръ Юстъ-Христіанъ?

— Да, невеличка птичка, старичекъ невеликъ, да носъ востёръ. Слышали, какъ онъ оберъ-полиціймейстера отдѣлалъ? Ѣдетъ это онъ на парадъ въ каретѣ, а оберъ-полиціймейстеръ подскакалъ и кричитъ кучеру во все горло: „пошелъ назадъ, назадъ!" Лодеръ-то высунулся изъ кареты, да машетъ кучеру—впередъ, молъ, впередъ. Полиціймейстеръ прямо и къ Лодеру. „Не велю,—кричитъ,—я оберъ-полиціймейстеръ."—„А я,—говоритъ тотъ,—Юстъ-Христіанъ Лодеръ; васъ знаетъ только Москва, а меня—вся Европа". Вчера-то—слышали—какъ онъ на лекціи спохватился?

— А что?

— Да началъ было: „Sapientischissima (Лодеръ шамкалъ немного) natura"—да, спохватившись, и прибавилъ: „aut potius, Creator sapientischissimae naturae voluit".

— Да, нынѣ, братъ, держи ухо востро̀.

— А что?

— Теперь тамъ въ Петербургѣ, говорятъ, министръ нашъ Голицынъ такія штуки выкидываетъ, что на̀-поди.

— Что такое?

— Да, говорятъ, хочетъ запретить вскрытіе труповъ.

— Неужели? что̀ ты!

— Да у насъ чего нельзя,—вѣдь деспотизмъ.

Послалъ, говорятъ, во всѣ университеты запросъ: нельзя ли обойтись безъ труповъ или замѣнить ихъ чѣмъ нибудь?

— Да чѣмъ тутъ замѣнишь?

— Извѣстно, ничѣмъ,—такъ ему и отвѣтятъ.

— Толкуй! а не хочешь картинами или платками?

— Чѣмъ это? что ты врешь, какъ сивый меринъ!—слышу чей-то вопросъ.

— Нѣтъ, не вру; уже гдѣ-то, сказываютъ, такъ дѣлается. Профессоръ-то анатоміи привяжетъ одинъ конецъ платка къ лопаткѣ, а другой—къ плечевой кости, да и тянетъ за него; „вотъ,—говоритъ,—посмотрите: это Deltoideus".

Дружный хохотъ; кто-то плюнулъ съ остервенѣніемъ.

Да, нумеръ 10-й былъ такою школою для меня, уроки которой, какъ видно, пережили въ моей памяти много другихъ, болѣе важныхъ воспоминаній.

Впослѣдствіи почуялись и въ 10-мъ нумерѣ вѣянія другого времени, послышались чаще имена Шеллинга, Гегеля, Окэна. При ежедневномъ посѣщеніи университетскихъ лекцій и 10-го нумера все мое міровоззрѣніе очень скоро измѣнилось; но не столько отъ лекцій остеологіи Терновскаго (въ первый годъ Лодера не слушали) и физіологіи Мухина, сколько, именно, отъ образовательнаго вліянія 10-го нумера.

На первыхъ же порахъ, послѣ вступленія моего въ университетъ, 10-й нумеръ снабдилъ меня костями и гербаріемъ; кости конечностей, нѣсколько реберъ и позвонковъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, краденыя изъ

анатомическаго театра отъ скелетовъ, что доказывали просверченныя на нихъ дыры, а кости черепа, отличавшіяся бѣлизною, были, вѣрно, украдены у Лодера, раздававшаго ихъ слушателямъ на лекціяхъ остеологіи. Кромѣ костей и гербарія, я принесъ еще домой изъ 10-го нумера и мое новое міровоззрѣніе, удививъ и опечаливъ этимъ не мало мою благочестивую и богомольную матушку. Въ церковь къ заутренямъ и даже всенощнымъ я продолжалъ еще ходить, соблюдалъ постъ и всѣ обряды; но при каждомъ случаѣ, когда заходила рѣчь съ матерью и домашними о святости внѣшняго богопочитанія, о страшномъ судѣ, мукахъ въ будущей жизни, и т. п., я сильно протестовалъ, глумился надъ повѣствованіями изъ Четьи-Минеи о дьяволѣ и его проказахъ, и пр.

— Да разсудите, сдѣлайте милость, маменька, сами, — доказывалъ я логически: — какъ же это можетъ быть? Вѣдь Богъ, вы знаете, всевѣдущъ, всевидящъ, правосуденъ, милосердъ; поэтому Онъ зналъ навѣрное, что мы будемъ злы, и всетаки накажетъ насъ потомъ за то, что мы были злы, — гдѣ же тутъ справедливость и милосердіе?

— Да вѣдь тебѣ Богъ далъ волю; выбирай, не дѣлай зла.

—А, позвольте, къ чему же мнѣ эта воля, когда Богу заранѣе было извѣстно, — вѣдь Онъ всевѣдущъ,—что я согрѣшу и буду грѣшникомъ?— Такъ резонировалъ я съ моею старушкою (тогда она не была еще такъ стара), и замѣчу кстати, что этимъ же самымъ пошленькимъ резонерствомъ я затыкалъ не однажды ротъ православнымъ догматикамъ изъ семинаристовъ. Я помню, что съ старымъ товарищемъ по профессорскому институту (онъ былъ годами 20-ю старше меня) я цѣлые часы, ночью, болталъ на эту тему. И ни ему, ни мнѣ не приходило въ башку, что ни о всевѣдѣніи, ни о правосудіи, ни о милосердіи творческомъ намъ не суждено знать, и не намъ, не нашему человѣческому уму судить о свойствахъ абсолюта.

Когда наше нравственное начало ищетъ себѣ опору въ Божествѣ, то мы неминуемо должны остановиться на откровеніи и вѣрить Христу, разрѣшавшему подобныя моимъ сомнѣнія тѣмъ, что невозможное для человѣка—возможно для Бога.

Справедливо кто-то замѣтилъ, что двумъ мало-мальски образованнымъ русскимъ нельзя сойтись вмѣстѣ, чтобы не заговорить тотчасъ же объ отвлеченныхъ предметахъ.

Это должно быть признакъ молодости нашей культуры; все ново, зелено, незрѣло, не передумано, не перечувствовано, не осмыслено. Такъ и со мною: лишь только я выскочилъ изъ дома на волю и сблизился съ университетскою молодостью,—тотчасъ же давай слушать, судить и рядить о матеріяхъ отвлеченныхъ. Почти съ того-же давняго времени у меня составилось и крѣпло вѣрованіе, и я началъ убѣждаться въ предопредѣленіи.

Сначала оно мнѣ представлялось въ видѣ нравственнаго Немезиса, а потомъ сдѣлалось роковымъ логическимъ выводомъ. При складѣ моего ума я никогда не могъ себѣ представить ни физическаго, ни нравственнаго міра безсвязнымъ и безцѣльнымъ; а потому и предопредѣленіе я основываю на непрерывной и безконечной связи зависящихъ другъ отъ друга причинъ и слѣдствій.

Немудрено, что, при моемъ складѣ ума, при моемъ воспитаніи, при моемъ возрастѣ, формація моего міровоззрѣнія, тотчасъ же по вступленіи въ университетъ, началась не снизу; ломка началась сверху. Сначала я сталъ потихоньку мести мою лѣстницу съ верхнихъ ступеней; но выбрасывать соръ не смѣлъ. Обрядность и внѣшность богопочитанія сохранялись

мною отчасти по привычкѣ, отчасти изъ страха. Но если прежнее дѣло оставалось in statu quo, то прежняя мысль уже сильно потрясалась и рушилась...

Десятый нумеръ остался мнѣ памятнымъ навсегда не только потому, что воспоминаніе о немъ совпадаетъ у меня съ развитіемъ перваго въ жизни міровоззрѣнія, но и потому еще, что слышанное и виданное мною въ этомъ нумерѣ, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, служило мнѣ съ тѣхъ поръ всегда руководною нитью въ моихъ сужденіяхъ объ университетской молодежи. 10-й нумеръ 1824 года, перенесенный въ наше время, навѣрное считался бы притономъ нигилистовъ. И тогда почти все отрицалось: Бога не нужно было; религія была вредною уздою; не отрицались только свобода, вольность и даже буйство, при полученіи жалованья. Формы, конечно, измѣнились. Отъ революціи, пожалуй-бы, и не прочь, на словахъ, но систематическое осуществленіе принциповъ было не по силамъ. Осуществлять что-либо задуманное и передуманное, дѣйствовать, — это не нашего поля ягода; это нѣчто западное, пришлое къ намъ вмѣстѣ съ паромъ и желѣзными колеями.

Но университетское воспитаніе молодежи, предоставленное до 1824 года почти исключительно силамъ природы, едва-ли не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ позднѣйшее, искусственное.

Что вышло изъ всѣхъ этихъ энтузіастовъ вольности, этихъ отрицателей божества, вѣры и поклонниковъ Вольтера, натурфилософіи, революцій и т. п.? То же самое, что выходитъ изъ всѣхъ ультрабуршей въ германскихъ и въ нашемъ дерптскомъ университетахъ. Я встрѣчался не разъ въ жизни съ прежними обитателями 10-го нумера и съ многими другими товарищами по московскому и дерптскому университетамъ, закоснѣлыми приверженцами всякаго рода свободомыслія и вольнодумства, и многихъ изъ нихъ видѣлъ потомъ тише воды и ниже травы, на службѣ, семейныхъ богомольныхъ и посмѣивавшихся надъ своими школьными (какъ они называли) увлеченіями. Того господина, напримѣръ, изъ 10-го нумера, который горланилъ во всю ивановскую „Оду на вольность“, я видѣлъ потомъ тишайшимъ штабъ-лекаремъ, женатымъ, игравшимъ довольно шибко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ.

Про германскихъ и дерптскихъ буршей и про нашихъ кутилъ-студентовъ и говорить нечего. Извѣстное и переизвѣстное дѣло, что этотъ разрядъ университетской молодежи даетъ впослѣдствіи значительный контингентъ отличныхъ доцентовъ, чиновниковъ-бюрократовъ, пасторовъ, докторовъ и пр. Перебѣсятся — и людьми станутъ. Die Jugend muss austoben. Правда, эта поговорка нѣмецкая, а что для нѣмца здорово, то русскому, пожалуй, и не впрокъ. Вѣдь русскіе, поступавшіе, въ бытность мою въ Дерптѣ, студентами прямо изъ нашихъ училищъ, спивались съ кругу нерѣдко, и очень немногіе изъ нихъ вышли въ люди. Но молодежь каждой націи должна перебѣситься по своему, и русской надо перебѣситься по своему, по-русски.

Вотъ, въ 1824—1825 годахъ, мнѣ кажется, такъ и дѣлалось. Тогда университетская молодежь, предоставленная самой себѣ, жила, гуляла, училась, бѣсилась по своему. Не было ни попечителей, ни инспекторовъ, въ современномъ значеніи этихъ званій. Попечителя, князя Оболенскаго, видали мы только на актѣ, разъ въ годъ, и то издали; инспекторы тогдашніе были тѣ же профессора и адъюнкты, знавшіе студенческій бытъ потому, что сами были прежде (иные и не такъ давно) студентами.

Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переклички по спискамъ на лекціяхъ и репетиціи,—у иныхъ профессоровъ и довольно часто; но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ, у которыхъ и слушать было нечего, и нечему научиться. Проказъ было довольно, но чисто студенческихъ.

Болтать, даже и въ самыхъ стѣнахъ университета, можно было вдоволь, о чемъ угодно, и вкривь, и вкось. Шпіоновъ и наушниковъ не водилось; университетской полиціи не существовало; даже и педелей не было; я въ первый разъ съ ними познакомился въ Дерптѣ. Городская полиція не имѣла права распоряжаться со студентами, и провинившихся должна была доставлять въ университетъ. Мундировъ еще не существовало. О какихъ-нибудь демонстраціяхъ никогда никто не слыхалъ. А надо замѣтить. что это было время тайныхъ обществъ и недовольства; всѣ грызли зубы на Аракчеева; запрещенныя цензурою вещи ходили по рукамъ, читались, студентами съ жадностію и во всеуслышаніе; чего-то смутно ожидали.

Правда, общественная жизнь того времени не была еще, какъ теперь [1]) взбаломученнымъ моремъ. О меньшей братіи не было еще толковъ. Культурный слой заботился только о себѣ и смотрѣлъ вверхъ, а не внизъ. Буржуазія еще стояла на пьедесталѣ. Но развѣ все это не было для насъ гораздо натуральнѣе и проще? Тогда, какъ и теперь, всѣмъ извѣстно было, что, въ сущности, что́ бы тамъ ни говорилось, всякій заботится исключительно о себѣ; но тогда люди были, должно быть, откровеннѣе и, заботясь о себѣ, не толковали о меньшей братіи и не поступали такъ, какъ будто бы изъ кожи лѣзутъ для другихъ. Всесвѣтное горе, Weltsschmerz не волновало еще умы людей и не было моднымъ занятіемъ тѣхъ, кому нечего было дѣлать. Правда, и тогда знали, что во времена о́ны Сынъ Человѣческій скорбѣлъ этимъ горемъ не для Себя; но знали также, что то́ былъ Единый, Непогрѣшимый, Безгрѣшный, имѣвшій власть отпускать и грѣхи другихъ; а потому, считая самоотверженіе и безкорыстное служеніе общему благу не дѣломъ во грѣхѣ рожденныхъ сыновъ человѣческихъ, подозрительно смотрѣли на вожаковъ и агентовъ вспомоществованія всесвѣтному горю.

Конечно, молодежь, какъ самый чувствительный къ вѣяніямъ времени барометръ, всегда обнаруживаетъ замѣтнѣе признаки небывалыхъ стремленій; такъ, немудрено, что современная молодежь, при появленіи на свѣтъ новыхъ соціальныхъ ученій, тотчасъ же изъявила готовность донкихотствовать и окунаться въ взбаломученное море.

Я убѣжденъ, однако-же, что не тяготѣй надъ нашими студентами съ 1826 года, цѣлыхъ 30 лѣтъ, систематическій гнетъ попечительствъ, инспекторствъ, и т. п., молодежь встрѣтила бы вѣянія новаго времени совсѣмъ инымъ образомъ. Несмотря на мою незрѣлость, неопытность и дѣтски-наивное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, я все-таки тотчасъ же почувствовалъ начинавшійся съ 1825 года гнетъ въ университетѣ.

Гнетъ этотъ, какъ извѣстно, усиливался crescendo и даже до сегодня, съ нѣкоторыми перемежками,—слѣдовательно, не 30, какъ я сейчасъ сказалъ, позабывъ, что дѣлалось въ послѣднія 20 лѣтъ,—а цѣлыхъ 50 лѣтъ. Довольно времени, чтобы, исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортить и погубить многія сотни и тысячи душъ...

---

[1]) Дневникъ Пирогова написанъ въ 1881—2 гг.

11. Петербургскій университетъ въ 20-хъ годахъ.

Акад. М. Г. Устряловъ. Воспоминаніе о моей жизни [1].

Окончивъ гимназическій курсъ ученія [2]) блестящимъ образомъ, я возвратился въ деревню, куда пріѣзжалъ только два раза въ годъ, на святкахъ и на каникулы. Мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ и кровь во мнѣ кипѣла... Что ждало меня впереди, я не зналъ и не думалъ; но родители мои, люди не особенно образованные, разумѣвшіе только грамоту, смотрѣли выше: они рѣшились отвезти меня въ университетъ или медицинскую академію, не знали только куда, въ Москву или Петербургъ. Наконецъ, избрали Петербургъ...

Послѣ долгихъ размышленій и совѣщаній рѣшено: помѣстить меня въ только-что возникшій университетъ, отдавъ на содержаніе кому-либо изъ профессоровъ. Не знаю, какъ и по чьему совѣту, избрали профессора русской словесности, Якова Ивановича Толмачева. Батюшка ѣздилъ къ нему, условился въ цѣнѣ, за тысячу руб. ассиг. въ годъ, и я у него поселился. Жилъ онъ въ домѣ такъ называемыхъ двѣнадцати коллегій, гдѣ находился и университетъ, въ третьемъ этажѣ, въ самой серединѣ зданія, противъ башенки съ Готторпскимъ глобусомъ. Онъ былъ женатъ на Маврѣ Петровнѣ, падчерицѣ Огинскаго, переводчика исторіи Англіи Гиллиса; человѣкъ былъ добрый, смышленый, хотя безъ блестящихъ талантовъ, скорѣе бездарный, признавалъ классическую литературу главнымъ, единственнымъ средствомъ просвѣщенія и совѣтовалъ мнѣ, до поступленія въ университетъ въ будущемъ году, — курсъ начинался съ новаго года,—заняться исключительно латинскимъ языкомъ.

Въ гимназіи я любилъ болѣе математику и словесность; латинскій языкъ зналъ плохо.

Теперь я принялся за него усердно, къ сожалѣнію, безъ наставника: началъ переводить римскихъ писателей, сперва Корнелія Непота, потомъ Саллюстія; оба они стоили мнѣ большихъ трудовъ; далѣе принялся за Тита Ливія, Горація, Катулла, Проперція, и все перевелъ по-русски, за исключеніемъ Тита Ливія; кромѣ того, перевелъ исторію литературы Шлегеля съ нѣмецкаго и Гиббона съ французскаго. Оды Горація я переписалъ начисто и понесъ книгопродавцу Глазунову съ предложеніемъ купить ихъ. Онъ не принялъ на себя труда посмотрѣть мой переводъ и сказалъ только: „не нужно“. Между тѣмъ, при всѣхъ скудныхъ средствахъ моихъ,—батюшка присылалъ мнѣ денегъ немного,—я записался въ книжный магазинъ Плавильщикова, у Синяго моста, гдѣ прикащикомъ былъ бойкій мальчикъ, знаменитый впослѣдствіи Смирдинъ. Всѣ замѣчательныя книги, наиболѣе историческія, также романы, стихотворенія, путешествія, я перечиталъ. Посѣщалъ я публичную библіотеку, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ славнаго Крылова, бывшаго однимъ изъ дежурныхъ библіотекарей. До поступленія въ университетъ въ званіи студента, я бывалъ на лекціяхъ профессоровъ Арсеньева, Галича, Зябловскаго и др. Болѣе всѣхъ нравился мнѣ Арсеньевъ, читавшій русскую статистику. Галичъ привлекалъ многихъ своею исторіею философскихъ системъ, но говорилъ очень плохо и невнятно.

---

[1]) *Древняя и Новая Россія. 1877 г., т. I.*

[2]) Въ Орловской гимназіи.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ то время еще молодой Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, былъ уволенъ и, вмѣсто него, назначенъ княземъ А. Н. Голицынымъ Руничъ. Перемѣна, бѣдственная для университета! Умный, образованный и благонамѣренный Уваровъ могъ бы поставить его на высокую степень, тѣмъ болѣе, что гордился имъ, какъ основатель; безтолковый ханжа Руничъ, вмѣстѣ съ изувѣромъ Магницкимъ, вообразилъ, что лекціи читаются противъ Бога, религіи и Россіи. Осенью 1820 года начался розыскъ и судъ профессоровъ, о чемъ я имѣлъ въ то время очень слабое понятіе: все производилось тайно. Замѣтно только было, что Толмачевъ очень встревоженъ. Чрезвычайныя засѣданія суда продолжались отъ утра до глубокой ночи. За нѣсколько времени до начала дѣла, Толмачевъ, подъ разными предлогами, доставилъ записки Раупаха, Арсеньева и другихъ отъ казенныхъ студентовъ педагогическаго института, преобразованнаго въ университетъ, отъ Андреевскаго, Соколова, Рождественскаго. Изъ этого видно, какъ справедливы слова Плисова, что Толмачевъ былъ въ числѣ главныхъ орудій Рунича и Магницкаго.

Я вступилъ въ число студентовъ уже въ преобразованный университетъ въ январѣ 1821 года. Сначала, слѣдуя совѣту орловскаго учителя Безручкина, я избралъ математическій факультетъ; но дѣло оказалось до того труднымъ, особенно при неуклонной строгости Чижова и Анкудовича, что въ концѣ года я перешелъ въ историко-филологическій факультетъ. Тогда исправлялъ должность ректора Евдокимъ Филипповичъ Зябловскій; деканомъ факультета былъ Дегуровъ, секретаремъ совѣта Бутырскій.

Профессора по историко-филологическому факультету были: закона Божія—Павскій, тогда ужъ знаменитый, какъ богословъ и филологъ; онъ объяснялъ прекрасно Ветхій Завѣтъ; всеобщей исторіи—французъ Дегуровъ, бѣжавшій отъ гильотины и перемѣнившій свою фамилію изъ Degour въ Дегуровъ; онъ поселился въ Россіи давно, былъ сѣдъ, какъ лунь, но ни слова не говорилъ по-русски и, мѣсяца черезъ два, отказался отъ преподаванія всеобщей исторіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что студенты не понимаютъ ни по-французски, ни по-латыни.

Его замѣстилъ на каѳедрѣ всеобщей исторіи адъюнктъ Роговъ, преподававшій русскую или, по тогдашнему выговору, россійскую исторію,—человѣкъ бездарный, въ высшей степени робкій, охотникъ до картежный игры, засыпавшій не разъ на каѳедрѣ послѣ безсонно проведенной ночи; впрочемъ, добрякъ. Всеобщую и россійскую географію и статистику читалъ исправлявшій должность ректора Зябловскій, съ неуклюжими пріемами, но честный и знавшій свое дѣло. Русскую словесность преподавалъ Толмачевъ, сочинившій въ четырехъ частяхъ „Правила словесности“, теперь совершенно забытыя; онъ зналъ русскій языкъ, но смотрѣлъ на него фальшиво и писалъ нескладно. Профессоромъ піитики былъ Бутырскій, учившійся въ Геттингенскомъ университетѣ, человѣкъ бойкій и благонамѣренный. Латинскій и греческій языки изъяснялъ профессоръ Грефе, не знавшій ни слова по-русски, но сильный въ латинскомъ языкѣ. Адъюнктомъ у него былъ Поповъ, знавшій свое дѣло... Мы ходили съ Васильевскаго острова каждый день въ Семеновскій полкъ, куда Руничъ вздумалъ перевести университетъ...

По окончаніи курса въ университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента, я не зналъ, куда преклонить свою голову.

Объ ученой службѣ не было и мысли, хотя, помнится, исторія Петра

Великаго меня занимала еще въ университетѣ, и я понемногу пріобрѣталъ книги объ его царствованіи, даже писалъ нѣкоторыя статейки...

9 іюня 1824 года, девятнадцати лѣтъ, поступилъ я въ канцелярію министра финансовъ, въ первое отдѣленіе по столу департамента внѣшней торговли, канцелярскимъ чиновникомъ съ жалованьемъ по 600 рублей ассигнаціями въ годъ.

12. Руничъ и Петербургскій университетъ въ 1821 году [1].

Изслѣдованіе, имѣвшее цѣлью доказать, что С.-Петербургскій университетъ полонъ нечестія, и что науки, въ немъ преподаваемыя, ведутъ къ безбожію и революціи, началось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 года. 3-го числа этого мѣсяца, по предписанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ чрезвычайное засѣданіе университетской конференціи явился Руничъ въ качествѣ предсѣдателя, въ сопровожденіи ближайшаго сотрудника своего и единомышленника, директора университета пансіона, Кавелина. Съ торжествующимъ видомъ, какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь радостномъ событіи, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, гдѣ расточено было не мало общихъ мѣстъ патріотическаго и нравственнаго свойства, Руничъ объявилъ собранію, какъ о дѣлѣ, уже дознанномъ, что въ университетѣ господствуютъ зловредныя разрушительныя ученія съ явнымъ намѣреніемъ преподавателей поколебать алтари и троны, и въ заключеніе назвалъ четырехъ главныхъ виновниковъ, ординарныхъ профессоровъ-исторіи: Раупаха, статистики Германа, экстраординарнаго профессора философіи Галича и адъюнкта статистики Арсеньева. Основаніемъ для этого обвиненія служили выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, разсмотрѣнныя главнымъ правленіемъ училищъ, гдѣ присутствовалъ также и Руничъ... Желая во что бы то ни стало убѣдить высшее начальство въ существованіи зловредныхъ замысловъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и представить для этого новыя удостовѣренія, Руничъ не пренебрегъ и другими средствами, употреблявшимися обыкновенно при производствѣ дѣлъ въ темныя времена—обѣщаніями, угрозами и тайными внушеніями лицамъ, болѣе или менѣе отъ него зависѣвшимъ. Изъ нихъ нѣкоторыя потомъ и были взысканы опозорившею ихъ навсегда милостію Руднича, давшаго имъ мѣста и награды за угодливость ему и предательство. Сцены, происходившія въ засѣданіяхъ конференціи 3-го, 4-го и 7-го ноября, могли бы показаться, особенно въ настоящее время, невѣроятными, если бы не были засвидѣтельствованы очевидцами и оффиціальными документами. Руничъ являлся тутъ не агентомъ правительства, обязаннымъ узнать и довести до свѣдѣнія его истину, а какимъ-то неограниченнымъ властителемъ, для котораго единственною истиною были уже заранѣе составленныя имъ рѣшенія. Онъ съ какимъ-то неистовствомъ предавался удовольствію изливать свою ярость, обвинять и угрожать. Ему хотѣлось, повидимому, одного — навести на всѣхъ присутствовавшихъ страхъ и съ помощью его вынудить у однихъ признаніе въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ, у другихъ безотчетное согласіе на свои мнѣнія. Тутъ были пренебрежены не только закономъ предписанныя при изслѣдованіяхъ правила и условія, но и всякое приличіе, всякое уваженіе къ мѣсту и къ власти, именемъ которой распоряжался предсѣдательствовавшій. Не

---

[1]) А. В. Никитенко. Александръ Ивановичъ Галичъ (*Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., январь*).

только не окончивъ еще изслѣдованія, но даже не приступивъ къ нему, и между тѣмъ считая уже совершенно доказаннымъ, что обвиняемые профессора суть настоящіе враги религіи и государства, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ ними. Людей почтенныхъ, членовъ высшей ученой корпораціи, занимавшихъ въ службѣ почетныя мѣста и носившихъ въ обществѣ почетное имя, людей, оказавшихъ уже наукѣ и образованію значительныя услуги, онъ осыпалъ недостойными укоризнами, требовалъ отъ нихъ немедленнаго признанія въ винѣ, подвергавшей ихъ жестокому уголовному наказанію, и лишалъ ихъ возможности защищаться. На скромныя ихъ требованія дать имъ время придти въ себя отъ такихъ неожиданныхъ моральныхъ истязаній и возможность отвѣчать противъ обвинительныхъ пунктовъ или, по крайней мѣрѣ, сообразить, въ чемъ именно ихъ обвиняютъ,—онъ возражалъ угрозами и не счелъ неприличными словъ директора университета, Кавелина, который, въ порывѣ усердія, выразилъ желаніе призвать жандармовъ и заставить обвиняемыхъ отвѣчать между обнаженными палашами. Несмотря на всѣ эти ужасы, Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ вели себя съ большимъ достоинствомъ, и это въ Руничѣ, требовавшемъ немедленнаго и безусловнаго признанія во всемъ, что онъ ни вымышлялъ на нихъ возводить, возбуждало еще большее озлобленіе.

Но что дѣлала конференція? Къ чести ея надобно сказать, что если у однихъ членовъ малодушіе оковало умъ и уста и помѣшало имъ выразить какимъ бы то ни было образомъ свой протестъ противъ такого явнаго насилія, а другіе изъ гнусныхъ своекорыстныхъ разсчетовъ раболѣпно и подобострастно предъ нимъ склонялись, то нашлись также лица, которыя съ прискорбіемъ смотрѣли на все происходившее, и, насколько позволяло имъ ихъ положеніе, возвышали честно свой голосъ въ пользу гонимыхъ своихъ собратій и старались противодѣйствовать явному беззаконію. Имена ихъ слѣдуетъ сохранить въ лѣтописяхъ университета, какъ людей мужественныхъ, которые въ обстоятельствахъ трудныхъ умѣли сохранить свое нравственное достоинство и остались вѣрными чести и правотѣ, несмотря на личную угрожавшую имъ опасность: это были профессора: математики—Чижовъ, химіи—Соловьевъ, астрономіи—Вишневскій, зоологіи—Ржевскій, греческой—словесности—Грефе, правъ—Лодій, политическихъ наукъ—Балугіянскій, восточныхъ языковъ Шармуа и Деманжъ, адъюнктъ-профессора—Радловъ и Плисовъ и неизвѣстно почему присутствовавшій въ конференціи директоръ С.-Петербургскихъ училищъ Тимковскій.

Поведеніе этихъ лицъ во время производившихся допросовъ возбуждало величайшее негодованіе Рунича. На дѣланныя ими скромныя и почтительныя замѣчанія по поводу непристойныхъ выходокъ его и на выраженное ими несогласіе подтвердить рѣшительные его приговоры о мнимой преступности обвиняемыхъ, онъ не стѣснялся отвѣчать рѣзкими и обидными словами и кончилъ тѣмъ, что началъ явно подозрѣвать ихъ въ злоумышленіи. „Тутъ что-то кроется", сказалъ онъ въ одномъ изъ засѣданій: „это крючки, уловки, ябедничество, наконецъ, заговоръ". И потомъ: „Что это значитъ, гдѣ я? Такъ ли всегда производятся въ конференціи совѣщанія?" Что эти слова не были минутною вспышкою раздражительности, доказывается тѣмъ, что онъ повторилъ ихъ въ донесеніи своемъ министру. Тамъ, съ необыкновеннымъ самодовольствомъ, изображая свои подвиги по поводу изобличенія виновныхъ, онъ говоритъ, что это стоило ему неимовѣрныхъ усилій, такъ какъ вообще почти вся конференція видимо благопріятствовала преступникамъ.

Наконецъ, на эту бурную сцену вызванъ былъ Галичъ. Главнымъ поводомъ къ обвиненію его служила изданная имъ Исторія философскихъ системъ. Обвинительный пунктъ былъ формулированъ вопросомъ: излагая разныя системы философовъ, зачѣмъ онъ ихъ не опровергъ? Нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣлились замѣтить, что онъ не обязанъ былъ дѣлать это, какъ историкъ, что еслибъ онъ это сдѣлалъ, то онъ уже излагалъ бы не науку, не исторію человѣческихъ мыслей, а свои собственныя мнѣнія. Это не подѣйствовало. Руничъ уподобилъ книгу Галича тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, забывъ, что тѣ, для которыхъ излагалась исторія философіи, были не дѣти, а взрослые люди, и Русскіе, сколько-нибудь уже образованные, а не дикіе. „Я самъ, говорилъ Руничъ, если бы не былъ истиннымъ христіаниномъ, и если бы благодать свыше меня не осѣнила, я самъ не отвѣчаю за свои поползновенія при чтеніи книги Галича".

Потомъ обратился онъ къ самому автору и, вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него объясненія, прямо безъ дальнихъ околичностей началъ обвинять его въ безбожіи, измѣнѣ государю и отечеству и, наконецъ, сказалъ: „Вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой церкви, безбожнаго Канта Христу, а Шеллинга Духу Святому". Всѣ эти изліянія чувствованій, переполненныя общими нравоучительными мѣстами о благонравіи, о повиновеніи начальству и проч. не были поддержаны ни ссылкою на опасныя и предосудительныя мѣста книги и вообще никакими доводами, изъ коихъ бы слѣдовала необходимость говорить такимъ образомъ съ лицомъ, давно уже оставившимъ пеленки дѣтской морали. Наконецъ, Галичу велѣно было удалиться въ другую комнату и написать тамъ, подъ надзоромъ адъюнкта Рогова, свой отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ былъ написанъ скоро и состоялъ изъ слѣдующихъ немногихъ словъ: Сознавая невозможность опровергнуть предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія. Когда бумага была прочитана предсѣдателемъ, и Галичъ опять былъ введенъ въ собраніе, произошла сцена, исполненная необычайнаго комическаго паѳоса. Руничъ не обратилъ вниманія на ироническую двусмысленность выраженія: сознавая невозможность и, остановясь только на послѣднихъ словахъ фразы, въ которыхъ онъ видѣлъ желанное признаніе въ винѣ, растворенное, повидимому, раскаяніемъ, обратился къ Галичу и воскликнулъ съ восторгомъ: „Послѣ этого могу ли я бросить въ васъ камень"—и заключилъ его въ свои объятія. Съ обычнымъ своимъ велерѣчіемъ онъ увѣрялъ собраніе, что въ этомъ явно совершилось чудесное дѣйствіе благодати Божіей, что въ эту самую минуту она коснулась сердца Галича, что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что пастырь овецъ подъялъ и эту блуждавшую овцу на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ. На это, говорятъ, Галичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразилъ: „Не овцу, ваше превосходительство, а барана, или паче козлище". Затѣмъ Руничъ началъ требовать отъ Галича, чтобъ онъ издалъ вновь свою исторію философскихъ системъ и въ предисловіи своемъ торжественно описалъ бы свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименномъ разумѣ основаннаго. Галичъ во все время дѣланнаго ему допроса не произнесъ ни одного слова, кромѣ — если вѣрить преданію — сдѣланной имъ поправки въ словахъ Рунича объ овцѣ. Онъ также отвѣчалъ молчаніемъ и

на нелѣпое требованіе издать вновь свою книгу съ отреченіемъ отъ самой книги. Вѣроятно, Руничъ счелъ это молчаніе за согласіе, потому что въ донесеніи своемъ министру онъ говорилъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, обѣщанномъ авторомъ.

Поведеніе Галича въ засѣданіи конференціи, по свидѣтельству лицъ въ немъ участвовавшихъ, отличалось особеннымъ характеромъ, который былъ совершенно согласенъ съ его свойствами. Онъ не обнаруживалъ ни смущенія, ни желанія отразить наносимые ему удары. Увидѣвъ во всемъ происходившемъ въ университетѣ дѣлѣ какую-то роковую необходимость и чувствуя, что ему не одолѣть враждебныхъ силъ, онъ, кажется, принялъ систему полной покорности судьбѣ и рѣшился ждать спокойно всего, что случится...

Слѣдствіе, произведенное Руничемъ, поступило на разсмотрѣніе высшихъ властей. Ожидаемыхъ Магницкимъ и Руничемъ результатовъ, однако, не послѣдовало... Самое министерство народнаго просвѣщенія начало, кажется, тяготиться тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, въ которое были поставлены вещи изувѣрною ревностью его агентовъ...

Конечно, послѣ всего случившагося, профессора Раупахъ, Германъ и другіе не могли уже продолжать свою дѣятельность въ университетѣ, отъ чего послѣдній лишился лучшихъ силъ своихъ и влачилъ печально свое существованіе до самаго вступленія въ министерство графа Уварова.

13. Петербургскій университетъ по дневнику А. В. Никитенко.

1826—1828 г.

16 января 1826 г. Сегодняшній экзаменъ изъ практической философіи сопровождался большими непріятностями. Л о д і й, профессоръ правъ и философіи, одинъ изъ старѣйшихъ въ нашемъ университетѣ, а по духу старѣйшій изъ всѣхъ, ибо весь проникнутъ схоластикой XIII в. Онъ напалъ на профессора П а л ь м и н а, читающаго намъ практическую философію, и упрекалъ его въ томъ, что тотъ заставлялъ насъ слѣдовать ложной и опасной системѣ. Пальминъ держался основныхъ положеній Канта. Дѣло принимало серьезный оборотъ, такъ какъ въ него вмѣшалась личная вражда Лодія къ Пальмину, а вражда, какъ извѣстно, имѣетъ зоркіе глаза и умѣетъ открывать зло тамъ, гдѣ другіе не подозрѣваютъ его. Мы ожидали дурныхъ для себя послѣдствій, особенно я, который составлялъ записки по данному предмету и пополнялъ ихъ собственными замѣчаніями. Но, благодаря сдержанности и благоразумію нашего профессора, все обошлось благополучно.

19 января. Былъ у Галича. Получилъ отъ него эстетику, недавно имъ написанную и напечатанную. Онъ говорилъ очень пріятно; сужденія его глубоки и возвышенны.

2 февраля. Былъ у профессора и декана нашего факультета Пальмина... Пальмину лѣтъ за сорокъ. Онъ, повидимому, флегматикъ, но не угрюмъ. У него добродушная улыбка, и онъ умѣетъ постоять за того, кто ему по душѣ. Со мной онъ всегда ласковъ и привѣтливъ, говоритъ тономъ дружбы, какъ съ равнымъ. У него здравый умъ. Онъ не систематикъ и ищетъ истины вездѣ, гдѣ только надѣется найти ее, и любитъ ее, въ какомъ бы видѣ она ему не представлялась. Практическое предпочитаетъ теоретическому и разсудокъ уму. Скроменъ. Испыталъ много превратностей, но перенесъ ихъ, какъ подобаетъ философу. И теперь участь его не бле-

стящая. Онъ небогатъ, а семейство у него пребольшое. Я, между прочимъ, нахожу въ немъ сходство съ Ѳ. Ѳ. Ферронскимъ, моимъ добрымъ украинскимъ философомъ. Та же, повидимому, простота сердца и равнодушное отношеніе ко внѣшнимъ невзгодамъ. При всемъ томъ, говорятъ, что профессоръ этотъ нелюбимъ въ университетѣ. Но кто же умѣетъ такъ ненавидѣть и гнать, какъ ученые: имъ издревлѣ принадлежитъ честь совершенствовать не одно хорошее, но и дурное.

10 февраля. Былъ у профессора словесности Бутырскаго [1]). Въ его теоріи словесности много истинъ, особенно полезныхъ въ настоящее время, когда у насъ стали появляться писатели, отвергающіе правила здраваго смысла и думающіе, что вмѣсто изученія языка и всякихъ другихъ знаній довольно обладать фантазіей и сомнительнымъ остроуміемъ, чтобы заслужить право на безсмертіе.

15 февраля. Сегодня, въ десять часовъ утра, всѣ студенты собрались въ университетъ. Былъ отслуженъ молебенъ, и каждый изъ насъ получилъ свидѣтельство на званіе студента, а потомъ прочитано намъ расписаніе о переводѣ насъ на высшіе курсы. Я переведенъ на второй и со мной всѣ мои товарищи изъ вольнослушающихъ.

11 апрѣля. Сегодня всѣ студенты собрались въ университетской аудіенцъ-залѣ, гдѣ ректоръ Дегуровъ произнесъ къ намъ слово, въ которомъ увѣщевалъ быть преданными нашему монарху. Рѣчь свою онъ подкрѣпилъ примѣромъ 14 декабря. Ректоръ говорилъ горячо, и рѣчь его произвела впечатлѣніе.

29—30 апрѣля. Слушалъ лекціи изъ исторіи философіи. Мы занимались греками и, по обыкновенію, начали съ Ѳалеса. Профессоръ обращался съ вопросами, на которые мы, по его словамъ, отвѣчали удовлетворительно. Поутру зашелъ послушать лекцію профессора Т-ву о словесности. Засталъ оную уже на половинѣ: онъ трактовалъ о красотѣ. Потомъ я былъ на лекціи статистики профессора З. Онъ читалъ намъ общее обозрѣніе Европы. Профессоръ З., кажется, слишкомъ любитъ пускаться въ подробности, но онъ очень хорошо объясняетъ свой предметъ, т. е. точно, толково и чистымъ языкомъ. У него грубая, полу-дикая физіономія, но его пріятно слушать.

1 мая. Отъ 8 до 10 часовъ утра слушалъ лекцію естественнаго права у профессора Лодія. Послѣдователи французской школы по этому праву говорятъ: „Люди рождаются свободными и равными въ разсужденіи правъ и пребываютъ свободными и равными въ нихъ. Цѣль всякой государственной связи есть сохраненіе природныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Сіи же права суть: свобода, собственность, безопасность и власть противоборствовать угнетенію“. Французы старались приноравливать всѣ положенія естественнаго права къ политическимъ идеямъ того времени—это ясно. Но опроверженіе, которое намъ вообще предлагалъ нашъ профессоръ, показалось мнѣ неудовлетворительнымъ. Понятія: свобода, собственность и власть противоборствовать угнетенію надлежало бы разсмотрѣть въ отвлеченности, а онъ показалъ намъ только злоупотребленія, кои дѣлались въ примѣненіи ихъ, и тѣмъ самымъ какъ бы доказывалъ ихъ полную несостоятельность, чего, конечно, не могъ имѣть въ виду.

---

[1]) Н. И. Бутырскій (1783—1848 г.) по возвращеніи изъ-за границы въ 1812 г. опредѣленъ профессоромъ эстетики въ педагогическій институтъ, а въ 1819 г.—профессоромъ поэзіи въ петерб. университетъ. Послѣ удаленія изъ университета лучшихъ профессоровъ въ 1821 г.—преподавалъ финансы и политич. экономію. Издалъ сборникъ стихотвореній: „И моя доля въ сонетахъ“ (1837 г.).

20 мая. Сегодня было годичное торжественное собраніе въ нашемъ университетѣ. Было много посѣтителей и въ томъ числѣ дюкъ Брогліо, генералъ французской службы, занимающій первое мѣсто въ свитѣ французскаго посла, маршала Мармонта. Актъ продолжался часа три, но мы, студенты, собрались гораздо раньше и провели время довольно пріятно, расхаживая по залѣ и дѣлая наблюденія надъ приходящими. Профессоръ и секретарь совѣта Бутырскій прочелъ отчетъ дѣятельности университета за прошлый годъ—отчетъ, изъ коего, посмотря на всѣ старанія оратора доказать противное, было очевидно, что просвѣщеніе въ столицѣ не сдѣлало за это время большихъ успѣховъ. Ректоръ Дегуровъ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь о вліяніи просвѣщенія на народы: ее очень хвалили. Профессоръ Пальминъ часа полтора говорилъ о добродѣтеляхъ покойнаго Императора Александра Павловича. Любопытнѣе всего былъ отрывокъ изъ литературныхъ лекцій профессора Бутырскаго, который прочелъ оный съ обычною своей пріятностью. Дѣло шло „о сущности поэзіи". Немногіе изъ нашихъ глубоко вникаютъ въ его теорію, между тѣмъ въ ней много истинъ, которыя могли бы принести большую пользу нашей литературѣ, если бы къ нимъ захотѣли повнимательнѣе прислушаться.

8 ноября. Между прочимъ, я узналъ отъ товарища, что по университету готовятся важныя преобразованія. Хотятъ возстановить у насъ классическую ученость и потому самый университетъ, можетъ быть, уничтожатъ, обративъ его опять въ педагогическій институтъ, для того, чтобы Россія не нуждалась въ учителяхъ и профессорахъ.

30 января 1827 года.

Я много трудился надъ диссертаціей: „О политической экономіи вообще и о производимости богатствъ, какъ главнѣйшемъ предметѣ оной". Не скажу, чтобы я доволенъ былъ ею: я не успѣлъ еще такъ, какъ должно, вникнуть въ сію важную науку. Бутырскій хорошій профессоръ словесности, но политическую экономію плохо читаетъ. Онъ въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою: сегодня утверждаетъ одно, а завтра опровергаетъ. Каѳедра политической экономіи, очевидно, не по немъ. Познанія его въ ней поверхностны. Очень жаль, что сія высокая наука не имѣетъ у насъ лучшаго преподавателя. Многіе, однако, полагаютъ, что духъ ея не согласенъ съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей и потому преподаваніе ея у насъ обставлено большими трудностями.

9 февраля. Подводя итоги прошедшему учебному году, нельзя не замѣтить, что не всѣ молодые люди въ университетѣ одушевлены одинаковою любовью къ наукѣ. Часть студентовъ учится только для аттестата, слѣдовательно, учится слабо. Конечная цѣль ихъ не нравственное и умственное самоусовершенствованіе, а чинъ, безъ котораго у насъ нѣтъ гражданской свободы. Въ виду послѣдняго обстоятельства, конечно, нельзя слишкомъ строго къ нимъ относиться, да и не къ нимъ однимъ, а и ко всѣмъ, одержимымъ у насъ страстью къ чинамъ, которую Бутырскій мѣтко назвалъ чинобѣсіемъ.

Диссертація моя была читана въ совѣтѣ университета и одобрена для публичнаго чтенія.

14 апрѣля. Профессоръ Сенковскій отличный оріенталистъ, но, должно быть, плохой человѣкъ. Онъ, повидимому, дурно воспитанъ, ибо подчасъ бываетъ крайне невѣжливъ въ обращеніи. Его упрекаютъ въ подобострастіи съ высшими и въ грубости съ низшими. Природа одарила его умомъ быстрымъ и острымъ, которымъ онъ пользуется, чтобы наносить раны всякому, кто приближается къ нему.

Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, весьма порядочный и даровитый юноша, желавшій посвятить себя изученію восточныхъ языковъ, былъ выведенъ изъ терпѣнія оскорбительными выходками декана своего факультета, Сенковскаго, и рѣшилъ не посѣщать больше его лекцій. Это взбѣсило послѣдняго. Не умѣя и не желая заставить любить слушателей свои лекціи, онъ вздумалъ гнать ихъ туда бичемъ. Увидѣвъ какъ-то студента, о которомъ говорено выше, онъ началъ бранить его самымъ неприличнымъ образомъ и въ порывѣ злобы сказалъ въ заключеніе:

— Я сдѣлаю то, что васъ будутъ драть розгами; объявите это всѣмъ вашимъ товарищамъ. Не говорите мнѣ объ уставѣ—я вашъ уставъ.

Студенты крайне оскорбились и заволновались. Между ними есть способные и хорошихъ фамилій. Грубость Сенковскаго тѣмъ болѣе поразила ихъ, что всѣ другіе профессора здѣшняго университета, ректоръ и Дегуровъ и попечитель Бороздинъ, пріучили ихъ къ самому вѣжливому и благородному обращенію, отъ чего и между ними возникъ духъ, вполнѣ соотвѣтствующій сему мѣсту.

Товарищи бросились ко мнѣ съ просьбою довести до свѣдѣнія попечителя о неприличномъ поступкѣ Сенковскаго и о пагубныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ его дерзостей. Не говоря уже, что онъ, чего добраго, такимъ образомъ отвратитъ отъ университета многихъ молодыхъ людей, но еще можетъ нарваться на такого студента, который не выдержитъ и дерзостью отвѣтитъ на его дерзость. Само собой разумѣется, что это было бы несчастіемъ, которое гибельно отразилось бы на всемъ заведеніи. Я, отъ имени товарищей, просилъ попечителя принять мѣры противъ грозившаго зла. Онъ велѣлъ ректору объявить Сенковскому выговоръ. Должно полагать, что послѣдній теперь перестанетъ обращаться съ людьми также безцеремонно, какъ съ египетскими муміями, отъ которыхъ нечего ждать отпора.

21 октября. Читалъ мнѣнія членовъ комитета, учрежденнаго для преобразованія учебныхъ заведеній, о проектѣ академика Паррота. Не зная самаго проекта, не могу вполнѣ судить о достоинствѣ сихъ мнѣній. Впрочемъ, изъ нихъ можно заключить, что главная мысль его слѣдующая: „Всѣ университеты въ Россіи ничтожны и безполезны въ своемъ настоящемъ видѣ. Причина сего въ томъ, что они не имѣютъ хорошихъ профессоровъ. Чтобы водворить въ Россіи просвѣщеніе, надо уничтожить сію причину, т. е. всѣхъ профессоровъ въ россійскихъ университетахъ удалить и замѣнить ихъ новыми, болѣе достойными сего званія, но непремѣнно изъ русскихъ же. Какимъ же образомъ сдѣлать это?—Оставить только три университета: Московскій, Харьковскій и Казанскій,—ибо С.-Петербургскій, по мнѣнію г-на Паррота, цичѣмъ, однако, не доказанному. совершенно безполезенъ. Изъ трехъ вышеупомянутыхъ университетовъ надо выбрать отличнѣйшихъ студентовъ, на каждую каѳедру по одному (всѣхъ каѳедръ должно быть по 32 въ каждомъ университетѣ) и отправить ихъ всѣхъ на пять лѣтъ учиться въ Дерптѣ, а потомъ на два года въ Германіи. По возвращеніи ихъ, отставить всѣхъ старыхъ профессоровъ и замѣнить ихъ сими, вновь образованными.

Сперанскій и Строгановъ противъ сего проекта. За него съ разными исключеніями и дополненіями: Ламберто, Блудовъ, Крузенштернъ и Шторхъ.

28 января 1828 года. Слушалъ лекцію изъ философіи у профессора Галича. Какъ жаль, что сей отличный профессоръ лишенъ своей каѳедры въ университетѣ: у насъ нѣтъ ни одного подобнаго ему, кромѣ развѣ Да-

выдова въ Москвѣ, у котораго тоже отняли каѳедру: но я самъ о послѣднемъ не могу судить.

Къ Галичу прежде всего имѣешь довѣріе, ибо видишь, что онъ обладаетъ обширными познаніями. Изложеніе его опредѣленное: онъ выражается ясно и благородно. Его одушевляетъ чистая, высокая любовь къ истинѣ, отъ чего бесѣды его не только полезны, но и увлекательны. Это не цеховый ученый, а человѣкъ, глубоко преданный наукѣ и жаждущій правды, столько же практической, сколько и теоретической. Я лично къ тому же много обязанъ ему. Зная, что мнѣ не подъ силу заплатить ему курсъ 300 р., какъ платятъ другіе его слушатели, онъ предложилъ мнѣ посѣщать его лекціи безплатно.

2 февраля. Славный день! Давно уже предлагалъ я товарищамъ, по окончаніи экзаменовъ, устроить дружескій прощальный обѣдъ, для чего каждый изъ насъ долженъ былъ пожертвовать по 20 руб. Я давно уже началъ прикапливать эту сумму. Нѣкоторые, по малодушію, отказались, но вотъ дорогія имена тѣхъ, которые съ восторгомъ отозвались на призывъ дружбы: Горловъ, Михайловъ, Армстронгъ, Дель, Гебгардтъ 1-й, Гебгардтъ 2-й, Клоповъ, Гедерштернъ, Владиславлевъ, Ивановъ, Лингвистъ, Крупскій, Чивилевъ, Щегловъ и Казанинъ.

Мы собрались въ четыре часа къ Горлову. Первый нашъ тостъ за обѣдомъ былъ, по обыкновенію, посвященъ отечеству и государю. За вторымъ бокаломъ шампанскаго каждый долженъ былъ избрать предметъ по сердцу и пить въ честь его. Крупскій пилъ за дружбу; Ивановъ — за успѣхи драматической поэзіи; Гедерштернъ — за здоровье друзей; Гебгардтъ—за любовь и дружбу; Дель—за отечество; Армстронгъ — за честь и дружбу; Михайловъ — за свою возлюбленную; Горловъ — за святость дружескаго союза; я—за счастіе и славу друзей.

Въ концѣ обѣда, выпивъ послѣдній бокалъ, всѣ, по общему взаимному побужденію, бросились въ объятія другъ друга. Пять часовъ пролетѣли, какъ мигъ. Какая свобода чувствовалась въ изліяніяхъ нашихъ чувствъ и мыслей, но какая благородная свобода: въ ней не родилось ни одного чувства, ни одной мысли, ни одного слова, оскорбительнаго для нравовъ, чести и дружбы. Право, отечество могло бы пожелать, чтобы всѣ грядущія поколѣнія его сыновъ были одушевлены такою же правотою сердца и такимъ же благородствомъ стремленій.

Я вернулся домой въ десять часовъ вечера, но сердцемъ и мыслью все еще оставался съ покинутыми друзьями.

14. Московскій и Казанскій университеты по воспоминаніямъ П. Ѳ. Вистенгофа.

„Изъ моихъ воспоминаній“ [1]).

Не жажда познаній въ то время манила меня сдѣлаться студентомъ, а стремленіе скорѣй выйти на свободу, поступить въ гусарскій полкъ, схватить офицерскій чинъ и корнетомъ фигурировать въ обществѣ. Къ фраку я питалъ презрѣніе, какъ и большая часть молодежи того времени. Дворянскому сословію и въ особенности его нелѣпымъ тогдашнимъ правамъ вполнѣ не сочувствовалъ, между тѣмъ, мнѣ необходимо было прі-

---

[1]) (*„Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., май).*

обрѣсти эти права для наслѣдованія родоваго населеннаго имѣнія, на владѣніе которымъ по закону, какъ не-дворянинъ, я не имѣлъ права, и таковое по смерти матери моей должно было отойти въ казну.

Въ 1830 году я поступилъ вольнымъ слушателемъ въ московскій университетъ. Студентомъ я быть не могъ, потому что не выходили еще года — мнѣ было всего только пятнадцать лѣтъ. Но неожиданныя обстоятельства помѣшали мнѣ въ этомъ году посѣщать и слушать лекціи.

Въ первыхъ числахъ сентября надъ Москвой разразилась губительная холера. Паника была всеобщая. Массы жертвъ гибли мгновенно. Зараза приняла чудовищные размѣры. Университетъ, всѣ учебныя заведенія, присутственныя мѣста были закрыты, публичныя увеселенія запрещены, торговля остановилась. Москва была оцѣплена строгимъ военнымъ кордономъ и учрежденъ карантинъ. Кто могъ и успѣлъ,—бѣжалъ изъ города. Съ болью въ душѣ вспоминаешь теперь тогдашнее грустное и тягостное существованіе наше. Изъ шумной, веселой столицы, Москва внезапно превратилась въ пустынный, безлюдный городъ...

Къ веснѣ 1831 года бѣдствіе столицы прекратилось. Москва просіяла. Жизнь потекла обычнымъ своимъ путемъ. Хотя въ январѣ мѣсяцѣ университетъ и былъ открытъ, но лекціи какъ самими профессорами, такъ и студентами, посѣщались неаккуратно, надлежащій порядокъ еще не былъ возстановленъ, поэтому и злополучный годъ этотъ имъ не зачелся,—всѣ студенты остались на прежнихъ своихъ курсахъ.

Подъ конецъ лѣта, передъ самымъ началомъ вступительныхъ экзаменовъ, ко мнѣ пригласили на домъ ординарнаго профессора московскаго университета Ивашковскаго, постоянно назначавшагося экзаменаторомъ греческаго языка, въ которомъ я былъ очень слабъ, и страшился его болѣе всего. Профессоръ, давъ нѣсколько уроковъ, заранѣе предупредилъ меня о томъ, что будетъ спрашивать на экзаменѣ, и указалъ то мѣсто въ греческой хрестоматіи, которое я долженъ былъ вызубрить. Мнѣ дали множество рекомендательныхъ писемъ почти ко всѣмъ профессорамъ экзаменаторамъ и даже къ самому почтенному ректору университета, престарѣлому Двигубскому. Всѣ эти письма были отъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, которымъ профессора, въ свою очередь, желали угодить... Меня экзаменовали болѣе, нежели легко. Сами профессора вполголоса подсказывали отвѣты на заданные вопросы. Отвѣты по билетамъ тогда еще не были введены. Я былъ принятъ въ студенты по словесному факультету. Съ восторгомъ поздравляли меня родные, мечтали о будущей карьерѣ, строили различные воздушные замки. Я былъ тоже доволенъ судьбой своей. Новая обстановка, будущіе товарищи, положеніе въ обществѣ—все это поощряло, тянуло къ университетскому зданію, возбуждало чувство собственнаго достоинства.

Всѣхъ слушателей на первомъ курсѣ словеснаго факультета было около ста пятидесяти человѣкъ. Молодость скоро сближается. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль мы сдѣлались своими людьми, болѣе или менѣе другъ съ другомъ сошлись, а нѣкоторые даже и подружились, смотря по роду состоянія, средствамъ къ жизни, взглядамъ на вещи. Выдѣлялись между ними и люди, горячо принявшіеся за науку: Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Компанійщиковъ, Плетневъ, Ефремовъ, Лермонтовъ. Оказались и такіе, какъ и я самъ, т.-е. мечтавшіе какъ-нибудь промаячить въ стѣнахъ университетскихъ и затѣмъ, схвативъ степень дѣйствительнаго студента, броситься въ омутъ жизни.

Студентъ Лермонтовъ, въ которомъ, тогда никто изъ насъ не могъ предвидѣть будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія...

Передъ рождественскими праздниками профессора дѣлали репетиціи, т.-е. провѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и согласно отвѣтамъ ставили баллы, которые брались въ соображеніе потомъ и на публичномъ экзаменѣ.

Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ.

Лермонтовъ началъ бойко и съ увѣренностью отвѣчать. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ; я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ? Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.

Мы всѣ переглянулись.

Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнктъ-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ.

Въ то время всѣ студенты раздѣлялись на двѣ категоріи: своекоштныхъ и казеннокоштныхъ. Казеннокоштные студенты помѣщались въ самомъ зданіи университета, въ особо отведенныхъ для нихъ нумерахъ, по нѣсколько человѣкъ въ каждомъ, и были на полномъ казенномъ содержаніи, начиная съ пищи, одежды и кончая всѣми необходимыми учебными пособіями. Взамѣнъ этого, по окончаніи курса наукъ, они обязаны были отслужить правительству извѣстное число лѣтъ въ мѣстахъ, имъ назначенныхъ, большею частью отдаленныхъ. Студенты юридическаго факультета казенными быть не могли. Всѣмъ студентамъ была присвоена форменная одежда, на подобіе военной: однобортный мундиръ съ фалдами темнозеленаго сукна, съ малиновымъ стоячимъ воротникомъ и двумя золотыми петлицами, трехугольная шляпа и гражданская шпага безъ темляка; сюртукъ двухбортный, также съ металлическими желтыми пуговицами, и фуражка темнозеленая съ малиновымъ околышкомъ. Посѣщать лекціи обязательно было не иначе, какъ въ форменныхъ сюртукахъ. Внѣ университета, также на балахъ и въ театрахъ, дозволялось надѣвать штатское платье. Студенты, вообще, не любили форменной одежды и, относясь индиферентно къ этой формальности, позволяли себѣ ходить по улицамъ Москвы въ форменномъ студенческомъ сюртукѣ, съ высокимъ штатскимъ цилиндромъ на головѣ.

Администрація тогдашняго университета имѣла нѣкоторую свою особенность.

Попечитель округа, д. т. с. князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, богачъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова, былъ человѣкъ высокообразованный, гуманный, добраго сердца, характера мягкаго. По высокому своему положенію и громаднымъ матеріальнымъ средствамъ, онъ имѣлъ возможность дѣлать много добра, какъ для всего ученаго персонала

вообще, такъ и для студентовъ (казеннокоштныхъ) въ особенности. Имя его всѣми студентами произносилось съ благоговѣніемъ и какимъ-то особеннымъ, исключительнымъ уваженіемъ. Занимая и другія важныя должности въ государствѣ, онъ не зналъ, какъ бы это слѣдовало, да и не имѣлъ времени усвоить себѣ своей прямой обязанности, какъ попечителя округа; поэтому онъ почти всецѣло передалъ власть свою двумъ помощникамъ своимъ, графу Панину и Голохвостову. Эти люди были совершенно противоположныхъ князю качествъ. Какъ одинъ, такъ и другой, необузданные деспоты, видѣли въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считая насъ всѣхъ опасною толпою, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго общества. Они все добивались что-то сломить, искоренить, дать всѣмъ внушительную острастку.

Голохвостовъ былъ язвительнаго, надменнаго характера. Онъ злорадствовалъ всякому случайному, незначительному студенческому промаху и, раздувъ его до maximum'а, находилъ для себя особаго рода наслажденіе наложить на него свою кару.

Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что-нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ-то мальчишекъ, которыхъ надобно держать непремѣнно въ ежовыхъ рукавицахъ, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, стращалъ. И обѣимъ этимъ личностямъ была дана полная власть надъ университетомъ. Затѣмъ слѣдовали: инспектора, субъ-инспектора и цѣлый легіонъ университетскихъ солдатъ и сторожей въ синихъ сюртукахъ казеннаго сукна съ малиновыми воротниками (университетская полиція—городовые).

Городская полиція надъ студентами, какъ своекоштными, такъ и казеннокоштными, не имѣла никакой власти, а также и правъ карать ихъ. Провинившійся студентъ отсылался полиціею къ инспектору студентовъ или въ университетское правленіе. Смотря по роду его проступка, онъ судился или инспекторомъ, или правленіемъ университета.

Инспектора казеннокоштныхъ и своекоштныхъ студентовъ, а равно и помощники ихъ (субъ-инспектора), имѣли въ императорскихъ театрахъ во время представленія казенныя безплатныя мѣста въ креслахъ, для наблюденія за нравственностью и поведеніемъ студентовъ во время сценическихъ представленій и для огражденія правъ ихъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи и другихъ враждебныхъ противъ нихъ вѣдомствъ. Студенческій карцеръ замѣнялъ тогда нынѣшнюю полицейскую кутузку, и эта кара для студентовъ была гораздо цѣлесообразнѣе и достойнѣе.

Какъ-то однажды намъ дали знать, что графъ Панинъ неистовствуетъ въ правленіи университета. Изъ любопытства мы бросились туда. Даже Лермонтовъ молча потянулся за нами. Мы застали слѣдующую сцену: два казеннокоштныхъ студента сидятъ одинъ противъ другого на табуреткахъ, и два университетскихъ солдата совершаютъ надъ ними обрядъ бритья и стрижки.

Графъ, атлетическаго роста, принявъ повелительную позу, грозно кричалъ:

— Вотъ такъ! Стриги еще короче! Подъ гребешокъ! Слышишь! А ты!—обращался онъ къ другому — чище брей! Не жалѣй мыла, мыль его хорошенько!

Потомъ, обратившись къ сидящимъ жертвамъ, гнѣвно сказалъ:

— Если вы у меня въ другой разъ осмѣлитесь только подумать отпускать себѣ бороды, усы и длинные волосы на головѣ, то я васъ при-

кажу стричь и брить на барабанѣ, въ карцеръ сажать и затѣмъ въ солдаты отдавать. Вы вѣдь не дьячки! Передайте это тамъ всѣмъ! Ну! Ступайте теперь!

Увидавъ въ эту минуту нашу толпу, онъ закричалъ:

— Вамъ что тутъ нужно? Вамъ тутъ нечего торчать! Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Идите въ свое мѣсто!

Мы опрометью, толкая другъ друга, выбѣжали изъ правленія, проклиная Панина.

Иногда, эти ненавистныя намъ личности, Панинъ и Голохвостовъ, являлись въ аудиторію для осмотра, все ли въ порядкѣ. Объ этомъ давалось знать всегда заранѣе. Тогда начиналась бѣготня по корридорамъ. Субъ-инспектора, университетскіе солдаты, суетились, а въ аудиторіяхъ водворялась тишина.

Однообразно тянулась жизнь наша въ стѣнахъ университета. Къ десяти часамъ утра мы собирались въ нашу аудиторію слушать монотонныя, безсодержательныя лекціи безцвѣтныхъ профессоровъ нашихъ: Побѣдоносцева, Гастева, Оболенскаго, Геринга, Кубарева, Малова, Василевскаго, протоіерея Терновскаго. Въ два часа пополудни мы расходились по домамъ.

Разсѣянная свѣтская жизнь въ продолженіе года не осталась безслѣдною. Многіе изъ насъ не были подготовлены для сдачи экзаменовъ. Нравственное и догматическое богословіе, а также греческій и латинскій языки, подкосили насъ. Панинъ и Голохвостовъ, присутствуя на экзаменахъ, злорадствовали нашей неудачѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что насъ оставили на первомъ курсѣ на другой годъ...

Послѣ неудачи, меня постигшей, не желая оставаться въ университетѣ, я подалъ прошеніе объ увольненіи меня. Два года продолжалась прежняя веселая жизнь. Наконецъ, я образумился. Я рѣшилъ отправиться въ Казань и поступить въ тамошній университетъ, куда мнѣ дали нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ и въ томъ числѣ къ декану юридическаго факультета, ординарному профессору Петру Сергѣевичу Сергѣеву.

... Я былъ принятъ въ число студентовъ казанскаго университета безъ экзамена на первый курсъ юридическаго факультета, гдѣ не читались ни греческій, ни латинскій языки.

Казанскій университетъ того времени далеко былъ не похожъ на московскій. Здѣсь все являлось въ миніатюрномъ видѣ, сравнительно съ обширными и громадными постройками московскаго университета, въ которомъ уже тогда насчитывалось болѣе тысячи слушателей, тогда какъ въ казанскомъ всего было около трехсотъ. Въ то время состоялось уже Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ студенты Имперіи обязательно носили присвоенную имъ форменную одежду какъ во время пребыванія своего въ университетѣ, такъ и внѣ его, съ окончательнымъ воспрещеніемъ одѣваться въ штатское платье какъ казеннымъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ. Форма одежды была измѣнена: вмѣсто малиновыхъ воротниковъ, даны были свѣтлосиніе съ золотымъ приборомъ для студентовъ двухъ столичныхъ университетовъ и серебрянымъ для студентовъ губернскихъ университетовъ. Познакомившись съ студентами, я убѣдился, что и здѣсь, какъ въ Москвѣ, надъ ними тяготѣла какая-то давящая сила и угнетающая власть. Въ Казани не полагалось помощниковъ попечителя учебнаго округа, все было въ тискахъ самаго попечителя, Михаила Николаевича Мусинъ-Пушкина. Студенты предупредили меня, между прочимъ,

что онъ имѣлъ слабость требовать, чтобы какъ можно чаще его титуловали: „ваше превосходительство", что слабость эта доходила даже до смѣшного. Они рекомендовали его, какъ человѣка, позволявшаго себѣ вмѣшиваться не въ свои дѣла, которыхъ онъ не понималъ, какъ вспыльчиваго, взбалмошнаго, не имѣвшаго терпѣнья когда-либо кого-нибудь выслушать, находили въ немъ много солдатскаго. Онъ иначе не относился къ студенту, какъ говоря „ты" и слѣдя, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы всѣ пуговицы и крючки на воротникахъ были постоянно застегнуты, къ чему студенты давно уже привыкли, мало впрочемъ обращая вниманія на это нелѣпое требованіе...

Порядки въ казанскомъ университетѣ были совершенно иные, чѣмъ въ московскомъ. По распоряженію Мусина-Пушкина, положено было за правило, что всѣ студенты безъ исключенія, какъ казенные, такъ и своекоштные, обязательно должны были каждую субботу и наканунѣ большихъ праздниковъ являться въ университетскую церковь ко всенощной и въ самый день праздника—къ обѣднѣ. Уклоняться отъ этого было невозможно, или очень трудно, потому что при входѣ, у дверей церкви, постоянно находился помощникъ инспектора съ двумя университетскими солдатами, имѣя въ рукахъ именной списокъ всѣмъ студентамъ. Онъ дѣлалъ отмѣтки о неявившихся, да притомъ и самъ попечитель, не пропуская никогда ни одной всенощной и обѣдни, зорко слѣдилъ за уклоняющимися отъ этого принудительнаго распоряженія. Неявившихся иногда въ церковь брали на худое замѣчаніе и подвергали взысканію. Изъ казенныхъ студентовъ былъ сформированъ хоръ, который стройно пѣлъ на правомъ клиросѣ. Во время службы церковь дѣлилась на двѣ половины: на лѣвой сторонѣ въ порядкѣ становились студенты, во главѣ которыхъ былъ самъ попечитель съ инспекторомъ. Профессора помѣщались поодаль, сбоку, за колоннами. Направо сгруппировывались постороннія лица и дамы, большею частью, изъ высшаго общества.

Въ воскресные и праздничные дни студенты обязаны были ходить въ мундирахъ, треугольныхъ шляпахъ, при шпагахъ. Кто это не исполнялъ, того сажали въ карцеръ на сутки или двое, смотря по тому, какъ часто повторялось неисполненіе этого обязательства провинившимся. Борода, усы, бакенбарды и длинные волосы на головѣ преслѣдовались безпощадно...

Между тѣмъ время летѣло. Подошли и публичные экзамены. Попечитель присутствовалъ каждый день на всѣхъ экзаменахъ, переходя отъ одного стола къ другому и задавая иногда самъ нѣкоторые вопросы.

Онъ, видимо, ко мнѣ придирался, вслѣдствіе чего, не выдержавъ экзамена по многимъ предметамъ, я остался опять на первомъ курсѣ.

Профессора, преподаватели перваго курса юридическаго факультета, были замѣчательные оригиналы. Изъ нихъ, напримѣръ, адъюнктъ-профессоръ Хламовъ читалъ логику по Кизеветтеру, а также и психологію. Онъ никогда не садился на каѳедру, а имѣлъ обыкновеніе цѣлый часъ расхаживать по аудиторіи большими шагами, держа книгу въ рукахъ и размахивая ею. Онъ читалъ ее вслухъ для себя, часто бормоча что-то, не обращая никакого вниманія на слушателей, какъ будто въ аудиторіи никого и не было и никому нѣтъ надобности его слушать...

Лекторъ Лукашевскій, читавшій римское право, былъ исключенъ изъ виленскаго университета и состоялъ подъ надзоромъ полиціи по польскому возстанію въ 1830 году. Онъ ненавидѣлъ Россію и помѣшанъ былъ на Юстиніанѣ. Со студентами обращался ласково, вкрадчиво, ставя всегда

всѣмъ безъ различія хорошія отмѣтки. Попечителя презиралъ за его дерзость и деспотизмъ, понимая, что и мы раздѣляемъ его взглядъ. Попечитель въ свою очередь ненавидѣлъ Лукашевскаго, часто распекалъ его и грозилъ, что рано или поздно онъ непремѣнно сошлетъ его куда-нибудь подальше...

Другой профессоръ, Фогель, плохо зная по-русски, говорилъ: „Пасьлюшайте" вмѣсто „послушайте", „фозвратный человѣкъ" вмѣсто „развратный человѣкъ", „обжирное государство" вмѣсто „обширное государство" и проч. Онъ пилъ очень много водки и пива, поэтому и являлся на лекціи красный, съ сверкающими глазами. Носъ у него всегда былъ запачканъ нюхательнымъ табакомъ.

Архимандритъ Зилантьева монастыря, Гавріилъ, читалъ намъ исторію ветхаго завѣта. Онъ имѣлъ обыкновеніе не читать, а разговаривать, и иногда, уходя изъ аудиторіи, уговаривалъ насъ не выносить сора изъ избы. Во время экзаменовъ на билетахъ онъ дѣлалъ помѣтки такъ, чтобы каждый студентъ зналъ мѣтку своего билета, на который онъ и долженъ былъ вызубрить свой отвѣтъ заранѣе. Предметъ этотъ обязаны были слушать студенты всѣхъ факультетовъ. Гавріила всѣ мы очень любили...

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1836 года было объявлено о пріѣздѣ въ Казань Императора Николая Павловича... За нѣсколько дней до пріѣзда Государя всѣ присутственныя мѣста и учебныя заведенія сами собой закрылись...

Въ университетѣ царила суматоха. Все приводилось снаружи въ блестящее, показное состояніе.

Въ числѣ двѣнадцати студентовъ, выбранныхъ самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ, былъ и я назначенъ на балъ, даваемый дворянами въ домѣ благороднаго собранія въ честь пріѣзда Государя.

Наканунѣ пріѣзда Государя попечитель сдѣлалъ распоряженіе какъ всѣхъ профессоровъ, такъ и студентовъ, ввести въ публичную актовую залу университета. Профессора размѣстились въ одну шеренгу по правую сторону залы, студенты въ три шеренги, по факультетамъ и курсамъ, по лѣвую. Когда все было готово и всѣ стали по мѣстамъ, дали знать попечителю. Войдя въ залу, онъ сказалъ:

— Господа! Я пригласилъ васъ всѣхъ сюда для того, чтобы прорепетировать тотъ пріемъ и порядокъ, который мы обязаны соблюсти при встрѣчѣ въ стѣнахъ этихъ такого дорогого гостя для всѣхъ насъ, какъ Государь Императоръ. Мы встрѣтимъ его со всѣми подобающими почестями и должны угодить ему во всѣхъ отношеніяхъ. Васъ, господа (обращаясь къ профессорамъ), вѣроятно, Государь Императоръ удостоитъ своимъ словомъ; будьте готовы къ положительному и основательному отвѣту. А вамъ, господа (обратившись къ студентамъ), рекомендую на первое его величества привѣтствіе отвѣтить: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!" Слышите, господа, что я вамъ говорю?

— Слушаемъ, ваше превосходительство,—глухо отвѣтили мы.

— Ну, вотъ я сейчасъ уйду изъ залы и потомъ опять возвращусь къ вамъ и поздороваюсь. Вы вообразите, что это входитъ теперь уже самъ Государь.

Онъ быстро вышелъ изъ залы и сейчасъ же возвратился. — Здравствуйте, господа!—громко сказалъ онъ. — Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!—какъ-то не въ тактъ и неловко отвѣтили мы.

— Повторите еще разъ, господа,—продолжалъ Мусинъ-Пушкинъ. Мы повторили.

— Ну, вотъ такъ! Прекрасно!—ласково отозвался онъ. Насъ распустили.

Наконецъ, наступилъ, съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ и давно всѣми ожидаемый, день 2-го сентября 1836 года, день незабвенный для жителей города Казани...

Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ Его Величество у подъѣзда. Государь вступилъ величественно въ залу. За нимъ слѣдовала многочисленная и блестящая свита, въ числѣ которой находились генералъ-адъютанты: графъ Строгановъ, графъ Петровскій, князь Чернышевъ, графъ Бенкендорфъ, графъ Адлербергъ, князь Волконскій. Государь былъ въ кавалергардскомъ вицъ-мундирѣ и держалъ въ лѣвой рукѣ трехугольную шляпу съ длинными бѣлыми пѣтушиными перьями. Впереди почтительно шелъ Мусинъ-Пушкинъ, указывая путь. Государь слегка поклонился профессорамъ. Попечитель началъ представлять каждаго изъ нихъ по очереди, называя фамилію и предметъ преподаванія. Нѣкоторыхъ Государь удостоивалъ краткими вопросами и съ особенною любезностью обратился къ профессору восточныхъ языковъ, персіянину Казембеку. Потомъ, быстро повернувшись къ намъ, свысока окинулъ насъ своимъ холоднымъ взглядомъ и громко произнесъ:

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!—громко и дружно отвѣтили мы, не хуже какого-нибудь батальона солдатъ.

На лицѣ Государя выразилось удовольствіе, онъ ласково взглянулъ на Мусина-Пушкина и приказалъ вызвать впередъ студентовъ послѣднихъ курсовъ всѣхъ факультетовъ. Осмотрѣвъ ихъ и спрося у нѣкоторыхъ фамиліи, онъ разспрашивалъ другихъ, куда они намѣрены поступать на службу послѣ окончанія курса?

Отвѣты даны удовлетворительные. Покончивъ съ этимъ, онъ отправился осматривать университетъ до мельчайшихъ подробностей, посѣтилъ библіотеку, химическую лабораторію, клинику, помѣщеніе казенныхъ студентовъ, обсерваторію, университетскую кухню.

Мы хотѣли слѣдовать за Государемъ, но насъ до этого не допустили, а отправили всѣхъ по домамъ, съ подтвержденіемъ не шататься по городу и въ особенности толпами. Казенныхъ отослали по своимъ комнатамъ...

Въ 1839 году, во время нахожденія моего на послѣднемъ курсѣ во второмъ полугодіи, случилось слѣдующее грустное происшествіе:

Студентъ дерптскаго университета, графъ Сологубъ, по какимъ-то дѣламъ пріѣзжалъ на короткое время въ Казань. Онъ познакомился съ многими изъ нашихъ студентовъ и обучилъ ихъ нѣкоторымъ обычаямъ студентовъ дерптскаго университета. Особенно увлекательно разсказывалъ онъ про обыкновеніе, послѣ студенческихъ оргій и попоекъ, ходить ночью по улицамъ и бить стекла въ зажженныхъ уличныхъ фонаряхъ. Это приглянулось нашимъ студентамъ и вошло въ моду.

Какъ старшіе, мы образовали свой особый студенческій кружокъ, на которомъ, собираясь, толковали о разныхъ современныхъ вопросахъ, о методѣ ихъ преподаванія, о предстоящемъ каждому изъ насъ служебномъ поприщѣ и тому подобное. Нерѣдко собирались и у меня. Эти сборища были въ родѣ маленькихъ митинговъ и кончались всегда попойкой, болѣе или менѣе ощутительной для головы. Употреблялся болѣе всего тогдашній любимый студенческій напитокъ ратафія или крамбамбули, а иногда и цимлянское донское вино. Вотъ послѣ этихъ-то возліяній и отправлялись

мы шататься ночью по городу, громя и разнося ни въ чемъ неповинныя стекла уличныхъ фонарей...

Наконецъ, наступилъ давно желанный для меня день—я кончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ. Мы отпраздновали этотъ день общимъ по подпискѣ обѣдомъ, трогательно распрощались и разъѣхались по разнымъ мѣстамъ обширнаго отечества нашего.

Я явился проститься съ Мусинымъ-Пушкинымъ. Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ:

— Я вамъ всѣмъ желалъ отъ души одного лишь добра. Не упрекайте меня въ излишней строгости и педантизмѣ. Я зналъ, что дѣлалъ. Я исполнялъ свой долгъ. Вы вспомните меня не разъ на поприщѣ вашей службы и скажете, что я былъ правъ. Отъ души желаю тебѣ, другъ мой, всего хорошаго въ жизни. Служи вѣрно и будь честнымъ офицеромъ, и не забудь, что у тебя есть на свѣтѣ человѣкъ, который въ крайности и нуждѣ твоей всегда готовъ будетъ помочь тебѣ; этотъ человѣкъ—я!

Распростившись съ друзьями, я сѣлъ на перекладную и, счастливый и довольный, поскакалъ въ Москву.

15. Бытъ московскаго студенчества 20-хъ годовъ [1]).

На своихъ собраніяхъ, кромѣ толковъ объ Маловскомъ дѣлѣ [2]), мы разсуждали и о своемъ студенческомъ положеніи, о недостаточности собственнаго нашего образованія и о невѣжествѣ нашихъ профессоровъ, и у насъ родилось было намѣреніе, по примѣру Нѣмцевъ, составить свои студенческія постоянныя собранія, какъ теперь говорятъ, сходки, на которыхъ бы студенты, во-первыхъ, обмѣнивались свѣдѣніями и идеями по разнымъ научнымъ предметамъ, читали бы ученыя сочиненія, писали бы и читали свои сочиненія, а, во-вторыхъ, имѣли бы наблюденіе и за поведеніемъ, какъ собственно своимъ, такъ и всѣхъ вообще студентовъ: стараться, чтобы всѣ студенты вели себя какъ можно благороднѣе, и въ сношеніяхъ между собою, и въ сношеніяхъ съ обществомъ, чтобы имя студента означало образованнаго, честнаго и благороднаго человѣка; въ случаѣ же какого-либо предосудительнаго поступка студента, дѣлать ему товарищескія убѣжденія и предостереженія. И при этомъ рождалось намѣреніе и о пособіи бѣднымъ студентамъ.

Въ тогдашнее время не было у насъ ни складчинъ, ни подписки въ пользу бѣдныхъ студентовъ; но былъ такой обычай, что кто только имѣлъ возможность, тотъ содержалъ другихъ бѣднѣйшихъ. Были такіе богатые студенты, которые содержали по нѣскольку человѣкъ бѣдныхъ, давая инымъ квартиру у себя, а другимъ нанимали. Нѣкоторые принимали къ себѣ на квартиру по одному товарищу (на цѣлый годъ, иные только на мѣсяцъ), который, на другой мѣсяцъ, переходилъ къ другому товарищу; иные давали у себя только столъ. Но надобно сказать, что тогда бѣдные студенты даже и не очень нуждались въ пособіи товарищей, развѣ только въ первый годъ поступленія въ университетъ, а потомъ они находили себѣ кондиціи или за деньги, или за квартиру, и такимъ образомъ содержали сами себя. Проектируемыя нами сходки, однакожъ, не состоялись вслѣдствіе увлеченія главныхъ дѣятелей другими стремленіями, о которыхъ будетъ разсказано ниже [3]).

---

[1]) Костенецкій. Воспоминанія изъ моей студенческой жизни *(Русскій Архивъ 1887 г., 3)*.

[2]) О маловской исторіи см. ниже въ воспоминаніяхъ Герцена.

[3]) См. очеркъ „Сунгуровское тайное общество“.

Въ то время рѣшительно не было никакого надзора за студентами внѣ университета. Каждый нанималъ себѣ квартиру, гдѣ хотѣлъ, никто изъ начальства не зналъ ея и никто въ нее не заглядывалъ, да и начальства-то не было никакого. Былъ всего одинъ инспекторъ своекоштныхъ студентовъ, знаменитый Ѳедоръ Ивановичъ Чумаковъ, профессоръ механики въ математическомъ факультетѣ, вся дѣятельность котораго заключалась въ томъ, что онъ изрѣдка, во время лекціи, войдетъ въ аудиторію, и тамъ если увидитъ какого студента въ цивильномъ платьѣ, а не въ форменномъ сюртукѣ или мундирѣ, какъ требовалось, то, обыкновенно, подойдетъ къ нему и скажетъ: „А, батенька, такъ вы-то въ цивильномъ платьѣ! Пожалуйте-ка въ карцеръ, въ карцеръ!" Но чтобы отъ него отдѣлаться, стоило только ему сказать: „Помилуйте, г. профессоръ, я не студентъ!"—„А, вы не студентъ! Ну, извините меня, извините!" Тогда имѣли право посѣщать лекціи всѣ постороннія лица, которыя, хотя и рѣдко, но все же появлялись на студенческихъ скамьяхъ, на лекціяхъ хорошихъ профессоровъ. Ѳедоръ Ивановичъ былъ близорукъ и подслѣповатъ; онъ даже всегда носилъ надъ глазами зеленый, большой зонтикъ. Однажды онъ входитъ въ математическую аудиторію во время лекціи Павлова, осматриваетъ студентовъ и замѣчаетъ одного въ цивильномъ платьѣ. „А, батенька, пожалуйте-ка въ карцеръ, въ карцеръ!"—говоритъ Чумаковъ, подходитъ къ этому лицу, беретъ его за лацканъ фрака,—и каково же было его изумленіе, когда онъ ощутилъ въ рукѣ своей Владимірскій крестъ! Это былъ какой-то чиновникъ.—„Ахъ, милостивый государь,—заболталъ, сконфузясь, Чумаковъ,—извините меня, извините! Я-то дуракъ, я-то дуракъ!"—Послѣ этого случая, онъ уже страшно боялся опять наткнуться на постороннее лицо, и студенты, хотя и часто ходили на лекціи въ цивильномъ платьѣ, но никогда ни одинъ за это, да и вообще за что бы то ни было, не сидѣлъ въ карцерѣ, котораго даже для своекоштныхъ студентовъ и не существовало. Вообще, ни инспекторъ, ни ректоръ, тоже знаменитый Двигубскій, не знали въ лицо студентовъ, и всегда легко было отдѣлаться отъ ихъ притязаній.

...Вообще студенты вели жизнь уединенную, скромную и приличную, и никогда не было никакихъ скандаловъ внѣ университета. Тогда мы не знали ни картъ, ни вина, рѣдко посѣщали трактиры, и не было никакихъ, какъ теперь, ни пикниковъ, ни parties du plaisir и проч. Москва имѣетъ то преимущество предъ другими университетскими городами, что студенты, будучи разсѣяны по квартирамъ на огромномъ пространствѣ, рѣдко сходятся между собою большими группами внѣ университета, и въ мое время студенты такъ были разъединены между собою, что внѣ университета они никогда не составляли никакой корпораціи, даже и мало были знакомы между собою, кромѣ, разумѣется, земляковъ или товарищей по гимназіи.

16. Къ исторіи диспутовъ въ Московскомъ университетѣ [1]).

...Въ старомъ университетѣ опредѣлялось всегда по два возражателя диспутанту и по одному защитнику, котораго обязанность состояла подавать ему въ нужныхъ случаяхъ руку помощи и выводить совопросниковъ на прямую дорогу вопроса, если они, увлеченные споромъ, собьются съ пути.

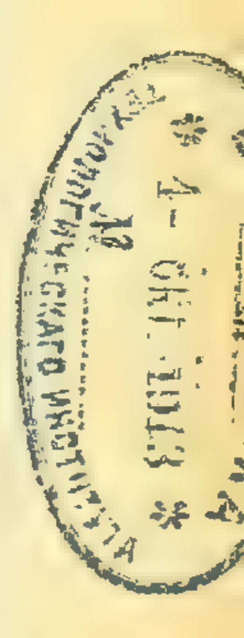
---

[1]) М. Погодинъ. Диспутъ Г. Гладкова *(Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г., февраль).*

Чтобъ управлять споромъ, надо имѣть особое искусство: слѣдовательно, диспутъ, въ этомъ отношеніи, служилъ средствомъ испытанія для самихъ профессоровъ.

Второю отличительною чертою старыхъ диспутовъ—это было участіе студентовъ. Студенты играли здѣсь главную роль. Они начинали диспутъ, они иногда и оканчивали его. Это была арена, для нихъ собственно открытая, гдѣ они могли показывать себя и обращать на себя вниманіе профессоровъ. На экзаменахъ они обязаны давать отчетъ въ томъ, что слышали, и возвращать, что получили, а на диспутахъ они предъявляли собственныя свои пріобрѣтенія, обнаруживали дѣятельность своего ума. Это было сильное побужденіе къ занятіямъ! Множество всякой всячины перечитывалось для подкрѣпленія возраженій; приготовленіе равнялось иногда цѣлому семестру. Диспута студенты дожидались какъ торжества, толковали, спорили между собою предварительно. Изощрялась способность говорить, у насъ столь рѣдкая! Послѣ студентовъ уже вступали въ споръ кандидаты и магистры, которые обыкновенно на диспутахъ давали о себѣ знать факультетамъ; потомъ публика,—и, наконецъ, профессора, которымъ доставалось обыкновенно сказать только нѣсколько словъ, произнести рѣшительный приговоръ.

Долго диспутъ оставался предметомъ разговоровъ въ аудиторіяхъ и спальняхъ. Были извѣстные бойцы, которые принимали участіе во всѣхъ диспутахъ и славились между студентами...

Помню я диспутъ о какомъ-то физическомъ предметѣ кандидата Телепнева, около 1815 г. Это было въ наемномъ домѣ Заикина вскорѣ послѣ французовъ: университетъ тогда не былъ отстроенъ. Я попалъ на этотъ диспутъ еще изъ гимназіи. Вышелъ спорить Іовскій, тогда молодой студентъ, но смѣлый и горячій. Онъ началъ говорить что-то о путешествіи вокругъ свѣта Магеллана, который по прибытіи своемъ въ гавань увидѣлъ, что день у него въ дорогѣ пропалъ: на кораблѣ у него считался, напримѣръ, вторникъ, а въ гавани была среда... Куда дѣвался день у спутниковъ Магеллана?—спросилъ торжественно Іовскій защищавшагося кандидата. Не помню, что тотъ отвѣчалъ ему, а помню, что этотъ вопросъ поразилъ меня, и пошелъ я въ гимназію, задумавшись. Долго раздавался въ ушахъ моихъ вопросъ: куда дѣвался день у Магеллановыхъ спутниковъ,—и возбуждалось благоговѣніе передъ наукою, которая рѣшаетъ такія непостижимые, повидимому, вопросы!

Многіе помнятъ диспутъ Надеждина о классической и романтической поэзіи, и его знаменитый тезисъ: „гдѣ жизнь, тамъ поэзія"—„ubi vita, ibi poësis". Кто-то сказалъ ему: „такъ гдѣ проза, тамъ смерть?" (Et ubi prosa, ibi mors?).—„Не только смерть, но множество стиховъ," отвѣчалъ онъ (Non solum mors, sed plurimi versus)...

Замѣтимъ еще, для памяти, различіе новаго порядка вещей отъ стараго. Нынѣшнія диссертаціи, говоря вообще, лучше прежнихъ, хотя бывали отличныя и прежде. Но понятіе о диссертаціи, точно какъ и о торжественной рѣчи, у нихъ почти потерялось.

17. О Магницкомъ.

Воспоминанія Н. И. Шенига, гл. XII.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Магницкій вкрался въ милость князя Александра Николаевича Голицына (тогда министра нар. просв. и духовныхъ дѣлъ), надѣвъ на себя маску святоши, пустился въ мистицизмъ.

былъ ревностный участникъ въ библейскомъ обществѣ и, наконецъ, назначенъ попечителемъ Казанскаго университета. Одаренный привлекательной и важной наружностью, имѣя необыкновенный даръ слова и образованный умъ, и тая, вѣроятно, въ душѣ своей ненависть и мщеніе за полученную обиду, онъ какъ будто принялъ себѣ за правило искажать и увеличивать до нелѣпости всѣ правительственныя мѣры. Будучи въ душѣ либералъ и вольнодумецъ, онъ жестоко преслѣдовалъ всякую современную идею и довелъ набожность до смѣшного ханжества.

Въ Казани, собравъ университетскій совѣтъ, онъ сдѣлалъ предложеніе, что находитъ мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять созданіе и подобіе Творца, человѣка, на анатомическіе препараты и хранить въ спиртахъ человѣческихъ уродовъ. Профессора прекословить не посмѣли и рѣшили предать землѣ весь анатомическій кабинетъ съ подобающею почестью. Вслѣдствіе сего заказаны были гробы, въ нихъ помѣстили всѣ препараты, сухіе и въ спиртѣ и, по отпѣтіи панихиды, въ парадѣ и съ процессіей, понесли на кладбище, гдѣ и предали землѣ.

Въ другое собраніе университета Магницкій краснорѣчиво изложилъ необходимость соединенія въ ученыхъ людяхъ учености съ свѣтскими приличіями и наружными формами и, замѣтивъ, что большая часть г.г. профессоровъ, вдавшись въ ученіе, изслѣдованія и занятія, до того пренебрегаютъ наружностью, что являются посмѣшищемъ для учащихся, предложилъ имъ поочередно приходить къ нему и получать уроки и наставленія, какъ входить въ гостиныя и дѣлать поклоны сообразно съ принятыми въ свѣтѣ обыкновеніями. Профессора опять не посмѣли прекословить и должны были учиться у него поклонамъ и шарканью, что онъ преподавалъ имъ со всевозможной важностію, самъ же въ душѣ смѣялся. Эти выходки до того однакоже раздражали благомыслящихъ, а особенно иностранцевъ, что они всѣ оставили университетъ...[1])

18. Изъ студенческихъ воспоминаній И. А. Гончарова [2]).

1831—1834 г.

Мы, юноши, полвѣка тому назадъ, смотрѣли на университетъ какъ на святилище, и вступали въ его стѣны со страхомъ и трепетомъ.

Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семействъ, и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ полезныхъ, можетъ быть, громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками.

Даже простые люди, и тѣ, при встрѣчахъ, ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, являлись, конечно, и мало подготовленные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впро-

---

[1]) *Русскій Архивъ, 1880 г. III.*

[2]) И. А. Гончаровъ. Въ Университетѣ. Какъ насъ учили 50 лѣтъ назадъ. *(Сочиненія, т. XII).*

чемъ рѣдкіе—слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирѣ, о шалостяхъ, въ родѣ, напримѣръ, перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ, или задорныхъ пререканій съ полиціею и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило доброй репутаціей и симпатіями общества.

Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы, падшими на него послѣ школьной или домашней педагогической неволи. Умственный горизонтъ его раздвигается, предъ нимъ открываются перспективы и параллели наукъ и вся безконечная даль знанія, а съ нею и настоящая, законная свобода—свобода науки.

Я не говорю, чтобы свободѣ этой не полагалось преградъ: страхъ, чтобы она не окрасилась въ другую, т.-е. политическую краску, заставлялъ начальство слѣдить за лекціями профессоровъ, хотя проблески этой, ненаучной, свободы проявлялись болѣе внѣ университета; свободомысліе почерпалось изъ другихъ, не-университетскихъ источниковъ. Въ университетахъ молодежь, болѣе чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, ограждена серьезною содержательностію занятій отъ многихъ опасныхъ увлеченій, заносимыхъ туда извнѣ, больше издалека... Но, тѣмъ не менѣе, на лекціи налагалось иногда veto, какъ, напримѣръ, на лекціи Давыдова.

Онъ прочелъ всего двѣ или три лекціи исторіи философіи; на этихъ лекціяхъ, между прочимъ, говорятъ (я еще не былъ тогда въ университетѣ), присутствовалъ пріѣзжій изъ Петербурга флигель-адъютантъ, и вслѣдствіе его донесенія будто бы лекціи были закрыты. Говорили, что въ нихъ проявлялось свободомысліе, противное... не знаю чему. Я не читалъ этихъ лекцій.

Гдѣ же, казалось бы, и проявляться свободомыслію, какъ не въ философіи? Но, какъ бы то ни было, лекціи были закрыты. Это противорѣчитъ, повидимому, сказанному мною выше о свободѣ науки. Напротивъ. Наука можетъ быть вовсе отмѣнена, каѳедра ея закрыта, какъ это и сдѣлано съ лекціями Давыдова, но если бы она не закрывалась, ограниченіе профессорскаго слова, духа и смысла его лекцій едва ли было бы возможно. Профессоръ сумѣлъ дать понять себя, а слушатели сумѣли бы угадывать недосказанное, какъ читатели умѣютъ читать между строками. Гораздо позже, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, преподаваніе философіи поручалось въ университетахъ, какъ извѣстно, духовнымъ лицамъ.

Наконецъ, всѣ трудности преодолѣны: мы вступили въ университетъ, облекшись въ форменные сюртуки съ малиновымъ воротникомъ, и стали посѣщать лекціи. Внѣ университета разрѣшалось желающимъ ходить въ партикулярномъ платьѣ.

Первый курсъ былъ чѣмъ-то въ родѣ повторенія высшаго гимназическаго класса.

Молодые профессора, адъюнкты — заставляли насъ упражняться въ древнихъ и новыхъ языкахъ. Это были замѣчательно умные, образованные и прекрасные люди, напримѣръ, французъ Куртенеръ, нѣмецкій лекторъ Гернигъ, профессоръ латинскаго языка Кубаревъ и греческаго—Оболенскій. Они много помогли намъ хорошо приготовиться къ слушанію лекцій высшаго курса, и, кромѣ того, своимъ добрымъ и любезнымъ отношеніемъ къ намъ сдѣлали первые шаги вступленія въ университетъ чрезвычайно пріятными. Между ними, какъ патріархъ, красовался убѣленный сѣдинами почтенный профессоръ русской словесности, человѣкъ стараго вѣка — П. В. Побѣдоносцевъ.

Насъ, первогодичныхъ, было, помнится, человѣкъ сорокъ. Между прочими тутъ былъ и Лермонтовъ, впослѣдствіи знаменитый поэтъ, тогда смуглый, одутловатый юноша, съ чертами лица какъ будто восточнаго происхожденія, съ черными выразительными глазами. Онъ казался мнѣ апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнивой позѣ, полулежа, опершись на локоть. Онъ не долго пробылъ въ университетѣ. Съ перваго курса онъ вышелъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Я не успѣлъ познакомиться съ нимъ.

Тутъ была еще замѣчательная личность — Бодянскій, впослѣдствіи извѣстный профессоръ славянскихъ нарѣчій.

Курсъ, или классъ, нашъ былъ какою-то безпечною, веселою толпою юношей, собиравшихся какъ будто только повидаться и изучать не науки, а другъ друга, потому что все, что проходили, мы болѣе или менѣе знали.

Мы легко справились съ переходнымъ экзаменомъ и на второй годъ весело перешли на слѣдующій курсъ, изъ маленькой аудиторіи въ большую, окнами на обширный дворъ и улицу. Тамъ мы застали человѣкъ пятьдесятъ опередившихъ насъ цѣлымъ годомъ товарищей, не переведенныхъ, по случаю холеры, на третій курсъ. Насъ всего было, помнится, человѣкъ восемьдесятъ.

Передъ нами были Герценъ и Бѣлинскій въ университетѣ, но когда мы перешли на второй курсъ — ихъ уже не было. Тамъ были, между прочимъ, Станкевичъ, Константинъ Аксаковъ, Сергѣй Строевъ (впослѣдствіи писавшій статьи подъ псевдонимомъ Скромненко) и перешедшій съ нами изъ перваго курса Бодянскій.

Съ Бѣлинскимъ я познакомился уже въ 1846 году, въ Петербургѣ, а съ Герценомъ видѣлся только одинъ разъ, мелькомъ, когда онъ былъ короткое время въ Петербургѣ, проѣздомъ за границу.

Этотъ годъ (съ авг. 1832 г. по авг. 1833 г.) былъ лучшимъ и самымъ счастливымъ нашимъ годомъ. Наша юная толпа составляла собою маленькую ученую республику, надъ которой простиралось вѣчно ясное небо, безъ тучъ, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, преподаваемыхъ съ каѳедръ. Если же и бывали какія-нибудь исторіи, въ которыхъ замѣшаны бывшіе до насъ студенты, то мы тогда ничего объ этомъ не знали. Мы вступили на серьезный путь науки, и не только серьезно, искренно, но даже съ нѣкоторымъ педантизмомъ относились къ ней. Кромѣ нея, въ стѣнахъ университета для насъ ничего не было. Дома всякій жилъ по-своему, дѣлалъ, что хотѣлъ, развлекался, какъ умѣлъ — все вразбродъ, но въ университетъ мы ходили только учиться, не внося съ собою никакихъ другихъ заботъ и дѣлъ.

И точно была республика: надъ нами не было никакого авторитета, кромѣ авторитета науки и ея преподавателей. Начальства какъ будто никакого не было,—но оно, конечно, было, только мы имѣли о немъ какое-то отвлеченное, умозрительное понятіе: знали о немъ, можно сказать, по слухамъ. Былъ ректоръ, былъ попечитель, можетъ быть, даже и инспекторъ (кажется, былъ), но мы его никогда не видали. Если я не ошибаюсь, онъ завѣдывалъ казенными студентами, имѣвшими квартиры и столъ въ университетѣ. Тогда никакихъ стипендій не было, и многіе бѣдные студенты принимаемы были на казенный счетъ. Прочіе же небогатые, раскинутые по разнымъ угламъ Москвы, содержали себя, какъ знали и какъ могли, никакихъ пособій отъ университета не получали. Казенныхъ студентовъ было, кажется, если не ошибаюсь около 100 человѣкъ.

И ректора, и попечителя, мы видѣли только два раза. Ректоромъ былъ профессоръ физики въ математическомъ факультетѣ, Двигубскій. Онъ

однажды зашелъ въ нашу аудиторію — во время лекціи, и, кажется, самъ удивился своему приходу. Грузный мужчина, небольшого роста, съ широкими плечами, на которыхъ плотно сидѣла большая, точно медвѣжья голова,—онъ какъ-то бокомъ, точно нехотя, взглянулъ на толпу студентовъ, какъ будто говоря глазами: „ну, чего тутъ смотрѣть? невидаль какая!" — кивнулъ профессору, кивнулъ намъ въ отвѣтъ на общій нашъ поклонъ и скрылся. Онъ, кажется, зашелъ, что называется, для очистки совѣсти: чтобъ нельзя было сказать, что онъ ни разу не былъ въ аудиторіи.

Послѣ него ректоромъ былъ профессоръ восточныхъ языковъ, Болдыревъ. И этотъ поступилъ точно такъ же, т.-е. зашелъ однажды на лекцію поглядѣть на насъ. Его посѣщеніе особенно памятно мнѣ: передо мною однимъ на столѣ лежала книга „Война Югурты", Саллюстія, въ маленькомъ форматѣ. У другихъ ничего не было передъ собою. А лекція была нѣмецкой литературы лектора Кистера. Вдругъ ректоръ подошелъ ко мнѣ, взялъ книгу и посмотрѣлъ: „Отчего у васъ латинская книга на лекціи нѣмецкой литературы?"—спросилъ онъ.—Она лежитъ тутъ отъ предыдущей лекціи изъ римской словесности,—былъ мой отвѣтъ.—„А гдѣ же нѣмецкая книга?"—У меня ея нѣтъ.—И ни у кого не было. Кистеръ издалъ какой-то краткій, очень наивный курсъ нѣмецкой литературы, скомпилированный съ большихъ нѣмецкихъ курсовъ, и, конечно, разсчитывалъ на сбытъ между студентами, но такъ какъ большинство ихъ знало все, что тамъ было, то книгу и не покупали.

Ректоръ не справился, есть ли она у другихъ, а мнѣ посовѣтовалъ пріобрѣсти ее. Я не пріобрѣлъ, потому что у студента денегъ обыкновенно не бываетъ, особенно на книги. Доставать книги—это другое дѣло: мы это и дѣлали, а покупать—нѣтъ. Эту роскошь могли себѣ позволить очень немногіе, которые и снабжали ими своихъ товарищей.

Кромѣ того, я не купилъ книги еще потому, что въ ней все мнѣ было извѣстно, и притомъ я зналъ, что ректоръ больше никогда не придетъ на лекцію.

Попечителемъ былъ тогда извѣстный въ Москвѣ богатый вельможа—князь С. М. Голицынъ. Только это мы и знали о немъ, да знали еще его большой, барскій домъ на Пречистенкѣ и прекрасную дачу, Кузьминки, въ семи верстахъ отъ Москвы, куда нерѣдко отправлялись гулять пѣшкомъ взадъ и впередъ. Знали также всѣ ходившіе въ обществѣ анекдоты о его широкой благотворительности, о его роскошныхъ праздникахъ, даваемыхъ во время посѣщенія Москвы царскою фамиліею,—и больше ничего.

И вотъ однажды кто-то изъ передней просунулъ въ аудиторію голову и сказалъ: „попечитель пріѣхалъ". Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ къ намъ, сіяя довольствомъ, добротой на лицѣ и звѣздами на груди мундирнаго фрака. Это былъ невысокій, плотный человѣкъ съ небольшой головой, съ коротко остриженными волосами.

Сбоку, ближе къ брюшку, у него покачивался большой владимірскій крестъ на скрытой подъ жилетомъ лентѣ черезъ плечо. Онъ весело поздоровался съ нами, присѣлъ рядомъ къ профессору и поглядывалъ на насъ кротко и ласково, какъ добрые крестные отцы смотрятъ на своихъ крестниковъ или дяди—на любимыхъ племянниковъ. Посидѣвъ съ четверть часа, оно живо всталъ, съ улыбкой раскланялся съ нами и пошелъ въ другія аудиторіи. Больше мы его не видали.

Посѣтилъ насъ еще назначенный, кажется послѣ него, попечителемъ графъ А. Н. Панинъ. Онъ такъ же, какъ ректоръ Двигубскій, взглянулъ на

насъ — не то мрачно, не то сердито, почти про себя замѣтилъ, что у многихъ студентовъ очень длинны волосы, и ушелъ.

Тогда длинные волосы считались у начальства признакомъ вольнодумства, и въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно военныхъ, производилась, какъ мы слышали, усиленная стрижка.

Вотъ все, что мы видѣли отъ попечителей. Тогда между нами невольно возникалъ вопросъ о томъ, кто такіе эти попечители, что они дѣлаютъ, о чемъ пекутся и зачѣмъ они университету?

Намъ, собственно, было за глаза достаточно однихъ профессоровъ, изъ которыхъ старшій (въ нашемъ факультетѣ — Каченовскій) назначался деканомъ. И объ обязанностяхъ декана у насъ было тоже неясное понятіе. Только на экзаменахъ онъ былъ нѣчто вродѣ предсѣдателя. Личный составъ нашихъ профессоровъ былъ очень удачный, съ малыми, едва замѣтными исключеніями. Первымъ считали мы—и по старшинству лѣтъ, и по достоинствамъ—помянутаго декана, К а ч е н о в с к а г о.

Это былъ тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ — строго справедливый и честный человѣкъ. Онъ читалъ русскую исторію и статистику; но у него была масса познаній по всѣмъ частямъ. Онъ зналъ древніе и новые языки, иностранныя литературы, но особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу — археологія и проч. Любимая его часть въ исторіи была этнографія. Особенную симпатію онъ питалъ къ польскимъ историкамъ (самъ онъ былъ родомъ изъ Малороссіи и выказывалъ явное расположеніе къ своимъ землякамъ) и лѣтописцамъ. И томилъ же онъ насъ подробностями происхожденія однихъ народовъ и племенъ отъ другихъ! До сихъ поръ иногда будто слышишь его разсказы о развѣтвленіяхъ народовъ, болѣе всего — о финскихъ племенахъ, далѣе о печенѣгахъ, о половцахъ, о торкахъ, берендѣяхъ, черныхъ клобукахъ, о томъ, что сѣверные и южные славяне—никакъ не одно, а два различныхъ племени, сошедшіяся съ противоположныхъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, и т. д. Когда онъ касался послѣдняго излюбленнаго имъ вопроса о различіи происхожденія сѣверныхъ и южныхъ русиновъ, или вообще какого-нибудь спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ прежняго редактора „Вѣстника Европы“. Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. Онъ терпѣть не могъ никакихъ миѳовъ въ исторіи и начиналъ лекціи русской исторіи съ Владиміра, предупредивъ насъ, что онъ не станетъ повторять басенъ, которыя мы слышали въ школѣ, напримѣръ, объ оригинальномъ мщеніи Ольги за смерть Игоря, о змѣѣ, ужалившей Олега, о кожаныхъ деньгахъ,—особенно о кожаныхъ деньгахъ. Какъ теперь помню его подлинныя слова. „Какъ могъ Карамзинъ, человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ, допустить, чтобы могли быть въ обращеніи кожаные клочки, не обезпеченные никакой гарантіей!“ О шкуркахъ кожаныхъ, представлявшихъ будто бы свою собственную цѣнность, онъ и слышать не хотѣлъ.

Онъ отвергалъ также подлинность „Слова о Полку Игоревомъ“, считая его позднѣйшей поддѣлкой, кажется XVI вѣка, о чемъ однажды вошелъ въ горячій споръ съ Пушкинымъ, котораго привезъ на лекцію министръ Уваровъ.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе по поводу этого приснопамятнаго мнѣ—конечно, и всѣмъ тогдашнимъ студентамъ—посѣщенія вели-

каго поэта, тогда уже въ апогеѣ его славы. Когда онъ вошелъ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію; я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина", „Полтавы" и др). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе.

Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни—и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи — передо мной въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторій русской литературы.

„Вотъ вамъ теорія искусства",—сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова:—„а вотъ и самое искусство",—прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно, заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ оканчивалъ лекцію. Рѣчь шла о „Словѣ о Полку Игоревомъ". Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію, послѣ Давыдова, и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался, по поводу „Слова о Полку Игоревомъ", разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ,— „Подойдите ближе, господа,—это для васъ интересно",—пригласилъ насъ Уваровъ, и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе—видѣть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей ихъ состязанія, — помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древнерусскаго эпоса, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ и глаза бросали молніи сквозь очки. Можетъ быть, къ этому раздраженію много огня прибавлялъ и извѣстный литературный антагонизмъ между нимъ и Пушкинымъ. Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслушать. Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ.

— ———

. О литографированныхъ лекціяхъ и помину не было. Это — новѣйшее баловство, которое, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону въ томъ, что сберегаетъ много времени, избавляя слушателей отъ скучнаго труда переписывать, хотя... переписка эта служила въ то же время и повтореніемъ лекцій.

Мы должны были записывать изустную рѣчь профессора, и этотъ трудный процессъ приносилъ намъ массу добра. Стенографіи не было, ловить каждое слово и записывать нельзя, слѣдовательно, надо было схватывать общій смыслъ каждаго періода и сжато излагать на бумагѣ. Легко понять, какъ такая умственная гимнастика должна была изощрять соображеніе, развязывать умъ и перо! Нѣтъ, слава Богу, что у насъ не было литографированныхъ лекцій! Съ этой стороны, могу сказать, у насъ было лучше...

Нѣкоторые профессора держались стариннаго обычая дѣлать перекличку, и отсутствующаго отмѣчали сокращеннымъ латинскимъ abs., т.-е. absens: у кого въ теченіе года число этихъ абсовъ превышало извѣстную цифру, того не переводили на слѣдующій курсъ. Скажутъ, что это—школьная, ферульная манера, недостойная молодыхъ людей, пришедшихъ съ

аттестатами зрѣлости. Да, пожалуй, манера эта, такъ сказать, не республиканская въ нашей ученой „республикѣ“, гдѣ не было начальства. Но... она имѣла и нѣкоторую хорошую сторону, вмѣстѣ съ полугодовыми репетиціями, на которыя мы, студенты, бывало, роптали. И какъ не роптать: въ самый разгаръ зимняго сезона, въ веселой и гостепріимной Москвѣ, вдругъ лучшія ея дѣти, студенты, живой пульсъ баловъ, пикниковъ, ходятъ съ хмурыми лицами или прячутся по своимъ угламъ, уткнувъ носы въ книги или записки!..

Вмѣстѣ съ Каченовскимъ наше уваженіе и симпатію раздѣлялъ профессоръ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, Н. И. Надеждинъ. Это былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только ни касался онъ въ своихъ импровизованныхъ лекціяхъ!

Онъ читалъ на память, не привозя никакихъ записокъ съ собой. Память у него была изумительная. Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно, передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка.

А тутъ еще Шевыревъ, тогда молодой, свѣжій человѣкъ, принесъ намъ свой тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ, начиная съ древнѣйшихъ—индійской, еврейской, арабской, греческой—до новѣйшихъ западныхъ литературъ.

Онъ тоже блисталъ изяществомъ рѣчи, но это была менѣе искренняя и кипучая рѣчь, чѣмъ у Надеждина, зато болѣе сдержанная, мѣрная, щегольская, заранѣе заготовленная, всегда тщательно обдуманная, обработанная. Онъ и читалъ по рукописи. Какъ благодарны были мы ему за этотъ безконечный рядъ, какъ будто галлерей обширнаго музея—рядъ произведеній старыхъ и новыхъ литературъ, выставляемыхъ имъ передъ нами съ тщательною подготовкою, съ тонкой и глубокой критической оцѣнкой ихъ!..

Долго безъ такихъ умныхъ истолкователей пришлось бы намъ потомъ самостоятельнымъ путемъ открывать глаза на библейскихъ пророковъ, на произведенія индійской поэзіи, на эпопеи Гомера, Данта, на Шекспира—до новѣйшихъ, французской, нѣмецкой, англійской литературъ, словомъ—на все, что мы читали по ихъ указанію тогда и что дочитывали послѣ нихъ. Глубокій и благодарный поклонъ ихъ памяти.

Собственно золотымъ вѣкомъ нашей университетской республики можно назвать 1832—1833 годъ. Въ выпускномъ 1833—34 году на университетъ легла какая-то тѣнь. Въ университетѣ, сначала внѣ аудиторій, стала появляться новая личность. Это была статная, прямая фигура довольно большого роста, высоко державшая голову, въ вицмундирѣ, съ крестомъ на шеѣ. Увидя его, такъ и хотѣлось сдѣлать ему Плюшкинскій вопросъ Чичикову: не служилъ ли онъ въ военной службѣ? Такъ онъ держалъ себя осанисто и гордо, точно въ строю. Можетъ быть, онъ служилъ тамъ. Мы узнали, что его зовутъ Д. П. Голохвостовъ, что онъ назначенъ помощникомъ попечителя.

Онъ похаживалъ по обширнымъ дворамъ университета, какъ будто осматривая зданія. За нимъ, точно на пристяжкѣ, нѣсколько поодаль, слѣдовалъ чиновникъ въ мундирномъ сюртукѣ. Его называли смотрителемъ—чего? мы не знали и не любопытствовали знать, полагая, что это лицо назначено для внѣшней части, можетъ быть, по хозяйственной или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Но вскорѣ вслѣдъ за этимъ похаживаніемъ вокругъ да около, Голохвастовъ сталъ заглядывать въ аудиторіи, садился, пока молча, около профессора, слушалъ лекціи и внушительно, начальственно поглядывалъ на насъ. Мы отвѣчали ему взглядами недоумѣнія.

Затѣмъ онъ сталъ вмѣшиваться въ лекціи, спрашивалъ студентовъ, причемъ посматривалъ на насъ нѣсколько надменно и, безъ всякихъ съ нашей стороны поводовъ, строго.

Что означаетъ сей сонъ? — спрашивали мы другъ друга и недоумѣвали. Мы, привыкшіе къ нашей республиканской свободѣ, не вѣдая никого, кромѣ поочереди смѣнявшихся на лекціяхъ профессоровъ, вдругъ почувствовали какое-то стѣсненіе, принужденность,—все остерегались: „вотъ-вотъ, войдетъ посторонній, совсѣмъ чужой университету господинъ и станетъ приказывать, распоряжаться!“ Словомъ, мы почувствовали, что у насъ, ни съ того, ни съ сего, и безъ всякой, казалось намъ, надобности, явилось начальство, прямое, непосредственное начальство, не похожее на ректора, декана, которые завѣдывали учебною частью, и всего менѣе на ласковаго вельможу, князя С. М. Голицына.

Мы стали нѣсколько унывать, осматриваться и все наблюдали, нѣтъ ли по близости Голохвастова, съ надменнымъ и внушительно-строгимъ, безъ надобности, взглядомъ? Онъ же началъ позволять себѣ дѣлать кое-кому замѣчанія, выговоры, и въ то же время, какъ мы слышали, приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, знакомыхъ съ иностранными литературами, особенно французской и англійской, которыя самъ будто бы зналъ основательно, бесѣдовалъ съ ними, давалъ книги изъ своей библіотеки. Словомъ, опекалъ насъ очень усердно и все болѣе и болѣе входилъ въ свою роль опекуна.

На выпускныхъ экзаменахъ онъ являлся уже полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ нашихъ судебъ. Онъ занялъ роль предсѣдателя въ комитетѣ экзаменаторовъ: деканъ при немъ стушевался. Онъ вмѣшивался въ вопросы, задавалъ свои, одобрялъ или порицалъ отвѣты, даже одного студента довольно грубо удалилъ изъ аудиторіи — и вмѣстѣ изъ университета—за какой-то неумѣлый или непочтительный отвѣтъ на его замѣчаніе.

Мы не знали, чѣмъ вызвано было назначеніе его. Можетъ быть, не произошла ли какая-нибудь исторія между студентами, уже покинувшими университетъ, которая заставила начальство „подтянуть университеты вообще“. Не къ тому ли времени относилась исторія съ Герценомъ и высылка его изъ Москвы — или другая — я не зналъ тогда, да и не знаю и теперь, или—если зналъ когда-нибудь, то забылъ совершенно. Объ этомъ могутъ лучше меня засвидѣтельствовать—и, можетъ быть, уже и засвидѣтельствовали гдѣ-нибудь—мои тогдашніе университетскіе товарищи.

Наконецъ, университетъ пройденъ. Въ іюнѣ 1834 года послѣ выпускныхъ экзаменовъ, мы всѣ, какъ птицы, разлетѣлись въ разныя стороны.

19. Сунгуровское тайное общество.

Я. И. Костенецкій. Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. VI—VII гл. [1]).

Съ грустью приступаю къ воспоминанію о томъ событіи, которое въ свое время надѣлало много шуму въ Москвѣ и которое имѣло роковое значеніе для моей жизни.

Вскорѣ послѣ Маловской исторіи [2]) появился на лекціяхъ нашего факультета [3]), въ родѣ вольнаго слушателя, нѣкто Ѳедоръ Гуровъ, будто бы побочный братъ проживавшаго въ Москвѣ помѣщика Тамбовской губерніи Сунгурова... Гуровъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Мы пошли къ нему вмѣстѣ съ Полоникомъ [4]), который уже бывалъ у него прежде, и Гуровъ познакомилъ меня съ своимъ братомъ Сунгуровымъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Кузнецкомъ мосту. Сунгуровъ былъ мужчина лѣтъ тридцати, маленькаго роста, блондинъ, съ быстрыми, вѣчно бѣгающими глазами, закрытыми золотыми очками. Онъ имѣлъ жену, женщину еще молодую, но простую и необразованную, кажется, бывшую его крестьянку, и двухъ малютокъ мальчиковъ... Кромѣ насъ посѣщали еще Сунгурова: полковникъ Козловъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ орденами на шеѣ, тоже Тамбовскій помѣщикъ и человѣкъ очень образованный; офицеръ изъ Польской арміи поручикъ Сѣдлецкій и нѣсколько другихъ разнаго званія лицъ. Иногда я встрѣчалъ въ его домѣ и бывшаго тогда Московскаго оберъ-полицеймейстера Муханова, съ которымъ, какъ мнѣ казалось, Сунгуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Во время нашихъ посѣщеній, а особливо вечернихъ, Сунгуровъ, а особливо Гуровъ, часто заводили съ нами разговоры о деспотизмѣ и взяточничествѣ нашего чиновничества, о казнокрадствѣ даже министровъ, ихъ глупости и подлости, о бѣдствіяхъ народа, несправедливости судей и прочихъ возмутительныхъ предметахъ. При этомъ, въ особенности Гуровъ отличался своими неистовыми выходками противъ правительства и царской фамиліи, читалъ на счетъ ихъ своего сочиненія стихи, разсказывалъ про нихъ самыя скандальныя исторіи и проч., и мы, разумѣется, согласны были почти со всѣми этими мыслями. Не говоря уже о томъ, что недостатки и злоупотребленія тогдашняго нашего правительства были слишкомъ очевидны для каждаго, сколько-нибудь образованнаго человѣка, а тѣмъ болѣе для студентовъ, знакомыхъ уже достаточно съ образомъ правленія другихъ государствъ, личныя дѣйствія правительства въ отношеніи студентовъ тоже сильно насъ раздражали. Еще было въ свѣтлой памяти студентовъ, какъ поступилъ покойный Государь съ даровитымъ и ни въ чемъ неповиннымъ Полежаевымъ; къ тому же Государь никогда не посѣ-

---

[1]) *Русскій Архивъ.* 1887 г. II. Студенческіе годы Костенецкаго относятся къ 1828—31 гг. Въ Московскій университетъ онъ поступилъ по настоянію выдающагося директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи И. Ѳ. Тимковскаго. Описываемая имъ Сунгуровская исторія, надолго выбила его изъ колеи, и когда, наконецъ, ему разрѣшено было принимать участіе въ земскихъ собраніяхъ, онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей. Какъ членъ училищнаго совѣта и потомъ попечитель школъ, онъ много содѣйствовалъ распространенію народныхъ школъ въ Конотопскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ своей родины. Въ своемъ имѣніи онъ и умеръ въ 1885 году. Воспоминанія написаны имъ въ 1872 году.

[2]) Объ этой исторіи см. ниже въ воспоминаніяхъ Герцена.

[3]) Авторъ поступилъ на этико-политическій факультетъ, какъ въ то время назывался юридическій.

[4]) Студентъ Полоникъ и оказался предателемъ своихъ товарищей.

щалъ университета, и между нами было убѣжденіе, что онъ насъ ненавидитъ. Говорили, что онъ считаетъ студентовъ бунтовщиками и даже не ѣздитъ мимо университета. Въ это же время, т.-е. въ 1831 году, началась Польская революція. Погодину, который въ этомъ году началъ было читать лекціи Польской исторіи, было запрещено читать ихъ... Но запрещеніе чтенія такихъ лекцій студенты приняли за боязнь, чтобы не обнаружились жестокости противъ Поляковъ, и поэтому студенты, зная только поверхностно эту исторію и руководясь то состраданіемъ къ угнетеннымъ, то внушеніями товарищей Поляковъ и Нѣмцевъ, считали войну эту несправедливою, варварскою и жестокою: въ Полякахъ видѣли страдальцевъ за родину, а въ правительствѣ нашемъ—жестокихъ тирановъ, деспотовъ. Къ тому же разныя несправедливости и нелѣпости собственнаго нашего учебнаго начальства мы приписывали тоже деспотизму. Уже одно то, что мы почти не имѣли сколько-нибудь порядочныхъ профессоровъ, а все такія личности, какъ я уже описалъ ихъ, которыя, при всей своей негодности, получали однакожъ чины и ордена; потомъ, и образъ дѣйствія самого университетскаго начальства, которое болѣе обращало вниманія на посѣщеніе студентами лекцій и ихъ скромность, нежели на знанія, и часто отдавало предпочтеніе малознающему, но скромному и посѣщающему всегда лекціи студенту предъ истиннознающимъ, давая первымъ степень кандидата—все это не могло внушить въ насъ уваженія къ нашему министерству. А тутъ еще постигла насъ самая вопіющая въ отношеніи насъ несправедливость! По случаю бывшей въ Москвѣ холеры университетъ былъ закрытъ на два мѣсяца...

Министръ велѣлъ оставить всѣхъ такихъ студентовъ, не посѣщавшихъ 2 мѣсяца лекцій, еще на одинъ годъ въ университетѣ, въ какой категоріи находился и я! Это уже была личная и жестокая для насъ обида отъ правительства...

Когда уже мы довольно коротко познакомились съ Сунгуровымъ и Гуровымъ, они начали намъ по секрету разсказывать, что бывшее прежде въ Россіи тайное общество, имѣвшее цѣлью ввести въ ней конституціонный образъ правленія, не совсѣмъ уничтожено въ 1826 году, что и теперь существуетъ, очень усилилось и, быть можетъ, скоро начнетъ дѣйствовать, что и они состоятъ членами этого общества, и поэтому приглашали и насъ принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ... Не говоря уже о накипѣвшемъ во мнѣ недовольствѣ противъ правительства и желаніи моемъ всѣми силами содѣйствовать къ его измѣненію, идея участвовать въ тайномъ обществѣ сильно меня интересовала. Я уже и самъ стремился къ образованію общества между студентами, хотя, положимъ, и съ другою цѣлью; общество Нѣмецкихъ студентовъ тоже порождало во мнѣ желаніе участвовать въ какомъ-либо тайномъ обществѣ; къ тому же, свойственная юности жажда дѣятельности, тѣмъ болѣе дѣятельности высокой, патріотической и таинственной... все это сильно взволновало мое пылкое воображеніе, и я готовъ былъ сдѣлаться революціоннымъ героемъ, мечтая не только о тріумфѣ успѣха, но даже и о страданіяхъ неудачи. Я зналъ исторію декабристовъ, и участь ихъ не только меня не пугала, но я всегда, подобно имъ, радъ былъ пострадать за великое дѣло введенія въ своемъ отечествѣ правленія, которое, по моимъ пониманіямъ, было бы для него благодѣтельнымъ, и уже во всякомъ разѣ лучше тогдашняго сурово-деспотическаго правленія...

При всей нашей готовности къ участію въ этомъ тайномъ обществѣ, намъ все казалось что-то страннымъ предложеніе Сунгурова. Къ чему при-

глашать ему такихъ молодыхъ людей, какъ мы, говорили мы между собою, ежели и дѣйствительно существуетъ такое общество? Какую мы можемъ принести пользу этому обществу? Да и существуетъ ли еще такое общество? Не думаетъ ли Сунгуровъ еще только начать его составленіе? Да если оно и существуетъ, то настолько ли оно сильно, чтобы въ состояніи было сдѣлать что-нибудь серьезное? Да и не ловушка ли это для насъ какая-нибудь? Всѣ эти и подобные имъ вопросы насъ сильно занимали. Съ Сунгуровымъ имѣли сношеніе только я и Антоновичъ, прочіе же трое [1]) не знали его, и какъ на дѣлаемые ими намъ вопросы мы не могли отвѣчать удовлетворительно, то, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній между собою, мы положили, чтобы намъ всѣмъ пятерымъ собраться гдѣ-нибудь вмѣстѣ, пригласить въ это собраніе Сунгурова и тамъ допросить его обо всемъ положительно, а потомъ уже, сообразно добытымъ отъ него отвѣтамъ, и дѣйствовать. Помню, что на такое наше дѣйствіе болѣе всего навелъ насъ Кошевскій. По передачѣ нашего желанія Сунгурову, онъ согласился придти къ намъ и дать намъ удовлетворительный отвѣтъ...

Сунгуровъ отвѣчалъ намъ, что общество уже существуетъ, что это остатокъ того самаго общества, часть котораго уничтожена въ 1826 году, что до настоящаго времени оно очень значительно усилилось, имѣетъ во главѣ своей Ермолова, и что, ежели мы въ него вступимъ, то дѣйствія наши должны заключаться только въ томъ, чтобы распространять между своими товарищами конституціонныя идеи, для того, что когда общество начнетъ революцію, то оно, считая студентовъ очень вліятельными на молодое поколѣніе людьми, желало бы встрѣтить въ нихъ единомысліе. „Когда же общество намѣрено приступить къ предполагаемому имъ перевороту?"—спросили мы. —„Этого я не знаю, — отвѣчалъ Сунгуровъ:—да если бы и зналъ, то не имѣю права открыть вамъ, какъ людямъ, еще не вступившимъ въ общество". На все это мы отвѣчали ему, что намъ нечего стараться распространять между студентами конституціонныя идеи — всѣ благомыслящіе студенты, и безъ нашихъ убѣжденій, проникнуты ими, и что общество напрасно объ этомъ безпокоится. И какъ намъ болѣе этого не предстоитъ никакой другой дѣятельности въ этомъ обществѣ, то поэтому мы отъ вступленія въ него совершенно отказываемся. Этимъ окончены были всѣ наши съ Сунгуровымъ переговоры, и съ тѣмъ вмѣстѣ мы всѣ разошлись.

Разскажу, какимъ образомъ открылся этотъ, такъ названный тогда, Сунгуровскій заговоръ, о чемъ я, разумѣется, узналъ уже впослѣдствіи изъ разсказовъ товарищей. Во время Польской войны 1831 года, всѣ офицеры-поляки изъ Литовскаго корпуса были переведены въ Россію, и многіе находились въ Москвѣ. Между нѣкоторыми изъ нихъ, а также студентами и другими поляками, былъ составленъ заговоръ, чтобы бѣжать всѣмъ въ Польскую армію. Говорили, что для этого каждый изъ нихъ приготовилъ для себя оружіе, пороху, пуль и проч., и будто всѣ они, чрезъ какого-то писаря изъ канцеляріи генералъ-губернатора, запаслись фальшивыми видами, и уже хотѣли бѣжать изъ Москвы. Сунгуровъ, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этихъ офицеровъ, узнавъ о ихъ намѣреніи, сдѣлалъ на нихъ доносъ правительству, и ихъ поэтому начали хватать и арестовывать. Когда явились жандармы арестовать одного изъ нихъ, поручика Сѣдлецкаго, то въ это время былъ у него въ гостяхъ студентъ Полоникъ, который послѣ этого, явясь къ жандармскому генералу

---

[1]) Студенты: Кольрейфъ, Кноблохъ и Кошевскій.

Волкову, сдѣлалъ доносъ уже на Сунгурова и на всѣхъ тѣхъ, которые у него бывали. Такимъ образомъ, этотъ гнусный Полоникъ, бывшій моимъ товарищемъ еще съ гимназіи, сдѣлался теперь самымъ лютымъ обвинителемъ меня, Антоновича и всѣхъ другихъ студентовъ, не только знакомыхъ съ Сунгуровымъ, но даже только знакомыхъ съ нами.

Надобно сказать, что я, находясь внѣ Москвы, былъ арестованъ уже послѣ другихъ, что комиссія, еще прежде моего привода въ нее, уже дѣйствовала, и уже были арестованы Сунгуровъ, Гуровъ, Антоновичъ, Кошевскій и другіе, такъ что, до допроса меня, комиссія уже имѣла обо всемъ многія свѣдѣнія...

Дѣло наше въ слѣдственной комиссіи окончилось. Говорили потомъ, что будто бы комиссія сдѣлала объ насъ такое заключеніе, что, не найдя насъ виновными въ Сунгуровскомъ заговорѣ, а только въ образѣ мыслей, противномъ настоящему правленію, она полагала, удаливъ насъ изъ университета, опредѣлить въ отдаленныя губерніи—на гражданскую службу, съ чиномъ 14-го класса, но что будто бы Государь остался недоволенъ такимъ заключеніемъ комиссіи и велѣлъ судить насъ военнымъ судомъ. И вотъ дѣло наше было передано въ военный судъ при Московскомъ ордонансъ-гаузѣ, куда насъ и начали тягать.

Мы были этимъ сильно опечалены, не только потому, что ожидали отъ этого суда худшей участи, какъ оттого, что приходилось еще долго томиться подъ арестомъ. Сколько я теперь помню, меня не страшила тогда никакая участь (единственнымъ желаніемъ было только избавиться отъ тяжкой неволи).

Однажды посѣтили меня товарищи и со слезами начали говорить мнѣ, что въ Москвѣ носятся страшные слухи; говорятъ, будто бы приговорили насъ къ повѣшенію, и что будто бы на Воробьевыхъ горахъ строятъ уже висѣлицы...

Въ одно утро привезли насъ всѣхъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ и объявили намъ рѣшеніе военнаго суда. Военный судъ обвинилъ Сунгурова и Гурова въ составленіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлію измѣнить настоящій образъ правленія, всѣхъ же прочихъ въ томъ, что, слыша о существованіи такого общества, хотя и отказались отъ участія въ немъ, но не донесли объ этомъ правительству; и потому, на основаніи еще Петровскихъ артикуловъ, приговорилъ, кого четвертовать, кого колесовать, а кого только повѣсить, но всѣхъ вообще лишить живота и предать смертной казни. Я и всѣ мы знали, что это рѣшеніе—только кукольная комедія, со времени Петра постоянно разыгрываемая нашими прежними военными судами, и поэтому нисколько не были смущены такимъ безчеловѣчнымъ рѣшеніемъ. Комендантъ и генералъ-губернаторъ нашли это рѣшеніе неправильнымъ, сдѣлали даже всѣмъ членамъ суда выговоръ за неправильное истолкованіе и примѣненіе законовъ, и постановили: послать насъ пятерыхъ, то-есть, меня, Антоновича, Кноблоха, Кольрейфа и Кошевскаго (о другихъ лицахъ рѣшенія не помню) на гражданскую службу въ отдаленныя губерніи на два года, точно такъ же, какъ заключила слѣдственная комиссія, гдѣ они же были членами. Но аудиторіатскій департаментъ приговорилъ: Сунгурова сослать въ каторжную работу (не помню, на сколько лѣтъ), Гурова—въ Сибирь на поселеніе; насъ пятерыхъ, лишивъ дворянскаго достоинства, записать въ рядовые: меня и Антоновича—въ Кавказскій корпусъ, Кноблоха и Кольрейфа—въ Оренбургскій, а Кошевскаго—въ Тобольскій корпусъ; остальныхъ же (а насъ всѣхъ набрали подсудимыхъ

человѣкъ до тридцати, разнаго званія людей) то подъ аресты въ крѣпости, то на гауптвахты и проч... Какое рѣшеніе и было утверждено Государемъ...

20. К. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства 1832—1835 годовъ.

Не знаю, какъ теперь, но мы мало почерпнули изъ университетскихъ лекцій и много вынесли изъ университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость, и хотя, собственно, товарищи мои ничѣмъ не сдѣлались замѣчательны...—но живое это время, думаю я, залегло въ ихъ душу освѣтительнымъ, поддерживающимъ основаніемъ...

Еще будучи на первомъ курсѣ, познакомился я черезъ Дмитрія Топорнина съ Станкевичемъ, бывшимъ на второмъ курсѣ. У Станкевича собирались каждый день, дружные съ нимъ, студенты его курса и, кромѣ ихъ, вышедшіе прежде нѣкоторые его товарищи, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ Ключниковъ; въ первый разъ, также, видѣлъ я тамъ Петрова (санскритолога) и Бѣлинскаго. Кружокъ Станкевича былъ замѣчательное явленіе въ умственной исторіи нашего общества... Въ этомъ кружкѣ выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе, большею частію, отрицательное. Искусственность Россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но, надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя... Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многаго не передумавшій, еще со многимъ не уравнявшійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны были мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но, видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ...

Второй курсъ, въ противоположность нашему первому, былъ богатъ людьми болѣе или менѣе замѣчательными. Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Бодянскій, Ефремовъ, Толмачевъ принадлежали къ этому курсу.

Кружокъ Станкевича, въ который, какъ сказалъ я, входили и другіе молодые люди, отличался самостоятельностію мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета... Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина, ни пирушекъ, которыя если случались, то очень рѣдко,—и, что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондерства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего: даже, вообще, политическая сторона занимала его мало; мысль же о какихъ-нибудь кольцахъ, тайныхъ обществахъ и проч., была ему смѣшна, какъ жалкая комедія. Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго

дѣла, искренности и истины. Это стремленіе, осуществляясь иногда односторонне, было само въ себѣ справедливо и есть явленіе вполнѣ русское. Насмѣшливость и иногда горькая шутка часто звучали въ этихъ студенческихъ бесѣдахъ. Такой кружокъ не могъ быть увлеченъ никакимъ авторитетомъ. Опредѣляя этотъ кружокъ, я опредѣляю всего болѣе Станкевича. именемъ котораго, по справедливости, называю кружокъ; стройное существо его духа удерживало его друзей отъ того легкаго рабскаго отрицанія, къ которому человѣкъ такъ охотно бѣжитъ отъ свободы, и когда Станкевичъ уѣхалъ за границу,—быстро развилась въ друзьяхъ его ложь односторонности, и кружокъ представилъ обыкновенное явленіе крайней исключительности. Станкевичъ самъ былъ человѣкъ совершенно простой, безъ претензій, и даже нѣсколько боявшійся претензіи, человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума; главный интересъ его была чистая мысль... Искусство, красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное значеніе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободною любовью, безъ всякаго чувства зависимости.

... Этотъ кружокъ есть явленіе, вполнѣ принадлежащее Москвѣ и ея университету, возникшее въ ту эпоху, когда дикое буйство студенческой жизни, о которомъ доносятся отдаленныя преданія,—миновало, и когда замѣнялось оно стройною свободою мысли, еще не подавляемой форменностью.

Пришло 12 января 1835 года. Круглая зала въ боковомъ правомъ строеніи стараго университета была уставлена креслами и стульями; каѳедра стояла у стѣны. Зала наполнялась университетскими властями, профессорами и посѣтителями; въ глубинѣ ея толпились студенты. Кубаревъ читалъ латинскую рѣчь, конфузясь и робѣя такъ, что шпага его тряслась. Наконецъ, онъ кончилъ; я взошелъ на каѳедру. Въ началѣ я смутился и читалъ невнятно. Наконецъ, смущеніе прошло, я громко читалъ свои стихи, и, обратясь къ своимъ товарищамъ, прочелъ съ одушевленіемъ:

И вмѣстѣ мы сошлись сюда,
Съ краевъ Россіи необъятной,
Для просвѣщеннаго труда,
Для цѣли свѣтлой, благодатной!
Здѣсь развивается нашъ умъ
И просвѣщенной пищи проситъ;
Отсюда юноша выноситъ
Зерно благихъ полезныхъ думъ,
Здѣсь крѣпнетъ воля, и далекій
Виднѣй становится намъ путь,
И чувствомъ истины высокой
Вздымается младая грудь!

Я видѣлъ, какъ на нихъ подѣйствовало чтеніе. Только я окончилъ стихи—раздались дружныя рукоплесканія профессоровъ, посѣтителей и студентовъ. Товарищи мои были въ самомъ дѣлѣ очень довольны.

Въ наше время профессорское слово было часто бѣдно, но студентская жизнь и умственная дѣятельность, неразрывно съ нею связанная, не были подавлены форменностью и приносили добрые плоды.

Въ послѣдующее время, со стороны профессоровъ, слово, быть можетъ, стало вообще ученѣе и умнѣе, но зато студентская жизнь и весь университетъ подчинились вліянію форменности. Студенты скоро начали увлекаться прелестью свѣтской пустоты и приличными манерами. Внѣшность, несмотря на всевозможное свое изящество, или лучше—тѣмъ сильнѣе, проникаетъ въ живую душу и оцѣпеняетъ внутреннюю и всю духовную, единственно нужную сторону человѣка.

Сила внѣшности растетъ, и, надо ожидать, что университетъ обратится скоро въ корпусъ, а студенты въ кадетовъ.

12 Января 1855 г.

Позднѣйшая приписка. Слава Богу! это ожиданіе не сбылось. Просвѣщеніе теперь уважается, и ему дается ходъ.

21. Н. А. Поповъ. Изъ воспоминаній стараго студента [1]).

Памяти П. С. Нахимова.

И въ старые годы въ правительственныхъ сферахъ существовали высоко-гуманныя личности, память о которыхъ сохранилась и понынѣ среди учащейся молодежи и какъ святыня переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Къ числу такихъ незабвенныхъ друзей студентовъ принадлежитъ инспекторъ Московскаго университета Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Покойный жилъ среди университетской молодежи, какъ въ своей родной семьѣ, онъ искренно и горячо любилъ студентовъ. Изъ своихъ, далеко неширокихъ, средствъ Платонъ Степановичъ нерѣдко вносилъ деньги за право слушанія лекцій многихъ бѣдныхъ студентовъ. И дѣлалъ это такъ деликатно, что тѣ, которымъ онъ помогалъ, развѣ впослѣдствіи, по выходѣ изъ университета, и то случайно, узнавали имя своего благодѣтеля. Въ недоучившемся, еще не вполнѣ развитомъ юношѣ П. С. не допускалъ неисправимой злой воли; считалъ преступленіемъ лишать его возможности докончить образованіе — исключить изъ университета. Всѣ провинившіеся студенты (а провиниться студенту въ тѣ суровыя времена было очень легко) прямо обращались къ П. С. и находили въ немъ заступника и друга. Нерѣдко юноши злоупотребляли добротой своего начальника, и въ такихъ случаяхъ душа П. С. обрисовывалась во всемъ ея величіи и граціозной простотѣ.

— П. С., — приставалъ студентъ, — будьте такъ добры, посмотрите, сколько мнѣ профессоръ поставилъ?

— Пошелъ прочь!—отвѣчалъ строгій начальникъ,—вотъ теперь приспичила надобность, ты и прилѣзъ просить: Платонъ Степановичъ, посмотрите мои баллы; а только я отвернись, ты первый же закричишь: Флаконъ Стакановичъ! Флаконъ Стакановичъ! Знаю я васъ, зубоскаловъ; убирайся вонъ!

Студентъ отходилъ, молча, покорно склонивъ голову, едва сдерживая улыбку.

Между тѣмъ, П. С., заложивъ руки за спину, начинаетъ прохаживаться по комнатѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на юнаго просителя; сдѣлавъ нѣсколько туровъ туда и сюда, вдругъ исчезаетъ изъ залы. Студентъ глядитъ въ окно, будто и забылъ о своей просьбѣ. Спустя нѣсколько минутъ, дверь отворилась; П. С. вошелъ въ залъ и опять, заложивъ руки

---

[1]) *„Историч. Вѣстникъ“ 1884 г., т. XVIII.*

за спину, началъ прогуливаться по комнатѣ; а студентъ все стоитъ на томъ же мѣстѣ, даже и головы не поворачиваетъ отъ окна. Вдругъ совершенно неожиданно надъ его ухомъ раздается голосъ П. С.: „четверка".

— Благодарю васъ, П. С.—и студентъ уходитъ.

Бывали и получше этого курьезы. П. С. каждый праздникъ, въ особенности вечеромъ, имѣлъ обыкновеніе ѣздить по улицамъ Москвы близъ заведеній, излюбленныхъ студентами. Цѣль этихъ экскурсій была та, чтобы посмотрѣть, не шляется ли гдѣ пьяненькій студентикъ, да еще, пожалуй, безъ формы (т.-е. безъ трехугольной шляпы и шпаги) и въ растерзанномъ видѣ. Помилуй Богъ, попадется на глаза генералъ-губернатору или кому-нибудь изъ начальства, выгонятъ вонъ шалопая изъ университета, тогда пропалъ юноша на вѣки вѣковъ, загублена вся жизнь. Студенты отлично знали эти мотивы, побуждавшіе благороднаго П. С. разъѣзжать подъ вечерокъ по московскимъ улицамъ, и были ему очень благодарны, когда онъ ихъ подбиралъ и отвозилъ въ карцеръ въ университетъ. Всякаго рода пропуски, даже буйства, скандалы, учиненные студентами въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ Москвы, всегда оканчивались домашнимъ образомъ: тѣмъ же карцеромъ и головомойкой. Послѣдняго больше всего боялись студенты. Они такъ искренно любили и уважали П. С., что заслужить его выговоръ и вообще смотрѣть ему въ глаза послѣ какого-нибудь трескучаго скандала, учиненнаго гдѣ-нибудь, для нихъ было крайне тяжело.

22. Ѳ. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія.

Наше студенчество отъ 1834 г. по 1838 г. было настоящею эрою, которая отдѣляетъ древній періодъ исторіи московскаго университета отъ новаго, и, какъ нарочно, это была именно самая середина нашего четырехгодичнаго курса. По ту сторону этой грани—старое зданіе университета, старые профессора съ патріархальными правами и обычаями и такая же старобытная администрація, доведенная къ концу до самоуправства, а по эту сторону—новое зданіе университета, отмѣченное и на его фронтонѣ 1835 годомъ, цѣлая фаланга новыхъ и молодыхъ профессоровъ, только что воротившихся изъ-за границы, гдѣ обучались, каждый по своей спеціальности, а одновременно съ ними вмѣстѣ явился и новый, тоже молодой (всего сорока лѣтъ) попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, тогда еще свитскій генералъ, съ серебряными эполетами и такими же аксельбантами, а потомъ генералъ-адъютантъ. одинъ изъ немногихъ любимцевъ Императора Николая Павловича, и его ровесникъ по годамъ, а при новомъ попечителѣ и новый инспекторъ, нашъ возлюбленный Платонъ Степановичъ Нахимовъ, въ амуниціи моряка, по чину капитанъ второго ранга.

Послѣ двухлѣтняго гнета подъ ферулою Дмитрія Павловича Голохвастова, мы, студенты 1834 года, могли вполнѣ оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ и тоже любимецъ Императора Николая, былъ человѣкъ рѣшительно добрый и благотворительный, но, странное дѣло, ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполнѣ предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, что угодно. Онъ даже будто вовсе и не любилъ университета, и при насъ въ теченіе двухъ лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды

посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждаго съ начала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора или въ учителя, какъ, напримѣръ, Соловьева, Каткова, Селина, Кудрявцева, Шестакова, Кавелина, Ершова, Давыдова, Авилова. Столько же слѣдилъ онъ и за преподаваніемъ въ гимназіи и, присутствуя на урокахъ, знакомился съ учителями и съ даровитѣйшими изъ учениковъ, изъ которыхъ многіе и потомъ всегда пользовались его вниманіемъ и покровительствомъ...

Въ первый же годъ своего попечительства графъ Строгановъ оказалъ великую услугу народному просвѣщенію, примиривъ Государя Императора съ московскимъ университетомъ, который онъ не переставалъ держать въ опалѣ со времени печальной исторіи, окончившейся солдатчиною Полежаева и ссылкою Герцена. Николай Павловичъ называлъ нашъ университетъ волчьимъ гнѣздомъ, и когда случалось ему проѣзжать мимо него, долго оставался въ дурномъ расположеніи духа. Потому надобно признать за особую милость къ графу Строганову, что онъ соблаговолилъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ московскій университетъ и именно казеннокоштное общежитіе. Не знаю, какъ въ другихъ номерахъ, но въ нашемъ попечитель представилъ Государю всѣхъ насъ до одного, особенно рекомендуя нѣкоторыхъ по успѣшнымъ занятіямъ въ той или другой спеціальности филологическаго факультета. Хорошо помню, что Шестаковъ, будущій профессоръ римской словесности, былъ рекомендованъ ему, какъ отличный латинистъ.

Графъ Строгановъ непремѣнно долженъ былъ въ скорѣйшемъ времени снискать расположеніе Царя къ московскому университету, чтобы оправдать въ его глазахъ помѣщеніе своего собственнаго сына въ корпорацію студентовъ, которая до того времени была заподозрѣна правительствомъ. Актъ примиренія верховной власти съ университетскимъ преподаваніемъ блистательно завершенъ былъ всемилостивѣйшимъ рѣшеніемъ Государя Николая Павловича послать своего собственнаго сына и Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ московскій университетъ – слушать лекціи анатоміи и физіологіи у профессора Эйнброта. Этотъ курсъ лекцій состоялся по зимѣ того же года и былъ читанъ спеціально для Цесаревича и его немногочисленной свиты, въ одной изъ залъ стараго зданія университета, направо отъ воротъ.

Въ этой свитѣ находился и поэтъ Жуковскій. Я тогда видѣлъ его въ первый и послѣдній разъ въ большой словесной аудиторіи новаго зданія, на лекціи Степана Петровича Шевырева о греческихъ лирикахъ и въ особенности о Пиндарѣ и Анакреонѣ...

Теперь перехожу къ профессорамъ. Мнѣ легко было объяснить вамъ, какъ обновился нашъ университетъ перемѣщеніемъ аудиторій изъ стараго зданія въ новое и замѣной старой администраціи новою. Тутъ самые предметы рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, какъ полосы различнаго цвѣта. Иное дѣло съ профессорами: въ ихъ средѣ обновленіе происходило

въ большой постепенности и не въ одинаковой значительности по разнымъ факультетамъ. Сверхъ того, старое поколѣніе профессоровъ, въ силу преемственнаго развитія, само собою шло къ усовершенствованію, такъ что въ наше время оно давало представителей трехъ разрядовъ: отживающаго, средняго и молодого. Это вы сейчасъ увидите изъ перечня профессоровъ, который я ограничиваю нашимъ факультетомъ.

Въ старшемъ поколѣніи къ первому разряду относятся профессора съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами, вмѣстѣ съ патріархальной простотою въ ихъ обращеніи со студентами, которымъ они обыкновенно говорили „ты", и переходили на „вы" только съ тѣми, на кого сердились. Вотъ два милыхъ образчика такихъ старожилыхъ чудаковъ. Профессоръ греческой литературы *Ивашковскій*. Онъ являлся всегда въ высокихъ ботфортахъ и въ бѣломъ галстукѣ. Студенты, ожидая его на лекцію, непремѣнно должны были всѣ до одного ходить взадъ и впередъ по аудиторіи, такъ чтобы Ивашковскій незамѣтно вошелъ въ нее и незамѣтно же смѣшался съ толпою, будто на толкучемъ рынкѣ. Сохраняя такое инкогнито, онъ, разумѣется, никому не кланялся, и мы не должны были замѣчать его присутствія. Задѣвать и тѣснить его въ толпѣ не только позволялось, но даже было ему пріятно. Когда мы потолкаемся такимъ образомъ минутъ десять, онъ станетъ у каѳедры и, продолжая молчать, начнетъ медленно поворачивать голову въ ту и другую сторону и съ ласковою улыбкою поводить глазами на толпу. Это значитъ, что пора приниматься за дѣло. Мы, стуча и шумя, усаживаемся по скамьямъ, и когда наступитъ тишина и порядокъ, Ивашковскій, не торопясь, взлѣзаетъ на каѳедру, и лекція начинается. Главною задачею нашею было, чтобы вмѣстѣ съ профессоромъ прогулять если не всю лекцію, то, по крайней мѣрѣ, насколько возможно. На это были между нами гораздые молодцы, человѣка два-три. Они умѣли подластиться къ нему и будто невзначай обронить словечко и исподволь втянуть его въ бесѣду, а онъ, очнувшись изъ забытья, сначала отвѣтитъ нехотя, а потомъ мало-по-малу разговорится. Цѣль достигнута; раздался звонокъ, и лекція благополучно покончена, а милый Ивашковскій, растерянно ухмыляясь, второпяхъ вышмыгнетъ изъ аудиторіи: самъ, дескать, виноватъ, впередъ буду умнѣе. Другой такой же оригиналъ былъ профессоръ политической экономіи и статистики, Измаилъ Алексѣевичъ *Щедритскій*. Мы очень любили его за доброту и снисходительность къ намъ и за его простодушное патріархальное обращеніе съ нами на „ты". Свои лекціи онъ читалъ намъ вмѣстѣ съ юристами... Одинъ изъ послѣднихъ, дѣтина ражій, веселаго нрава, но осанистый и съ внушительными манерами, по фамиліи Соловьевъ, пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ Щедритскаго. Этотъ студентъ имѣлъ обычай, какъ бы узаконенный давностью, являться къ намъ, когда Щедритскій уже сидѣлъ на каѳедрѣ и читалъ намъ свою лекцію.

Соловьевъ входилъ въ аудиторію въ фуражкѣ и съ толстою палкою, которою, подпираясь, стучалъ, и, подойдя къ каѳедрѣ, останавливался, снималъ фуражку, отвѣшивалъ низкій поклонъ и провозглашалъ густымъ басомъ: „Измаилу Алексѣевичу мое глубокое почитаніе!"

Щедритскій, привыкнувъ къ этой церемоніи, ласково взглянетъ на него и кивнетъ ему головою, и станетъ продолжать лекцію только тогда, когда совершится процессъ усаживанія Соловьева на одной изъ переднихъ скамеекъ, стоявшей направо отъ каѳедры; садиться же онъ привыкъ, какъ всѣмъ извѣстно, не иначе, какъ только на самой серединѣ скамейки, и для

того находившіеся на ней студенты, чтобы дать ему мѣсто, слѣзали съ нея, топая ногами, и потомъ размѣщались по обѣ его стороны. Въ аудиторіи водворялся порядокъ; и Соловьевъ, ни разу не шелохнувшись, въ величественномъ спокойствіи, не спуская глазъ, любовался на Измаила Алексѣевича до самаго конца лекціи. Потому, вѣроятно, этотъ милый старичекъ и любилъ его, что видѣлъ въ немъ одного изъ своихъ усердныхъ слушателей...

Назову вамъ еще одного изъ представителей университетской старины. Это былъ Михаилъ Трофимовичъ *Каченовскій*. Нѣкогда знаменитый ученый и журналистъ, не щадившій своею ѣдкою критикою ни Шлецера, ни Карамзина, ни даже самого Пушкина, въ наше время отживалъ или, точнѣе сказать, совсѣмъ отжилъ свой вѣкъ, и будучи ректоромъ университета послѣ злосчастнаго Болдырева, читалъ намъ на четвертомъ курсѣ вмѣстѣ съ третьимъ исторію литературы славянскихъ нарѣчій по нѣмецкому учебнику Шафарика. Онъ былъ тогда уже глухой и почти слѣпой: вдаль кое-какъ видѣлъ, но читать могъ только въ очкахъ, которые, помогая ему вблизи, застилали передъ нимъ въ туманѣ все окружающее, и чтобы увидѣть насъ съ каѳедры, онъ долженъ былъ снимать съ носа очки, что производилъ онъ довольно медленно, осторожно вытаскивая ихъ изъ-за ушей. Такимъ образомъ мы, сидя на лавкахъ передъ самою каѳедрою, были для него отдѣлены какъ бы темною завѣсою. Всякій разъ Каченовскій приносилъ съ собою Шафариковъ учебникъ, разлагалъ его на каѳедрѣ и старческимъ дряблымъ голосомъ, съ передышкою, подстрочно переводилъ нѣмецкую рѣчь на русскія слова. Монотонность такого чтенія съ неизбѣжными паузами, когда переводишь экспромтомъ, наводила на насъ томительную скуку, и тѣмъ больше потому, что намъ самимъ хорошо была знакома эта нѣмецкая книга; но мы терпѣли по необходимости и боялись отсутствовать на лекціи. Каченовскій и безъ того всегда отличался строгостью, а въ то время, будучи ректоромъ, требовалъ отъ насъ неукоснительнаго исполненія своихъ обязанностей, и для того выдалъ приказанія, чтобы передъ каждою его лекціей дежурный субъ-инспекторъ дѣлалъ намъ перекличку по списку и отмѣчалъ на немъ отсутствующихъ, для доклада ректору. Намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ всѣмъ сполна приходить на лекцію, сидѣть смирно и для развлеченія каждому читать свою книгу. Это продолжалось не долго; мы нашли выходъ изъ такого стѣснительнаго положенія...

Мы не переставали уважать Каченовскаго, какъ безпощаднаго скептика, посягавшаго на достовѣрность Несторовой лѣтописи, и сильно боялись его, какъ взыскательнаго профессора и строгаго ректора; но самое уваженіе и боязнь должны были возбудить въ насъ молодецкую отвагу, бравировать на его лекціяхъ, спасаясь отъ нестерпимой скуки разными потѣхами, но такъ, чтобы не нанести ему лично ни малѣйшаго оскорбленія и не навлечь на себя его справедливой кары. Отъ всего этого насъ спасала слабость его зрѣнія и слуха, и мы забавлялись на скамейкахъ передъ самой его каѳедрой, будто отдѣленной отъ него каменной стѣною. Это была своего рода игра въ жмурки или въ кошку и мышку, а еще лучше,—игра кипучихъ силъ юности, которая иногда бьетъ и черезъ край...

Теперь перехожу ко второму или среднему, представителемъ котораго будетъ для насъ Иванъ Ивановичъ *Давыдовъ*.

Въ свое время онъ считался человѣкомъ очень образованнымъ, но не былъ спеціалистомъ ни въ одномъ изъ предметовъ, которымъ посвящалъ свои ученыя занятія. Впрочемъ, тогда вообще господствовалъ энциклопе-

дизмъ, и особенно въ нашемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета. Каченовскій до своихъ лекцій о литературахъ славянскихъ нарѣчій по Шафарику читалъ намъ статистику Россіи на третьемъ курсѣ, а прежде того, еще до насъ—даже эстетику, хотя по призванію, какъ скептикъ, былъ онъ особенно расположенъ къ исторической критикѣ. Знаменитый профессоръ латинскаго языка Тимковскій, не стѣсняясь своей спеціальностью, издалъ Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку. По слѣдамъ филолога, Иванъ Михайловичъ Снегиревъ еще при насъ читалъ лекціи римской словесности на старшихъ курсахъ, когда мы были на первомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно любилъ заниматься русской народностью и стариною, о чемъ свидѣтельствуютъ его многочисленные труды по этимъ предметамъ. Давыдовъ былъ хорошій математикъ и знатокъ римской словесности, свободно и складно говорилъ по-латыни. Какъ энциклопедистъ, онъ былъ достаточно подготовленъ для философіи, и до насъ читалъ лекціи по этому предмету... Намъ онъ читалъ, на третьемъ и четвертомъ курсахъ, теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга, по Эстетикѣ его ученика Аста, и сверхъ того дополнилъ примѣрами, изъ русской и изъ иностранныхъ литературъ. Эти лекціи, нами тогда составленныя со словъ Давыдова и по его программамъ, онъ издалъ въ двухъ томахъ и присовокупилъ къ нимъ третій, содержащій въ себѣ сочиненія Августа-Вильгельма Шлегеля о драматической поэзіи, въ сокращенномъ переводѣ Лавдовскаго...

Въ предисловіи къ первому тому переименованы мы всѣ, какъ участники въ составленіи этого изданія. Теперь рѣшительно не могу отличить, которую изъ лекцій составлялъ я, а очень жаль, потому что это была вторая моя работа, удостоившаяся печати; что же касается до первой, то о ней будетъ рѣчь впереди. Впрочемъ, и изъ всего курса, за исключеніемъ Шлегелева сочиненія, я ровно ничего не помню, кромѣ отрывочныхъ эстетическихъ тезисовъ, основанныхъ, по философіи Шеллинга, на принципѣ противоположностей, которыя сливаются между собою въ примиряющемъ ихъ сосредоточіи, какъ напримѣръ, образъ и звукъ, а сліяніе ихъ — въ словѣ; такъ называемыя образовательныя искусства и музыка, а сліяніе ихъ—въ поэзіи; эпосъ и лирика, а сліяніе ихъ—въ драмѣ.

Изъ чтеній Ивана Ивановича живѣе сохранились въ моей памяти три эпизода, выходившіе изъ рамокъ общей системы курса.

Вотъ одинъ изъ нихъ. Чтобы пріобрѣсти степень доктора, профессоръ петербургскаго университета, Никитенко, напечаталъ небольшую книжку и съ успѣхомъ защитилъ ея тезисы. Теперь не помню ни ея заглавія, ни содержанія, только хорошо знаю, что въ ней говорилось вообще объ изящныхъ искусствахъ, о прекрасномъ, о поэзіи, при полнѣйшемъ отсутствіи положительныхъ фактовъ.

Давыдовъ роздалъ намъ нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, и когда мы внимательно прочли его, устроилъ для насъ въ своей аудиторіи, такъ сказать, „примѣрный“ диспутъ, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ маневры примѣрно изображаютъ сраженія. Профессоръ, укрѣпившись на каѳедрѣ, стойко защищалъ позицію, а мы врассыпную громили крѣпость со всѣхъ сторонъ и разнесли ее въ пухъ и прахъ.

И по образованію своему, а можетъ быть, и по врожденной наклонности Давыдовъ рѣшительно предпочиталъ философское умосодержаніе подробному разрабатыванію фактическихъ мелочей и, какъ философъ, ограничивая свои лекціи теоріею словесности, вовсе и не занимался исторіей литературы. Онъ былъ убѣжденъ, что русская словесность въ настоящемъ

смыслѣ начинается только со временъ Петра Великаго, и древне-русскимъ письменнымъ и старопечатнымъ памятникамъ не придавалъ никакого собственно литературнаго значенія. Въ языкѣ Нестора или Слова о полку Игоревѣ видѣлъ безсмысленную порчу церковно-славянской грамматики и хаотическое броженіе неустановившихся, грубыхъ элементовъ русской рѣчи, а къ народному языку былинъ и пѣсенъ относился съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Какъ математикъ, онъ больше всего умѣлъ цѣнить точность въ соразмѣрности между словомъ и выражаемою имъ мыслію и не владѣлъ эстетическимъ чутьемъ настолько, чтобы въ неистощимо обильныхъ сокровищахъ нашего языка подмѣчать разнообразія въ колоритѣ и оттѣнкахъ, которые математической точности выраженія придаютъ ясность и наглядность пластической и живописной формы. Какъ академикъ строгаго закала, онъ наблюдалъ безукоризненную чистоту слога и брезгливо выметалъ малѣйшую соринку, навѣянную изъ безыскусственной и обиходной разговорной рѣчи въ тѣсный кругъ языка книжнаго, заколдованный для профановъ законами свѣтскаго приличія.

Оканчиваю свои воспоминанія объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ изъявленіемъ ему моей сердечной благодарности. По его указанію и совѣту я впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіи оказало рѣшающее вліяніе на мои ученыя работы. Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ (т. е. индо-европейскихъ).

Теперь приступаю къ третьему отдѣлу преподавателей, относящихся, какъ уже сказано, къ тому періоду, который предшествуетъ появленію у насъ новыхъ профессоровъ, воротившихся изъ Германіи съ новымъ запасомъ свѣдѣній и съ новыми порядками университетскаго преподаванія. Изъ этого третьяго отдѣла буду говорить только о Надеждинѣ, Шевыревѣ и Погодинѣ.

Начну съ Николая Ивановича *Надеждина*, потому что могу сказать о немъ очень немного. Въ моей памяти онъ представляется молодымъ человѣкомъ средняго роста, худенькимъ и чернявымъ, съ вдавленной грудью, съ большимъ и тонкимъ носомъ и съ темными волосами, гладко спускающимися на высокій лобъ. Читая лекцію, онъ всегда зажмуривалъ глаза, точно слѣпой, и безпрерывно качался, махая головою сверху внизъ, будто клалъ поясные поклоны, и это размахиваніе гармонировало съ его размашистою рѣчью, бойкою, рьяною, цвѣтистою и искрометною, какъ горный кипучій потокъ. Его лекціи эстетики, хотя и не богатыя содержаніемъ, привлекали толпы слушателей изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ и особенно медиковъ.

Собственно намъ, первокурсникамъ, онъ читалъ логику и по руководству шеллингиста Бахмана, очень толково, понятливо и ясно...

Въ первый годъ университетскаго обученія *Шевыревъ* читалъ намъ вмѣстѣ съ юристами, такъ сказать, приготовительный курсъ, имѣвшій двоякое назначеніе: во-первыхъ, по возможности уравнять свѣдѣнія поступившихъ въ университетъ прямо изъ дому или изъ разныхъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, съ неустановившеюся еще для нихъ всѣхъ одинаковою программою обученія, и, во-вторыхъ, теоретически и практически на письменныхъ упражненіяхъ укрѣпить насъ въ правописаніи и развить въ насъ способность владѣть пріемами литературнаго слога.

Въ лекціяхъ этого курса Шевыревъ знакомилъ насъ съ элементами книжной рѣчи въ языкѣ церковно-славянскомъ и русскомъ, отличая въ

немъ народныя или простонародныя формы отъ принятыхъ въ разговорѣ образованнаго общества. Съ этой цѣлью онъ читалъ и разбиралъ съ нами выдержки изъ лѣтописи Нестора по изданію Тимковскаго, изъ писателей XII вѣка и изъ древне-русскихъ стихотвореній по изданіямъ Калайдовича, изъ исторіи Карамзина, изъ произведеній Ломоносова, Державина, Жуковскаго и особенно Пушкина. При этомъ вдавался въ разныя подробности изъ книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, изъ замѣтокъ Пушкина о русскомъ народномъ языкѣ. Все это, низведенное теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжею новостью на университетской каѳедрѣ, какъ вы сами можете ясно видѣть, припомнивъ сказанное мною объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ. Эти лекціи Шевырева производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почуялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его...

Приготовительный курсъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ читанъ Шевыревымъ въ первый разъ именно намъ. А началъ онъ свои лекціи въ московскомъ университетѣ исторіею иностранныхъ литературъ: еврейской и индійской. Лекціи эти произвели большой эффектъ не только между студентами и профессорами, но и въ избранной московской публикѣ, переполнявшей аудиторію Степана Петровича. Когда мы поступили въ университетъ, онѣ были уже отпечатаны, и я на первомъ же курсѣ съ жадностью читалъ ихъ, наслаждаясь и восторгаясь.

Тогда же зародилась во мнѣ мысль учиться по-еврейски и по-санскритски, но я привелъ ее въ исполненіе впослѣдствіи, при помощи моихъ казеннокоштныхъ товарищей...

На первомъ же курсѣ съ неменьшимъ интересомъ прочелъ я обстоятельную монографію о Данте и его Божественной Комедіи, представленную Шевыревымъ въ факультетъ для снисканія права читать лекціи въ московскомъ университетѣ. Уже тогда я плѣнился великимъ произведеніемъ Данте, и въ теченіе всей моей жизни было оно любимымъ для меня чтеніемъ въ часы досуга и, наконецъ, сдѣлалось предметомъ моихъ многостороннихъ изслѣдованій, когда по поводу шестисотлѣтняго юбилея дня рожденія Данте читалъ я студентамъ лекціи о немъ и его времени цѣлые три года сряду.

До Шевырева въ нашемъ университетѣ читалась только теорія словесности въ родѣ упомянутаго мною курса Давыдова. Степанъ Петровичъ обновилъ каѳедру этого предмета исторіею литературы, сначала только иностранной, а потомъ уже при насъ и русской. Сверхъ того, онъ читалъ намъ цѣлый годъ теорію поэзіи въ историческомъ развитіи. Свой курсъ безъ раздѣленія на лекціи и съ нѣкоторыми дополненіями издалъ онъ въ видѣ диссертаціи и защитилъ ее на публичномъ диспутѣ для полученія степени доктора. Эта книга, хотя немножко и устарѣлая, до сихъ поръ пользуется у насъ заслуженнымъ авторитетомъ. Ее постоянно рекомендовалъ я своимъ слушателямъ, когда читалъ имъ на первомъ курсѣ энциклопедическое введеніе, къ спеціальнымъ занятіямъ по филологіи, лингвистикѣ и литературѣ, съ указаніемъ важнѣйшихъ источниковъ и пособій...

Намъ же въ первый разъ сталъ читать Шевыревъ въ московскомъ университетѣ исторію русской литературы, какъ и тотъ приготовительный курсъ. Готовясь къ своимъ лекціямъ, онъ самъ постепенно разрабатывалъ источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ

книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе неразработанной, области науки дѣйствовалъ на насъ обаятельною свѣжестью воодушевленія. По крайней мѣрѣ мнѣ чудилось, будто мы идемъ по только что проторенным путямъ въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, по слѣдамъ отважнаго проводника, который на каждомъ шагу открываетъ намъ все новыя и новыя сокровища родной земли. Въ этихъ лекціяхъ Степанъ Петровичъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ, которое принадлежало Петру Васильевичу Кирѣевскому.

Этотъ курсъ исторіи русской литературы впослѣдствіи внесъ Шевыревъ въ свои публичныя лекціи съ разными измѣненіями и дополненіями, которыя крайностями чрезмѣрнаго славяно-фильскаго направленія навлекли на него цѣлую бурю озлобленныхъ нареканій...

Михаилъ Петровичъ *Погодинъ* на первомъ курсѣ читалъ намъ изъ всеобщей исторіи о религіи, политикѣ, торговлѣ, о правахъ и обычаяхъ древнихъ народовъ, по извѣстному сочиненію Герена. Именно тогда я живо почувствовалъ и оцѣнилъ великое значеніе народнаго быта, на разработку котораго въ предѣлахъ русской земли я посвятилъ большую часть моихъ ученыхъ работъ...

На старшихъ курсахъ Погодинъ читалъ намъ уже настоящій свой предметъ — исторію Россіи. Въ этихъ лекціяхъ больше всего заинтересовалъ меня вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяго-руссовъ. Я обратился къ Михаилу Петровичу съ просьбою указать мнѣ какое-нибудь руководство для изученія древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій. Онъ назвалъ мнѣ грамматику Якова Гримма и велѣлъ обратиться за этимъ сочиненіемъ къ профессору Рѣдкину, читавшему тогда въ московскомъ университетѣ энциклопедію и философію права. Такимъ образомъ, изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей.

Погодину же я обязанъ великою благодарностью и за то, что онъ первый научилъ меня читать и разбирать наши старинныя рукописи, во множествѣ собранныя въ его такъ называемомъ древлехранилищѣ, которое помѣщалось тогда въ собственномъ его домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ...

Онъ познакомилъ меня на образцахъ по оригиналамъ съ разными почерками старинняго письма: съ уставнымъ, полууставнымъ и съ скорописью, мудреные завитки которой училъ разбирать меня по складамъ.

Такимъ образомъ мое университетское обученіе раздѣлялось по двумъ мѣстностямъ: въ аудиторіи и въ Погодинскомъ древлехранилищѣ. Сказаннаго почитаю достаточнымъ, чтобы дать вамъ понятіе о моей безграничной благодарности Михаилу Петровичу за все, чѣмъ я обязанъ его попеченіямъ и заботамъ о моемъ образованіи въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ студенчества, начиная съ самаго поступленія моего въ университетъ и съ водворенія въ казеннокоштномъ общежитіи...

Новый періодъ въ исторіи московскаго университета, какъ сказано, начинается вмѣстѣ съ появленіемъ къ намъ молодыхъ профессоровъ, получившихъ свое образованіе за-границею, преимущественно въ Германіи. Это были: на нашемъ факультетѣ—Печеринъ, Крюковъ и Чевилевъ, на юридическомъ—Крыловъ, Баршевъ и Рѣдкинъ; на медицинскомъ — Анке, Армфельдъ...

23. Изъ воспоминаній А. И. Герцена.

„Былое и Думы“, гл. VI—VII.

Московскій университетъ выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная Императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ Москва была произведена императоромъ Наполеономъ (сколько волею, а вдвое неволею) въ столицы народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о своей кровной связи съ Москвой. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха. Въ ней университетъ все больше и больше становился средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены—историческое значеніе, географическое положеніе.

Сильно возбужденная дѣятельность ума въ Петербургѣ, послѣ Павла, мрачно замкнулась 14 декабря. Все пошло назадъ, кровь бросилась къ сердцу, дѣятельность, скрытая наружи, закипала, таясь внутри, Московскій университетъ устоялъ и началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана.

Голицынъ [1]) былъ удивительный человѣкъ; онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ, онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнить. Но, несмотря на это, университетъ росъ вліяніемъ: въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея.

До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьяниномъ, не уволеннымъ своей общиной. Николай ограничилъ пріемъ студентовъ, увеличилъ плату своекоштныхъ и дозволилъ избавлять отъ нея только бѣдныхъ дворянъ. Все это принадлежитъ къ ряду мѣръ, которыя исчезнутъ вмѣстѣ съ закономъ о пассахъ, о религіозной нетерпимости и пр.

Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества.

Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ: объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей бѣлой костью или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ воды и огня, замученъ товарищами.

Я вступилъ въ физико-математическое отдѣленіе, несмотря на то, что никогда не имѣлъ ни большой способности, ни большой любви къ математикѣ. Я избралъ физико-математическій факультетъ потому, что въ немъ же преподавались естественныя науки, а къ нимъ именно въ это время развилась у меня страсть.

Итакъ, наконецъ, затворничество родительскаго дома пало. Я былъ au large; вмѣсто одиночества въ нашей небольшой комнатѣ, вмѣсто тихихъ и полускрываемыхъ свиданій съ однимъ Огаревымъ,—шумная семья, въ семьсотъ головъ, окружила меня. Въ ней я больше оклиматился въ двѣ недѣли, чѣмъ въ родительскомъ домѣ съ самаго дня рожденія.

---

[1]) Попечитель учебнаго округа.

А домъ родительскій меня преслѣдовалъ даже въ университетѣ, въ видѣ лакея, которому отецъ мой велѣлъ меня провожать, особенно, когда я ходилъ пѣшкомъ...

Какъ большая часть живыхъ мальчиковъ, воспитанныхъ въ одиночествѣ, я съ такой безумной неосторожностью дѣлалъ пропаганду и такъ откровенно самъ всѣхъ любилъ, что не могъ не вызвать горячій отвѣтъ со стороны аудиторіи, состоявшей изъ юношей почти одного возраста (мнѣ былъ тогда семнадцатый годъ).

Мудрыя правила—со всѣми быть учтивымъ и ни съ кѣмъ близкимъ, никому не довѣряться — столько же способствовали этимъ сближеніямъ, какъ неотлучная мысль, съ которой мы вступили въ университетъ, мысль—что здѣсь совершатся наши мечты, что здѣсь мы бросимъ сѣмена, положимъ основу союзу.

Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ.

Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь равно исчезли, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе асессоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ.

Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентовъ.

Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову; тетрадки запрещенныхъ стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями и, при всемъ томъ, я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного предательства. Были робкіе молодые люди, уклонявшіеся, отстранявшіеся,—но и тѣ молчали.

Одинъ пустой мальчикъ, допрашиваемый своею матерью о Маловской исторіи подъ угрозою прута, разсказалъ ей кое-что.

Нѣжная мать—аристократка и княгиня—бросилась къ ректору и передала доносъ сына, какъ доказательство его раскаянія. Мы узнали это и мучили его до того, что онъ не остался до окончанія курса.

Исторія эта, за которую и я посидѣлъ въ карцерѣ, стоитъ того, чтобъ разсказать ее.

Маловъ былъ глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. „Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?“ спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политической аудиторіи. „Безъ Малова девять“, отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ-то профессоръ, котораго надобно было вычесть, для того, чтобы осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ; студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше отдѣленіе двухъ парламентеровъ, приглашая меня придти къ вспомогательнымъ войскамъ. Я тотчасъ объявилъ кличъ идти войной на Малова, нѣсколько человѣкъ пошли со мной. Когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ налицо и видѣлъ насъ.

У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ; ну, какъ онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія. Страхъ

этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была неспокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. „Вы выражаете ваши мысли, какъ лошади ногами", замѣтилъ Маловъ, воображавшій, вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, — и буря поднялась, свистъ, шиканье, крикъ: „вонъ его, вонъ его, pereat"! Маловъ, блѣдный, какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ и не могъ; студенты вскочили на лавки; Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и, съежившись, сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши. Послѣднее обстоятельство было важно, на улицѣ дѣло получило совсѣмъ иной характеръ; но, будто, есть на свѣтѣ молодые люди 17, 18 лѣтъ, которые думаютъ объ этомъ.

Университетскій совѣтъ перепугался и убѣдилъ попечителя представить дѣло оконченнымъ и для того виновныхъ или такъ кого-нибудь посадить въ карцеръ. Это было не глупо. Легко можетъ быть, что въ противномъ случаѣ Государь прислалъ бы флигель-адъютанта, который для полученія креста сдѣлалъ бы изъ этого дѣла заговоръ, возстаніе, бунтъ и предложилъ бы всѣхъ отправить на каторжную работу, а Государь помиловалъ бы въ солдаты. Видя, что порокъ наказанъ и нравственность торжествуетъ, Государь ограничился тѣмъ, что утвердилъ волю студентовъ и отставилъ профессора. Мы Малова прогнали до университетскихъ воротъ, а онъ его выгналъ за ворота...

Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ или, лучше сказать, до-пожарныхъ, то есть до 1812 года.

Они вывелись теперь; съ попечительствомъ князя Оболенскаго вообще оканчивается патріархальный періодъ московскаго университета. Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сюртукахъ ad instar конноегерскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга, одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не-нѣмцевъ.

Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые, какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильдебрантъ и самъ Геймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскаго языка, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы, съ своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ и, вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не-нѣмцы изъ поповскихъ дѣтей.

Двигубскій былъ изъ не-нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ, приходя за табелью, подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его „отецъ-ректоръ". Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда онъ, бывало, приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ Чумаковымъ, или съ Котельницкимъ, который завѣдывалъ шкапомъ съ надписью „teria medica", неизвѣстно зачѣмъ проживавшимъ въ математической ауди-

торіи, или съ Рейсомъ, выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо зналъ химію, съ Рейсомъ, который, читая по-французски, называлъ свѣтильню—baton de coton, ядъ—рыбой: poisson, а слово молнія такъ несчастно произносилъ, что многіе думали, что онъ бранится,—мы смотрѣли на нихъ большими глазами, какъ на собраніе ископаемыхъ, какъ на послѣднихъ Абенсерговъ, представителей иного времени, не столько близкаго къ намъ, какъ къ Тредьяковскому и Кострову; времени, въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго профессора Дильтея, у котораго были двѣ собачки, одна вѣчно лаявшая, другая никогда не лаявшая, за что онъ очень справедливо прозвалъ одну Баваркой, а другую Пруденкой.

Но Двигубскій былъ вовсе не добрый профессоръ, онъ принялъ насъ чрезвычайно круто и былъ грубъ; я поролъ страшную дичь и былъ неучтивъ... Раздраженный Двигубскій велѣлъ явиться на другое утро въ совѣтъ; тамъ въ полчаса времени насъ допросили, осудили, приговорили и послали сентенцію на утвержденіе князя Голицына.

Едва я успѣлъ въ аудиторіи пять или шесть разъ въ лицахъ представить студентамъ судъ и расправу университетскаго сената, какъ вдругъ въ началѣ лекціи явился инспекторъ, русской службы маіоръ и французскій танцмейстеръ, съ унтеръ-офицеромъ и съ приказомъ въ рукѣ—меня взять и свести въ карцеръ.

Часть студентовъ пошла провожать, на дворѣ тоже толпилась молодежь; видно, меня не перваго вели, когда мы проходили, всѣ махали фуражками, руками; университетскіе солдаты двигали ихъ назадъ, студенты не шли.

Въ грязномъ подвалѣ, служившемъ карцеромъ, я уже нашелъ двухъ арестантовъ, Арапетова и Орлова; князя Андрея Оболенскаго и Розенгейма посадили въ другую комнату; всего было шесть человѣкъ, наказанныхъ по маловскому дѣлу. Насъ было велѣно содержать на хлѣбѣ и водѣ, ректоръ прислалъ какой-то супъ, мы отказались и хорошо сдѣлали; какъ только смерклось и университетъ опустѣлъ, товарищи принесли намъ сыру, дичи, сигаръ, вина и ликеру. Солдатъ сердился, ворчалъ, бралъ двугривенные и носилъ припасы. Послѣ полуночи, онъ пошелъ далѣе и пустилъ къ намъ нѣсколько человѣкъ гостей. Такъ проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днемъ.

Разъ какъ-то товарищъ попечителя, Панинъ, братъ министра юстиціи, вѣрный своимъ конногвардейскимъ привычкамъ, вздумалъ обойти ночью рундомъ государственную тюрьму въ университетскомъ подвалѣ. Только что мы зажгли свѣчу подъ стуломъ, чтобы снаружи не было видно, и принялись за нашъ ночной завтракъ, раздался стукъ въ наружную дверь; не тотъ стукъ, который своей слабостью проситъ солдата отпереть, который больше боится, что его услышатъ, нежели то, что не услышатъ; нѣтъ, это былъ стукъ съ авторитетомъ, приказывающій. Солдатъ обмеръ, мы спрятали бутылки и студентовъ въ небольшой чуланъ, задули свѣчу и бросились на наши койки. Вошелъ Панинъ.

„Вы, кажется, курите?"—сказалъ онъ, едва вырѣзываясь съ инспекторомъ, который несъ фонарь, изъ-за пустыхъ облаковъ дыма. „Откуда это они берутъ огонь, ты даешь?" Солдатъ клялся, что не даетъ. Мы отвѣчали, что у насъ былъ съ собою трутъ. Инспекторъ обѣщалъ его отнять и обобрать сигары, и Панинъ удалился, не замѣтивъ, что количество фуражекъ было вдвое больше количества головъ.

Въ субботу вечеромъ явился инспекторъ и объявилъ, что я и еще одинъ изъ насъ можетъ идти домой, но что остальные посидятъ до понедѣльника. Это предложеніе показалось мнѣ обиднымъ и я спросилъ инспектора, могу-ли остаться; онъ отступилъ на шагъ, посмотрѣлъ на меня съ тѣмъ грозно-граціознымъ видомъ, съ которымъ въ балетахъ цари и герои пляшутъ гнѣвъ, и, сказавши: „сидите, пожалуй", вышелъ вонъ. За послѣднюю выходку досталось мнѣ дома больше, нежели за всю исторію.

Итакъ, первыя ночи, которыя я не спалъ въ родительскомъ домѣ, были проведены въ карцерѣ. Вскорѣ мнѣ приходилось испытать другую тюрьму, и тамъ я просидѣлъ не восемь дней, а девять мѣсяцевъ, послѣ которыхъ поѣхалъ не домой, а въ ссылку. Но до этого далеко.

Съ этого времени я въ аудиторіи пользовался величайшей симпатіей. Сперва я слылъ за хорошаго студента; послѣ маловской исторіи сдѣлался, какъ извѣстная гоголевская дама, хорошій студентъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Учились-ли мы при всемъ этомъ чему-нибудь; могли-ли научиться? Полагаю, что „да". Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло—поставить человѣка à même, продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это-то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ, а съ другой стороны, и такіе, какъ Каченовскій. Но больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей.

А какіе оригиналы были въ ихъ числѣ и какія чудеса: отъ Федора Ивановича Чумакова, подгонявшаго формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное, до Гавріила Мягкова, читавшаго самую жесткую науку въ мірѣ—тактику. Отъ постояннаго обращенія съ предметами героическими, самая наружность Мягкова пріобрѣла строевую выправку: застегнутый до горла, въ несгибающемся галстухѣ, онъ больше командовалъ свои лекціи, чѣмъ говорилъ. „Господа!—кричалъ онъ,—на полѣ—объ артиллеріи!" Это не значило на полѣ сраженія ѣдутъ пушки, а просто, что на маржѣ такое заглавіе.

А Федоръ Федоровичъ Рейсъ, никогда не читавшій химіи далѣе второй химической ипостаси, т. е. водорода! Рейсъ, который, дѣйствительно, попалъ въ профессора химіи, потому что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины, старика пригласили въ Россію; ему ѣхать не хотѣлось,—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника...

Славное было время, событія неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Гомеруда, Бельгія вспыхнула, тронъ короля-гражданина качался, какое-то горячее, революціонное началось въ преніяхъ, въ литературѣ. Романы, драмы, поэмы,—все снова сдѣлалось пропагандой, борьбой.

Тогда орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистыя деньги...

Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Ламаркомъ; мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется, радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты отъ Манюеля и Бенжамена Констана до Дюпонъ-де-Лера и Армана Кареля.

Насъ было пятеро сначала, тутъ мы встрѣтились съ Пассекомъ...

Послѣ окончательнаго экзамена, профессора заперлись для счета балловъ, а мы, волнуемые надеждами и сомнѣніями, бродили маленькими кучками по коридору и по сѣнямъ. Иногда кто-нибудь выходилъ изъ совѣта, мы бросались узнать судьбу, но долго еще не было рѣшено; наконецъ, вышелъ Гейманъ. „Поздравляю васъ,—сказалъ онъ мнѣ, — вы кандидатъ".—Кто еще, кто еще?—Такой-то и такой-то. Мнѣ разомъ сдѣлалось грустно и весело; выходя изъ-за университетскихъ воротъ, я чувствовалъ, что не такъ выхожу, какъ вчера, какъ всякій день; я отчуждался отъ университета, отъ этого общаго родительскаго дома, въ которомъ провелъ такъ юно-хорошо четыре года; а съ другой стороны, меня тѣшило чувство признаннаго совершеннолѣтія и, отчего же не признаться, и названіе кандидата, полученное сразу.

Alma mater! Я такъ много обязанъ университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнью, съ нимъ, что не могу вспоминать о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинитъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ университету легка благодарность, она нераздѣльна съ любовью, съ свѣтлымъ воспоминаніемъ молодого развитія. И я благословляю его изъ дальней чужбины!

Годъ, проведенный нами послѣ курса, торжественно заключилъ первую юность. Это былъ продолжающійся пиръ дружбы, обмѣна идей, вдохновенья, разгулъ...

Небольшая кучка университетскихъ друзей, пережившая курсъ, не разошлась и жила еще общими симпатіями и фантазіями, никто не думалъ о матеріальномъ положеніи, объ устройствѣ будущаго. Я не похвалилъ бы этого въ людяхъ совершеннолѣтнихъ, но дорого цѣню въ юношахъ. Юность, гдѣ только она не изсякла отъ нравственнаго растлѣнія мѣщанствомъ, вездѣ непрактична, тѣмъ больше она должна быть такою въ странѣ молодой, имѣющей много стремленій и мало достигнутаго. Сверхъ того, быть непрактическимъ,—далеко не значитъ быть во лжи; все обращенное къ будущему имѣетъ непремѣнно долю идеализма. Безъ непрактическихъ натуръ всѣ практики остановились бы на скучно повторяющемся одномъ и томъ же.

Иная восторженность лучше всякихъ нравоученій хранитъ отъ *истинныхъ* паденій. Я помню юношескія оргіи, разгульныя минуты, хватавшія иногда черезъ край; я не помню ни одной безнравственной исторіи въ нашемъ кругу, ничего такого, отъ чего человѣкъ *серьезно* долженъ былъ краснѣть, что старался бы забыть, скрыть. Все дѣлалось открыто; открыто рѣдко дѣлается дурное. Половина, больше половины, сердца была не туда направлена, гдѣ праздная страстность и болѣзненный эгоизмъ сосредоточиваются на нечистыхъ помыслахъ и троятъ пороки...

Дѣлали шалости и мы, пировали и мы, но основной тонъ былъ не тотъ, діапазонъ былъ слишкомъ поднятъ. Шалость, разгулъ не становились цѣлью. Цѣлью была вѣра въ призваніе; положимте, что мы ошиблись, но, фактически вѣруя, мы уважали въ себѣ и другъ въ другѣ орудія общаго дѣла.

И въ чемъ же состояли наши пиры и оргіи? Вдругъ приходитъ въ голову, что черезъ два дня—6 декабря, Николинъ день. Обиліе Николаевъ страшное! Николай Огаревъ, Николай С., Николай К., Николай Сазоновъ... „Господа, кто празднуетъ именины"?—Я! Я!—А я на другой день.—Это все вздоръ, что такое на другой день? Общій праздникъ, складку! Зато каковъ будетъ и пиръ!

— Да, да, у кого же собраться?

— С... боленъ, ясно, что у него.

И вотъ дѣлаются смѣты, проекты; это занимаетъ невѣроятно будущихъ гостей и хозяевъ. Одинъ Николай ѣдетъ къ Яру заказывать ужинъ, другой къ Матерну за сыромъ и салями. Вино, разумѣется, берется на Петровкѣ у Депре, на книжкѣ котораго Огаревъ написалъ эпиграфъ:

De près ou de loin,
Mais je fournis toujours.

Нашъ неопытный вкусъ еще дальше шампанскаго не шелъ и былъ до того молодъ, что мы какъ-то измѣнили и шампанскому въ пользу Rivesaltes mousseux.

Въ Парижѣ я на картѣ ресторана увидѣлъ это имя, вспомнилъ 1833 годъ и потребовалъ бутылку. Но, увы, даже воспоминанія не помогли мнѣ выпить больше одного бокала.

До праздника вина пробуются, оттого надобно еще посылать нарочнаго, потому что пробы явнымъ образомъ нравятся.

Для пира четырехъ именинъ я писалъ цѣлую программу, которая удостоилась особеннаго вниманія инквизитора Голицына, спрашившаго меня въ коммиссіи, точно ли программа была исполнена.

— A la lettre,—отвѣчалъ я ему. Онъ пожалъ плечами, какъ будто онъ всю жизнь провелъ въ Смольномъ монастырѣ или въ великой пятницѣ.

Послѣ ужина возникалъ обыкновенно капитальный вопросъ, вопросъ, возбуждавшій пренія, а именно, „какъ варить жженку?" Остальное обыкновенно ѣлось и пилось, какъ вотируютъ по довѣрію въ парламентахъ, безъ спора. Но тутъ каждый участвовалъ и притомъ съ высоты ужина. „Зажигать, не зажигать еще? какъ зажигать? тушить шампанскимъ или сотерномъ? класть фрукты и ананасъ, пока еще горитъ, или послѣ?"...

Вспоминая времена нашей юности, всего нашего круга, я не помню ни одной исторіи, которая осталась бы на совѣсти, которую было бы стыдно вспомнить. И это относится безъ исключенія ко всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Были у насъ платоническіе мечтатели, и разочарованные юноши въ семнадцать лѣтъ. Вадимъ даже писалъ драму, въ которой хотѣлъ представить „страшный опытъ своего изжитаго сердца". Драма эта начиналась такъ: „Садъ—вдали домъ, окна освѣщены, буря—никого нѣтъ, калитка не заперта; она хлопаетъ и скрипитъ".

— Сверхъ калитки и сада, есть дѣйствующія лица?—спросилъ я у Вадима.

И Вадимъ, нѣсколько огорченный, сказалъ мнѣ: „ты все дурачишься! Это не шутка, а быль моего сердца; если такъ, я и читать не стану",—и сталъ читать.

Были и вовсе не платоническія шалости, даже такія, которыя оканчивались не драмой, а аптекой. Но не было пошлыхъ интригъ, губящихъ женщину и унижающихъ мужчину, не было содержанокъ (даже не было и этого подлаго слова). Покойный, безопасный, прозаическій, мѣщанскій развратъ, развратъ по контракту, миновалъ нашъ кругъ.

— Стало быть, вы допускаете худшій, продажный развратъ?

— Не я, а вы! То есть не вы, а вы всѣ. Онъ такъ прочно покоится на общественномъ устройствѣ, что ему не нужно моей инвеституры.

Общіе вопросы, гражданская экзальтація спасали насъ; и не только они, но сильно развитый научный и художественный интересъ. Они, какъ зажженая бумага, выжигали сальныя пятна...

Такъ оканчивается первая часть нашей юности; вторая начинается тюрьмой. Но прежде, нежели мы взойдемъ въ нее, надобно упомянуть, въ какомъ направленіи, съ какими думами она застала насъ.

Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія, быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ неладно, теоріи наши становились намъ подозрительными.

Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайеты и Бенжаменъ Констанъ, пѣлъ Беранже,—терялъ для насъ, послѣ гибели, большую чарующую силу.

Тогда то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ, бросились на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи. Другая—въ изученіе нѣмецкой философіи.

Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую застольную революцію была потрясена, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ несторовской лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга.

Середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сен-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ.

Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Анфантеномъ и надъ его апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечъ соціализма.

Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощенными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи.

Съ одной стороны, освобожденіе женщины, призваніе ее на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ.

Съ другой — оправданіе, искупленіе плоти, Réhabilitation de la chair!

Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный, и потому нравственно-чистый. Много издѣвались надъ свободной женщиной, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало въ свою очередь и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ раз-

ныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ, спаянный съ нимъ, исчезъ...

Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ

Удобовпечатлимыя, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду черезъ море!..

24. Изъ «Автобіографіи» Н. И. Костомарова.

Въ то время [1]) харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія каѳедры занимались отчасти людьми бездарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнивыми. Въ нашемъ историко-филологическомъ факультетѣ русская словесность была въ рукахъ нѣкоего Якимова. Онъ въ свое время прославился бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ безсмыслицы.—Русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ безспорно съ поэтическимъ дарованіемъ, какъ показали его малорусскія стихотворенія, но въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи отличавшійся пустымъ риторствомъ и напыщенностью.—Профессоръ всеобщей исторіи Цыхъ былъ вскорѣ переведенъ въ Кіевъ. Онъ читалъ древнюю исторію по Герену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего.—Философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ. Греческій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и даромъ изложенія на какомъ бы то ни было языкѣ.—Французскій языкъ читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ; но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи...

1835 годъ былъ знаменателенъ въ исторіи харьковскаго университета: въ немъ показывалось какое-то обновленіе. По разнымъ каѳедрамъ присланы были свѣжія, молодыя силы, новые люди, возвратившіеся изъ-за границы, куда были посылаемы министромъ для окончанія образованія. Нашъ историко-филологическій факультетъ былъ обновленъ появленіемъ двухъ талантливыхъ и ученыхъ профессоровъ. Первый—былъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи — Михаилъ Михайловичъ *Лунинъ*; второй—по каѳедрѣ греческой словесности—Альфонсъ Осиповичъ *Валицкій*. Первый былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостью, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ негромкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи,

[1]) Въ 1834 г.

особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ. Валицкій менѣе имѣлъ на меня вліянія, чѣмъ Лунинъ, такъ какъ я не имѣлъ ни надлежащей подготовки, ни особаго стремленія, чтобы сдѣлать греческую литературу и древности для себя спеціальностью; но я посѣщалъ его лекціи и слушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Замѣтимъ, что Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина...

О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студентскому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій.

Вообще студентовъ тогдашнихъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ харьковскомъ университетѣ, это было не трудно: профессора были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи. „Manus manum lavat“ (рука руку моетъ), говорили они по этому поводу. Проболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сынокъ получалъ ученую степень, дававшую право на классный чинъ, и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какую-нибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи; иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого-нибудь генерала, а послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею: харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей; успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя,

по темнотѣ послѣднихъ, не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможныя произвольныя толкованія и системы. Наконецъ, 4) люди не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ, и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя, какъ попало: многіе предавались кутежамъ всякаго рода; иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробираться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило, и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ въ одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или кандидаты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени.

25. Изъ воспоминаній дерптскаго студента [1]).

Въ Дерптѣ между студентами издавна существуютъ такъ называемыя корпораціи, т. е. товарищества, въ которыя принимаются членами хорошо рекомендованные и испытанные люди... Это — маленькій status in statu, съ своими законами, судомъ и расправою, цѣль котораго чисто нравственная, состоящая въ направленіи на путь истины всѣхъ заблудшихъ изъ стада его овецъ. Всѣ эти корпораціи имѣютъ свои особенныя названія, свои цвѣта, особыя фехтовальныя залы, свои комерши, т. е. пиры или попойки, и свои уставы. Наша корпорація называлась „рутеніей“, цвѣта ея были: черный, золотой и бѣлый. Духъ этихъ товариществъ самый благородный, откровенный и братскій. Всѣ студенты вообще говорятъ другъ другу „ты“, нѣмцы — армянамъ, поляки — русскимъ, французы — евреямъ; сыновья корчмарей и сапожниковъ—потомкамъ гордыхъ графовъ, князей и бароновъ; спѣсь они осмѣиваютъ, а гордость презираютъ, мужество уважаютъ, удаль и молодечество любятъ, вино и любовь воспѣваютъ и прославляютъ; пороки и низость наказываютъ самымъ непріятнымъ образомъ.

Я, разумѣется, вступилъ въ общество своихъ соотчичей, хотя нѣмцы, съ которыми я воспитывался въ гимназіи, разсчитывали на противное, т. е., что я присоединюсь къ нимъ.

Сдѣлавшись студентомъ, я пріобрѣлъ титулъ фукса, т. е. лисы. Фуксами называются всѣ студенты перваго полугодія; бранд-фуксами (camsalopex) или огневиками, или красными лисами — студенты второго полугодія, молодыми домами 3-го, старыми домами 4-го, а покрытыми мхомъ— студенты 5, 6, 7 и 8, по медицинскому факультету, еще и 9 и 10-го полугодій. Выслушавшіе полный курсъ, но не сдавшіе еще экзамена, называются филистрами, т. е. филистимлянами. Врачей называютъ фликерами, т. е. починщиками или заплаточниками. Кнотъ вообще означаетъ всякаго ремесленника, а также и людей предосудительнаго поведенія или съ худыми манерами. Студенты ведутъ съ кнотами (въ первомъ значеніи слова) постоянную войну; стычки бывали очень серьезныя и нерѣдко кровавыя.

Корпорація наша состояла изъ 20 человѣкъ слишкомъ. Жили всѣ мы на близкихъ разстояніяхъ и видѣлись каждый день, если не на квартирахъ, такъ на лекціяхъ, которыя, впрочемъ, посѣщали не слишкомъ усердно,

---

[1]) „Библіотека для Чтенія“, 1859 г., сент.

если не на дому, такъ въ кнейпахъ (т. е. въ трактирахъ), преимущественно въ „Костяшкѣ", или въ кондитерскихъ, изъ которыхъ заведеніе Луксингера—самое роскошное и порядочное, или, наконецъ, въ фехтовальной залѣ, гдѣ каждодневно, поочереди, дежурили фуксы, по назначенію фуксъ-ольдермана, т. е. начальника ихъ. Кромѣ того составлялись въ теченіе осени и весны пикники (безъ прекраснаго пола) въ различныя загородныя мѣста, которыми Дерптъ такъ изобилуетъ, или прогулки пѣшкомъ въ ближайшія окрестности. Но всѣ эти прогулки кончались обыкновенно попойкою, въ которой важную роль играли жженка, пѣсни и куреніе. Въ пѣсняхъ не было недостатка, какъ въ оригинальныхъ, такъ и переведенныхъ съ нѣмецкаго. Пѣніе любитъ всякій русскій; такъ точно и всѣ мы его любили и пѣли вперемежку—русскія, нѣмецкія, французскія и даже шведскія пѣсни; но хорошихъ голосовъ у насъ не было...

Съ приближеніемъ зимы кончались всѣ эти гулянья и начинались удовольствія другого рода, а именно домашніе спектакли, балы, концерты.

Публичные балы давали въ дворянскомъ и мѣщанскомъ клубахъ. Но оба эти клуба были для большинства студентовъ terra incognita; въ первый изъ нихъ имѣли входъ только члены, а студенты не имѣли лестнаго права—быть членами клубовъ; на балы же мѣщанскаго клуба добрые биргеры просто не пускали насъ, а если и пускали, то не въ большомъ лишь количествѣ и помощью различныхъ хитростей со стороны посѣтителей. Этою строгою, но, можетъ быть, умѣстною мѣрою, мы обязаны нашимъ любезнымъ предкамъ, которые въ бывалыя времена вели себя на биргерскихъ балахъ и маскарадахъ черезчуръ безцеремонно. На этихъ вечерахъ студенты древнихъ временъ выкидывали престранныя шутки и отличались на нихъ отъ прочей публики замысловатою оригинальностью и изысканною простотою костюмовъ. Какой-нибудь весельчакъ явится, напримѣръ, въ маскарадъ въ охотничьихъ сапогахъ (называемыхъ Kanonen, пушками), повязанный, вмѣсто галстуха, полотенцемъ, въ которомъ, по неимѣнію булавки, красуется большой гвоздь! Такого смѣльчака просили сперва, учтивымъ образомъ, выйти, а потомъ, если онъ не соглашался на это приглашеніе, выводили при содѣйствіи двухъ жандармовъ, идущихъ впереди, и въ сопровожденіи важныхъ старшинъ и хора музыкантовъ, если несчастный изгнанникъ отвѣчалъ утвердительно на обязательный стереотипный вопросъ: „Wünschen sie mit Musik oder ohne?" (т. е. буквально: „Желаете вы съ музыкой (выйти) или безъ?"). Впослѣдствіи, когда такія и подобныя шутки стали повторяться уже слишкомъ часто, биргеры воспретили студентамъ входъ въ ихъ клубъ. Но они и теперь еще посѣщаютъ его въ маломъ числѣ и подъ вымышленными именами, въ качествѣ пріѣзжихъ или филистровъ...

Не послѣднюю роль въ жизни студентовъ играли такъ называемые комержи. Это были ежегодныя пирушки въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, даваемыя въ воспоминаніе дня основанія корпораціи. Ихъ справляли всегда за городомъ и приготовляли для этой цѣли уже заранѣе квартиру въ нѣсколько комнатъ, съ особеннымъ помѣщеніемъ для „почившихъ" или усопшихъ, подъ названіемъ: Todten-Kammern. О всѣхъ этихъ попойкахъ какъ въ городѣ, такъ и за чертою его, предварительно объявляли ректору, который разрѣшалъ ихъ съ условіемъ, чтобы число участниковъ не превышало 12 человѣкъ. Поэтому подавали ему при самомъ объявленіи клочокъ бумаги, на которой уже заранѣе были выписаны имена 12 студентовъ; само собой разумѣется, что число участвовавшихъ было всегда болѣе. Кромѣ этой пустой формальности еще обозначали особо на бумагахъ троихъ

или четверыхъ изъ числа тѣхъ же 12, какъ отвѣтчиковъ за порядокъ и спокойствіе. Итакъ, съ объявленіемъ ректору мы могли собираться въ числѣ двѣнадцати, безъ объявленія — въ меньшемъ числѣ. Но въ обоихъ случаяхъ мы не смѣли быть вмѣстѣ долѣе 11 часовъ вечера. Въ противномъ случаѣ приходилъ услужливый педель и напоминалъ, что уже двѣнадцатый часъ и пора разойтись... Одна корпорація имѣла обыкновеніе, при появленіи педеля, гасить свѣчи; надо полагать, что это средство было довольно радикально, потому что педель тотчасъ же запиралъ дверь и уходилъ...

26. Студенческія корпораціи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1830—40 гг. [1]).

На скамьяхъ петербургскаго университета еще съ 1833 г. стали понемногу появляться студенты съ громкими аристократическими именами, но очень замѣтный ихъ приливъ начался собственно съ 1835 — 1836 гг. Поступивъ въ университетъ въ этомъ послѣднемъ году, я засталъ тамъ на разныхъ курсахъ, между прочими знатными товарищами: князей А. Щербатова, А. И. Васильчикова, С. Долгорукова, А. и Б. Голицыныхъ, С. Кочубея, Барятинскаго, графовъ П. Шувалова, К. Толя, А. и В. Блудовыхъ, И. Рибопьера, двухъ Лонгиновыхъ и др. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ названныхъ лицъ, несмотря на свое полное университетское образованіе, какъ бы усумнились въ пользѣ и выгодности гражданскаго служебнаго поприща: немедленно по снятіи съ себя скромнаго студенческаго мундира облеклись въ болѣе блестящіе кавалергардскіе и гусарскіе доспѣхи и перешли отъ теоретическихъ занятій corpus juris и пандектами къ практическимъ—въ казармахъ, манежахъ и вахтпарадахъ... Нѣкоторые изъ студентовъ упомянутой категоріи, выросшіе подъ надзоромъ гувернеровъ, не могли съ ними разстаться и въ стѣнахъ университета. Появленіе этихъ менторовъ въ аудиторіяхъ, не только на первомъ, но и на второмъ курсѣ, не могло не шокировать нашего самолюбія, ибо приравнивало студента къ любому ученику. Впрочемъ, такъ какъ большая часть этихъ пѣстуновъ были французы, то они, кажется, вовсе не думали стѣснять свободы своихъ питомцевъ и en bon camarade сопровождали ихъ не только въ университетъ, но и къ Елисѣеву (въ биржевыя лавки) и въ другія менѣе дозволенныя мѣста удовольствій... Должно сознаться, что приливъ къ университету лицъ изъ высшихъ сословій сталъ замѣтно отзываться къ лучшему на студенческихъ нравахъ и обычаяхъ. Понятія солидарности, товарищества стали все болѣе прививаться, а изъ устъ нашего любимаго попечителя кн. Дондукова-Корсакова (любимаго преимущественно за его рѣдкое вмѣшательство въ университетскія и студенческія дѣла) нерѣдко приходилось намъ слышать даже такія слова, какъ ésprit de corps и т. п.

Не могу положительно утверждать, возникла ли мысль объ устройствѣ корпораціи въ этомъ же 1836 г., но что корпорація уже существовала въ 1837 г., о томъ свидѣтельствовали тогда, между прочими, слѣдующіе несомнѣнные признаки. Въ шинельной, которая служила намъ въ то же время курильней и мѣстомъ для завтрака, стали появляться сплоченныя группы студентовъ и оттуда нерѣдко слышался знакомый мнѣ напѣвъ

---

[1]) Изъ воспоминаній бывшаго студента Э—г—. (*Русская Старина* 1881 г. *Февраль*).

той или другой бурсацкой пѣсни, переведенной съ нѣмецкаго бывшимъ дерптскимъ студентомъ Н. М. Языковымъ, или вылетало какое-либо слово, заимствованное изъ бурсацкаго жаргона. Моя догадка вполнѣ подтвердилась, когда одно событіе—пощечина, данная студенту Н. студентомъ К.—раздѣлило всѣхъ студентовъ на два враждебныхъ лагеря - корпорантовъ и некорпорантовъ. Въ этомъ некрасивомъ дѣлѣ корпорація обнаружила свое инкогнито, выступивъ съ рѣшительнымъ требованіемъ самосуда надъ студентомъ К., не желавшимъ подчиниться ея приговору. Мнѣ не извѣстно, какого рода удовлетвореніе долженъ былъ дать нанесшій оскорбленіе—вызова на дуэль со стороны безобидчиваго Н. предполагать было нельзя, — но К., па сообщенный ему приговоръ товарищей, отвѣчалъ такой циничеcкой выходкой, что корпораціи ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ потребовать его исключенія изъ университета. Но большинство студентовъ, ничего не знавшее о существованіи какой-либо корпораціи, не пожелало признать дѣйствительнымъ приговоръ неизвѣстнаго ему трибунала, и, истолковавъ все это дѣло совершенно въ другую сторону—какъ присвоеніе аристократической партіей исключительнаго права судить и рѣшать студенческія дѣла — оказало сильную оппозицію. Произошло между студентами значительное волненіе, по всей вѣроятности, первое съ основанія университета; начались сходки въ аудиторіяхъ, явились ораторы pro и contra, но въ концѣ концовъ побѣда осталась за корпораціей, и К., по волѣ попечителя, долженъ былъ оставить университетъ. Неожиданно явившійся между студентами антагонизмъ имѣлъ также свою хорошую сторону. Нѣсколько некорпорантовъ, желая парализовать вліяніе сплотившейся такъ называемой аристократической партіи какимъ-либо учрежденіемъ, въ которомъ приняли бы участіе всѣ студенты, задумали учредить кассу для вспомоществованія нуждающимся товарищамъ. Для образованія фонда положено было вносить ежемѣсячно по одному рублю, но такъ какъ болѣе достаточные изъ студентовъ, корпоранты, почти вовсе не сочувствовали этому дѣлу и постоянно уклонялись отъ опредѣленныхъ взносовъ, то эта касса, просуществовавъ года два, скончалась отъ истощенія.

Еще рельефнѣе обнаружились признаки студенческой организаціи при оваціи, сопровождавшей погребеніе студента кн. Л. Р., покончившаго свою жизнь самоубійствомъ. Преждевременная утрата этой энергичной и уважаемой, какъ корпорантами, такъ и некорпорантами, личности произвела глубокое впечатлѣніе, и огромная процессія студентовъ, въ полной формѣ сопровождавшихъ гробъ до самаго кладбища (близъ фарфороваго завода) и имѣвшая видъ нѣкоторой демонстраціи, не только свидѣтельствовала о всеобщемъ сочувствіи любимому товарищу, но и той связи, которая существовала между покойнымъ и корпораціей.

Но еще болѣе явно заявила себя корпоративная организація извѣстнаго кружка студентовъ въ демонстраціи противъ профессора Шакѣева. Всеобщая исторія читалась въ двухъ высшихъ курсахъ профессоромъ И. В. Шульгинымъ, а въ двухъ низшихъ — М. С. Куторгою, въ то время еще очень либеральнымъ и потому обожаемымъ студентами всѣхъ курсовъ. Вдругъ пронесся слухъ, что къ филологамъ назначается новый профессоръ исторіи, изъ преподавателей юнкерскаго училища, protégé нелюбимаго Шульгина. И вотъ на вступительную лекцію ни въ чемъ неповиннаго г. Шакѣева нахлынула въ самую обширную аудиторію (XI) огромная гурьба студентовъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ съ единственною, кажется, цѣлью ошикать новаго профессора. Я забылъ сказать, что членами корпораціи были почти исключительно юристы, а такъ какъ г. Шакѣевъ

назначался къ филологамъ, то, казалось, имъ бы и не слѣдовало мѣшаться въ чужое дѣло; но посредствомъ этой демонстраціи желали также заявить свое сочувствіе профессору Куторгѣ и потому первый сигналъ къ ошиканію послѣдовалъ изъ лагеря корпорантовъ. Скандалъ вышелъ полнѣйшій и присутствовавшее начальство—попечитель, ректоръ (Шульгинъ) и инспекторъ, совершенно растерявшись отъ неожиданной смѣлости студентовъ, повторивъ безуспѣшно нѣсколько разъ слова: господа! господа! — поспѣшили убраться изъ аудиторіи, наполненной шумомъ и гамомъ. На слѣдующей затѣмъ лекціи профессора Куторги онъ былъ встрѣченъ восторженными рукоплесканіями и по окончаніи оной вынесенъ студентами на рукахъ съ лѣстницы. Если не ошибаюсь, эти аплодисменты были первые, которые раздались въ аудиторіяхъ университета и съ этихъ поръ они стали употребляться кстати и некстати...

Помнится, въ концѣ 1837 г. стали между ея членами происходить несогласія изъ-за нѣкоторыхъ правилъ корпораціоннаго устава и нѣсколько вліятельныхъ корпорантовъ, въ томъ числѣ Я. и Ѳ. Соловьевы, братья Шишковы, баронъ Бахъ, Лихтенштейнъ, вышли изъ ея состава и около этого же времени и въ тотъ самый моментъ, когда корпораціи грозило совершенное разстройство, появилось на горизонтѣ нашего буршеншавства новая яркая звѣзда П. Прейсъ, студентъ дерптскаго университета, исключенный оттуда за какую-то уличную демонстрацію. Корпоранты изъ нѣмцевъ тотчасъ же сгруппировались около него, какъ человѣка опытнаго въ дѣлахъ бурсацкихъ, и ими же былъ выписанъ изъ Дерпта дѣйствующій тамъ студенческій—команъ (уставъ), и вслѣдъ затѣмъ изъ прежней одной корпораціи составились двѣ: русская — Ruthenia и нѣмецкая — Baltica. Не припомню, чѣмъ отличались между собою команы той и другой, но знаю, что на комершахъ обѣихъ корпорацій, на которыхъ мнѣ случалось участвовать, продѣлывались однѣ и тѣ же, заимствованные отъ нѣмецкихъ университетовъ, обряды, какъ-то: Landesvater, Fürst von Thoren и т. п. Корпораціонные „цвѣта", присвоенные знамени корпораціи и фуражкамъ членовъ ея, были едва ли не единственными отличительными признаками этихъ двухъ корпорацій. „Цвѣта" Рутеніи были: оранжевый, бѣлый и черный, а Бальтики—голубой, бѣлый и золотой. Фасонъ фуражекъ у первой былъ военный, съ высокой тульей, у послѣдней — съ низкой на манеръ дерптскихъ. — Въ мое время обѣ корпораціи жили между собою въ ладу, и я не припомню ни одного „скандала" (дуэли) между членами той и другой, но „скандалы" между студентами одной и той же корпораціи случались. Они происходили исключительно на эспадронахъ, причемъ болѣе выдающіяся и опасныя части тѣла, для безопасности отъ ударовъ, прикрывались различными оригинальными доспѣхами, изготовленными изъ толстой кожи; потому неудивительно, что эти дуэли обыкновенно кончались ничѣмъ, и весьма неопасными порѣзами. Съ подобной ранкой на плечѣ, стянутой присутствующимъ медикомъ липкимъ пластыремъ, я, однажды, преспокойно отправился на лекцію и записывалъ ее какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на пропитанный кровью рукавъ сорочки. Помню, однакожъ, случай, который могъ имѣть для раненаго весьма дурной исходъ: нѣмцу К. Э. влѣпили такъ ловко „секунду" (ударъ подъ мышку), что онъ едва не истекъ кровью и долженъ былъ выдержать долгій карантинъ. Вообще, дуэли происходили чаще между корпорантами Бальтики, потому-ли, что у нихъ правила „комана" соблюдались съ большимъ педантизмомъ и строгостью, или по той причинѣ, что нѣмецъ, пропустивъ нѣсколько стакановъ пуншу (обыкновенный на комершахъ напитокъ), вообще, дѣлается

задорнѣе, заносчивѣе, тогда какъ русскій въ подобномъ же состояніи становится добродушнѣе, снисходительнѣе.

Въ описываемую эпоху обыкновеннымъ мѣстомъ для поединковъ служила гостепріимная квартира студента-сибарита К., проживавшаго въ одномъ изъ домовъ, выходящихъ на Михайловскую площадь. Въ подобныхъ случаяхъ, изъ предосторожности, усылалась прислуга со двора и на окнахъ спускались шторы. Послѣднее было тѣмъ болѣе необходимо, что на площади нерѣдко, не знаю по какому случаю, съѣзжались жандармы. Такъ какъ приготовленія для дуэли были немалыя: нужно было пріискать удобное помѣщеніе, доктора, отточить оружіе, а, главное, дать время дуэлистамъ, иногда не имѣвшимъ никакого понятія о фехтованіи, пріобрѣсть нѣкоторую практику въ искусствѣ кровопусканія другъ у друга, то обыкновенно нѣсколько такихъ дуэлей пригонялось къ одному и тому же сроку. Такого срока приходилось дуэлистамъ ожидать иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, и во все это время запрещалось имъ всякое между собой сношеніе, даже разговоръ другъ съ другомъ, когда причина ссоры, обыкновенно происшедшей подъ пьяную руку, уже давно была забыта. Впрочемъ, въ „Русской“ корпораціи это правило не всегда строго соблюдалось. Послѣ поединка соперники подавали другъ другу руку и затѣмъ обыкновенно слѣдовали хорошая попойка и удалыя пѣсни...

Наши корпораціи, несмотря на ихъ молодость и недостатокъ добрыхъ традицій, сослужили свою посильную службу, сдерживая неразумную и подчасъ бурливую молодость въ предѣлахъ благоразумія и приличія. Мнѣ неоднократно приходилось быть свидѣтелемъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, не прошедшихъ школы корпораціонныхъ порядковъ, несмотря на свое знатное происхожденіе, вели себя подобно школярамъ самаго низшаго разбора. Однажды одна изъ дерптскихъ корпорацій праздновала свой лѣтній комершъ въ одномъ губернскомъ городѣ Остзейскаго края и пригласила въ качествѣ гостей, между прочимъ, и трехъ петербургскихъ студентовъ. Признаюсь, мнѣ пришлось краснѣть за мой университетъ: такъ безобразно вели себя его питомцы. Хвативши, свыше мѣры, даровъ Бахуса, двое изъ нихъ, несмотря на свое высшее свѣтское образованіе—это были князья—выказали передъ обществомъ студентовъ, находившихся въ не менѣе возбужденномъ состояніи, инстинктъ и манеры самаго дурного тона. Хозяева, смотря на странныя выходки своихъ столичныхъ гостей, только пожимали плечами и сострадательно улыбались; а между тѣмъ большая часть изъ нихъ были плебеи: сыновья ремесленниковъ и т. п. Должно замѣтить, что въ это время въ петербургскомъ университетѣ корпораціи уже болѣе не существовали.

27. Петербургскій университетъ и П. А. Плетневъ.

Изъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаній“ И. С. Тургенева.

Окончивъ курсъ по филологическому факультету С.-Петербургскаго университета въ 1837 году, я весною 1838 года отправился доучиваться въ Берлинъ. Мнѣ было всего 19 лѣтъ; объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно. Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія находится за границей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей С.-Петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ, они сами были имъ проникнуты; его при-

держивалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ,—посылавшее на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты. Въ Берлинѣ я пробылъ (въ два пріѣзда) около двухъ лѣтъ. Изъ числа русскихъ, слушавшихъ университетскія лекціи, назову: въ теченіе перваго года — Н. Станкевича, Грановскаго, Фролова; въ теченіе второго — столь извѣстнаго впослѣдствіи М. Бакунина. Я занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, получаемое въ то время въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бёка, — а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ.

Стремленіе молодыхъ людей—моихъ сверстниковъ—за-границу напоминало исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ. Каждый изъ насъ точно такъ же чувствовалъ, что его земля (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ — полоса помѣщичья, крѣпостная—не представляла ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія—отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести, общей колеей, по избитой дорогѣ; либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся", даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головою въ „нѣмецкое море", долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ — я все-таки очутился „западникомъ", и остался имъ навсегда...

Скажу нѣсколько словъ о Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ. Какъ профессоръ русской литературы, онъ не отличался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ весьма легокъ; зато онъ искренно любилъ „свой предметъ", обладалъ нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ, и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ—умѣлъ заинтересовать ихъ. Онъ не внушалъ студентамъ никакихъ преувеличенныхъ чувствъ, ничего подобнаго тому, что возбуждалъ въ нихъ, напримѣръ, Грановскій; да и повода къ тому не было — non hic erat locus... Онъ тоже былъ очень смиренъ, но его любили. Притомъ, его — какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ, какъ друга Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Онѣгина,—окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи:

„Не мысля гордый свѣтъ забавить", и т. д.

И дѣйствительно: Петръ Александровичъ подходилъ подъ портретъ, набросанный поэтомъ: это не былъ обычный комплиментъ, которымъ такъ

часто украшаются посвященія. Кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ—

душп прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и красоты.

Онъ также принадлежалъ къ эпохѣ, нынѣ [1]) безвозвратно прошедшей: это былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый, но по-своему—мудрый. Кроткая тишина его обращенія, его рѣчей, его движеній, не мѣшала ему быть проницательнымъ и даже тонкимъ,—но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства... Онъ не обладалъ никакимъ, такъ называемымъ, „творческимъ“ талантомъ; и онъ самъ хорошо это зналъ... „Красокъ у меня нѣтъ,—жаловался онъ мнѣ однажды;—все выходитъ сѣро, и потому я не могу даже съ точностью передать то, что я видѣлъ и посреди чего жилъ“... Онъ не былъ рожденъ бойцомъ. Пыль и дымъ битвы—для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же непріятны, какъ и сама опасность, которой онъ могъ подвергнуться въ рядахъ сражавшихся. Притомъ его положеніе въ обществѣ, его связи съ дворомъ такъ же отдаляли его отъ подобной роли—роли критика-бойца, какъ и его собственная натура. Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе поэтическому,—вотъ весь Плетневъ... Онъ не разставался съ дорогими воспоминаніями своей жизни; онъ лелѣялъ ихъ, онъ трогательно гордился ими. Разсказывать о Пушкинѣ, о Жуковскомъ—было для него праздникомъ. И любовь къ родной словесности, къ родному языку, къ самому его звуку не охладѣла въ немъ; его коренное, чисто-русское происхожденіе сказывалось и въ этомъ: онъ былъ, какъ извѣстно, изъ духовнаго званія... Студенческія „исторіи“, случившіяся во время его отсутствія за-границей, глубоко его огорчили—глубже, чѣмъ я ожидалъ, зная его характеръ; онъ скорбѣлъ о своемъ „бѣдномъ“ университетѣ, и осужденіе его падало не на однихъ молодыхъ людей...

28. Изъ „Записокъ С. М. Соловьева“ [2]).

1838—42 г.

По политическимъ убѣжденіямъ своимъ Голохвастовъ [3]) былъ сильный охранитель; ему очень нравился существующій порядокъ вещей, дисциплина, чинопочитаніе; онъ много занимался исторіею своей фамиліи, собралъ и издалъ акты, хранившіеся въ фамильномъ архивѣ. Но при этомъ въ Голохвастовѣ не было ничего аристократическаго; въ немъ была только русская барская спѣсь, что особенно и отталкивало отъ него университетскихъ подчиненныхъ, избалованныхъ Строгановымъ. Голохвастовъ платилъ университету тою же монетою: будучи помощникомъ попечителя, а потомъ попечителемъ, онъ ненавидѣлъ университетъ, считалъ его учрежденіемъ опаснымъ для существующаго порядка вещей и не скрывалъ этихъ мнѣній своихъ; не совѣтовалъ никому отдавать сыновей своихъ въ

[1]) „Воспоминанія“ написаны Тургеневымъ въ 1868 году.
[2]) *Вѣстникъ Европы, 1907 г., апрѣль.*
[3]) Помощникъ попечителя, а въ 1847—49 гг. попечитель московскаго учебнаго округа.

университетъ и говорилъ, что своихъ никогда не отдастъ туда, что всѣ дворяне должны служить въ военной службѣ, что предки ихъ служили за помѣстья, когда же помѣстья были превращены въ вотчины, то этимъ самымъ обязанность служить въ военной службѣ не снялась, напротивъ удвоилась. Своими понятіями и обращеніемъ Голохвастовъ больше, чѣмъ кто-либо другой напоминалъ русскаго барина XVII-го или начала XVIII-го вѣка, надѣвшаго европейское платье, усвоившаго даже себѣ европейскую науку, европейскіе языки, но въ сущности оставшагося вѣрнымъ старинѣ. Неуваженіе Голохвастова къ подчиненнымъ или, по крайней мѣрѣ, къ большинству ихъ, было возмутительно. Особенно дурную славу пріобрѣлъ онъ при управленіи округомъ между попечительствомъ Голицына и Строганова, когда онъ, сообразно характеру своему, строгостями и отдачею студентовъ въ солдаты, хотѣлъ сдѣлать то, что при Строгановѣ сдѣлалось само собою, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ, чрезъ одно вліяніе благородной личности начальника,—именно исправленіе студенческихъ нравовъ. При Строгановѣ Голохвастовъ былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, и здѣсь явился притѣснителемъ; особенно его строгость возбуждала негодованіе въ сравненіи съ петербургскою цензурою, отличавшеюся тогда свободою. Наконецъ, въ наружности Голохвастова было много отталкивающаго: его фигура выражала спѣсь, натянутость, форменность; это была фигура красиваго, рисующагося квартальнаго, который понимаетъ свое высокое значеніе на публичномъ гуляньи передъ толпою черни...

Ректоромъ былъ М. Т. Каченовскій. Въ то время, какъ я былъ въ университетѣ и слушалъ Каченовскаго, это уже былъ старикъ ветхій, читалъ онъ уже не русскую исторію, а славянскія нарѣчія, предметъ, при разработкѣ котораго онъ не могъ оказать ученыхъ заслугъ ни по лѣтамъ, ни по приготовленію своему; скептизмъ проглядывалъ и тутъ при каждомъ удобномъ случаѣ; любопытно было видѣть этого маленькаго старичка съ пергаментнымъ лицомъ на каѳедрѣ: обыкновенно онъ читалъ медленно, однообразно, утомительно; но какъ скоро явится возможность подвергнуть сомнѣнію какой-нибудь памятникъ письменности славянъ или какое-нибудь извѣстіе—старичекъ вдругъ оживится и засверкаютъ каріе глаза подъ сѣдыми бровями, составлявшіе единственную красоту у невзрачнаго старика... Во всѣхъ отношеніяхъ общественной служебной жизни своей Каченовскій былъ честный человѣкъ; полемика его противъ Карамзина и Пушкина доставила ему много враговъ... Подъ старость Каченовскій уже не могъ продолжать полемики съ Погодинымъ, который, однако, не переставалъ нападать на него и, по обычаю своему, позволялъ себѣ грубыя выраженія на его счетъ; старика сильно это оскорбляло; со слезами на глазахъ онъ жаловался на оскорбленія и на невозможность отвѣчать оскорбителю, который трубитъ побѣду. Сильно оскорбляла также старика Венелинская школа,—стремленіе все ославянить, сдѣлать славянъ древнѣйшимъ и славнѣйшимъ народомъ міра: не имѣя самъ средствъ ратовать противъ этого, по его мнѣнію, вреднаго и нелѣпаго направленія, Каченовскій приглашалъ молодого Грановскаго образумить ослѣпленныхъ, но Грановскій отказался подвизаться на этомъ неблагодарномъ поприщѣ.

Деканомъ факультета былъ И. И. Давыдовъ. Это былъ человѣкъ безспорно очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности, могущій принести большую пользу наукѣ, если бы посвятилъ ей всего себя; но онъ посвятилъ всего себя для удовлетворенія одной страсти—честолюбія, и честолюбія самаго мелкаго; мало того, что, думая, хлопоча

только о почестяхъ,—онъ пренебрегъ наукою, скоро сдѣлался ученымъ отставшимъ, онъ продалъ дьяволу свою душу, ибо для достиженія почестей считалъ всѣ средства позволительными: нипочемъ было ему очернить человѣка, загораживавшаго ему дорогу, погубить его въ общественномъ мнѣніи; нипочемъ ему было унизиться до самой гнусной, невообразимой лести предъ человѣкомъ сильнымъ и предъ лакеями человѣка сильнаго, не обращая никакого вниманія на умственныя и нравственныя достоинства человѣка, уважая только людей сильныхъ, могущихъ быть ему полезными или вредными. Не имѣя ни вѣры, ни совѣсти, этотъ человѣкъ, смотря по надобности, притворялся самымъ благочестивымъ: равнодушный къ вѣрѣ съ равнодушнымъ къ ней министромъ Уваровымъ, онъ благоговѣйно молился на колѣняхъ съ набожнымъ министромъ Ширинскимъ-Шихматовымъ.

Страшно вредно было его деканство тѣмъ, что онъ изъ низкихъ видовъ явно оказывалъ поблажку студентамъ—„отецкимъ дѣтямъ", выводилъ ихъ, давалъ высшіе баллы, высшія степени не по достоинству, въ предосужденіе другимъ, болѣе достойнымъ, но отъ которыхъ деканъ не надѣялся получить ничего; при страшномъ честолюбіи Давыдовъ не оставлялъ удовлетворять и другой страсти—корыстолюбію: онъ сильно пользовался казеннымъ добромъ, когда былъ инспекторомъ университетскаго пансіона, любилъ брать и отъ студентовъ, т. е. отъ ихъ родителей, богатые подарки въ благодарность за покровительство сынкамъ; въ воспитанникахъ университетскаго пансіона онъ оставилъ по себѣ еще болѣе тяжелое воспоминаніе.

Содержаніемъ лекцій Давыдова было то, что уже мы знали изъ напечатаннаго въ его чтеніяхъ о словесности. Но Давыдову, не хотѣлось читать слово въ слово по книгѣ, и потому онъ прибѣгъ къ средству, возможному только для него: именно, цѣлый годъ переливалъ изъ пустого въ порожнее; всѣ лекціи состояли изъ набора словъ для выраженія извѣстнаго и переизвѣстнаго уже; студенты слушали сначала со вниманіемъ, ожидая, что же выйдетъ подъ-конецъ, но подъ-конецъ ничего не выходило, и потому курсу Давыдова дали названіе: ничто о ничемъ или теорія краснорѣчія.

Шевыревъ, наконецъ, пріѣхалъ изъ-за границы; мы перешли къ нему отъ Давыдова и попали изъ огня да въ полымя: Давыдовъ изъ „ничто" умѣлъ дѣлать содержаніе лекцій; Шевыревъ богатое содержаніе умѣлъ превратить въ ничто, изложеніе богатыхъ матеріаловъ умѣлъ сдѣлать нестерпимымъ для слушателей фразерствомъ и безталантнымъ произведеніемъ извѣстныхъ воззрѣній. Тутъ-то услыхали мы безконечныя разсужденія, т. е. безконечныя фразы о гніеніи Запада, о превосходствѣ Востока, русскаго православнаго міра... Въ сущности, это былъ добрый человѣкъ, не лѣнивый сдѣлать добро, оказать услугу, готовый и трудиться много; но эти добрыя качества заглушались страшною мелочностью, завистливостью, непомѣрнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ и вмѣстѣ способностью къ лакейству; самой грубой лести было достаточно, чтобы вскружить ему голову и сдѣлать его полезнымъ орудіемъ для всего; но стоило только немного намѣренно или ненамѣренно затронуть его самолюбіе, и этотъ добрый, мягкій человѣкъ становился звѣремъ, готовъ былъ васъ растерзать и дѣйствительно его растерзывалъ, если жертва была слаба, но если выставляли сильный отпоръ, то Шевыревъ долго не выдерживалъ и являлся съ братскимъ христіанскимъ поцѣлуемъ...

Отъ Шевырева пріятно перейти къ профессору, который произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе на первомъ курсѣ, именно къ Крюкову. Крюковъ, когда я вступилъ въ университетъ, читалъ латинскій языкъ на трехъ старшихъ курсахъ и древнюю исторію на первомъ. У Крюкова, какъ у всѣхъ самыхъ даровитыхъ профессоровъ русскихъ, но занимающихся науками, разработанными на Западѣ, не было самостоятельности; онъ пользовался результатами, добытыми германскими учеными, своими учителями, читалъ преимущественно подъ вліяніемъ Гегеля; но у Крюкова былъ блестящій талантъ въ изложеніи, блестящій и вмѣстѣ твердый, не допускавшій фразы, представлявшій этимъ противоположность Шевыревскому таланту. Крюковъ, можно сказать, бросился на насъ, гимназистовъ, съ огромною массою новыхъ идей, съ совершенно новою для насъ наукою, изложилъ ее блестящимъ образомъ и, разумѣется, ошеломилъ насъ, взбудоражилъ наши головы, вспахалъ, взборонилъ насъ, такъ сказать, и затѣмъ посѣялъ хорошими сѣменами, за что и вѣчная ему благодарность. Второй курсъ мы слушали его уже какъ профессора латинской словесности, и здѣсь онъ былъ превосходенъ, обладая въ совершенствѣ латинскою рѣчью и силою своего таланта возбуждая въ насъ интересъ къ экзегезису, столь важному для изученія отечественныхъ памятниковъ; привлекательности рѣчи Крюкова, какъ латинской, такъ и русской, помогалъ очень много необыкновенно пріятный, звучный органъ, на которомъ онъ очень искусно умѣлъ играть, какъ на инструментѣ...

Когда мы перешли на второй курсъ, то пріѣхалъ изъ-за границы профессоръ Грановскій, начавшій читать среднюю и новую исторію. Грановскій, какъ и Крюковъ, не былъ самостоятеленъ, явился поклонникомъ также Гегеля, но былъ художникъ первоклассный въ историческомъ изложеніи. Онъ не могъ, подобно Крюкову, похвастать внѣшнею изящностью рѣчи: онъ говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова, но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутренними достоинствами рѣчи, предъ внутреннею силою и теплотою, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, которое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиной, которая дышитъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, говорятъ, дѣйствуютъ предъ вами. И въ общественной жизни между этими двумя людьми замѣчалось то же различіе; но Крюковъ могъ внушать только большое уваженіе къ себѣ, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо въ немъ было что-то холодное, сдерживающее; въ Грановскомъ же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и немолодыхъ людей, но что всего важнѣе, людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно сказать, что тотъ, кто былъ вратомъ Грановскаго, любилъ отзываться о немъ дурно, былъ человѣкъ дурной.

Русскую исторію мы слушали на четвертомъ курсѣ у М. П. Погодина. Сколько прекрасная наружность Грановскаго приносила ему пользы, гармонируя съ его художественнымъ преподаваніемъ, привлекая къ нему женщинъ и мужчинъ, столько же вреда приносила Погодину его наружность, имѣвшая въ себѣ, кромѣ дурного, еще отталкивающее. Мы пришли слушать Погодина съ предубѣжденіемъ относительно его нравственныхъ качествъ; онъ славился своею грубостью, цинизмомъ, самолюбіемъ и особенно корыстолюбіемъ... Погодинъ менѣе всего былъ призванъ быть

профессоромъ, ученымъ; его призваніе—политическій журнализмъ, палатная дѣятельность или—къ чему онъ еще болѣе годился—площадная дѣятельность. Это былъ Болотниковъ во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія. Онъ сталъ писать повѣсти, издавать журналъ, заниматься исторіею всеобщею и русскою, особенно послѣднею, вошелъ въ литературный кругъ. Къ постояннымъ ученымъ кабинетнымъ занятіямъ однимъ предметомъ Погодинъ не былъ способенъ отъ природы и не могъ пріучить себя въ молодости при указанномъ разнообразіи своихъ занятій... Легко добывши себѣ громкое имя двумя диссертаціями и нѣсколькими журнальными статейками, Погодинъ засѣлъ въ варяжскій періодъ, остановился здѣсь; вслѣдствіе прекращенія движенія явилась плѣсень. Погодинъ ничего не вѣдалъ дальше варяговъ, дошелъ до нелѣпыхъ крайностей, запутался, завязъ, ибо только широкое отношеніе по цѣлому обширному предмету освобождаетъ ученаго отъ пристрастій, спасаетъ отъ крайностей, необходимаго слѣдствія тѣсноты горизонта, производящей ученую близорукость; крича, что другіе ничего не дѣлаютъ, задавая молодымъ людямъ предметы для занятій, Погодинъ самъ ничего почти не дѣлалъ для русской исторіи, а между тѣмъ утвердился во мнѣніи, что онъ—во главѣ людей, занимающихся русскою исторіей.

Лекціи его не могли возбудить въ студентахъ восторга, сдѣлать изъ нихъ жаркихъ поклонниковъ. Вотъ какъ онъ читалъ: сначала мѣсяцъ, другой, посвящалъ славянскимъ древностямъ, которыя читалъ буквально по Шафарику; потомъ переходилъ профессоръ къ подробному разсмотрѣнію вопросовъ о достовѣрности русскихъ лѣтописей и о происхожденіи варяговъ—Руси, т. е. прочитывалъ обѣ его диссертаціи. Послѣ этого, времени оставалось уже немного; это остальное время Погодинъ проводилъ въ томъ, что приносилъ Карамзина и читалъ изъ него разныя мѣста, но самыя слабыя и вмѣстѣ значительныя по предмету, требовавшія поясненій, дополненій; этого Погодинъ, кромѣ варяжскаго періода, сдѣлать былъ не въ состояніи, ибо все, что выходило по русской исторіи, драгоцѣнныя изданія Археографической Коммиссіи, для него не существовали; онъ выбиралъ изъ Карамзина мѣста красивыя, превращалъ лекцію русской исторіи въ лекцію риторики,—такъ, наприм., читалъ съ восторгомъ Карамзинское описаніе Тамерлановыхъ походовъ и требовалъ отъ слушателей, чтобъ и они также восторгались этимъ описаніемъ; потомъ обращалъ вниманіе слушателей и заставлялъ ихъ восторгаться искусствомъ Карамзина въ переходахъ отъ разсказа объ одномъ событіи къ разсказу о другомъ; главная его цѣль при этомъ была убѣдить студентовъ, что русская исторія интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской и англійской; иногда, очень рѣдко впрочемъ, приносилъ и лѣтописи, читалъ изъ нихъ мѣста... Но какая же была цѣль этого чтенія?—показать, что вотъ и въ русской исторіи бывали событія въ родѣ западныхъ, являлись на сцену города, граждане, выбирали князей и проч. Такъ отрывками добирался Погодинъ до 1612 года и здѣсь—по крайней мѣрѣ, на нашемъ курсѣ—остановился. Кромѣ того, значительная часть лекцій посвящалась разговорамъ со студентами, указаніямъ, что вотъ чѣмъ надобно заниматься,—изложить исторію сословій, исторію княжествъ, исторію городовъ и проч., въ чемъ, разумѣется, студенты соглашались; но главное, какъ это сдѣлать, объ этомъ не было и помину...

Когда пріѣхала толпа новыхъ профессоровъ изъ-за границы, Крюковъ съ товарищами, то между ними и Погодинымъ началась явная вражда; вражда эта происходила прежде всего изъ того, что манеры Пого-

дина, его цинизмъ произвели самое непріятное впечатлѣніе на этихъ новичковъ, привыкшихъ къ совершенно другимъ манерамъ; потомъ эти господа поонѣмечились, jurabant in verba magistrorum, и такъ какъ сначала главное право ихъ на мѣста, главное достоинство ихъ состояло въ заграничномъ образованіи, то естественно, что они гордились этимъ достоинствомъ, превозносили все тамошнее въ ущербъ здѣшнему; это задѣло за живое Погодина, представителя славянофилизма въ университетѣ: онъ сталъ называть молодыхъ русскихъ профессоровъ нѣмцами и даже говорить, что онѣмеченный русскій гораздо хуже, вреднѣе для Россіи, чѣмъ нѣмецъ, что отъ посылки молодыхъ русскихъ ученыхъ за-границу происходитъ страшное зло для университетовъ и проч. Понятно, какія пріятныя чувства возбудили въ молодыхъ профессорахъ подобныя мнѣнія; ихъ вражда разгорѣлась, и тѣмъ менѣе они могли щадить Погодина, что характеръ этого защитника Руси не могъ внушить имъ никакого уваженія.

Графъ Строгановъ, назначенный попечителемъ [1]), нашелъ университетскій корпусъ въ плачевномъ состояніи... Большая часть профессоровъ были люди бездарные, отсталые, съ нелѣпыми выходками и привычками, подвергавшіеся вслѣдствіе этого насмѣшкамъ студентовъ; мы уже съ трудомъ могли вѣрить разсказамъ нашихъ предшественниковъ до-строгановскихъ о томъ, что позволяли себѣ Смирновы, Маловы, Щедритскіе, Снегиревы на лекціяхъ и экзаменахъ. Строгановъ выгналъ ихъ всѣхъ и замѣстилъ каѳедры новоприбывшими изъ-за границы учеными; отсюда понятно, что онъ связалъ свое дѣло неразрывно съ дѣломъ послѣднихъ, которые нашли въ немъ покровителя и проводителя ихъ мыслей и плановъ; отсюда понятно, какъ онъ смотрѣлъ на эти остатки старины—на Погодина, Шевырева, Давыдова; онъ держалъ ихъ въ университетѣ по авторитету, какой они успѣли пріобрѣсти, и по неимѣнію людей, которыми бы можно было ихъ замѣнить, ибо для каѳедры русской исторіи и русской словесности не посылали молодыхъ людей за-границу, а свои еще не подросли...

Уваровъ былъ человѣкъ безспорно съ блестящими дарованіями, и по этимъ дарованіямъ, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесенныхъ изъ общества Штейновъ, Кочубеевъ и другихъ знаменитостей Александровскаго времени, былъ способенъ занимать мѣсто министра народнаго просвѣщенія, президента академіи наукъ etc.; но въ этомъ человѣкѣ способности сердечныя нисколько не соотвѣтствовали умственнымъ. Представляя изъ себя знатнаго барина, Уваровъ не имѣлъ въ себѣ ничего истинно-аристократическаго; напротивъ, это былъ слуга, получившій порядочныя манеры въ домѣ порядочнаго барина (Александра I-го), но оставшійся въ сердцѣ слугою; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, никакой лести, чтобы угодить барину (Императору Николаю); онъ внушилъ ему мысль, что онъ, Николай, творецъ какого-то новаго образованія, основаннаго на новыхъ началахъ, и придумалъ эти начала, т.-е. слова: православіе, самодержавіе и народность; православіе—будучи безбожникомъ, не вѣруя въ Христа даже и по-протестантски; самодержавіе—будучи либераломъ; народность—не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки...

---

[1]) Гр. С. Г. Строгановъ былъ попечителемъ моск. уч. окр. въ 1835—47 гг.

29. Московскій университетъ и диспутъ Грановскаго по воспоминаніямъ А. Н. Аѳанасьева [1]).

1843—1849 г.

Р ѣ д к и н ъ пользовался въ университетѣ большою извѣстностью, впрочемъ, не совсѣмъ заслуженною. Онъ читалъ свои лекціи съ ораторскимъ одушевленіемъ... Онъ любилъ отпустить иной разъ пышную фразу, особенно при окончаніи своей лекціи, причемъ обыкновенно разгорячался и возвышалъ голосъ и говорилъ быстро... Меня сильно поразила его первая лекція, которую началъ онъ вопросомъ: „Милостивые государи, зачѣмъ вы сюда явились?" и потомъ самъ же отвѣчалъ, что насъ вело въ университетъ предчувствіе узнать здѣсь истину и сдѣлаться въ своемъ отечествѣ защитниками правды. „Вы жрецы правды — вы юристы!", восклицалъ онъ и окончилъ лекцію любимою своею поговоркою: „все минется, одна правда остается!" — причемъ быстро соскочилъ съ каѳедры и убѣжалъ, что онъ дѣлалъ очень часто... Лекціи Рѣдкина заставили насъ видѣть въ явленіяхъ сего міра внутреннее развитіе и въ этомъ развитіи признавать постепенность; показали намъ, что ничто не возникаетъ вдругъ и что есть законы, которыхъ никакъ нельзя обойти. Мы были въ восторгѣ отъ его лекцій, но это продолжалось только на первомъ курсѣ. Ужъ на второмъ курсѣ, гдѣ читалъ онъ „Государственное право", увлеченіе наше значительно ослабѣло, а на 4-мъ курсѣ мы уже нисколько не восхищались его гегелевскими замашками и смотрѣли на нихъ съ благоразумною трезвостію... Помню, что лекціи Рѣдкина о разныхъ формахъ правленія, о значеніи и формахъ конституціоннаго устройства были и живы, и любопытны, и либеральны. Этимъ послѣднимъ качествомъ (либерализмомъ) отличались, впрочемъ, всѣ его лекціи, и это-то особенно располагало насъ въ его пользу. Въ жизни онъ — строгій формалистъ и потому бывалъ несносенъ. Если не въ срокъ подавали ему студенты конспекты лекцій, которыми онъ насъ мучилъ, то ни за что уже не бралъ, хотя бы это было на другой день послѣ срока, а потомъ за неподачу конспекта ставилъ дурной баллъ...

Другой факультетскій предметъ на первомъ курсѣ читалъ намъ адъюнктъ К. Д. К а в е л и н ъ, именно „Исторія русскаго законовѣдѣнія". Это былъ первый годъ его университетской службы. Онъ довелъ свои лекціи до Петра Великаго... Кавелинъ излагалъ живо и просто; лекціи его, хотя далеко не представляли подробнаго собранія фактовъ, нравились намъ потому, что были исполнены мысли. Въ своихъ лекціяхъ онъ старался высказать и пояснить тѣ начала, которыми условливалось внутреннее развитіе русской исторіи, и хотя многое имъ оставлено было въ сторонѣ, другое рѣшено поспѣшно, тѣмъ не менѣе, многое было имъ угадано... Кавелинъ — человѣкъ умный, съ душою въ высшей степени благородною, доброю и симпатичною, характера живого — съ людьми сближается скоро и всегда готовъ на услугу...

Никита Ивановичъ К р ы л о в ъ по справедливости признавался за лучшаго профессора; онъ мастерски умѣлъ выяснить смыслъ юридическихъ понятій и раскрыть ихъ характеристическія особенности съ необыкновенною наглядностью и выпуклостью, такъ что для студентовъ вполнѣ было понятно, почему римскому праву присвоено названіе „ratio humana". Самый

[1]) *„Русская Старина" 1886 г., августъ.*

языкъ его изложенія, несмотря на нѣкоторые странные барбаризмы и частое употребленіе рядомъ многихъ синонимическихъ выраженій, отличался необыкновенною точностью. Оттого мы любили слушать его лекціи, и онѣ были весьма полезны для развитія нашего мышленія. Въ послѣдніе годы онъ мало или почти вовсе не занимался своею наукою, лекціи его каждый наступающій годъ были неизмѣннымъ повтореніемъ лекцій предыдущихъ годовъ. Но должно сказать, что и это не вредило его лекціямъ, составленнымъ по трудамъ Нибура, Савиньи и другихъ знаменитостей; разработка римскаго права послѣ того вновь не могла подвинуться далеко, да сверхъ того лекціи римскаго права важны были... потому, что пріучали къ исторической критикѣ и строгой логичности въ выводахъ: для насъ эти лекціи замѣняли философію права...

Когда бывали въ университетѣ диспуты по предметамъ исторіи и другимъ общеинтереснымъ, то въ залъ собирались студенты со всѣхъ факультетовъ, являлись и окончившіе курсъ кандидаты и дѣйствительные студенты, приходило много постороннихъ лицъ, между ними бывало и нѣсколько дамъ. Но никогда, можетъ быть, не былъ такъ полонъ залъ, какъ въ этотъ разъ [1]); просто, залъ былъ биткомъ набитъ, студенты наполнили даже хоры; на заднихъ мѣстахъ они повлѣзали на скамьи и столы, чтобы лучше видѣть и слышать.

Когда явился диспутантъ, его встрѣтили долговременными и единодушными аплодисментами. Аплодисменты вошли въ обычай въ университетѣ, кажется, съ началомъ публичныхъ лекцій, на которыхъ публика Шевырева и Грановскаго встрѣчала и провожала рукоплесканіями. Начался диспутъ. Бодянскій высказывалъ свои опроверженія со свойственными ему грубыми и вовсе не свѣтскими замашками, заключивъ свой приговоръ этими словами: „диссертація ваша такъ недостаточна и такъ составлена плохо, что я бы отъ студенческаго сочиненія потребовалъ больше“. Въ эту минуту раздалось въ залѣ общее шипѣнье; въ послѣдующемъ спорѣ, когда спорящіе разгорячились и Шевыревъ сцѣпился съ Рѣдкинымъ по поводу философскихъ идей Августина (какъ эти философскія идеи попали въ споръ — не понимаю), всякое горячее слово Шевырева и Бодянскаго было освистываемо съ необыкновеннымъ шумомъ; а противникамъ ихъ посылались громкіе аплодисменты. Бодянскій и Шевыревъ нѣсколько разъ обращались къ студентамъ съ словами: „это не театръ!“, но за эти слова поплатились еще болѣе: свистъ и шипѣніе положительно не давали имъ ничего высказать.

По окончаніи диспута, студенты проводили Грановскаго до его экипажа съ восторженными криками. Исторія эта надѣлала много шума и дошла въ Петербургъ. Графъ С. Г. Строгановъ былъ на диспутѣ и выдержалъ себя съ отличнымъ равнодушіемъ; онъ даже ни разу не оглянулся на студенческія скамьи. Платонъ Степанычъ Нахимовъ [2]) съ умоляющимъ видомъ тихо упрашивалъ студентовъ шипѣть потише.

На другой день графъ Строгановъ потребовалъ къ себѣ депутатовъ отъ всѣхъ факультетовъ, сдѣлалъ въ лицѣ ихъ выговоръ всѣмъ факультетамъ, представляя, какія худыя могутъ выйти изъ этого послѣдствія и какъ правительство дурно смотритъ на подобныя протестаціи, и затѣмъ

---

[1]) На диспутѣ Грановскаго, защищавшаго диссертацію „Волинъ, Іомсбургъ и Винета“.

[2]) Инспекторъ студентовъ. О немъ см. выше очеркъ Попова.

отпустилъ. Болѣе ничего и не было. А чѣмъ бы могла разыграться эта исторія при другомъ попечителѣ — страшно и подумать! Послѣ министръ Уваровъ завелъ было съ нимъ рѣчь объ этомъ происшествіи, давая замѣтить, что онъ распустилъ студентовъ ввѣреннаго ему университета; но графъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „я самъ былъ на диспутѣ!".

Тогда же аплодисменты въ университетѣ были запрещены, а на диспуты стали допускаться только студенты двухъ высшихъ курсовъ — 3-го и 4-го. Впослѣдствіи, уже при Назимовѣ, желающіе быть на диспутѣ должны были записывать свои имена въ университетскомъ правленіи и получать оттуда билеты, за подписью ректора.

30. Харьковскій университетъ въ сороковыхъ годахъ [1]).

Городъ Харьковъ, теперь послѣ столицъ одинъ изъ лучшихъ, богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ городовъ Россіи, съ 30 годовъ, благодаря ярмаркамъ, сосредоточившимся въ немъ и осѣдавшимъ, сталъ очень быстро рости, то-есть увеличиваться и обстроиваться... То явленіе, которое мы теперь повсюду замѣчаемъ въ Малороссіи,—созданіе городовъ великорусскаго типа, прежде всего началось именно съ Харькова... Изъ деревень, изъ слободъ возникали города; являлись великорусскіе купцы и ремесленники, съ доброю примѣсью нѣмцевъ; являлась, конечно, и великорусская гражданственность, въ лицѣ тогдашнихъ своихъ представителей, но не могла точно также водвориться, какъ на востокѣ Россіи. Купцы, ремесленники, вообще торговый людъ, частію педагоги, отча́сти самый университетъ, — все это было еще колоніями въ нашей малороссійской Украйнѣ, въ этомъ оригинальномъ мірѣ хуторовъ и слободъ, первичнаго сельскаго быта и еще недавнихъ историческихъ воспоминаній, міра, воспѣтаго и препрославленнаго поэтами, частью идиллическаго, располагающаго и къ сосредоточенности, и къ лѣни.

Харьковскій университетъ имѣлъ на этотъ міръ громадное и еще неоцѣненное достаточно вліяніе, хотя и самъ не дешево за него поплатился, — именно тою репутаціею безцвѣтности, которою его постоянно, хотя и несправедливо, укоряли. Онъ прежде всего вліялъ самымъ культурнымъ образомъ на малороссійское дворянство, распространяя въ немъ общечеловѣческое образованіе и знанія, для пріобрѣтенія которыхъ на югѣ Россіи, въ эпоху прежняго кіево-польскаго вліянія, было больше подготовки, и которыя, поэтому, становились болѣе насущною потребностію, чѣмъ даже на сѣверѣ, или въ центрѣ.

Изъ университета выходили люди замѣчательно образованные, нерѣдко ученые, которые, въ большинствѣ, прослуживъ урочное время на государственной службѣ, спѣшили въ свои хутора, гдѣ, подъ сѣнію черешенъ и бѣлыхъ акацій, наслаждались малороссійскимъ far niente, то-есть созерцаніемъ и беззаботнѣйшею лѣнью. Оцѣнить и измѣрить степень этого культурнаго, неоспоримо полезнѣйшаго вліянія не такъ легко; но университетъ, взамѣнъ его, почти ничего, или очень мало пріобрѣталъ отъ цивилизуемой имъ мѣстности. Оттого-то самыя энергическія усилія даровитѣйшихъ его представителей (напримѣръ, И. Я. Кронеберга) въ концѣ-концовъ ослабѣвали; люди, способные къ труду, скоро облѣнивались; даровитѣйшіе студенты, по окончаніи курса, уклонялись

---

[1]) М. П. Де-Пуле. Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій (*Вѣстникъ Европы 1874 г. I*).

отъ научной дѣятельности и оканчивали свое земное поприще или въ Петербургѣ, въ положеніи средняго или мелкаго чиновничества, или по деревнямъ, какъ помѣщики. Кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, большею частію магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, почти всегда скромныхъ размѣровъ и еще болѣе скромныхъ по внутреннему достоинству, профессорская дѣятельность почти ничѣмъ не проявлялась. Труды профессоровъ въ современной журналистикѣ были всегда рѣдкимъ явленіемъ; мѣстнаго литературнаго органа, какъ теперь, такъ и тогда, т.-е. въ лучшую пору исторіи харьковскаго университета, не существовало; появленіе изданій, имѣвшихъ мѣстный интересъ, или обѣщавшихъ продолжительное существованіе, было рѣдкимъ и случайнымъ явленіемъ. Любопытно прочитать университетскіе отчеты того времени, именно тѣ рубрики, въ которыхъ говорится объ учено-литературной дѣятельности университетской коллегіи. Многіе изъ ея членовъ по десятку и болѣе лѣтъ все „собирали источники" для своей науки, да такъ и отошли ad patres, ничего не собравши; нѣкоторые въ своихъ ученыхъ трудахъ не пошли дальше губернскихъ вѣдомостей, т.-е. возможности только въ нихъ помѣщать свои произведенія. Все это, т.-е. эти больныя стороны университета не могли не отражаться на молодежи и дали харьковскому студенту особенный типъ, котораго не имѣли студенты другихъ русскихъ университетовъ, — московскаго, петербургскаго и казанскаго.

Харьковскій студентъ являлся идеалистомъ по преимуществу, но съ нѣсколько сентиментальнымъ оттѣнкомъ; онъ прежде все мечталъ о дѣлѣ, нерѣдко весь вѣкъ оставаясь при однихъ мечтаніяхъ и не принимаясь за дѣло. Этотъ идеализмъ онъ сознавалъ въ себѣ и отчасти имъ гордился, называя петербургскаго студента чиновникомъ и подсмѣиваясь надъ практичностью москвичей и казанцевъ. Но, за отсутствіемъ этой осмѣиваемой практичности, идеализмъ прежняго харьковскаго студента, къ сожалѣнію, весьма часто и скоро вырождался въ какое-то сентиментальное идеальничанье, въ фразерство, въ неумѣнье взяться за серьезную работу и довести ее до конца...

Я очерчиваю, конечно, общій, теперь, надобно думать, отжившій типъ харьковскаго студента, но не говорю объ исключеніяхъ, а тѣмъ болѣе блестящихъ. Повторяю, этотъ типъ, этотъ закалъ харьковскаго университетскаго образованія объясняется украинскою, малороссійскою глушью, именно тѣми формами, въ какія она вылилась въ концѣ прошлаго и въ первую половину настоящаго вѣка Но въ этой глуши встрѣчались и теперь еще не вымерли такіе Обломовы, такіе лежебоки, которыхъ, если-бы вытолкать въ столицы или на иную, просторнѣйшую арену, то, судя по ихъ многостороннему образованію (нѣкоторые слушали курсы двухъ факультетовъ), блестящимъ способностямъ и бойкому перу, они сразу бы и вездѣ заняли мѣста передовыхъ дѣятелей. Эти чудаки, конечно, не лежали цѣлый вѣкъ на диванѣ, подобно герою Ганчарова, но они во всю жизнь не брали пера въ руки, рѣдко показывались въ города и дальше Харькова почти никуда не отправлялись. Имена ихъ никому неизвѣстны; объ этой неизвѣстности они и хлопотали; вотъ почему самый урочный, обязательный срокъ службы они проходили, числясь въ какомъ-нибудь мало извѣстномъ по географіи городѣ, въ канцеляріи какого-нибудь земскаго суда, чуть не квартальнаго надзирателя. Но зато ихъ зналъ цѣлый околотокъ, какъ отличныхъ и гуманныхъ помѣщиковъ, какъ образованнѣйшихъ людей, много читающихъ, много дѣлающихъ и для крестьянъ, и для раціональнаго усовершенствованія хозяйства; безъ метафоръ, изъ такихъ хуторовъ, гдѣ повидимому

прозябали эти сидни, широкими потоками лилось просвѣщеніе на обширное пространство...

Въ 40-хъ годахъ, во все время пребыванія нашего въ харьковскомъ университетѣ, ректоромъ былъ Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, авторъ „Пана Твардовскаго" и нѣкоторыхъ другихъ стихотвореній, писанныхъ на малорусскомъ нарѣчіи...

Артемовскій-Гулакъ, воспитанникъ харьковскаго университета, былъ человѣкъ неоспоримо даровитый, недюжинный, можетъ быть, поэтъ, частію ораторъ, т.-е. хорошій говорунъ; онъ отлично владѣлъ языками, латинскимъ, французскимъ и польскимъ, по крайней мѣрѣ, любилъ говорить на нихъ, даже съ нѣкоторымъ кокетствомъ; въ немъ, какъ въ малороссѣ, была сильно замѣтна юмористическая жилка, сообщавшая живость его рѣчи и дѣлавшая его пріятнымъ собесѣдникомъ. Но профессоръ былъ онъ плохой во всѣхъ отношеніяхъ, а какъ ректоръ—и того хуже. Артемовскій читалъ русскую исторію по Карамзину, но самъ ровно ничего не сдѣлалъ для этой науки. Обыкновенно большую половину перваго года читалъ онъ объ источникахъ своей науки, которые всю жизнь собиралъ (а когда-то и очень тщательно выбиралъ изъ печатныхъ книгъ и журналовъ, русскихъ и польскихъ); затѣмъ чтеніе продолжалось по Карамзину и Устрялову (курсъ былъ 2-хъ-лѣтній). Студенты ничего не записывали, да и нечего было записать изъ шумихи фразъ и ничтожнѣйшей болтовни. Напускной паѳосъ лектора сначала занималъ, потомъ смѣшилъ, а напослѣдокъ надоѣдалъ и возбуждалъ отвращеніе въ слушателяхъ. Готовились къ экзамену обыкновенно по учебнику Устрялова. Профессоръ пропускалъ половину лекцій, а на экзаменахъ былъ щедръ на хорошіе баллы; тройки получали только тѣ, кому онъ хотѣлъ насолить, кто имѣлъ несчастіе ему не понравиться. Изъ учениковъ Артемовскаго не только не вышло ни одного профессора, но даже сноснаго учителя гимназіи...

На лекціи онъ являлся весь увѣшенный орденами и сіяющій перстнями, полученными имъ за службу въ харьковскомъ и полтавскомъ институтахъ, которыхъ онъ считался какимъ-то членомъ. Этотъ сановитый, но бодрый и красивый старикъ, казался не отъ университетскаго міра, а пришелъ въ него если не изъ модной гостиной, то изъ департамента, въ образѣ его директора, или начальника отдѣленія, съ торжествомъ возвращающагося послѣ пріятнаго доклада у министра. Для ректора Артемовскаго такими министрами были кн. Цертелевъ, кн. Долгорукій и потомъ Кокошкинъ, расположеніемъ которыхъ онъ дѣйствительно пользовался, но въ ущербъ своей профессорской и ректорской репутаціи: разсказывали даже, что у кого-то изъ нихъ онъ, ректоръ университета, добивался чести давать уроки 12-ти-лѣтнему сыну. На языкѣ, на словахъ, Артемовскій показывалъ всегда особенную нѣжность къ университету и студентамъ; но рѣчь его была холодна и до крайности вычурна, а потому ему не вѣрили и его не любили...

Звѣздами первой величины на небосклонѣ харьковскаго университета были тогда два профессора словеснаго факультета, — Лунинъ и Валицкій, оба вышедшіе изъ профессорскаго института и докончившіе свое ученое образованіе за-границей, гдѣ они пріобрѣли и ученыя степени. Лунинъ (Михаилъ Михайл.), профессоръ всеобщей исторіи, былъ замѣчательнымъ полиглотомъ. Ему знакомы были всѣ литературы, древняя, европейскія и азіатскія, кромѣ, кажется, славянскихъ. Эрудиція его была громадна, какъ это обнаруживалось на лекціяхъ и особенно на диспутахъ и какъ это доказываютъ наброски его лекцій, случайно попавшіе

въ наши руки... Лунинъ принадлежалъ къ школѣ живописцевъ-историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, котораго онъ называлъ „аббостворскимъ чародѣемъ“ и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства, блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей.

Изложеніе его лекцій было блестящее, языкъ ихъ отличался тѣмъ изяществомъ, которое уже послѣ Лунина проявилось въ нашей литературѣ,—въ произведеніяхъ И. С. Тургенева и писателей его школы, а въ историческихъ сочиненіяхъ у Н. И. Костомарова, его ученика... Мы съ Каченовскимъ застали этого профессора уже въ концѣ его жизненнаго и ученаго поприща, когда онъ рѣдко являлся на лекціи, мало сближался съ студентами и еще меньше съ обществомъ; но и тогда популярность его была громадна, и имя его неразрывно связывалось съ именемъ харьковскаго университета, какъ имя Грановскаго съ московскимъ. Чистотою и высотою своихъ нравственныхъ достоинствъ Лунинъ напоминалъ собою знаменитаго московскаго профессора, позже его вступившаго на профессорское поприще и слабѣе его подготовленнаго. Лунинъ не носилъ въ себѣ болѣзней и язвъ современной ему харьковской университетской корпораціи, а потому и служилъ идеаломъ для молодежи, предметомъ укора и худо скрываемой вражды для большинства своихъ товарищей: одни его безпредѣльно уважали, другіе ненавидѣли отъ искренняго сердца.

Одною изъ язвъ, которой поражена была тогдашняя университетская корпорація, было пансіонерство, составлявшее очень прибыльный промыселъ, которымъ, къ сожалѣнію, занимались достойные въ другихъ отношеніяхъ и даровитые профессора.

Такіе господа пonаживали себѣ каменные дома и дачи, обзавелись экипажами, жили баричами, и если не обращали своей професссіи въ ремесло, то скоро погружались въ непробудную лѣнь, которая и безъ того, впрочемъ, заѣдала всегда наше провинціальное общество. Лунинъ, труженикъ и бѣднякъ, вѣчно ходившій пѣшкомъ, былъ живымъ протестомъ противъ окружающей его дѣйствительности, разумности которой онъ не признавалъ и своего презрѣнія къ ней не скрывалъ ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ студентовъ...

Лунинъ не былъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но идеалистомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова: въ ученой работѣ, въ своемъ трудѣ онъ находилъ отраду и вдохновеніе, которыхъ не давала ему жизнь.

Своимъ образомъ жизни, своею пуританскою честностью и обширною ученостью Лунинъ поражалъ студентовъ и имѣлъ на нихъ громадное вліяніе; мы говоримъ о студентахъ всѣхъ факультетовъ, для которыхъ этотъ ученый казался идеаломъ профессора, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Лунинъ, будучи тогда семейнымъ человѣкомъ, всегда занималъ самыя скромныя, если не самыя бѣдныя квартиры, — гдѣ-нибудь или въ глухой улицѣ, или во дворѣ, въ небольшомъ флигелькѣ, въ 3—4 комнаты, въ какомъ-нибудь мезонинѣ надъ амбарами или сараями.

Вѣчно путешествовавшій пѣшкомъ по грязнымъ харьковскимъ улицамъ во всякую погоду, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ не только съ большинствомъ своихъ товарищей, но даже многихъ и студентовъ, изъ породы „несчастныхъ сиротъ“, рыскавшихъ, однако же, по городу на рысакахъ и всячески заискивавшихъ въ гордомъ и неподкупномъ профессорѣ, который отворачивался отъ нихъ съ рѣзкимъ презрѣніемъ. Съ самаго поступленія своего въ харьковскій университетъ, съ 1834 г., Лунинъ объявилъ ожесточенную войну пансіонерству, которое преслѣдовалъ не-

умолимо и изъ-за котораго нажилъ себѣ множество враговъ. По природѣ ли, или же вслѣдствіе непосильной борьбы съ тогдашнею дѣйствительностью, разбившей его здоровье, Лунинъ былъ человѣкъ очень желчный, нестѣснявшійся въ словахъ и выраженіяхъ. Съ Артемовскимъ онъ былъ въ ожесточенной борьбѣ, и тотъ его ненавидѣлъ всѣми силами души... Борьба Лунина противъ пансіонерства не осталась безплодной: въ словесномъ факультетѣ мы уже не застали злокачественнаго пансіонерства, хотя оно еще было въ полной силѣ на другихъ. Весь преданный наукѣ, очень плохой знатокъ житейской мудрости, пламенный поборникъ добра и непримиримый врагъ зла во всѣхъ его видахъ, больной и раздражительный, Лунинъ не всегда былъ ровенъ и со студентами и всего менѣе могъ назваться „популярнѣйшимъ" профессоромъ, какими были Валицкій на словесномъ и Степановъ на юридическомъ факультетѣ. Порою онъ обращался къ студентамъ съ горькимъ и даже суровымъ словомъ,—и не всегда бывалъ онъ правъ въ подобномъ обращеніи. Но, странное дѣло!—молодежь извиняла ему эти неровности и нѣкоторыя, хотя рѣдкія, капризныя выходки. Мы встрѣчали не разъ первыхъ учениковъ Лунина уже, какъ говорится, подъ вечеръ ихъ жизни. При имени этого профессора самое суровое лицо оживлялось, самыя молчаливыя уста высказывали благородныя, теплыя рѣчи, — такова была нравственная высота этого замѣчательнаго ученаго, этого у ч и т е л я, идеальный образъ котораго набросалъ Гоголь, рисуя Тентетникова.

Каждый трудящійся, каждый занимающійся студентъ находилъ въ скромной квартирѣ Лунина дружескій пріемъ, а въ самомъ немъ — опытнаго и разумнаго совѣтника, предлагавшаго къ его услугамъ и свою библіотеку, и всѣ свои обширныя ученыя средства. Но Лунинъ косился на студенческій диллетантизмъ и преслѣдовалъ въ студентахъ шарлатанское отношеніе къ знанію, преслѣдовалъ откровенно, хотя и не ожесточенно, не съ тою неумолимостью, какъ это онъ дѣлалъ по отношенію къ нѣкоторымъ профессорамъ, напр., Артемовскому и Лукьяновичу (Семену Семеновичу), бездарному и жалкому профессору, питомцу педагогическаго института, занявшему каѳедру знаменитаго Кронеберга римскихъ древностей и языка. По этой причинѣ, всякая бездарность и всѣхъ видовъ шарлатанство ненавидѣло Лунина, какъ живое воплощеніе совершенно противоположныхъ свойствъ. Студентовъ, боящихся его, было немало, но ненавидѣвшихъ—ни одного. Студенты, даже не бойко занимавшіеся, хранили и собирали его записки, какъ такой ученый трудъ, который составитъ эпоху въ исторіи русской науки; таково было, можетъ быть ошибочное, но общее убѣжденіе. „Слушать" Лунина, „быть ученикомъ его" для кончившихъ курсъ стало предметомъ гордости, хвастовства. Хотя такое отношеніе къ профессору могло выработаться только на почвѣ харьковскаго университета, располагавшей, какъ мы замѣтили, къ идеализаціи; но оно, во всякомъ случаѣ, весьма много говоритъ въ пользу профессора и не менѣе въ пользу обучавшагося тогда юношества, съ уваженіемъ относившагося къ наукѣ и къ достойнымъ ея представителямъ. Много знавшій, много трудившійся, хотя очень мало печатавшійся, профессоръ Лунинъ былъ бы изъ первыхъ въ любомъ русскомъ университетѣ; но нигдѣ, кромѣ Харькова, не могъ онъ имѣть такого громаднаго и притомъ болѣе непосредственнаго вліянія: въ другомъ мѣстѣ (напр., въ Москвѣ) его обширные ученые планы скорѣе могли бы осуществиться, хотя, можетъ быть, и въ ущербъ ихъ размѣровъ; въ Харьковѣ прежде всего поражали именно эти обширные размѣры, „идеальные замыслы" ученаго.

На Украйнѣ, въ губерніяхъ, составляющихъ харьковскій учебный округъ, и даже въ Новороссіи и теперь еще, то есть 30 лѣтъ спустя послѣ смерти Лунина, не въ одномъ семействѣ можно встрѣтить его записки, хотя и разрозненныя: едва ли слава русскаго профессора когда-нибудь шла дальше этихъ предѣловъ.

Товарищъ Лунина по профессорскому институту, частью раздѣлявшій съ нимъ и славу, профессоръ Валицкій (Альфонсъ Осиповичъ) во многихъ отношеніяхъ, однако, представлялъ совершенную противоположность Михаилу Михайловичу. Валицкій былъ воспитанникъ виленскаго университета и уроженецъ Виленской губерніи. Въ противоположность сосредоточенности Лунина, натура Валицкаго была въ высшей степени экспансивная, страстная, если угодно, — широко-славянская, ибо онъ любилъ и общество, и живую бесѣду съ людьми, любилъ, кажется, и хорошо пожить.

На его вечеринкахъ, которыя обыкновенно бывали во дни семейныхъ праздниковъ, бывало множество студентовъ всѣхъ факультетовъ, безъ малѣйшаго національнаго и вѣроисповѣднаго различія.

Въ эти дни обыкновенно молодежь, въ шумныхъ манифестаціяхъ, высказывала свою преданность любимому профессору. Популярность Валицкаго была очень велика и вполнѣ заслуженна, но онъ ее не искалъ и не популярничалъ: онъ заслужилъ ее своими дарованіями, лекціями, симпатичностью своего характера и возвышеннымъ образомъ своихъ мыслей. Валицкій былъ едва ли не даровитѣй Лунина, хотя и уступалъ ему въ эрудиціи, въ средствахъ, которыми онъ располагалъ, какъ профессоръ, и въ трудолюбіи; впрочемъ, научныя средства Валицкаго были все еще замѣчательно велики. Въ университетѣ читалъ онъ греческій языкъ, литературу и древности, которые зналъ онъ превосходно; но также зналъ онъ языкъ и литературу римскіе и большинство факультетскихъ предметовъ.

Словомъ, Лунинъ и Валицкій были ученнѣйшіе изо всѣхъ профессоровъ харьковскаго университета и принадлежали къ числу образованнѣйшихъ людей эпохи; но Валицкій владѣлъ даромъ, котораго совершенно лишенъ былъ Лунинъ. Онъ былъ замѣчательнымъ, прирожденнымъ ораторомъ; лекціи его нерѣдко бывали импровизаціями, потрясавшими слушателей. При очень маломъ ростѣ, Валицкій былъ отлично сложенъ, красивъ собою и владѣлъ необычайно сильнымъ и симпатичнымъ голосомъ, переходившимъ отъ мягкихъ звуковъ альта въ густой баритонъ; во всей его маленькой фигурѣ замѣчателенъ былъ лобъ и хотя небольшіе, но бросающіе искры глаза... Валицкій стоялъ на высотѣ тогдашнихъ филологическихъ требованій по изученію классической древности; но на бѣду, онъ читалъ такой предметъ, къ которому слушатели его нисколько не были приготовлены: говорю о греческомъ языкѣ, который преподавался сносно въ одной только харьковской гимназіи, изъ другихъ же гимназій округа воспитанники выходили, едва научившись читать по-гречески. Съ такими филологами что могъ сдѣлать профессоръ самый даровитый и ученый! Валицкому и дѣйствительно ничего не удавалось подѣлать; слушатели его выходили изъ университета такими же плохими эллинистами, какими были и при поступленіи... На студентовъ профессоръ Валицкій вліялъ не какъ ученый, но какъ поэтъ и ораторъ, своими переводами, по-русски и по-латыни, греческихъ поэтовъ, въ особенности трагиковъ и Гомера, вліялъ эстетически, — стало быть, опять-таки художественно, подобно Лунину, даже менѣе, чѣмъ Лунинъ; потому что громадный ученый трудъ послѣдняго былъ у всѣхъ на виду, объ ученыхъ же трудахъ Ва-

лицкаго не было и рѣчи... Валицкій былъ болѣе любимъ, чѣмъ Лунинъ. Его постоянно окружали толпы студентовъ, съ которыми онъ привѣтливо разговаривалъ и кланялся, между тѣмъ какъ съ Лунинымъ студенты встрѣчались неохотно,—и по причинѣ, не лишенной оригинальности: Лунинъ не любилъ, чтобы ему кланялись, и самъ никогда не снималъ своей круглой черной шляпы, отвѣчая кивкомъ головы на поклоны студентовъ, несмотря на просьбы профессора, продолжавшихъ, по русскому обычаю, снимать передъ нимъ свои фуражки. Валицкій всегда являлся самымъ дѣятельнымъ помощникомъ въ нуждахъ студентовъ, самымъ энергическимъ заступникомъ въ ихъ бѣдахъ и напастяхъ передъ совѣтомъ, передъ блестящимъ и юнымъ въ своей старости, но старымъ въ сердцѣ ректоромъ.

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій былъ уже вполнѣ питомцемъ харьковскаго университета, ученикомъ Кронеберга, Лунина, Валицкаго и и Артемовскаго-Гулака. Въ литературѣ онъ заявилъ себя прежде всего, какъ южно-русскій поэтъ, подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, выступивъ въ 1839 г. съ книжкой малороссійскихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Думки и пѣсни та ще дещо", изданной въ Харьковѣ; годомъ раньше тамъ же вышло сочиненіе другого малороссійскаго писателя, также питомца харьковскаго университета, Іеремія Галки (псевдонимъ Н. И. Костомарова),—„Савва Чалый", драматическія сцены. Метлинскій былъ адъюнктомъ Якимова и читалъ словесникамъ теорію прозы и поэзіи, а студентамъ перваго курса остальныхъ факультетовъ—исторію русской литературы. Магистръ по русской филологіи и литературѣ, а въ концѣ 40-хъ годовъ докторъ, Метлинскій собственно ученымъ никогда не былъ и не могъ быть, ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилаго, недопускавшаго возможности усидчивыхъ занятій... Онъ былъ идеалистъ и литераторъ въ лучшемъ и полномъ смыслѣ этого слова, конечно, съ провинціальнымъ, харьковскимъ закаломъ.

Своею некрасивою, чахоточною внѣшностью, своимъ слабымъ голосомъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, своею походкою, какъ то въ прискачку и припрыжку, самымъ костюмомъ своимъ, классическою альмавивою какого-то песочнаго цвѣта съ искрой,—Метлинскій возбуждалъ въ университетской молодежи неистощимый смѣхъ: шуткамъ и остротамъ надъ нимъ юношей, только-что оставившихъ гимназическія скамейки, не было конца. Но замѣчательно, что чѣмъ болѣе зрѣлыми становились юноши, тѣмъ серьезнѣе относились они къ дѣятельности Метлинскаго, тѣмъ свѣтлѣе рисовался потомъ въ ихъ воспоминаніи его нравственный образъ. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ не болѣе, какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности требованіями отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и непризнававшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самого Пушкина...

Надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда; и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, повторяю, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Взгляды самого Метлинскаго на литературу не

многимъ отличались отъ взглядовъ Бѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ и почитатель тогдашнихъ корифеевъ нѣмецкой литературы и эстетики. Еще большую, хотя и не вдругъ замѣчаемую, пользу приносилъ Метлинскій студентамъ словесникамъ, которымъ онъ читалъ два года, по возможности вознаграждая ихъ за безплодность лекцій Якимова по эстетикѣ и, въ особенности, по исторіи литературы. Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по истинѣ рѣдкаго.

Жилъ онъ бобылемъ, одинъ съ братомъ-студентомъ и слугою, какимъ-то Грицко или Остапомъ. Жилъ онъ философомъ, т.-е. бѣднякомъ, употребляя большую часть своихъ скудныхъ средствъ на вспомоществованіе своимъ роднымъ, матери, братьямъ и сестрамъ, проживавшимъ въ какомъ-то хуторѣ Черниговской губерніи. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ... Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ недурно, кто имѣлъ страстишку пописывать стишки, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни... Самъ Амвросій Лукьяновичъ писалъ только стихи украинскіе, да и то изрѣдка, и стихотворство вообще не поощрялъ, но онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія...

И. И. Срезневскій открылъ чтеніе славянскихъ нарѣчій (т.-е. политической и литературной исторіи и языка славянскихъ племенъ) въ 1843 г. Успѣхъ его былъ громадный. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія, № 1-й, не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коляра, Пушкина и Мицкевича, то строго-критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ.

Направленіе профессора было панславистское; стихи Коляра не сходили съ его устъ, а „славянское братство и единеніе, въ духѣ мира и любви" едва ли въ другомъ русскомъ университетѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ... Молодой профессоръ, какъ никто тогда, сумѣлъ пріохотить студентовъ къ научной дѣятельности, просто — научить ея производству, о чемъ, увы! кажется и теперь лишь немногіе изъ университетскихъ преподавателей думаютъ. Онъ заваливалъ студентовъ работами по исторіи русскаго языка, литературы, этнографіи, сравнительнаго славянства и проч. Онъ на лекціяхъ показывалъ, какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ, — лѣтописью, пѣснью, вообще со всякимъ источникомъ. Не менѣе полезна была его критика, весьма оригинальная и, сколько думаемъ, не безъ предвзятой мысли. Выставлялъ, напримѣръ, профессоръ великими авторитетами науки Востокова, Павскаго, Добровскаго, Шафарика и проч.; затѣмъ эти авторитеты умалялись; указывались ихъ слабыя стороны и нерѣдко, изъ восторженнаго профессоръ переходилъ въ ироническое къ нимъ отношеніе, но, спѣшимъ прибавить, не разбивая въ конецъ ихъ авторитета...

Костомаровъ занималъ въ университетѣ въ это время одну изъ должностей, для которой онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей: онъ былъ тогда субъ-инспекторомъ. Извѣстный же любителямъ малороссійской литературы подъ псевдонимомъ Іеремія Галки, онъ пріобрѣлъ въ это время

общую извѣстность въ Харьковѣ и особенное сочувствіе студентовъ своею диссертаціею „Объ Уніи", которая была одобрена университетомъ, но уничтожена, по приказанію министерства. Исторія съ этой магистерской диссертаціей Н. И. Костомарова случилась до времени поступленія нашего въ университетъ. Въ 1843 г. молодой ученый написалъ и блистательно защищалъ другую диссертацію, до сихъ поръ не потерявшую своей научной цѣнности, а для того времени весьма замѣчательную,—„Объ историческомъ значеніи Русской Народной Поэзіи". Затѣмъ дѣятельность г. Костомарова переносится въ Кіевъ и дальнѣйшій ходъ ея всѣмъ извѣстенъ; но, какъ бы то ни было, на характеръ этой дѣятельности, на самый талантъ нашего историка юношескія впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ родного университета, наложили свою печать.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о профессорахъ юридическаго факультета, пользовавшихся тогда особеннымъ вліяніемъ; но такихъ, сколько помню и знаю, какъ не-юристъ, было всего двое, Степановъ и Гордѣенко. Были профессора весьма ученые (какъ Куницынъ и Платоновъ), но безъ вліянія; изъ адъюнктовъ самый популярный былъ Палюмбецкій (Александръ Ив., теперешній ректоръ харьковскаго университета), читавшій тогда основные законы имперіи и русскія государственныя учрежденія, слушаніе которыхъ было обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ; не-юристы были въ восторгѣ отъ непритязательности почтеннаго профессора.

Гордѣенко (Гавр. Степан.), криминалистъ, былъ для юридическаго факультета, въ своемъ родѣ, то же, что Лунинъ для словеснаго,—образцомъ учености и честности; къ сожалѣнію, этотъ достойный профессоръ, подобно Лунину, не имѣлъ на студентовъ прямого, непосредственнаго вліянія, такой же былъ идеалистъ, чуждавшійся современной дѣйствительности, но, подобно Лунину, оставшійся навсегда для своихъ слушателей идеаломъ нравственной высоты, такъ благотворно вліяющей на юность.

Степановъ отчасти напоминалъ собою другую знаменитость словеснаго факультета, — Валицкаго: напоминалъ и жгучимъ краснорѣчіемъ, и—но, въ оправданіе его, скажемъ, не одинъ онъ имѣлъ пансіонеровъ, не одинъ онъ соорудилъ себѣ каменный домъ. Степановъ собственно былъ энциклопедистомъ, эклектикомъ, и по эрудиціи его не только нельзя было сравнить съ Валицкимъ, но даже и съ другими его товарищами по факультету, съ Куницынымъ и Платоновымъ. Читалъ онъ международное право, которое онъ зналъ поверхностно, считаясь, по справедливости, лучшимъ знатокомъ политической экономіи въ харьковскомъ университетѣ,—предмета, поставленнаго тогда самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ образомъ. Степановъ былъ по натурѣ публицистъ, но весьма замѣчательный и даровитый. Какъ истый харьковецъ стараго закала, Степановъ жилъ и дѣйствовалъ въ словѣ: въ немъ онъ былъ глубоко искрененъ и честенъ (какъ это нерѣдко встрѣчается въ русской натурѣ), а потому и производилъ вліяніе громадное,—не художественное, подобно Валицкому, а реальное, прямо относящееся къ тогдашней современности, къ соціальному безобразію и попираемому праву, противъ чего краснорѣчивый профессоръ возставалъ самымъ пламеннымъ, самымъ смѣлымъ образомъ.

Лекціи его, въ которыхъ онъ говорилъ о всемъ и всего менѣе о своемъ предметѣ, немного и о политической экономіи,—тѣмъ не менѣе, тоднако же, были очень полезны по своему критическому отношенію къ тогдашней дѣйствительности, какъ противовѣсъ тому позитивизму, оффи-

ціальнымъ проводникомъ котораго, въ словѣ и дѣлѣ, являлся Артемовскій-Гулакъ; но этотъ позитивизмъ въ 40-хъ годахъ, если не въ цѣлой массѣ студентовъ, то въ передовыхъ ея людяхъ, тѣхъ, что потомъ, какъ говорится, вынесли на плечахъ своихъ уничтоженіе крѣпостного права, и съ восторгомъ отозвались на призывъ къ реформамъ,—этотъ позитивизмъ возбуждалъ въ нихъ глубокое отвращеніе.

31. И. Любарскій. Воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ 1850—1855 гг. [1]).

Я поступилъ въ Харьковскій университетъ по медицинскому факультету въ 1850 году...

Выдающихся профессоровъ въ мое время было очень немного. Незадолго до моего студенчества выбылъ въ отставку и уѣхалъ на родину въ Италію профессоръ-хирургъ Ванцети, слава о которомъ, какъ объ ученомъ и искусномъ операторѣ, — гремѣла по всей южной Россіи. Къ нему пріѣзжали паціенты за тысячи верстъ и поступали въ хирургическую клинику съ полною вѣрой въ свое исцѣленіе отъ опытной и счастливой руки. И дѣйствительно, объ операціяхъ Ванцети разсказывались чудеса. Неизвѣстно, что побудило этого профессора оставить университетъ въ апогеѣ славы, можетъ быть, усталость, а можетъ быть, и нажитое богатство. Но убыль знаменитаго клинициста была въ то время невознаградимой потерей, особенно если представить, что мѣсто его занялъ Нарановичъ, самый заурядный преподаватель и хирургъ.

Ботанику читалъ намъ Черняевъ, выжившій изъ ума старикъ, совершенно отставшій отъ науки, и неудержимый болтунъ. Изложеніе его, ограничивавшееся номенклатурой и легкимъ описаніемъ формъ растеній, было поверхностное, безъ системы и порядка. Часто проходили цѣлые часы въ разглагольствованіяхъ старика обо всемъ, кромѣ ботаники. Упомянетъ онъ, бывало, о томъ, что извѣстный видъ растенія встрѣчается на Альпахъ— и ужъ пиши пропало: къ этому растенію профессоръ не возвратится, но пойдетъ разсказывать, какъ онъ, во время своихъ заграничныхъ путешествій, карабкался на Монбланъ, какую на верхушкѣ горы нашелъ чудесную гостиницу, какъ встрѣтился тамъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который очаровалъ его звуками своей скрипки. „Это былъ славнѣйшій музыкантъ,—тараторилъ профессоръ;—какъ онъ заигралъ,—всѣ горы Швейцаріи съ умиленіемъ склонили свои головы и я самъ прослезился"—и т. д. до самаго звонка. Или, назвавъ какое-то растеніе, пускался въ разсказы о томъ, какъ въ поискахъ за этою травой на одной экскурсіи онъ наткнулся на лисицу и такъ близко, что схватилъ ее за кончикъ хвоста, но шельма выскользнула, оставивъ въ рукѣ пукъ шерсти. Раздавшійся звонокъ прерывалъ потокъ словъ разсказчика. Въ слѣдующую лекцію, взошедши на каѳедру, Черняевъ обращается къ студентамъ: „на чемъ мы въ послѣдній разъ остановились?" „На лисьемъ хвостѣ", отвѣтилъ кто-то. „Ахъ, да, на лисьемъ хвостѣ", подхватилъ старикъ, нисколько не обидѣвшись и потирая лобъ, для лучшаго припоминанія. И вновь полилась его болтовня, не имѣвшая ничего общаго съ предметомъ преподаванія. Вскорѣ Черняева замѣнилъ Кириловъ, читавшій на нашемъ курсѣ, кромѣ ботаники, и зоологію. Это былъ весьма талантливый и свѣдущій молодой профессоръ, которому мы обязаны тѣмъ, что вынесли изъ его лекцій кое-какія знанія. Онъ первый

[1]) *Историческій Вѣстникъ. Августъ, 1891.*

началъ излагать гистологію растеній, придерживаясь Шлейдена, тогдашняго свѣтила и новатора въ ботаникѣ. Къ несчастію, Кириловъ любилъ зашибать лишнее и когда бывало придетъ на лекцію пьяный, то жалко было смотрѣть на это самопоруганіе человѣческаго достоинства. Въ такомъ видѣ онъ заплеталъ языкомъ, выдѣлывалъ пальцами разныя фигуры, для поясненія излагаемаго, и обыкновенно переходилъ отъ животныхъ или травъ къ повѣствованію о своихъ частныхъ дѣлахъ. Находясь въ распрѣ съ Черняемъ, профессоромъ естественнаго факультета, онъ призывалъ насъ въ судьи и нерѣдко плакалъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи моемъ университетскаго курса, Кириловъ—этотъ многообѣщавшій ученый, о которомъ и теперь не могу вспомнить безъ сердечнаго сокрушенія, умеръ отъ апоплексіи вслѣдствіе пьянства.

Минералогію преподавалъ Борисякъ вразумительно и толково, физику—В. Лапшинъ, хорошо знавшій предметъ, но не обладавшій даромъ изложенія, неорганическую химію Эйнбродтъ. Имя его, какъ ученаго, занимало въ химическихъ анналахъ своего времени почетное мѣсто, но пользы отъ его лекцій было мало. Какъ человѣкъ огневого темперамента, впечатлительный и пылкій, Эйнбродтъ часто терялъ на лекціяхъ самообладаніе, почему не могъ проводить изложенія послѣдовательно и связно. Увлекшись какимъ-либо спорнымъ положеніемъ, онъ переносилъ въ аудиторію свою личную журнальную полемику съ Лавуазье, Гейлюсакомъ и другими корифеями химіи, горячился и забѣгалъ впередъ, пускался въ тонкости, рвалъ направо и налѣво, и выходилъ такой хаосъ, въ которомъ начинающимъ адептамъ не было никакой возможности разобраться. Бывали такія лекціи, что, при всемъ напряженіи мысли, мы не понимали ничего и выходили изъ аудиторіи, какъ угорѣлые. Для того, чтобы запастись кое-какими знаніями и приготовиться къ экзамену, необходимо было, кромѣ занятій въ лабораторіи, штудировать химію по печатнымъ источникамъ, да еще по какимъ-то запискамъ, переходившимъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. А профессоръ не отличался снисходительностью на экзаменахъ и, вслѣдствіе крайней вспыльчивости, рѣзалъ студентовъ безпощадно.

Совершенную противоположность Эйнбродту представлялъ Ходневъ, профессоръ органической химіи. Ясность, строгая послѣдовательность, спокойствіе и какая-то особенная красота рѣчи дѣйствовали на слушателей обаятельно и запечатлѣвали въ памяти каждое слово профессора. Все у него было въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, въ связности и порядкѣ. Бывало, придешь домой и запишешь всю лекцію отъ слова до слова. Во всю мою долгую жизнь я не встрѣчалъ такого яркаго оратора, какимъ былъ въ Харьковѣ Ходневъ. Оставивъ каѳедру въ нашемъ университетѣ, онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ многіе годы состоялъ непремѣннымъ секретаремъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его работниковъ. Въ этой должности онъ и скончался въ Петербургѣ.

Самымъ лѣнивымъ и нерадивымъ профессоромъ былъ Калениченко, преподававшій физіологію. Оттянувъ полчаса, онъ приходилъ на каѳедру, вынималъ изъ кармана вмѣстѣ съ платкомъ книжку безъ переплета и, придерживая ее ниже каѳедры, чтобы не было видно, монотонно прочитывалъ съ отмѣченнаго листа нѣсколько страницъ. Отбывъ эту скучную барщину, Калениченко спѣшилъ къ больнымъ на практику, которой, повидимому, отдавалъ всѣ свои заботы и свое время. Между тѣмъ, физіологія—такой краеугольный камень медицины, безъ котораго немыслимо основательное знаніе врачебной науки.

Частную патологію и терапію излагалъ Демонси. Рѣчь его всегда была блестящая и плавная, патологическія картины выходили въ его обрисовкѣ отчетливыми и ясными. Онъ, по преимуществу, придерживался Шенлейна и первый заронилъ въ насъ, будущихъ врачей, искру сомнѣнія въ цѣлебное могущество медицины. Перечисляя вскользь врачебныя средства, рекомендуемыя при извѣстной болѣзни, профессоръ въ концѣ концовъ возлагалъ надежду на силы больного и на его обстановку, и это въ такую эпоху, когда еще существовала твердая вѣра въ ромашку, бузину, нашатырь и тому подобную дрянь. Теперь, по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, намъ ясно, что почтенный профессоръ, котораго считали скептикомъ и неудачникомъ при постели больныхъ, преждевременно составилъ себѣ такой взглядъ, который постепенно подтверждался при дальнѣйшемъ развитіи науки. Теперь, когда мы владѣемъ микроскопомъ и пріемами химическаго изслѣдованія разныхъ выдѣленій и отдѣленій, когда открытъ невидимый міръ враговъ человѣческаго организма въ видѣ болѣзнетворныхъ микробовъ, можно провозглашать положительныя истины. А тогда существовало еще „гуморальное" ученіе; объясняли повальныя болѣзни тѣмъ, что появляется, дескать, особый genius epidemicus; обвиняли какую-то materiam peccatam, возлагали надежду на vis naturae medicatrix, т.-е. подмѣчали патологическія явленія и, не имѣя средствъ изслѣдовать и объяснить ихъ, успокаивались на придуманныхъ терминахъ.

Всѣ названные профессора читали свои лекціи на русскомъ языкѣ. Исключеніемъ являлись три нѣмца, которые, не умѣя по-русски, пробавлялись латинской рѣчью. Это были послѣдніе могиканы латинизма: Струве (теоретическая хирургія), Альбрехтъ (семіотика и терапевтическая клиника) и Ганъ (акушерство, женскія болѣзни съ клиникой). Все это были весьма уважаемые профессора, но студенты мало извлекали пользы изъ ихъ лекцій, во-первыхъ, потому, что большинство слушателей было не очень сильно въ латыни, а во-вторыхъ, сами преподаватели, выговаривая латинскія слова съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, затрудняли пониманіе рѣчи... Зато же на экзаменахъ они были очень снисходительны, быть можетъ, придерживаясь дерптскихъ обычаевъ...

Въ своемъ общежитіи мы находились постоянно подъ недремлющимъ окомъ четырехъ субъ-инспекторовъ, дежурная комната которыхъ, рядомъ съ карцеромъ, помѣщалась при входѣ въ корпусъ. Старшимъ субъ-инспекторомъ за все время моего пребыванія въ университетѣ былъ Засядко, человѣкъ хмурый, несообщительный и строгій. Его студенты не любили и если гдѣ-либо на частной квартирѣ составлялось хоровое gaudeamus, то вмѣсто pereat diabolus выкрикивали pereat Засядко. Изъ другихъ „субовъ" въ мое время служили: Журавлевъ и Шевченко — добродушные аргусы, Голубиновъ, отличавшійся хитрецой при кроткой внѣшности, и Тонаръ, не пользовавшійся уваженіемъ студенческой массы за его двуличное отношеніе къ студентамъ. Съ молодыми людьми изъ богатыхъ и вліятельныхъ семействъ онъ былъ свой братъ: при встрѣчѣ въ университетскихъ коридорахъ предупредительно пожималъ имъ руки, являлся гостемъ въ ихъ общество, держалъ компанію въ билліардныхъ состязаніяхъ, вообще заискивалъ предъ такъ называемыми аристократами. Но въ отношеніяхъ къ сѣрой студенческой массѣ держалъ себя съ начальническою сухостью.

Предъ моимъ поступленіемъ въ университетъ выбылъ многолѣтній инспекторъ студентовъ, ротмистръ Времевъ, произведенный въ концѣ

своего поприща въ маіоры. По разсказамъ, это была оригинальная личность. Желая быть строгимъ, онъ при всякомъ случаѣ кипятился и металъ громы на провинившагося, но свойственная ему доброта невольно пробивалась сквозь напускную роль. Студенты отлично его изучили и умѣли попадать въ чувствительную струнку. Стоило, бывало, сказать: „г-нъ инспекторъ, вы сами были студентомъ (фактъ весьма сомнительный), поставьте себя на мое мѣсто, могъ ли я поступить иначе",—и гнѣвъ постепенно смягчался; финаломъ обыкновенно служила угроза—въ другой разъ посадить въ карцеръ. Это узилище, впрочемъ, весьма рѣдко видѣло квартирантовъ,—въ такихъ только случаяхъ, если о провинности студента доходило или могло дойти до грознаго попечителя Кокошкина... Послѣ Времева появился на нашемъ горизонтѣ полковникъ Гриппенбергъ, при которомъ я и курсъ кончилъ. Этотъ инспекторъ держалъ себя холодно и величественно. Мы видѣли его весьма рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго. Въ первую субботу великаго поста вывѣшено было объявленіе, которымъ студенты приглашались собраться на другой день въ указанный часъ въ университетъ. Несмотря на свободный день—воскресенье, любопытство привлекло въ университетскую залу огромную массу студентовъ. Всѣ недоумѣвали: чтобы это значило, тѣмъ болѣе, что прежде никогда не собирали студентовъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ. Вдругъ пронеслось въ толпѣ, что инспекторъ идетъ, и мы увидали торжественное шествіе: впереди Гриппенбергъ, за нимъ казеннокоштный студентъ Сердюковъ, славный малый, всѣми любимый, блѣдный, съ понуреннымъ лицомъ, въ истерзанномъ видѣ; позади — нѣсколько субъ-инспекторовъ. Остановились противъ насъ и, указывая на несчастнаго товарища, инспекторъ въ патетической рѣчи, исполненной негодованія, заявилъ, что этотъ молодой человѣкъ опозорилъ студенческій мундиръ своимъ безобразнымъ поведеніемъ, что въ пору всеобщей молитвы и покаянія онъ на первой недѣлѣ поста напился до безчувствія, былъ поднятъ съ улицы и отвезенъ въ полицію, что за этотъ безпримѣрный проступокъ онъ подлежитъ тяжкому наказанію. При этомъ по нашему адресу было сказано отеческое наставленіе о томъ, что студенты, какъ образованные юноши, обязаны строго блюсти требованія нравственности и беречь честь мундира, чтобы не давать поводовъ обидному для студенту говору въ обществѣ... Казалось, что бѣдному Сердюкову не сдобровать и онъ будетъ исключенъ; однакожъ, все обошлось продолжительнымъ сидѣніемъ въ карцерѣ. Вообще, я не помню, чтобы кто-либо изъ студентовъ былъ исключенъ за поведеніе.

Студенчество моего времени хотя не имѣло никакого сословнаго устройства, тѣмъ не менѣе, въ силу общности положенія, а можетъ быть по стадному чувству, вытекавшему изъ ношенія одного мундира, составляло особое званіе, слагавшееся изъ членовъ однородной семьи. Мы очень дорожили своей репутаціей и потому войти въ кабакъ, винный погребъ и вообще въ какую-нибудь грязную трущобу, удерживалъ конфузъ: стыдно, когда каждый по мундиру видитъ студента. Само собою, никакихъ студенческихъ кассъ для вспомоществованія бѣднѣйшимъ товарищамъ, чего такъ добивается современное студенчество, у насъ и въ поминѣ не было. Но иногда съ этою цѣлью устраивались въ городскомъ театрѣ студенческіе спектакли, въ которыхъ всѣ роли, даже женскія, исполнялись студентами и игралъ оркестръ изъ однихъ студентовъ. Часто ли они бывали, сказать не могу, память измѣнила, но помню одинъ такой спектакль, необыкновенно удачный какъ по исполненію, такъ и по сбору. Въ числѣ мно-

гихъ, памятно мнѣ, отличался художественной игрой студентъ словеснаго факультета П. И. Вейнбергъ, извѣстный нынѣ и уважаемый литераторъ. Публика, густо наполнявшая театръ сверху до низу, восторженно аплодировала молодымъ артистамъ. Вырученныя деньги были переданы инструктору, который раздавалъ вспомоществованіе бѣднѣйшимъ студентамъ. Для городской полиціи студентъ было лицо неприкосновенное, потому что у насъ была своя администрація, вѣдавшая судъ и расправу. Такое относительно независимое положеніе въ значительной мѣрѣ способствовало къ поддержанію между нами нравственной сплоченности.

При всей общности студенческой массы, выдѣлялись такъ называемые аристократы, которые ѣздили на лекціи въ собственныхъ экипажахъ, носили золотые очки и говорили между собою по-французски, даже въ стѣнахъ университета. Эти составляли свой небольшой кружокъ и мало сообщались съ остальнымъ большинствомъ, состоявшимъ преимущественно изъ бѣдняковъ. Зато же эти послѣдніе относились къ аристократамъ пренебрежительно и сами сторонились отъ нихъ. Хотя поляковъ въ нашемъ университетѣ было мало, но кучка ихъ замѣтно обособлялась отъ русскихъ и составляла тѣсно сплоченный кагальный кружокъ. Между собою они говорили не иначе, какъ по-польски и во всѣхъ отношеніяхъ помогали другъ другу. Если полякъ составлялъ записки, то всѣ польскіе студенты безпрепятственно пользовались имъ; но добыть этихъ записокъ русскому было не легко.

Несмотря на студенческую юность, мы въ свое время играли въ харьковскомъ обществѣ замѣтную роль, и ни одинъ балъ общественный или частный—не обходился безъ кавалеровъ съ синими воротниками. Въ этомъ отношеніи мы даже конкурировали съ кавалерійскими офицерами, наѣзжавшими изъ города Чугуева, бывшаго въ то время центромъ кавалеріи

О сходкахъ, которыя только въ позднѣйшее время были перенесены въ наши университеты съ Запада, мы не имѣли никакого понятія; но нѣкоторыя студенческія квартиры пользовались особенно притягательною силою. Нерѣдко по вечерамъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, въ такія квартиры собиралось большое число товарищей провести время въ мирныхъ развлеченіяхъ. Угощеніемъ служилъ чай въ прикуску и изрѣдка „висантъ"—популярное въ то время вино у студентовъ. Тутъ перемывали косточки профессорамъ, изображали въ лицахъ субъ-инспекторовъ, разсказывали городскія новости и пѣли gaudeamus...

Въ мое время зачастую лекціи распредѣлялись такъ, что между ними оставались промежуточные часы, а такъ какъ меня тянуло къ гуманитарнымъ знаніямъ, то я пользовался свободнымъ временемъ, чтобы посѣщать лекціи историко-филологическаго факультета. Нерѣдко приносилъ въ жертву и свои факультетскія лекціи. Особенное удовольствіе доставляли профессора: Зернинъ, читавшій по источникамъ русскую исторію—плавно, вразумительно, съ захватывающимъ интересомъ, и Костырь, всегда блестящій и краснорѣчивый, излагавшій эстетику. По приглашенію послѣдняго, студенты писали повѣсти, разсказы, стихотворенія, описанія и давали ему на разсмотрѣніе. Въ назначенное время Костырь приносилъ въ аудиторію чей-либо опытъ и, не объявляя автора, подвергалъ критическому разбору, причемъ указывались слабыя и хорошія стороны. Такія практическія лекціи были очень поучительны...

Казеннокоштные студенты, по желанію, могли учиться фехтованію на рапирахъ, танцамъ, музыкѣ и верховой ѣздѣ, для чего нанимались спеціалисты и назначались опредѣленные часы. У насъ былъ даже свой казенный рояль, очень хорошій, а для уроковъ ѣзды былъ абонированъ большой манежъ съ дрессированными лошадьми. Я учился всѣмъ этимъ искусствамъ, кромѣ музыки...

Танцклассы происходили у насъ по субботамъ вечеромъ. Уносились столы изъ столовой, являлся актеръ Алексѣевъ, какъ учитель танцевъ, съ тремя музыкантами, а мы весело отплясывали другъ съ другомъ. Въ 1854 г., въ виду начавшейся турецкой войны, по приказанію Императора Николая Павловича, во всѣхъ университетахъ стали учить маршировкѣ, въ томъ числѣ и въ нашемъ. Обученіе было для всѣхъ обязательно. Студентовъ собирали въ большой актовый залъ, становили въ ряды и муштровка производилась по командѣ инспектора Гриппенберга. Это было для насъ веселое занятіе. Первоначально, на случай посѣщенія университета Государемъ или большимъ генераломъ, полковникъ училъ насъ массовому отвѣту въ соотвѣтственной формѣ на царское или генеральское привѣтствіе, потомъ мы ходили въ ногу, сначала въ линію по одному, а дальше по два и по три, причемъ полковникъ, наблюдая за стройностью равненія, часто выкрикивалъ: „господа, чище въ затылокъ". Маршировка, впрочемъ, продолжалась у насъ недолго и, вѣроятно, по приказанію свыше была прекращена...

1854 годъ засталъ насъ на четвертомъ курсѣ...

Патріотизмъ охватилъ своею волной и нашу университетскую молодежь. Нѣкоторые студенты, оставивъ ученье, пошли въ военную службу и, показавшись въ юнкерскихъ шинеляхъ, невольно подзадоривали къ тому же другихъ. Юные воины отправлялись въ геройскій и многострадальный Севастополь. Нашъ курсъ успѣлъ еще захватить конецъ кроваваго пира. Въ апрѣля 1855 года мы, послѣ экзамена, были удостоены званія врачей. Одни изъ казенныхъ воспитанниковъ назначены въ балтійскій флотъ, другіе въ Севастополь.

32. Изъ жизни дерптскаго студенчества [1]).

Депутаты отъ корпорацій и обществъ дерптскаго студенчества сидѣли въ общественной квартирѣ за длиннымъ бѣлымъ столомъ. Происходилъ обычный семестральный „конвентъ"—сходка депутатовъ отъ студенчества и профессоровъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ. Большая просторная зала была ярко освѣщена стѣнными лампами. Нынѣшній семестръ „президировало", т.-е. завѣдывало собраніемъ „конвентовъ" и „герихтовъ" (судовъ) латышское землячество, и въ залѣ конвента царила спартанская простота; землячество имѣло своимъ девизомъ „простоту и вѣрность", а потому избѣгало роскоши и комфорта обстановки.

Вездѣ стояли простыя длинныя скамьи; столъ стоялъ изъ широкой и длинной, чисто выструганной доски, положенной на высокія, грубой работы, подставки; кое-гдѣ стояли стулья для профессоровъ. Засѣданіе уже началось. Сидѣвшій во главѣ стола, на почетномъ мѣстѣ, предсѣдатель или „презусъ" собранія—почтенный старый профессоръ—уже сказалъ соотвѣтственную случаю рѣчь. По правую и лѣвую руку его сидѣли де-

---

[1]) М. Лаврецкій. Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта. Ревель. 1891 г.

путаты отъ нѣмецкихъ, эстонскихъ, латышскихъ, польскихъ и еврейскихъ обществъ, корпорацій, землячествъ и группъ. Представители корпорацій имѣли цвѣтныя шапочки и такія же цвѣтныя ленты черезъ плечо. Въ перемежку со студентами-депутатами сидѣли и профессора. Это были почетные „филистеры“ и члены общей академической семьи.

— Предлагаю депутатамъ отъ студенчества,—сказалъ по-нѣмецки презусъ,—выяснить нужды, требованія и желанія своихъ группъ и обществъ... Прошу говорить поочереди!..

Поднялись двое студентовъ и, глядя въ какой-то исписанный листъ бумаги, стали по пунктамъ излагать желанія и заявленія своихъ избирателей; тутъ были и протесты, и жалобы, и требованія измѣнить существующій „команъ“ студенчества, и угрозы не признавать долѣе этого устава, и, наконецъ, желанія имѣть бòльшія права и бòльшее число представителей на обще-студенческихъ сходкахъ. Наконецъ, докладъ депутатовъ конвенту окончился. Начались оживленныя пренія. Старый „презусъ“ внимательно и чутко слѣдилъ за ихъ ходомъ, слушая эти молодые, подчасъ ожесточенно звучавшіе голоса, изрѣдка останавливая расходившихся ораторовъ. Наконецъ, выяснивъ дѣло, приступили къ баллотировкѣ; все смолкло, все стало напряженно-серьезно и тихо. Казалось, въ залѣ сидитъ и говоритъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ не молодежь—горячая и бурная, а люди, прошедшіе сквозь горнило житейской опытности и общественной дѣятельности. Быстро и невидимо группировались партіи симпатизировавшихъ другъ другу обществъ и корпорацій; депутаты „ферейновъ“ и нѣмецкихъ корпорацій, обмѣнявшись быстрыми и значительными взглядами, подавали свои свернутыя въ трубки записки, стараясь поддержать или провалить то или другое предложеніе. Здѣсь, въ этомъ собраніи формировались будущіе общественные и политическіе дѣятели, здѣсь учились владѣть собою и отстаивать свои взгляды и убѣжденія...

Свободное, на волѣ выросшее студенчество не нуждалось въ опекѣ, въ напоминаніяхъ, указаніяхъ, какъ вести себя. Взаимное довѣріе и уваженіе, признаніе обоюдныхъ правъ связывало достаточно крѣпкими узами руководящихъ и руководимыхъ, и академическая жизнь текла легко и правильно, не изсякая и не выливаясь изъ границъ...

33. Кіевскій университетъ при Бибиковѣ [1]).

1838—52 г.

Университетъ св. Владиміра былъ тотъ же кременецкій лицей по матеріальнымъ средствамъ, по учебнымъ пособіямъ, по составу преподавателей и слушателей [2]), и скоро началъ разыгрывать роль кременецкаго лицея. Какъ ни бдительно наблюдало начальство за духомъ преподаванія и за образомъ дѣйствій какъ учащихъ, такъ и учащихся, но невозможно

---

[1]) В. Шульгинъ. Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова. *(Древняя и Новая Россія, 1879 г. т. II).*

[2]) Въ 1834 году изъ 20 профессоровъ въ университетѣ было 16 кременецкихъ, въ 1835 изъ 29 профессоровъ—20 кременецкихъ,

Воспитанниковъ западныхъ училищъ въ университетѣ было:

Въ 1834	изъ	62	студентовъ . . .	42
„ 1835	„	120	„ . . .	87
„ 1836	„	203	„ . . .	157
„ 1837	„	263	„ . . .	203.

было сразу уничтожить неуловимый духъ преданія, который жилъ между студентами университета, большею частью принадлежавшими къ прежнимъ лицеистамъ или къ воспитанникамъ тѣхъ училищъ, для которыхъ лицей былъ въ теченіе 30 лѣтъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Русское правительство учредило университетъ, желая высшимъ образованіемъ погасить узкія національныя антипатіи и слить двѣ національности въ одну общую; недруги русскаго правительства смотрѣли на новый университетъ, какъ на воскресшій старый лицей, задумали употребить его орудіемъ къ воскрешенію своихъ тайныхъ надеждъ и нашли для этого очень удобную почву и въ составѣ слушателей, и въ составѣ преподавателей, большею частью поляковъ.

Тайные агенты польской эмиграціи проникали въ западныя губерніи. Съ ними могъ встрѣчаться кіевскій студентъ и въ домашнемъ быту и въ обществѣ. Они смотрѣли на студентовъ, какъ на какихъ-то будущихъ народныхъ дѣятелей. Понятно, что такое мнѣніе должно было сильно подстрекать самолюбіе молодыхъ людей...

Между студентами тайное общество (Союзъ польскаго народа) появилось раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: слѣды его проявлялись въ 1836 г. и повлекли за собою аресты студентовъ Буяльскаго и Богдановича и бѣгство студента Гордона, который, давъ товарищамъ уставъ общества, потомъ, при первомъ возбужденномъ по его же неосторожности подозрѣніи въ полиціи, пропалъ безъ вѣсти. Какъ потомъ оказалось, онъ долго скрывался на одной дачѣ, близъ Кіева, наконецъ, былъ своими доставленъ до границы и очутился въ Парижѣ.

Въ мѣрахъ относительно народнаго образованія [1]) можно различать двѣ категоріи, относящіяся къ двумъ различнымъ періодамъ.

Первыя десять лѣтъ округъ подчиненъ былъ только въ политическомъ отношеніи главному начальнику края. Всѣ распоряженія этого періода направлены къ изгнанію латино-польскаго направленія изъ домашняго и общественнаго воспитанія, къ подавленію такъ называемой язвы польскаго безумія.

Цѣли этой стремились достигнуть посредствомъ удаленія отъ обученія и воспитанія въ семьѣ и школѣ поляковъ и особенно католическихъ патеровъ и посредствомъ учрежденія учебныхъ заведеній.

Вслѣдствіе этого: 1) поляки профессора, учители и надзиратели удалены изъ трехъ губерній округа въ Полтавскую и Черниговскую губерніи, откуда въ 1848 году генералъ-губернаторъ предполагалъ ихъ также вывести, чтобы они не подготовляли для университета пропитанныхъ полонизмомъ воспитанниковъ, 2) преподавателямъ, учителямъ и воспитанникамъ бывшаго кременецкаго лицея воспрещено вовсе заниматься воспитаніемъ, 3) лицамъ польскаго происхожденія прекращена выдача свидѣтельствъ на право частнаго обученія, 4) ксендзы-законоучители по отношенію къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ изъяты изъ-подъ вліянія епископовъ, 5) учениковъ въ гимназіи запрещено принимать старѣе 13 и 14 лѣтъ, 6) всѣ казенныя училища (кромѣ приходскихъ) изъ селъ и деревень переведены въ города.

Закрытыя учебныя заведенія почиталъ начальникъ края „важнѣйшимъ пособіемъ къ утвержденію воспитанія на незыблемыхъ нравствен-

---

[1]) При генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ, пріѣхавшемъ въ Кіевъ въ февралѣ 1838 года.

ныхъ началахъ"... На постройку зданій для закрытыхъ заведеній дворянство трехъ губерній приглашено было жертвовать по 3 к. съ души въ теченіе 12 лѣтъ...

Съ 1847 года, когда открыты были въ Кіевѣ слѣды такъ называемаго „славянскаго общества" (съ украинофильскими тенденціями) и въ особенности съ 1848 года, памятнаго года соціальныхъ революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ, — когда учебный округъ поступилъ подъ непосредственное завѣдываніе генералъ-губернатора,—система управленія учебными заведеніями нѣсколько измѣнилась. Польскій духъ полагали достаточно изъ нихъ изгнаннымъ для того, чтобы на него обращать главное вниманіе, и потому, не упуская изъ виду и прежнихъ мѣръ, отодвинули ихъ, впрочемъ, на второй планъ, а во главу угла поставили карантинныя и дисциплинарныя мѣры противъ язвы западнаго безумія. — Универсальнымъ средствомъ противъ этого зла полагали „духъ покорности и повиновенія", вспомогательными — затрудненіе доступа въ среднія и высшія заведенія людямъ изъ податныхъ сословій и направленіе ученія, „бывшаго до сихъ поръ болѣе теоретическимъ", развивающимъ въ массѣ молодого поколѣнія духъ вольномыслія и недовольства своимъ положеніемъ—направленіе его къ цѣлямъ болѣе „практическимъ", введеніемъ въ гимназіи отдѣловъ законовѣдѣнія и естественныхъ наукъ.—Это та же до сихъ поръ спорная проблема о классическомъ и реальномъ образованіи, только поставленная наоборотъ: классическое образованіе, которое теперь признается основою солиднаго знанія, ограничивается, какъ зловредное, а реальное признается — благонамѣреннымъ.

Мысли свои о системѣ управленія учебнымъ округомъ генералъ Бибиковъ вполнѣ выразилъ въ докладѣ 1850 года въ слѣдующихъ словахъ:

„Для того, чтобы водворить въ училищахъ вообще и особенно въ университетѣ св. Владиміра тотъ нравственный духъ покорности и повиновенія, который долженъ служить основою нашего отечественнаго воспитанія, безъ котораго университетъ былъ бы не разсадникомъ будущихъ полезныхъ гражданъ, а мѣстомъ ихъ развращенія и нравственной гибели,— начальство учебнаго округа приняло въ основаніе своихъ дѣйствій:

1. Всякое нарушеніе порядка и неисполненіе введенныхъ правилъ и распоряженій разсматривается, какъ выраженіе непокорности и наказывается удаленіемъ изъ заведенія.

2. Дабы удаленные на семъ основаніи изъ училищъ не могли скрывать своихъ проступковъ, воспрещено принимать ихъ въ другія заведенія, безъ разрѣшенія главнаго начальника края.

3. Измѣненіе и улучшеніе системы надзора за студентами университета. Это улучшеніе состоитъ въ замѣнѣ нѣкоторыхъ лицъ начальствующихъ — лицами наблюдающими, такъ какъ студентами трудно не управлять, но трудно ихъ знать.

4. Число своекоштныхъ студентовъ университета, во исполненіе Высочайшей воли, ограничено опредѣленнымъ количествомъ (300). Эта мѣра повлечетъ за собою уменьшеніе случаевъ выхода молодыхъ людей изъ низшихъ сословій, теряющихъ черезъ то лучшихъ и полезнѣйшихъ своихъ членовъ.

5. Истреблены обычаи и формы, несовмѣстныя съ такими отношеніями, которыя выводятъ студентовъ за предѣлы роли ученика. (Участіе въ публичныхъ диспутахъ, на которыхъ оспариваются мнѣнія профессоровъ, право аплодировать на лекціяхъ).

6. Вообще терпимость, снисходительность и всякія полумѣры, никогда не приносящія пользы даже тѣмъ, къ кому онѣ относятся, но всегда вредныя для заведеній, исключены изъ системы управленія учебнымъ округомъ.

„Важнѣйшимъ пособіемъ начальству для утвержденія воспитанія на незыблемыхъ нравственныхъ началахъ суть закрытыя заведенія.

„Учебная часть во всѣхъ гимназіяхъ округа уже преобразована на основаніи Высочайшаго повелѣнія 23 іюля 1849 года, весьма важнаго въ томъ отношеніи, что этимъ закономъ въ первый разъ ученіе направлено къ цѣлямъ практическимъ, бывши до сихъ поръ всегда чисто теоретическимъ; именно: съ IV класса ученики раздѣляются на готовящихся на службу и въ университетъ. Это благодѣтельное по своимъ послѣдствіямъ направленіе могло бы и должно бы получить гораздо большее развитіе.

Мотивы и основанія этого „большаго развитія" изложены были генералъ-губернаторомъ еще въ 1847 году въ запискѣ „объ измѣненіи учебнаго направленія", поданной покойному Государю 10 сентября во время пребыванія его въ Кіевѣ. Сущность записки вполнѣ высказана въ слѣдующемъ заключеніи:

„По моему мнѣнію было бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая умъ ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій. Для сего нужны только нѣкоторыя преобразованія, особенно въ курсахъ гимназій и училищъ; тогда можно надѣяться, что мечтать о народности, о самостоятельной Польшѣ и проч. не было бы мѣста: дѣятельность матеріальная уничтожила бы обманы воображенія, и успѣхи на этомъ поприщѣ увлекли бы всѣхъ и каждаго"...

Стремясь водворить духъ повиновенія между учащимися, студентами и гимназистами, стали преслѣдовать, какъ уголовное преступленіе, разстегнутые мундиры, пестрые панталоны и длинные волосы, вводить между гимназистами маршировку по военному уставу и дрессировать ихъ по одному мановенію начальника пути, стоять, падать, лежать и даже сопѣть и всхрапывать. Стремясь исключить изъ общественныхъ учебныхъ заведеній всякій демократическій элементъ, строго приводили въ исполненіе законъ, не допускавшій податныхъ сословій въ гимназіи. Стремясь заставить студентовъ серьезно и самостоятельно заниматься наукою, ввели переклички на лекціяхъ и сажали въ карцеръ и даже исключали изъ университета за пропускъ нѣсколькихъ лекцій, за „Гомера или Софокла", какъ тогда технически выражались. Стремясь, наконецъ, отвлечь студентовъ отъ разсужденій о политическихъ и общественныхъ вопросахъ въ свободное время отъ лекцій, сквозь пальцы смотрѣли на трату молодыхъ и свѣжихъ силъ въ разгулѣ и безнравственныхъ удовольствіяхъ. Наблюдая за слушателями, не упускали изъ виду и преподавателей: имъ вручены были программы, они подчинены были строгому контролю отъ непосредственныхъ начальниковъ, которые должны были отъ времени до времени слѣдить за направленіемъ преподаванія и доносить о томъ по начальству. Философія, какъ зловредная мать вольномыслія, была вовсе исключена изъ университета. Однимъ словомъ, бдительность была самая строгая, страхъ на всѣхъ учащихъ и учащихся наведенъ былъ не малый...

Въ 1847 году обновилось ученое сословіе университета нѣсколькими новыми членами; въ числѣ ихъ было 5 такихъ, которые только что воро-

тились изъ-за границы въ то время, когда на Западѣ наука и общество находились въ самомъ жизненномъ напряженіи, разрѣшившемся въ 1848 году извѣстнымъ общеевропейскимъ переворотомъ. Каждый помнитъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи февральскія событія дали сильный толчокъ умственнымъ движеніямъ въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ университетахъ. Оживились и зашевелились умы и въ университетѣ св. Владиміра: соціальные и политическіе вопросы выдвинуты были на первый планъ и стали интересовать даже медиковъ-спеціалистовъ; старое поколѣніе пробудилось отъ усыпленія, молодое съ увлеченіемъ кинулось слушать лекціи наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ университетѣ явилась борьба мнѣній и партій, въ результатѣ готово было уже явиться живое отношеніе къ наукѣ и у преподавателей, и у слушателей; университетъ начиналъ быть университетомъ...

И вотъ тутъ-то разомъ и круто обрушились на него суровыя дисциплинарныя мѣры, вызванныя также европейскими волненіями 1848 года. Ограниченіе комплекта слушателей на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, искусственно сократило число лицъ, получившихъ общечеловѣческое образованіе и увеличило число практиковъ-спеціалистовъ, для которыхъ наука обращалась въ средство къ достиженію матеріальныхъ выгодъ. Сокращеніе числа слушателей на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ не могло не отразиться уменьшеніемъ числа способныхъ преподавателей въ гимназіяхъ, и упадокъ гимназій, въ свою очередь, вредно вліялъ на число людей, основательно приготовленныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Закрытіе каѳедры философіи лишило университетъ одного изъ жизненныхъ и основныхъ предметовъ и должно было произвести застой въ умственной самодѣятельности слушателей. Введеніе казенныхъ программъ въ университетскіе курсы втиснуло преподаваніе въ постоянныя, неподвижныя рамки и было, если не побужденіемъ, то успокоительнымъ предлогомъ къ рутинѣ и застою... Плодомъ сильнаго умственнаго возбужденія, съ одной стороны, и строго дисциплинарныхъ мѣръ, съ другой,—было въ массѣ учащагося молодого поколѣнія ремесленное, механическое обученіе наукѣ, какъ ремеслу, и нравственное огрубѣніе среди кутежей, и только въ очень немногихъ избранныхъ — сильная внутренняя работа духа, которая хотя вырабатывала развитыя и энергическія натуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовила изъ нихъ озлобленныхъ враговъ общества и всякаго порядка...

Въ 1845 году положено было студентомъ Нагурнымъ первое основаніе между студентами, уроженцами Волынской губерніи, особой тайной корпораціи, по образу и подобію которой въ концѣ пятидесятыхъ годовъ формировались въ университетѣ такъ называемыя гмины. Цѣлью корпораціи было содѣйствовать поддержанію польскаго дѣла взаимнымъ самообразованіемъ въ національномъ духѣ, распространеніемъ этого образованія на учащихъ и учащихся одноплеменниковъ въ среднихъ заведеніяхъ, на служащую молодежь разныхъ вѣдомствъ, наконецъ, вообще приготовленіе способныхъ полонизаторовъ для сельскаго населенія. Средствами къ достиженію предположенной цѣли должны были служить: взаимныя бесѣды и чтеніе запрещенныхъ сочиненій эмиграціонной прессы; чтеніе избранными изъ своей же среды лекторами лекцій польской исторіи и польской литературы; ревностное слушаніе, независимо отъ факультетскихъ наукъ, лекцій тѣхъ профессоровъ, которые преподаютъ предметы, необходимые для политическаго воспитанія, и у которыхъ можно дѣйствительно чему-нибудь выучиться. На общую складку и на деньги, пожертво-

ванныя мѣстными друзьями польскаго дѣла, положено было основаніе таинственной студентской библіотеки и даже предполагалось издавать журналъ извѣстнаго направленія. Въ 1847 году, осенью, отъ холеры умеръ руководитель корпораціи, студентъ Нагурный. Во время его похоронъ, сопровождаемыхъ многими студентами, члены гмины умѣли разсказами о значеніи покойника сочувственно настроить и привлечь въ свое общество всѣхъ новопоступившихъ тогда въ университетъ студентовъ-литвиновъ. Съ поступленіемъ литовскихъ уроженцевъ, образовавшихъ свою гмину, общія стремленія общества остались тѣ же; но въ то же время внесенъ былъ въ него нѣсколько отличный элементъ. Волынская гмина, состоя большею частью изъ студентовъ-помѣщиковъ, выражала въ своихъ стремленіяхъ болѣе аристократическія и ультра-католическія убѣжденія. Литовская гмина, къ которой принадлежали преимущественно студенты бѣднаго состоянія и не шляхетскаго происхожденія, внесла въ общество оттѣнки демократическихъ и раціоналистическихъ тенденцій. Впрочемъ, всѣ эти противоположныя начала уживались мирно въ стремленіяхъ къ общей цѣли, пока община руководима была студентомъ Козачинскимъ, который заступилъ мѣсто Нагурнаго. Время управленія Козачинскаго, человѣка дѣйствительно энергическаго, умнаго, солиднаго и образованнаго... было временемъ самой полной дѣятельности союза, тѣмъ болѣе, что и малороссы и великороссы-студенты не имѣли между собой никакой солидарности, живя разрозненными интересами. По смерти его, въ 1850 году, выявилось первое столкновеніе въ гминѣ противоположныхъ началъ, внесенныхъ туда волынянами. Дальнѣйшая судьба общества намъ неизвѣстна... но оно стало заявлять о себѣ въ 1857 г., а въ особенности въ демонстраціяхъ 1861 г. Эти изъ устнаго преданія собранные нами факты довольно ясно показываютъ, что въ эпоху самаго энергическаго и бдительнаго надзора за университетомъ въ него прокрались стремленія, преслѣдовать и уничтожить которыя главная мѣстная администрація почитала первымъ своимъ призваніемъ.

34. Профессора и студенчество въ Кіевскомъ университетѣ по воспоминаніямъ Романовичъ-Славатинскаго [1]).

Попечителемъ округа былъ тогда генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ—одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей въ царствованіе Императора Николая I-го, который относился къ нему съ особеннымъ благоволеніемъ. Главной задачей его политики въ краѣ было—ослабить шляхетскую польщизну, поднявъ значеніе демократическаго русскаго элемента. Этой цѣли онъ думалъ достигнуть, улучшивъ юридическое и экономическое положеніе крестьянъ, которыми владѣли польскіе паны, посредствомъ инвентарей. Это была его главная забота, оставлявшая ему мало времени, мало досуга для занятій дѣлами округа. Онъ строго слѣдилъ за соблюденіемъ студентами формы, увольняя иногда изъ университета за разстегнутую пуговицу или длинные волосы. Въ „ниверситетѣ", какъ выражался онъ,—онъ являлся очень рѣдко, говоря студентамъ грозныя рѣчи. Мы трепетали его, зная его рѣшительный нравъ, его послѣдовательную политику. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ былъ замѣчательнымъ pendant къ фигурѣ Императора Николая I-го: къ нему можно было

---

[1]) А. Романовичъ-Славатинскій. Моя жизнь и академическая дѣятельность 1832—1884 гг. (*Вѣстникъ Европы, 1903 г., февраль, гл. IV*).

примѣнить французскую поговорку: „quel maître, tel valet". Мнѣ и теперь представляется красивая безрукая фигура Бибикова съ горящими черными глазами, когда онъ сопровождалъ Императора Николая І-го по Кіеву, сидя съ нимъ въ одной коляскѣ. Чувствовалась какая-то дрожь при видѣ этихъ двухъ грандіозныхъ историческихъ личностей. Имъ старался уподобиться Юзефовичъ, въ руки котораго передано было управленіе округомъ. Но Юзефовичъ напрасно считалъ себя властелиномъ: въ дѣйствительности округомъ правилъ Лазовъ. Ректоромъ университета въ то время былъ Р. Э. Траутфеттеръ—благороднѣйшій человѣкъ и одинъ изъ лучшихъ ректоровъ, какихъ только зналъ университетъ св. Владиміра... Инспекторомъ студентовъ былъ Германъ Карповичъ Тальбергъ, женатый на сестрѣ всесильнаго Лазова, и вслѣдствіе этого службу по таможенному вѣдомству промѣнявшій на должность инспектора студентовъ. Мы его очень не любили за его грубое обращеніе. Онъ, кажется, старался подражать Юзефовичу, и вышелъ такой замѣчательный административный униссонъ: Императору Николаю подражалъ Бибиковъ, Бибикову Юзефовичъ, Юзефовичу—Тальбергъ...

Назначенный попечителемъ, Бибиковъ обратилъ вниманіе на то, что въ юго-западномъ краѣ говорятъ не по-русски, а на какомъ-то польско-малороссійскомъ жаргонѣ. Онъ предписалъ, чтобы при окончаніи гимназіи и при поступленіи въ университетъ обращено было строгое вниманіе на знаніе русскаго языка... Предсѣдательствовалъ ректоръ, экзаменовалъ профессоръ Яроцкій и диктовалъ адъютантъ Страшкевичъ. Онъ продиктовалъ мнѣ строфу изъ Державинскаго „Водопада", и при этомъ интонаціями и гримасами какъ бы старался подсказывать, гдѣ поставить нужный знакъ препинанія, гдѣ написать *ѣ*, а не *е* и т. п. Вообще, на этихъ пріемныхъ экзаменахъ всѣ профессора старались дѣлать всевозможныя облегченія, чтобы не затруднять доступа въ университетъ...

Пріемный экзаменъ оконченъ. Я получилъ студенческій билетъ и матрикулу, уплативъ установленные два рубля... Съ половины августа начались лекціи, отъ которыхъ, признаюсь, я ждалъ гораздо больше и которыя приводили меня въ уныніе. Мысль о томъ, что я выбралъ факультетъ не по-сердцу, не давала мнѣ покоя, и юриспруденція показалась мнѣ наукой крайне скучной и непривлекательной. Между тѣмъ къ этому времени прибылъ въ Кіевъ министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ побывалъ на многихъ лекціяхъ. Я помню лекціи Митюкова и Вигуры, на которыхъ и я присутствовалъ. Превосходный лекторъ, Митюковъ прочелъ безподобную лекцію—о юридическихъ лицахъ. Не надѣленный лекторскимъ талантомъ Вигура прогнусилъ, если не съ боязнью, то съ робостью, о существѣ самодержавной власти. Врѣзалась въ моей памяти громоздкая фигура министра-ханжи, на лицѣ котораго нельзя было узнать, одобряетъ ли онъ, или нѣтъ—выслушанную лекцію.

Скоро пришлось мнѣ впервые побывать на докторскихъ диспутахъ: Митюкова, которому возражали Ѳедотовъ, Вигура и Пилянкевичъ, и Гогоцкаго, который защищалъ диссертацію о характерѣ философіи Гегеля. Помню, что одинъ изъ его оппонентовъ на латинскомъ языкѣ былъ профессоръ Делленъ... Эти диспуты произвели на меня сильное впечатлѣніе, а то я ужъ было думалъ, что въ университетѣ учиться нечему, и что на юридическомъ факультетѣ слушать некого. На первомъ семестрѣ читались межевые законы Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, основные законы — Вигурой, энциклопедія права — Пилянкевичемъ и римское право — Митюковымъ... Я сталъ посѣщать болѣе лекціи другихъ факультетовъ; особенное удоволь-

ствіе доставлялъ мнѣ своими блестящими лекціями по всеобщей исторіи профессоръ Шульгинъ. Это, можно сказать, былъ прирожденный профессоръ, природное назначеніе котораго — каѳедра или трибуна. Я много слушалъ лекцій на своемъ вѣку въ Россіи и за-границей, но такихъ лекцій, какія читалъ Шульгинъ, не приходилось слушать нигдѣ. Ни Дройзенъ въ Берлинѣ, въ аудиторіи котораго собиралось такъ много слушателей, ни Гейсеръ въ Гейдельбергѣ, считавшійся въ мое время лучшимъ лекторомъ, ни изящный и краснорѣчивый Лабулэ въ Парижѣ—не могли быть сравниваемы съ Шульгинымъ. Онъ умѣлъ живьемъ изобразить эпоху и ея людей: онъ переносилъ насъ въ изображаемое время, онъ коротко знакомилъ насъ съ психологіей историческихъ героевъ. Аудиторія его была всегда полна, а лекціи нерѣдко оканчивались рукоплесканіями, которыя считались тогда чуть не государственнымъ преступленіемъ...

Ѳедотовъ читалъ свои лекціи очень развязно и игриво, но видно было, что онъ ихъ не приготовляетъ. Особенное значеніе онъ придавалъ почему-то межевымъ законамъ, которые и читалъ съ особеннымъ увлеченіемъ, особенно исторію межеванія по академической рѣчи Неволина. Другія части своего предмета онъ читалъ по книгѣ Кранихфельда, которую клалъ передъ собой на каѳедрѣ и толковалъ, какъ какую-нибудь Иліаду или Одиссею. Гражданскій процессъ читался по книгѣ де-Гая, къ которой присоединялась маленькая тетрадка неудобопонятной и запутанной теоріи. Вообще, я думаю, Ѳедотовъ уронилъ свою профессорскую репутацію, перемѣнивъ каѳедру римскаго права на каѳедру права гражданскаго.

Ученика Ѳедотова, К. А. Митюкова, занявшаго каѳедру римскаго права, я засталъ еще адъюнктомъ... Это былъ человѣкъ глубокаго, сосредоточеннаго ума и рѣдкихъ лекторскихъ дарованій. Его лекціи были превосходны... Замкнутый и сосредоточенный, онъ былъ очень гордъ, глубоко проникнутъ сознаніемъ личнаго достоинства... Въ основаніе его лекцій лежало сочиненіе Пухты. Читая предметъ четыре семестра, одинъ изъ семестровъ онъ посвящалъ римскому процессу. Вообще, постановка этого предмета въ мое студенческое время была удовлетворительнѣе, чѣмъ его тенденціозная растянутость по уставу 1884 года: это былъ одинъ изъ предметовъ юридическаго факультета, но не самый главный, какимъ его потомъ сдѣлали и каковымъ онъ не долженъ быть.

Русскіе государственные законы, какъ тогда называлось государственное право, читалъ И. М. Вигура и читалъ плохо... Онъ долгое время былъ за-границей, гдѣ, вѣроятно, хорошо ознакомился съ тамошнимъ порядкомъ. Но въ его курсѣ знакомство это не проглядывало. Говорили, что, сѣвъ на каѳедру по возвращеніи въ Россію, онъ заговорилъ было о конституціяхъ и парламентахъ, но ему не дали разговориться, и онъ замолкъ. Ни о какихъ конституціяхъ, ни о какихъ парламентахъ мы отъ него никогда не слыхивали, а слыхивали переставленныя и перефразированныя статьи свода. Отправляясь въ своемъ зеленомъ вицъ-мундирѣ въ кіевскій коммерческій банкъ, гдѣ онъ служилъ юрисконсультомъ, онъ наскоро забѣгалъ въ аудиторію и составлялъ лекцію какъ бы во время самаго чтенія, выбирая статьи изъ соотвѣтствующаго тома...

Мы слушали еще А. И. Селина, читавшаго намъ исторію русской литературы. Это былъ выдающійся профессоръ и превосходный русскій человѣкъ. Ученикъ Шевырева, онъ преклонялся предъ его авторитетомъ, а насмотрѣвшись въ молодые годы на Мочалова, онъ, говорили, иногда подражалъ его манерѣ, жесту, интонаціи. Говорили, что въ немъ много аффектаціи и поддѣльнаго жара, что его лекціи—высокопарная риторика.

говорили... но я, его слушатель, восхищался его лекціями, находя въ нихъ столько жизни, столько живыхъ очерковъ литературныхъ явленій. Узнавъ же его впослѣдствіи, когда я сдѣлался его сослуживцемъ, я извѣдалъ его рыцарски-благородную душу, и съ особенной симпатіей вспоминаю его любвеобильныя отношенія къ студентамъ.

На второй половинѣ юридическаго факультета читалъ еще Н. Д. Иванишевъ, нашъ милый деканъ, остроумный и привѣтливый. Онъ очень любилъ исторію, особенно юго-западнаго края, для которой много сдѣлалъ. Любилъ также и славянское право, которымъ много занимался за-границей. Менѣе душа его лежала къ оффиціальной наукѣ — къ законамъ государственнаго благоустройства, которые онъ и прочитывалъ въ три семестра...

С. О. Богородскій... занялъ каѳедру уголовнаго права, изученію и разработкѣ котораго отдался съ рѣдкимъ увлеченіемъ. Едва ли въ какомъ-нибудь университетѣ читался такой обширный и строго научный курсъ такого предмета, какъ въ наше время въ университетѣ св. Владиміра. Изученіе его было очень трудно, но зато въ высокой степени назидательно. На экзаменахъ онъ бывалъ очень строгъ... Для насъ онъ былъ грозой... Но зато его слушатели были криминалисты хоть куда, а самъ Богородскій былъ однимъ изъ лучшихъ ученыхъ и профессоровъ...

Едва ли чьи-нибудь лекціи такъ содѣйствовали умственному развитію, какъ лекціи по русской исторіи профессора Павлова. Онъ тогда былъ полонъ юности, красоты и нравственной чистоты. Для Кіева онъ былъ тѣмъ, чѣмъ Грановскій для Москвы, Каченовскій для Харькова—сѣятелемъ истины и добра. Я очень цѣнилъ его лекціи и, кажется, не пропустилъ ни одной изъ нихъ за всѣ четыре года. Однакожъ справедливость требуетъ сказать, что онъ читалъ намъ не столько русскую исторію, сколько исторію всемірной цивилизаціи. Правда, къ русской исторіи относился его прекрасный курсъ, который онъ называлъ „исторіей науки русской исторіи", но большая часть его лекцій была посвящена выясненію закона взаимности услугъ—основного закона, движущаго историческими событіями. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ сжато и ясно выразить путь всякой доктрины, всякой философской системы. Если я, напримѣръ, вынесъ изъ университета пониманіе Гегеля, то былъ обязанъ не Неволину или Пилянкевичу, а лекціямъ профессора Павлова. Натура робкая и теоретическая, онъ терялся и запутывался на практикѣ. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, что промѣнялъ Кіевъ, въ которомъ онъ былъ такъ популяренъ и вліятеленъ, на Петербургъ, въ которомъ онъ такъ сгинулъ, испытавши продолжительную ссылку, что, когда большими моими стараніями онъ возвратился въ Кіевъ, на каѳедру исторіи изящныхъ искусствъ, мы не узнавали въ немъ прежняго чудеснаго Павлова — носителя высокихъ идей, сѣятеля правды и добра. Не забыть мнѣ прощальнаго обѣда, который мы устраивали ему осенью 1859 года, и моей застольной рѣчи, въ которой я чествовалъ Павлова за то, что во время всеобщей болѣзни молчанія онъ имѣлъ гражданское мужество говорить свободное слово...

Казеннокоштные юристы слушали педагогію. Эту педагогію читалъ намъ С. С. Гогоцкій, типъ семинариста — гелертера. Высокій и неповоротливый, скупо одѣтый, онъ былъ человѣкъ большой эрудиціи и рѣдкаго трудолюбія. Но изъ его дебелаго, деревяннаго ума, выходила какая-то мертвая, обезличенная наука: таковъ былъ его знаменитый философскій лексиконъ; таковъ былъ и курсъ педагогіи, который мы обязаны были слушать, но слушали рѣдко. Въ этомъ курсѣ психологическаго не было ни-

чего... Въ высшихъ сферахъ считали Гогоцкаго столбомъ, на которомъ держится въ университетѣ зданіе православія, самодержавія и народности. Но въ сферахъ университетскихъ онъ былъ предметомъ потѣшныхъ анекдотовъ, которыми знаменитый Ромеръ забавлялъ профессорскую лекторію.

Богословіе для православныхъ студентовъ всѣхъ факультетовъ (католикамъ читалъ Добшевичъ), психологію и логику для филологовъ — читалъ И. М. Скворцовъ. Онъ имѣлъ чуть не всероссійскую репутацію знаменитаго богослова и философа, а кіевская духовная академія чтила его какъ своего первенствующаго члена. Курсъ богословія у насъ былъ очень обширенъ, состоя изъ священной и церковной исторіи, нравственнаго и догматическаго богословія, и читался чуть ли не три года. Посѣщеніе лекцій было почти обязательно, такъ какъ были постоянныя переклички, а за отсутствіе—карцеръ. Особенно же торжественно производился экзаменъ изъ богословія, назначавшійся прежде всѣхъ другихъ. На экзаменѣ этомъ нерѣдко предсѣдательствовалъ самъ митрополитъ Филаретъ—низенькій и дряхлый старичекъ—и присутствовалъ всегда епископъ Антоній, авторъ догматическаго богословія, которое мы порядочно вызубривали. Кромѣ того, назначались депутаты отъ всѣхъ факультетовъ, а иногда бывалъ и инспекторъ студентовъ... Соблюденіе торжественнаго чина на экзаменѣ изъ богословія тогдашніе политики считали государственною мѣрою, охраняющею въ университетѣ порядокъ и дисциплину. То же значеніе придавали и строгому говѣнію, которое было обязательно для каждаго студента, подъ угрозою всюду поспѣвающаго карцера.

Отъ профессоровъ перехожу къ студентамъ и къ изображенію ихъ житья-бытья полвѣка тому назадъ. Студентовъ тогда не могло быть много, такъ какъ существовало ограниченіе ихъ числа. Полагаю, что большая ихъ часть принадлежала къ лицамъ польскаго происхожденія. Въ аудиторіяхъ, по крайней мѣрѣ, преобладалъ польскій языкъ; студенты-поляки были большею частью сыновья зажиточныхъ западно-русскихъ помѣщиковъ. Студенческаго пролетаріата между ними почти не было. Попадались иногда люди очень богатые. Между ними замѣтить можно было тѣсную солидарную связь и нѣкоторое отчужденіе отъ студентовъ русскаго происхожденія. Организація, вѣроятно, была уже крѣпкая: существовала касса, прекрасная библіотека; бывали, вѣроятно, сходки; былъ всѣми чтимый вожакъ-студентъ Козачинскій, окончившій историко-филологическій факультетъ и потомъ поступившій на медицинскій. Студенты-поляки всегда старались перещеголять и затмить студентовъ русскихъ: если бывалъ русско-студенческій спектакль въ залѣ торжественныхъ собраній, что случалось нерѣдко, то студенты-поляки выбивались изъ силъ, чтобы и выборомъ, и постановкой пьесъ, и количествомъ сбора, и избранной публикой затмить спектакль русскій. При ихъ единодушіи и солидарности, при элегантности ихъ манеръ, это имъ и удавалось.

Словомъ, эта часть студенчества была особенно эффектна и блистала въ кіевскихъ салонахъ. Университетъ же св. Владиміра — эта твердыня русской народности по мысли создавшаго ее Императора Николая,—былъ какъ будто въ Краковѣ, а не въ Кіевѣ. Мы уже видѣли, что въ аудиторіяхъ преобладалъ польскій языкъ. Составъ должностныхъ лицъ университетской библіотеки — библіотекарь Красовскій и его помощники — былъ польскій такъ же, какъ и казначей Княжинскій еще изъ Кременца; польскій говоръ слышался даже въ правленіи, несмотря на властнаго синдика Каломійцева, и въ канцеляріи совѣта, несмотря на ея секретаря Барвин-

скаго. Мы же, русскіе либералы, профессора и студенты, оплакивали угнетеніе Польши, ненавидѣли ея угнетателя Бибикова, ополчившагося съ своей инвентарной политикой за права угнетенныхъ польскими панами хлоповъ, которымъ почти что негдѣ было и молиться, такъ какъ ихъ православные храмы, въ сравненіи съ роскошными и богатыми костелами, уподоблялись хаткамъ на куриныхъ лапкахъ. Такъ мало было тогда русскаго въ исконно-русскомъ юго-западномъ краѣ, обрусить который не удавалось ея могучему генералъ-губернатору.

Русское студенчество въ университетѣ св. Владиміра не представляло собою такой сплоченной солидарной группы, какъ студенчество польское. Состоя большею частью изъ сыновей лѣвобережныхъ помѣщиковъ, менѣе хозяйственныхъ и достаточныхъ, чѣмъ помѣщики праваго берега, они проникнуты были атомизмомъ и распадались на маленькіе кружки — нѣжинцевъ, полтавцевъ, новгородсѣверцевъ, черниговцевъ и т. д. Не было у насъ никакихъ организацій: слова с х о д к а въ студенческомъ лексиконѣ нашего времени совсѣмъ не было; не было ни кассъ, ни библіотекъ, ни общаго вожака. Выдѣлялась уже группа хлопомановъ — Чернышъ, Мельникъ, Носъ, но съ программой еще не опредѣлившейся. Демократическіе элементы — напримѣръ, въ новгородсѣверской группѣ — уже были болѣе замѣтны въ русскомъ студенчествѣ, чѣмъ въ студенчествѣ польскомъ. Замѣтнѣе проглядывалъ и студенческій пролетаріатъ. Богачей было меньше, а такъ называемые студенты-аристократы еще болѣе отличались отъ товарищей, для которыхъ они были недоступны...

Общій уровень умственнаго развитія студентовъ былъ невысокъ. Научныя стремленія, любовь къ наукѣ и увлеченіе ею составляли рѣдкое исключеніе; большинство занималось, сколько это было нужно, чтобы сдать экзамены и получить какую-нибудь степень. Правда, лекціи посѣщались аккуратнѣе, и абсентеизмъ не былъ такой повальной болѣзнью, какъ нынче. Но существовали переклички и за пропускъ лекціи полагался карцеръ. Профессоръ богословія Скворцовъ начиналъ каждую лекцію такой перекличкой. Но за отсутствующихъ отвѣчали иногда присутствующіе; такъ же бывало и на репетиціяхъ: вызывался А., за него вставалъ и отвѣчалъ Б. Я помню, какъ я однажды въ чудный апрѣльскій день лекціи профессора Митюкова предпочелъ прогулку въ Ботаническомъ саду. Не знаю, почему заблагоразсудилось ему сдѣлать перекличку, и я въ ближайшую субботу переночевалъ въ карцерѣ.

Въ это Бибиковское время форма студенческая соблюдалась строжайшимъ образомъ. За разстегнутый крючокъ, за незастегнутую пуговицу иногда исключали изъ университета, казеннокоштныхъ медиковъ отдавали въ фельдшера, а словесниковъ — въ учителя приходскихъ училищъ. Въ праздничные и табельные дни мы должны были быть въ мундирѣ, при треуголкѣ и шпагѣ. Я помню, какъ однажды Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій въ храмовой праздникъ Михайловскаго монастыря пошелъ въ церковь въ студенческой шинели, подъ которою было статское платье. Зоркій глазъ Тальберга подмѣтилъ это ужасное преступленіе, и нашего милаго Цѣхановецкаго недѣля вывели изъ церкви, отвезли въ полицію, откуда, по увольненію изъ университета, съ жандармомъ отправили въ Нѣжинъ. Два случая со мной пополнятъ эту иллюстрацію. Въ началѣ мая отецъ выслалъ за мной лошадей, на которыхъ я собирался укатить въ Гольцы. Счастливый и довольный, въ студенческой фуражкѣ на-бекрень и въ длинныхъ волосахъ, съ которыми не хотѣлось разставаться ради лохвицкихъ барышенъ, я отправился на прогулку въ чудный городской

садъ, по главнымъ аллеямъ котораго прогуливался съ кіевскими красавицами, до которыхъ былъ большой охотникъ нашъ грозный попечитель. Педель донесъ инспектору о моемъ непристойномъ поступкѣ: меня на нѣсколько сутокъ посадили въ карцеръ, гдѣ привели мою шевелюру въ надлежащій видъ и снабдили форменной казенной фуражкой. Тщетно просилъ я о помилованіи, указывая на то, что мои лошади стоятъ безъ фуража, а кучеръ безъ провизіи. Мнѣ не внимали: pereat mundus, fiat justitia.

А вотъ и другой случай. Свѣтлый праздникъ — чудесное весеннее время: захотѣлось посмотрѣть на народное гулянье. Въ мундирѣ и при шпагѣ—неудобно. Дай-ка надѣну одну треуголку, шинель прикроетъ студенческій сюртукъ. Такъ я и сдѣлалъ. Но скоро попался и нѣсколько праздничныхъ дней просидѣлъ въ карцерѣ. Таковы были нравы и обычаи добраго стараго студенческаго времени: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Надзоръ за своекоштными студентами былъ очень строгъ и проникалъ въ ихъ жилище, наблюдая за образомъ жизни, за родомъ занятій. Одинъ Тальбергъ чего стоилъ, а ему помогали въ надзорѣ за бытомъ своекоштныхъ студентовъ четыре помощника—Савицкій, князь Баратовъ, Стишинскій, Герасимовъ и цѣлая компанія педелей, между которыми мы особенно боялись Семена Прилукскаго—правая рука Тальберга,—отъ котораго ничто не могло укрыться, и онъ насквозь видѣлъ все, что дѣлали студенты. Домикъ его былъ на Васильковской улицѣ, недалеко отъ Троицкой церкви; а мы однажды играли на билліардѣ на пиво въ гостиницѣ „Франкфуртъ", въ отдаленной части Крещатика. Ну, какъ было видѣть насъ отдаленному глазу Прилукскаго? Однакожъ, онъ видѣлъ и на другой день донесъ Тальбергу, и мы съ головами, больными отъ пива, переселились въ карцеръ. Студенческія квартиры были распредѣлены на участки, отданные подъ опеку субъ-инспекторовъ, которые, на основаніи наблюденій надъ опекаемыми, составляли кондуитные списки, отъ времени до времени представляемые Юзефовичу. Моимъ опекуномъ былъ Герасимовъ, отставной драгунъ. Притворяясь лихимъ кавалеристомъ, сочувствующимъ студентамъ-буршамъ, онъ иногда засиживался у меня, гдѣ, грѣшный человѣкъ, бывалъ преферансикъ съ выпивкой и закуской. Результатомъ этихъ посѣщеній было то, что въ кондуитномъ спискѣ не было похвалено мое поведеніе.

Студенты вели себя по программѣ Бибикова: забавлялись билліардомъ, картежничали, посѣщали, а иногда и разбивали веселые дома на Андреевской горѣ, но политикой явно не занимались. Поляки, конечно, занимались ею и занимались крѣпко, но умѣли скрывать это отъ начальства. И Бибиковъ былъ спокоенъ. Студенты же русскаго происхожденія такъ были далеки отъ политики, что даже газетъ не читали. Я упомянулъ о программѣ Бибикова. Однажды онъ посѣтилъ клиники, которыя были тогда въ зданіи университета. Собравъ студентовъ-медиковъ, онъ держалъ передъ ними рѣчь такого содержанія: — вы-де, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, посѣщайте б... бейте б... (его подлинныя слова), но политикой не занимайтесь, не то выгоню изъ „ниверситета". Такова была его этическая программа. Правда, это была этика сомнительная и мундирная. Но за нее мы получили царское спасибо на смотру Императора Николая I въ сентябрѣ 1850 года. Это царское спасибо, сообщенное студентамъ Бибиковымъ и оправленное въ золоченную рамку, висѣло въ нашей сборной залѣ, пока не было разорвано студентами-поляками во время безпорядковъ 1861 года.

35. Празднованіе столѣтія Московскаго университета.

Странно, я старикъ, а до сихъ поръ не утратилась у меня душевная связь съ университетомъ: ѣдешь по Моховой, взглянешь на зданіе, и сердце каждый разъ дрогнетъ, забьется сильнѣе, перекликнется съ прошлымъ, далекимъ, но незабвеннымъ, дорогимъ временемъ.

Пріѣхавъ изъ Риги, гдѣ я служилъ, на столѣтіе Московскаго университета, я озаботился, разумѣется, прежде всего достать въ оный билетъ на актъ; прихожу въ правленіе,—желающихъ гибель: кто изъ Сибири, кто изъ Архангельска, кто изъ Одессы. „Билетовъ не даютъ",—толкуютъ въ толпѣ. „Какъ не даютъ?"—„Такъ, говорятъ, больше нѣтъ". Поднялся ропотъ; явился какой-то чиновникъ; мы къ нему. „Помилуйте, мы пріѣхали за тысячу верстъ, я за двѣ"... „Подождите,—я узнаю",—отвѣчаетъ чиновникъ, идетъ въ присутствіе къ ректору. Мы въ ожиданіи здороваемся со знакомыми, бранимъ университетское невнимательное къ намъ начальство и т. д. Въ это время въ правленіе входитъ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Мы поклонились. Онъ остановился, заговорилъ съ нами. Между прочимъ мы объявили ему, что не можемъ добиться билетовъ. Грановскій пожалъ плечами и, уходя, обратился къ намъ со слѣдующими словами: „Жаль, господа; но вы, вѣроятно, получите билеты; если же нѣтъ, то можете утѣшиться тѣмъ, что первыя мѣста будутъ заняты бригадными генералами и ихъ адъютантами".

Билеты мы получили, но тѣснота была ужасная; не только мы, незнаменитости, но покойный И. С. Тургеневъ жался вмѣстѣ съ нами въ дворянскомъ мундирѣ, въ дверяхъ библіотеки. Въ началѣ акта пріѣзжаетъ А. П. Ермоловъ; мы сжались, чтобы пропустить богатыря, раскланивавшагося и направо и налѣво, въ отвѣтъ на наши привѣтствія. Кто-то изъ насъ протѣснился къ попечителю В. И. Назимову; тотъ сейчасъ же подошелъ и повелъ Алексѣя Петровича въ первый рядъ креселъ, гдѣ съ большимъ трудомъ солдаты принесли и поставили для него кресло у самой каѳедры. Говорятъ, уѣзжая, онъ сказалъ попечителю: „На второе столѣтіе университета я не пріѣду".

Кстати, объ университетѣ,—сообщу здѣсь пѣсню, пѣвшуюся хоромъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ студентами; пѣли ее на извѣстный всѣмъ голосъ: „Слава Богу на небѣ, Слава".

Вотъ она; начала не помню:

...А какъ будете, дѣти, студентами,
Не ломайте головъ надъ моментами,
Будьте ближе, друзья, съ ассистентами...
А какъ кончите курсъ эминентами,
Замѣните дипломы патентами,
Говорите всегда комплиментами,—
Наградятъ васъ чинами и лентами,
Обошьютъ вамъ зады позументами.

Послѣ каждаго стиха всѣмъ хоромъ пѣли мы: „слава" [1]).

Н. Ч.

---

[1]) *Русское Обозрѣніе, 1896 г., январь.*

36. Герценъ. «На могилѣ друга». Памяти Грановскаго.

(„Былое и Думы“, глава XXIX).

Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное, какъ ласка,
И дружба съ нимъ мнѣ памятна, какъ сказка.

... Въ 1840 году, бывши проѣздомъ въ Москвѣ, я въ первый разъ встрѣтился съ Грановскимъ. Онъ тогда только-что возвратился изъ чужихъ краевъ и приготовлялся занять свою каѳедру исторіи. Онъ мнѣ понравился своей благородной, задумчивой наружностью, своими печальными глазами съ насупившимися бровями и грустно-добродушной улыбкой; онъ носилъ тогда длинные волосы и какого-то особеннаго покроя синій берлинскій пальто съ бархатными отворотами и суконными застежками. Черты, костюмъ, темные волосы,—все это придавало столько изящества и граціи его личности, стоявшей на предѣлѣ ушедшей юности и богато-развертывающейся возмужалости, что и неувлекающемуся человѣку нельзя было остаться равнодушнымъ къ нему. Я же всегда уважалъ красоту и считалъ ее талантомъ, силой.

Грановскій былъ одаренъ удивительнымъ тактомъ сердца. У него было все такъ далеко отъ неувѣренной въ себѣ раздражительности, отъ притязаній, такъ чисто, такъ открыто, что съ нимъ было необыкновенно легко. Онъ не тѣснилъ дружбой, а любилъ сильно, безъ ревнивой требовательности и безъ равнодушнаго „все равно“. Я не помню, чтобъ Грановскій когда-нибудь дотронулся грубо или неловко до тѣхъ „волосяныхъ“, нѣжныхъ, бѣгущихъ свѣта и шума сторонъ, которыя есть у всякаго человѣка, жившаго въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого съ нимъ было не страшно говорить о тѣхъ вещахъ, о которыхъ трудно говорится съ самыми близкими людьми, къ которымъ имѣешь полное довѣріе, но у которыхъ строй нѣкоторыхъ, едва слышныхъ, струнъ не по одному камертону.

Въ его любящей, покойной и снисходительной душѣ исчезали угловатыя распри и смягчался крикъ себялюбивой обидчивости. Онъ былъ между нами звеномъ соединенія многаго и многихъ и часто примирялъ въ симпатіи къ себѣ цѣлые круги, враждовавшіе между собой, и друзей, готовыхъ разойтись. Грановскій и Бѣлинскій, вовсе не похожіе другъ на друга, принадлежали къ самымъ свѣтлымъ и замѣчательнымъ личностямъ нашего круга.

Къ концу тяжелой эпохи, изъ которой Россія выходитъ теперь,—когда все было прибито къ землѣ, литература была пріостановлена, цензура вымарывала басни Крылова, въ то время, встрѣчая Грановскаго на каѳедрѣ, становилось легче на душѣ. „Не все еще погибло, если онъ продолжаетъ свою рѣчь“, думалъ каждый и свободнѣе дышалъ.

А вѣдь Грановскій не былъ ни боецъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительно нравственномъ вліяніи, въ безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ, глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его, дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказаться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть. Грановскій сумѣлъ въ мрачную годину гоненій сохранить не

только каѳедру, но и свой независимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полной преданностью страстнаго убѣжденія, стройно сочеталась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили.

Грановскій напоминаетъ мнѣ рядъ задумчиво покойныхъ проповѣдниковъ-революціонеровъ временъ реформаціи, не тѣхъ бурныхъ, грозныхъ, которые въ „гнѣвѣ своемъ чувствуютъ вполнѣ свою жизнь“, какъ Лютеръ, а тѣхъ ясныхъ, кроткихъ, которые такъ же просто надѣвали вѣнокъ славы на свою голову, какъ и терновый вѣнокъ. Они невозмущаемо тихи, идутъ твердымъ шагомъ, но не топаютъ; людей этихъ боятся судьи, имъ съ ними неловко; ихъ примирительная улыбка оставляетъ по себѣ угрызеніе совѣсти у палачей.

Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромно и пережило его; длинную, свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ. Я съ особеннымъ умиленіемъ смотрю на книги, посвященныя его памяти бывшими его студентами, на горячія, восторженныя строки объ немъ въ ихъ предисловіяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, на это юношески-прекрасное желаніе новый трудъ свой примкнуть къ дружеской тѣни, коснуться, начиная рѣчь, до его гроба, считать отъ него свою умственную генеалогію...

Въ концѣ 1843 года я печаталъ мои статьи о „Дилетантизмѣ въ наукѣ“; успѣхъ ихъ былъ для Грановскаго источникомъ дѣтской радости. Онъ ѣздилъ съ Отечественными Записками изъ дому въ домъ, самъ читалъ вслухъ, комментировалъ и серьезно сердился, если онѣ кому не нравились. Вслѣдъ затѣмъ пришлось и мнѣ видѣть успѣхъ Грановскаго, да и не такой. Я говорю о его первомъ публичномъ курсѣ средневѣковой исторіи Франціи и Англіи.

„Лекціи Грановскаго,—сказалъ мнѣ Чаадаевъ, выходя съ третьяго или четвертаго чтенія изъ аудиторіи, биткомъ набитой дамами и всѣмъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ,—имѣютъ историческое значеніе“. Я совершенно съ нимъ согласенъ. Грановскій сдѣлалъ изъ аудиторіи гостиную, мѣсто свиданья, встрѣчи—beau mond'а. Для этого онъ не нарядилъ исторіи въ кружева и блонды, совсѣмъ напротивъ, его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ. Смѣлость его сходила съ рукъ не отъ уступокъ, а отъ кротости выраженій, которая ему была такъ естественна, отъ отсутствія сентенцій à la française, ставящихъ огромныя точки на крошечныя і, въ родѣ нравоученій послѣ басни. Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говорилъ ими, такъ что мысль, несказанная имъ, но совершенно ясная, представлялась тѣмъ знакомѣе слушателю, что она казалась его собственной мыслью.

Заключеніе перваго курса было для него настоящей оваціей, вещью неслыханной въ московскомъ университетѣ. Когда онъ, оканчивая, глубоко тронутый, благодарилъ публику,—все вскочило въ какомъ-то опьянѣніи, дамы махали платками, другіе бросились къ каѳедрѣ, жали ему руки, требовали его портрета. Я самъ видѣлъ молодыхъ людей съ раскраснѣвшимися щеками, кричавшихъ сквозь слезы: „браво! браво!“ Выйти не было возможности; Грановскій, блѣдный какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ, въ аудиторіи они предоставили шумѣть го-

стямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта, и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукой пощады и, изнемогая отъ волненія, взошелъ въ правленіе. Тамъ бросился я ему на шею и мы молча заплакали. . . . .

... Такія слезы текли по моимъ щекамъ, когда герой Чичероваккіо въ Колизеѣ, освѣщенномъ послѣдними лучами заходящаго солнца, отдавалъ возставшему и вооружившемуся народу римскому отрока-сына, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ они оба пали разстрѣлянные безъ суда военными палачами.

Да, это были дорогія слезы, однѣми я вѣрилъ въ Россію, другими въ революцію!

Гдѣ революція? Гдѣ Грановскій? Тамъ, гдѣ и отрокъ съ черными кудрями и широкоплечій Popolano и другіе, близкіе намъ. Осталась еще вѣра въ Россію. Неужели и отъ нея придется отвыкать?

И зачѣмъ тупая случайность унесла Грановскаго, этого благороднаго дѣятеля, этого глубоко настрадавшагося человѣка въ самомъ началѣ какого-то другого времени для Россіи, еще неяснаго, но все-таки другого; зачѣмъ не дала она ему подышать новымъ воздухомъ, которымъ повѣяло у насъ!

Грубо поразила меня вѣсть о его смерти...

Мало было у насъ сношеній въ послѣднее время, но мнѣ нужно было знать, что тамъ, вдали, на нашей родинѣ живетъ этотъ человѣкъ!

Безъ него стало пусто въ Москвѣ, еще связь порвалась!.. Удастся ли мнѣ когда-нибудь, одному, вдали отъ всѣхъ посѣтить его могилу, она скрыла тамъ много силъ, будущаго, думъ, любви, жизни,—какъ другая, не совсѣмъ чуждая ему могила, на которой я былъ!

Грановскій не былъ гонимъ. Онъ умеръ, окруженный любовью новаго поколѣнія, сочувствіемъ всей образованной Россіи, признаніемъ своихъ враговъ.

Но тѣмъ не менѣе я удерживаю мое выраженіе, да, онъ много страдалъ. Не однѣ желѣзныя цѣпи перетираютъ жизнь; Чаадаевъ въ единственномъ письмѣ, которое онъ мнѣ писалъ за-границу (20 іюля 1851), говоритъ о томъ, что онъ гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу,—„не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ и которое по этому самому пагубнѣе перваго".

Передо мною лежатъ три-четыре письма, которыя я получилъ отъ Грановскаго въ послѣдніе годы; какая разъѣдающая, мертвящая грусть въ каждой строкѣ!

„Положеніе наше, пишетъ онъ въ 1850 году, становится нестерпимѣе день отъ дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничились слѣдующими уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ больше 300 студентовъ. Въ московскомъ 1.400 человѣкъ студентовъ, стало быть, надобно выпустить 1.200, чтобъ имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ та же участь, напр., лицею. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя

программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы.

... „Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему вовремя. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее.

„Я рѣшился не идти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать, пусть выгонятъ сами.

„Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде (т.-е. при мнѣ) и чѣмъ стали теперь. Вино пьемъ по старой памяти, но веселья въ сердцѣ нѣтъ; только при воспоминаніи о тебѣ молодѣетъ душа. Лучшая, отраднѣйшая мечта моя въ настоящее время еще разъ увидѣть тебя,—да и она, кажется, не сбудется".

Одно изъ послѣднихъ писемъ онъ заключаетъ такъ: „Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Гдѣ противодѣйствіе? Тяжело, братъ,— а выхода нѣтъ живому".

Грановскій былъ не одинъ, а въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, возвратившихся изъ Германіи во время нашей ссылки. Они сильно двинули впередъ московскій университетъ; исторія ихъ не забудетъ. Люди добросовѣстной учености, ученики Гегеля, Ганса, Риттера и др., они слушали ихъ именно въ то время, когда остовъ діалектики сталъ обростать мясомъ, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Гансъ приходилъ на лекцію не съ древнимъ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ номеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ настроеніемъ пробовали тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности, это было невозможно, но привело факты къ болѣе свѣтлому сознанію.

Наши профессора привезли съ собою эти завѣтныя мечты, горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности и каѳедры для нихъ были святыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторію не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи.

И гдѣ вся эта плеяда молодыхъ доцентовъ, начиная съ лучшаго изъ нихъ, съ Грановскаго? Милый, блестящій, умный, ученый Крюковъ умеръ лѣтъ 35 отъ роду. Эллинистъ Печеринъ побился, побился въ страшной русской жизни, не вытерпѣлъ и ушелъ безъ цѣли, безъ средствъ, надломленный и больной въ чужіе края, скитался безпріютнымъ сиротой, сдѣлался іезуитскимъ священникомъ и жжетъ протестантскія библіи въ Ирландіи. Рѣдкинъ постригся въ гражданскіе монахи, служитъ себѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и пишетъ боговдохновенныя статьи съ текстами. Крыловъ,—но довольно.—La toile! La toile!

37. Итоги Николаевской эпохи.

Записки С. М. Соловьева [1]).

По воцареніи Николая, просвѣщеніе перестало быть заслугою, стало преступленіемъ въ глазахъ правительства; университеты подверглись опалѣ; Россія предана была въ жертву преторіанцамъ; военный человѣкъ, какъ палка, какъ привыкшій не разсуждать, но исполнять и способный пріучить другихъ къ исполненію безъ разсужденій, считался лучшимъ.

[1]) *Вѣстникъ Европы, 1907 г., май.*

самымъ способнымъ начальникомъ вездѣ; имѣлъ ли онъ какія-нибудь способности, знанія, опытность въ дѣлахъ—на это не обращалось никакого вниманія. Фрунтовики возсѣли на всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, и съ ними воцарилось невѣжество, произволъ, грабительство, всевозможные безпорядки. Смотръ сталъ цѣлью общественной и государственной жизни.. Все потянулось на показъ, во внѣшность, а внутреннее развитіе остановилось. Начальники выставляли Россію передъ Императоромъ на смотръ на большихъ дорогахъ—и здѣсь было все хорошо, все въ порядкѣ; а что было дальше, туда никто не заглядывалъ, тамъ былъ черный дворъ. Учебныя заведенія также смотрѣлись, все было чисто, вылощено, опрятно, воспитанники стояли по росту и дружно кричали: „Здравія желаемъ, В. И. В.!" Больше ничего не спрашивалось. Терпѣлись эти заведенія, скрѣпя сердце, для формы, на показъ, чтобы-де иностранцы видѣли, что и у насъ есть училища, что и мы—народъ образованный.

Впрочемъ, до послѣдняго времени, до 1848 года, явнаго гоненія на просвѣщеніе не было. Тяжелая рука лежала на немъ, враждебное начало проводилось въ системѣ государственнаго управленія, всѣ чувствовали, понимали, что Государь до просвѣщенія не охотникъ, но онъ ограничивался еще только отрицательными дѣйствіями. Николай Павловичъ даже покровительство изволилъ оказывать просвѣщенію: но какою цѣною было куплено это покровительство! Министръ Уваровъ имѣлъ способность увѣрять его, что воспитывается новое поколѣніе монархически-мыслящихъ людей, которые посредствомъ науки доходятъ до убѣжденія въ необходимости и превосходствѣ порядка вещей, желаемаго Его Величествомъ; что великое царствованіе Его служитъ новою эпохою въ исторіи человѣческаго и русскаго просвѣщенія, въ основаніе котораго легли православіе, самодержавіе и народность. Лесть ловкаго, умнаго слуги нравилась барину: отчего же къ славѣ великаго законодателя, политика, правителя не присоединить и славу покровителя просвѣщенія, просвѣщенія истиннаго, могущаго упрочить спокойствіе народа! И вотъ слуга ловкою лестью вымanивалъ отъ времени до времени разныя льготы и хорошія вещи,—какъ, напр., археографическую коммиссію. Къ этому же времени принадлежитъ и попечительство Строганова въ московскомъ округѣ съ сильнымъ развитіемъ серьезнаго, научнаго движенія. Но свистнулъ свистокъ на Западѣ, и декорація перемѣнилась на Востокѣ: февральская революція отозвалась совсѣмъ печальнымъ образомъ на Россіи. Петербургское правительство перепугалось... Думали, что и у насъ сейчасъ же вспыхнетъ революція... Николай не сталъ скрывать своей ненависти къ профессорамъ, этимъ товарищамъ-соумышленникамъ членовъ французскаго собранія: „А эти—хорошо себя ведутъ?"—спрашивалъ онъ у харьковскаго попечителя, указывая на профессоровъ, при представленіи университета in corpore...

Время съ 48-го по 55-й годъ было похоже на первыя времена римской имперіи, когда безумные цезари, опираясь на преторіанцевъ и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое въ Римѣ. Начали прямо развращать молодыхъ людей, отвлекать ихъ отъ серьезныхъ занятій, внушать, чтобъ они поменьше думали, побольше развлекались, побольше наслаждались жизнью: такія внушенія дѣлались воспитанникамъ училища правовѣдѣнія; то же толковалось въ университетахъ. Принялись за литературу; начались цензурныя оргіи, разсказамъ о которыхъ не повѣрятъ не пережившіе это постыдное время... Цензуру отняли у профессоровъ и отдали въ руки шайки людей, занявшихся направленіемъ литературы изъ-за хорошаго жалованія, котораго они лишались, если пропускали что-

-нибудь, могущее быть заподозрѣно, и оставались покойны, если марали. И вотъ на судъ невѣжды поступаетъ книга или статья, въ которой онъ ничего не смыслитъ...

Все остановилось, заглохло, загнило.

Русское просвѣщеніе, которое еще надобно было продолжать возращать въ теплицахъ, вынесенное на морозъ, свернулось... Гимназіи упали; университеты упали вслѣдствіе паденія гимназій, ибо въ нихъ начали поступать вмѣсто студентовъ всѣ недоученные школьники, отученные въ гимназіяхъ отъ серьезнаго труда, стремящіеся хватать вершки и заноситься, ищущіе на профессорской лекціи легкаго развлеченія, а не умственной пищи, для переваренія которой нужно собственное большое усиліе. Такимъ образомъ, невѣжественное правительство, считая просвѣщеніе опаснымъ и сжимая его, испортило цѣлое поколѣніе, сдѣлало изъ него не покорныхъ слугъ себѣ, но вздорную толпу лѣнивцевъ, неспособныхъ къ серьезному, усиленному занятію ничѣмъ, совершенно неспособныхъ къ зиждительной дѣятельности и, слѣдовательно, способныхъ къ дѣятельности отрицательной, какъ самой легкой...

Въ это время [1]), когда подъ прикрытіемъ правительственнаго направленія черная Уваровская партія въ университетѣ торжествовала надъ Строгановскою, мы представляли гонимую церковь; но и въ этомъ печальномъ состояніи было не безъ утѣшеній. Мы всѣ, молодые профессора, опредѣлили сблизиться тѣсно, ничего не дѣлать безъ взаимнаго совѣта, собираться у каждаго поочереди на вечера и толковать. Кто же составлялъ это общество? Катковъ, я, Шестаковъ и пріѣхавшие изъ-за границы Кудрявцевъ, Леонтьевъ и Пеховскій; послѣ ужъ примкнулъ къ намъ Грановскій и еще нѣсколько молодыхъ. Грановскій не былъ отпущенъ министерствомъ въ отставку подъ предлогомъ, что еще не дослужилъ казеннаго срока, но Кавелинъ и Рѣдкинъ вышли...

Уваровъ, при всемъ своемъ лакействѣ, не могъ оставаться министромъ, при учащенныхъ ударахъ, наносимыхъ просвѣщенію, вышелъ въ отставку; министромъ былъ назначенъ товарищъ его князь Ширинскій-Шихматовъ... Человѣкъ ограниченный, безъ образованія, писатель. т. е. фразеръ, бездарный, Ширинскій славился своимъ благочестіемъ, набожностію... Ставши министромъ просвѣщенія, онъ началъ прежде всего дѣйствовать противъ духа невѣрія: для этого представилъ Императору о необходимости уничтожить каѳедру философіи въ университетахъ, поручивъ чтеніе логики и психологіи священникамъ-профессорамъ богословія, не позаботясь прежде о томъ, чтобъ эти профессора богословія были порядочные люди, могшіе прилично являться на каѳедрѣ передъ слушателями, съ научнымъ образованіемъ, съ даровитостью и теплотою, быть проповѣдниками Евангелія, а не диктовальщиками сухихъ параграфовъ такъ называемаго догматическаго и нравственнаго богословія. И вотъ этимъ то людямъ дали теперь еще читать философію. Нашъ бездарный, сухой, но умный и добросовѣстный Терновскій со слезами отмаливался отъ новой каѳедры, выставлялъ свою совершенную неприготовленность къ ней; ему выставили высочайшее повелѣніе, и старикъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію. Катковъ, такимъ образомъ, потерялъ каѳедру философіи...

---

[1]) Въ 1847 г., когда попечитель Строгановъ вышелъ въ отставку, а ректоромъ университета сталъ Перевощиковъ.

Дружескій кружокъ и молодость, еще полная надеждъ, помогли намъ пережить то тяжелое время. Что мы были отданы подъ надзоръ полиціи — это насъ не безпокоило и не мѣшало нашимъ дружескимъ собраніямъ. Грановскій, тѣснѣе сблизившійся съ нами вслѣдствіе отъѣзда Герцена за границу, естественно по своему значенію, какъ общій учитель, сталъ душою кружка; къ нашему же кружку примыкалъ человѣкъ, о которомъ нельзя не отозваться съ благодарностью за тѣ минуты чистаго, молодого и трезваго веселья, которыми онъ насъ дарилъ въ нашихъ собраніяхъ,—минуты драгоцѣнныя особенно потому, что дарились въ тяжелое, безотрадное время: то былъ Сергѣй Петровичъ Полуденскій, старше меня курсомъ по университету. Несмотря на свои связи, которыя могли бы доставить ему сильное служебное движеніе, онъ взялъ скромное мѣсто университетскаго библіотекаря; его тянуло къ высшимъ интересамъ, которыми жили лучшіе представители науки... Нашъ кружокъ расширялся, благодаря Грановскому, который дѣлалъ иногда обѣды, вечера и, приглашая насъ, приглашалъ и людей изъ другого своего кружка, который чувствительно опустѣлъ, лишившись Герцена; приглашались и молодые подростки, будущіе ученые дѣятели, профессора Бабстъ, Чичеринъ и другіе; виднѣе или собственно слышнѣе всѣхъ былъ Кетчеръ...

Такъ мы проживали самое тяжелое время конца Николаевскаго царствованія.

Бѣда, общій гнетъ, — сближаютъ людей, и это сближеніе, соединеніе силъ даютъ имъ возможность легче переносить горе. Литературный интересъ былъ силенъ. Несмотря на то, что мысль была въ опалѣ, скована цензурою, книжки журналовъ ожидались съ нетерпѣніемъ и прочитывались съ жадностью...

А между тѣмъ въ университетѣ произошли важныя перемѣны. На мѣсто Голохвастова, явившагося совершенно неспособнымъ къ управленію, вслѣдствіе своей медленности, нерѣшительности, привычки много говорить и не дѣлать, назначенъ былъ генералъ Назимовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Императора и еще большимъ — наслѣдника. Назимовъ былъ человѣкъ добрый, простой, необразованный, со всѣми привычками тогдашняго генерала: при первомъ удобномъ случаѣ любилъ нашумѣть, распечь подчиненнаго, но послѣдній не долженъ былъ этимъ оскорбляться, потому что его пр-ство, распекши, потомъ и обласкаетъ его. Самая дурная привычка въ немъ—это была привычка къ казнокрадству, которую оправдывали всегдашнею нуждою, бѣдностью. Но, несмотря на это, я, какъ всегда говорилъ, такъ и напишу, что назначеніе Назимова было благодѣяніемъ для университета въ то время гоненія. Его главное правило, общее генеральское правило, состояло въ томъ: „Будьте покойны, в. в., у меня все покойно и хорошо“. Его послали попечителемъ, чтобъ онъ по-военному скрутилъ университетъ, согнулъ въ бараній рогъ профессоровъ, этихъ злонамѣренныхъ либераловъ, бунтовщиковъ. Но вмѣсто бунтовщиковъ генералъ нашелъ людей очень скромныхъ, почтительныхъ, робкихъ. Генералъ изумился: „Все наврали,—сказалъ онъ,—никакого бунта нѣтъ въ университетѣ!“ Тщетно ему внушали, чтобъ онъ не смотрѣлъ на наружность, что эти тихони содержатъ въ себѣ скрытый ядъ, обманываютъ начальство. „Что же это такое,—отвѣчалъ Назимовъ на эти внушенія:—все подлецы да подлецы, гдѣ же честные-то люди?“ Наша судьба, судьба опальныхъ профессоровъ, быстро перемѣнилась къ лучшему при Назимовѣ. Новый попечитель искалъ въ университетѣ человѣка, котораго совѣтами могъ бы пользоваться въ совершенно новой для него

сферѣ... Такого онъ нашелъ въ инспекторѣ студентовъ изъ моряковъ, Ив. Абр. Шпейерѣ, человѣкѣ очень ловкомъ, готовомъ служить доброму начальнику, даже на счетъ казеннаго имущества, особенно во время построекъ, къ которымъ Шпейеръ былъ большой охотникъ, почему и носилъ названіе „Ивана Строителя“...

Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ Ширинскій явился въ Москву и прежде всего, разумѣется, сталъ осматривать университетъ, ходить по лекціямъ. Пришелъ ко мнѣ; лекція была первая въ курсѣ; я говорилъ объ источникахъ русской исторіи, о лѣтописи, утверждалъ ея достовѣрность, опровергалъ скептиковъ, но закончилъ тѣмъ, что она дошла до насъ въ формѣ сборника, причемъ первоначальный текстъ, приписываемый Нестору, возстановить трудно. Что же? на другой день Ширинскій призываетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ самый начальническій выговоръ за мое скептическое направленіе, что я слѣдую Каченовскому: „Правительство этого не хочетъ! правительство этого не хочетъ!“ — кричалъ разъяренный татаринъ, не слушая никакихъ объясненій съ моей стороны. Погодинъ могъ радоваться выговору, полученному мною отъ министра; но радовался не долго: тотъ же Ширинскій выхлопоталъ высочайшее повелѣніе не подвергать критикѣ лѣтописнаго извѣстія о смерти Димитрія-царевича, — слѣдовательно, волею-неволею нужно было утверждать, что Димитрій убитъ Годуновымъ; точно также запрещено было подвергать критикѣ вопросъ о годѣ основанія русскаго государства, ибо-де 862 годъ назначенъ преподобнымъ Несторомъ; запрещено произносить греческія слова по Эразму, ибо новогреческое произношеніе утверждено православною церковью введеніемъ въ духовныя училища. Понятно, какъ должна была вести себя цензура, подчиненная такому министру...

Я уже упоминалъ объ уничтоженіи философскихъ каѳедръ Ширинскимъ. Катковъ остался безъ каѳедры; ему слѣдовало получить каѳедру педагогіи; но въ это время подбился къ Назимову Шевыревъ и получилъ сильное вліяніе, какъ преподаватель христіанскій. Въ это время Шевыревъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на мѣсто Давыдова, переведеннаго Уваровымъ еще въ директоры педагогическаго института. Шевыреву вздумалось, что педагогія должна быть главнымъ руководящимъ предметомъ въ факультетѣ, и потому ее нельзя отдать какому-нибудь Каткову, надобно взять себѣ. Онъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Назимова, тотъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Ширинскаго, и каѳедра педагогіи отдана была Шевыреву, который оставилъ за собою и каѳедру словесности, самъ получилъ двѣ каѳедры, а Катковъ остался безъ мѣста.

Эта продѣлка Шевырева возбудила къ нему страшную ненависть въ нашемъ кружкѣ, и когда подошли деканскіе выборы, то Шевыревъ былъ забаллотированъ, и въ деканы выбранъ Грановскій. Но Шевыревъ не хотѣлъ снести такого пораженія, и Назимовъ съ Ширинскимъ рѣшили, что Грановскій — человѣкъ подозрительный, либералъ извѣстный, и потому не можетъ быть деканомъ, вслѣдствіе чего наши выборы были кассированы, и Шевыревъ былъ назначенъ отъ министра деканомъ. Ненависть къ казенному декану стала еще сильнѣе.

Надвигалась страшная туча надъ Николаемъ и его дѣломъ, туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилѣтнюю ложь, тридцатилѣтнее давленіе всего живого, духовнаго, подавленіе народныхъ силъ, превращеніе русскихъ людей въ полки, за полную остановку именно

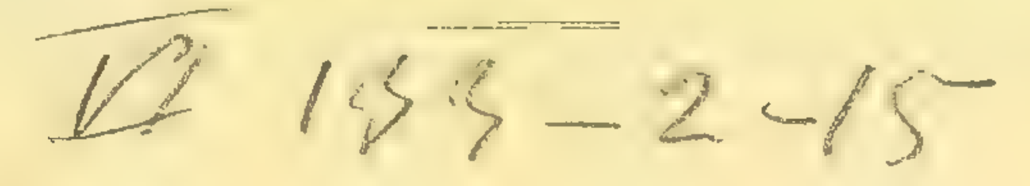
того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало приготовила наша исторія,—именно самостоятельности и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ самый геніальный и благонамѣренный остается безполезнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній...

Въ то самое время, какъ сталъ грохотать громъ надъ головою новаго Навуходоносора, когда Россія стала терпѣть непривычный позоръ военныхъ неудачъ, когда враги явились подъ Севастополемъ, мы находились въ тяжкомъ положеніи: съ одной стороны, наше патріотическое чувство было страшно оскорблено униженіемъ Россіи; съ другой, мы были убѣждены, что только бѣдствіе, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворотъ, остановить дальнѣйшее гніеніе; мы были убѣждены, что успѣхъ войны затянулъ бы еще крѣпче наши узы, окончательно утвердилъ бы казарменную систему; мы терзались извѣстіями о неудачахъ, зная, что извѣстія противоположныя приводили бы насъ въ трепетъ...

Я находилъ отвлеченіе отъ тяжелыхъ думъ въ трудахъ надъ пятымъ томомъ „Исторіи Россіи“; были и другія занятія. Университетъ готовился праздновать столѣтній юбилей 12-го января 1855 года... Я долженъ былъ написать рѣчь на актъ о Шуваловѣ. Самодержецъ, умягченный бѣдою, явился благосклоннымъ къ университету, причемъ не безъ вліянія былъ благодушный новый министръ просвѣщенія, Норовъ. Человѣкъ, потерявшій ногу при Бородинѣ, являлся безпристрастнымъ и правдивымъ оцѣнщикомъ благонамѣренности русскихъ ученыхъ, болѣе безпристрастнымъ и правдивымъ, чѣмъ блестящій ученый и потому подозрительный Уваровъ и трепещущій подъячій Ширинскій. Норову удалось выхлопотать позволеніе представлять Императору лучшія произведенія русскихъ ученыхъ и литераторовъ; моя „Исторія Россіи“ была представлена, вслѣдствіе чего я удостоился получить монаршее благоволеніе осенью 1854 года.

Смягченіе Николая и вліяніе Норова высказались и на самомъ юбилеѣ въ ласковомъ рескриптѣ, въ очень щедрыхъ по тому времени наградахъ; Норовъ сдѣлалъ такъ, что получили награды только выдающіеся по своимъ способностямъ и учено-литературнымъ заслугамъ профессора; Грановскій и я получили орденъ Анны 2-й степени, но потомъ Назимовъ, уже послѣ юбилея, представилъ гуртомъ почти всѣхъ ординарныхъ профессоровъ къ той же наградѣ хвастался своимъ подвигомъ: „Когда это бывало въ университетахъ, чтобъ ордена профессорамъ ящиками возили?“ — не думая по своей простотѣ, что значеніе отличія уронено.

Моя рѣчь о Шуваловѣ не была произнесена на актѣ. Шевыревъ истомилъ публику своею рѣчью, очень длинною... Послѣ, когда рѣчь была напечатана, я былъ изумленъ отзывами, что она производитъ сильное впечатлѣніе своею смѣлостью и либеральностью. Я нарочно привожу это для того, чтобы читатели поняли, что въ Николаевское время считалось смѣлымъ и либеральнымъ. Самаринъ, пресловутый либералъ и страдалецъ за смѣлость, встрѣтивъ меня гдѣ-то, поздравилъ съ успѣхомъ моей рѣчи между либералами и объявилъ, что самъ Чаадаевъ такъ восхитился ею, что переводитъ ее на французскій языкъ. Но переводъ не былъ оконченъ, и впечатлѣніе моей рѣчи исчезло: раздался свистокъ судьбы, декораціи перемѣнены, и я изъ либерала, нисколько не мѣняясь, сталъ консерваторомъ...

ГОТОВИТСЯ къ ПЕЧАТИ

того же автора:

Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ.

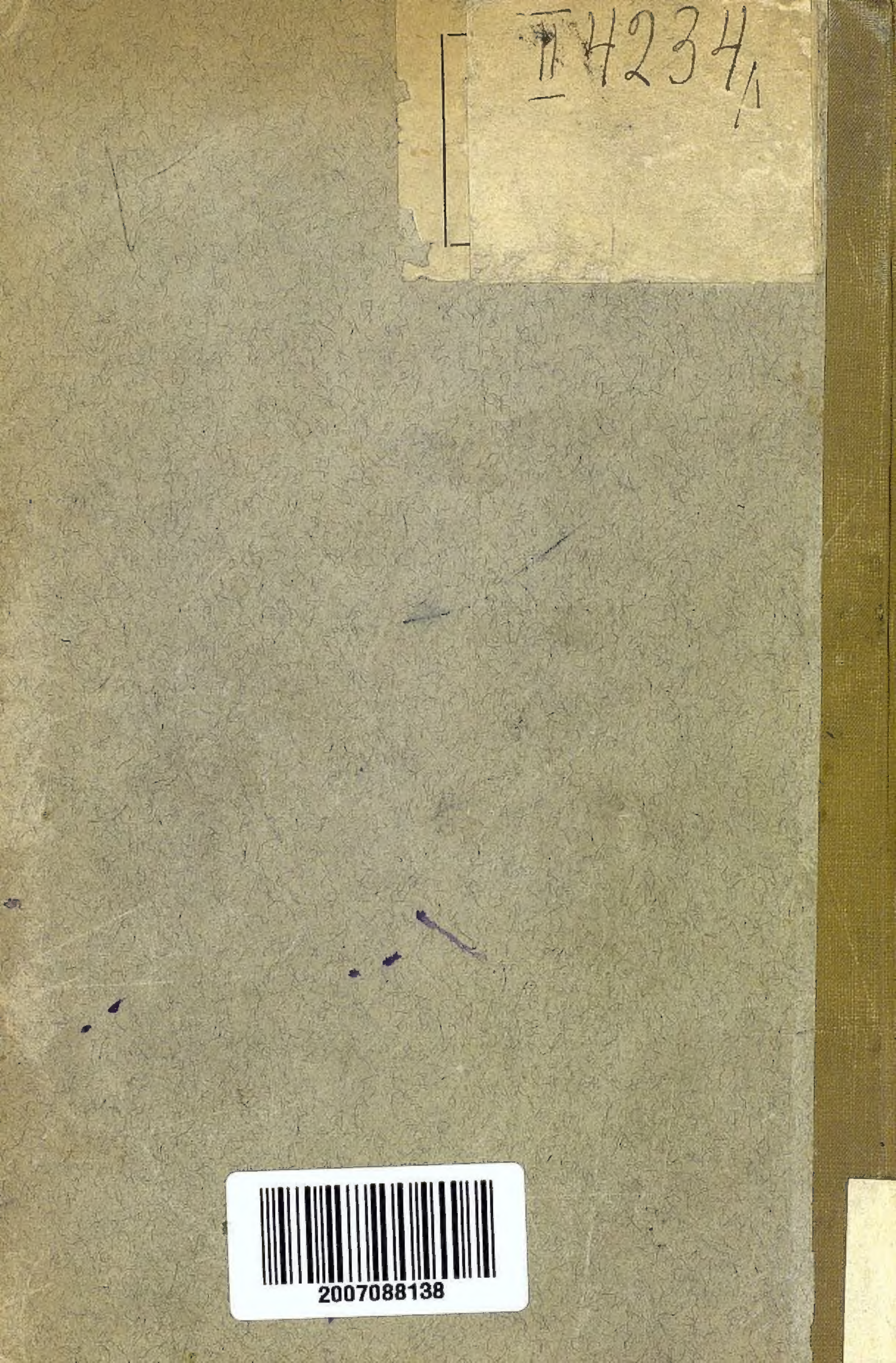
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Университеты во вторую половину XIX вѣка.

(1855—1905 гг.).

СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНІЯ

Пирогова, Никитенко, Спасовича, Кавелина, Соловьева, Модестова, Костомарова, Пыпина, Андреевскаго, Кирпичникова, Романовичъ-Славатинскаго, Пантелѣева, Кони, Сѣченова, Гольцева, Ключевскаго, Кн. Трубецкого, Аптекмана, Стороженко, Виноградова, Нечаева, Янжула, Кизеветтера и др.

2007088138